

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КАЗАКИ И ГОРЦЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием*

г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.

Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов

Ростов-на-Дону
2014

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

К14

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного
макрорегиона в условиях роста напряженности»

Редакционная коллегия:

академик *Г.Г. Матишов* (отв. редактор),

д.и.н. *А.В. Венков*, д.и.н. *Е.Ф. Кринко* (зам. отв. редактора),

д.и.н. *Т.П. Хлынина*, к.г.н. *Е.Э. Кириллова*, *Т.Г. Курбат*

К14 Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 338 с. – ISBN 978-5-4358-0091-3.

В материалах сборника рассматривается участие казаков и горцев в Первой мировой войне. Значительное место уделено новым подходам в изучении войны, ее отражению в исторической памяти. Раскрываются проведение мобилизации на юге России, участие казаков и горцев в боевых действиях в 1914–1917 гг., влияние войны на социальную и культурную динамику казачьих и горских сообществ, а также вопросы повседневности и массового сознания в условиях военного времени.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0091-3

© ЮНЦ РАН, 2014

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2014

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH
AND HUMANITIES

THE COSSACKS AND HIGHLANDERS DURING THE FIRST WORLD WAR

*Proceedings of the All-Russian Scientific Conference
with International Attendees*

Rostov-on-Don, 18–19 September 2014

Managing Editor Academician RAS G.G. Matishov

Rostov-on-Don
2014

UDK 94(47).07/.08(470.6)(063)

M39

The Programme of Basic Research of the RAS Presidium “The Basic Problems of Poly-Ethnic Macro-Region Modernization under the Conditions of Tension Growth”

Editorial Board:

Academician RAS **G.G. Matishov** (Managing Editor),

Dr. (History) **A.V. Venkov**,

Dr. (History) **E.F. Krinko** (Deputy Managing Editor),

Dr. (History) **T.P. Khlynina**, PhD **E.E. Kirillova**, **T.G. Kurbat**

Matishov, G.G. (Ed.) (2014) The Cossacks and Highlanders during the
M39 **First World War:** Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Attendees (Rostov-on-Don, 18–19 September 2014). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 338 p. (In Russian). ISBN 978-5-4358-0091-3.

The proceedings consider the information and data on the participation of the Cossacks and highlanders in the First World War. Considerable attention is paid to novel approaches to the studies of war, its reflection in historical memory. Thoroughly considered and revealed are mobilization in the South of Russia, participation of the Cossacks and highlanders in combat operations of 1914–1917, the impact of the war on social and cultural dynamics of the Cossack and highlander communities, as well as issues of everyday life and mass consciousness under the conditions of war-time.

The publication is intended for researchers, university teachers, postgraduate and undergraduate students, as well as readers interested in the subject.

UDK 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0091-3

© SSC RAS (2014)

© ISERH SSC RAS (2014)

СОДЕРЖАНИЕ

Академик Матишов Г.Г. Казачи и горцы в боях за Отечество (1914–1917).....	13
--	----

Раздел 1
НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Современные подходы и информационные ресурсы в изучении Первой мировой войны.	18
Щербинин П.П. Общественное сознание в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: методология исследований.	26
Венков А.В. Сравнение боевой эффективности горцев и казаков во время Первой мировой войны: методика расчетов.	31
Чумакова З.А. Создание просопографической базы данных «Дон в Первой мировой войне 1914–1918 гг.»: выбор источников и методика ввода.	35
Лукьяшко Е.П. Документы Государственного архива Ростовской области о Первой мировой войне.	41
Громов В.П. Участие кубанских казаков в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (в трудах казака-эмигранта А.К. Ленинова).	46
Власкина Н.А. Дневник германской войны: из материалов этнолингвистической экспедиции ЮФУ – ЮНЦ РАН.	51
Морозова О.М. Письма с фронта. 1914–1917 гг. (по материалам личного фонда В.А. Ажинова)	58
Кондрашева А.С., Трофимова М.А. Историческая память о Первой мировой войне в России.	64
Белецкая Е.М. Первая мировая война в песенном фольклоре казаков.	70
Чуцков В.И. Отражение участия казаков в Первой мировой войне в песенных образах.	77
Киселев И.В. Проблемы применения информационных технологий в создании карт военной истории Кубани.	80

Курбат Т.Г., Стреляев И.Ю. Военно-исторический фестиваль «Времена и эпохи» как современный способ презентации представлений о Первой мировой войне	87
Кудряков А.Ю. Неизвестные памятники Великой войны на Дону	92
Власкина Т.Ю., Московец Ю.В. Конструирование образа истории средствами музейной экспозиции: Первая мировая война в собрании Музея казачества, этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН	96

Раздел 2
УЧАСТИЕ КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ
В 1914–1918 гг.

Трут В.П. Казачество России в Первой мировой войне: масштабы мобилизации и количество сформированных частей и подразделений.	103
Безугольный А.Ю. Горцы Северного Кавказа как ресурс для пополнения войск русской армии в годы Первой мировой войны	110
Рыжкова Н.В. «За веру, Отечество и други своя...»	117
Ратушняк О.В. Участие кубанцев в Первой мировой войне	123
Мамсиров Х.Б. Феномен Кавказской туземной конной дивизии в российской армии в период Первой мировой войны	126
Опрышко О.Л. Кабардинский конный полк в Первой мировой войне 1914–1918 гг.	133
Урушадзе А.Т. Мобилизация на Дону в период Первой мировой войны	140
Максимов К.Н. Калмыки-казаки в составе донских военных частей в Первой мировой войне 1914–1915 гг.	147
Белоусов С.С. Мобилизации калмыцкого населения на тыловые работы в годы Первой мировой войны	154
Трошина Т.И. Горцы на Европейском Севере России в годы «длинной войны» 1914–1920 гг.	160
Афанасенко В.И. Теория и практика артиллерийского наступления в Брусиловском прорыве (июнь 1916 г.)	165
Манукян С.А. Эрзинджанский полк на Кавказском фронте (1918 г.)	171

Санин Д.Н. Казачи станицы Егорлыкской в Первой мировой войне: воспоминания, фотографии и другие источники.	178
Роменский А.Ф. Жители села Куйбышево – участники Первой мировой войны.	183
Батчаев Ш.М. К 120-летию Георгиевского кавалера Д.К. Байрамукова (1894–1922)	187

Раздел 3
ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ДИНАМИКУ
КАЗАЧЬИХ И ГОРСКИХ СООБЩЕСТВ

Беспалов С.В. Социально-экономическое развитие имперской России в годы Первой мировой войны: современная историография.	193
Бугаев А.М. Северный Кавказ в годы Первой мировой войны: территория, население, экономика	201
Невская Т.А., Корчагина Т.В. Влияние Первой мировой войны на экономику и социальные отношения на Северном Кавказе	207
Деордиева А.Н. Деятельность Ростовского военно-промышленного комитета по оказанию помощи фронту в годы Первой мировой войны	214
Мальцев В.Н. Кубанский военно-промышленный комитет: образование и деятельность	219
Суций С.Я. Становление высшей школы юга России в условиях Первой мировой войны.	224
Монтеро З.А. Развитие высшего образования на Дону в годы Первой мировой войны	231
Чочиев Г.В. Кавказская политика Османской империи и черкесская диаспора в период Первой мировой войны.	236
Корниенко Т.А. Криминогенная ситуация в годы Первой мировой войны (на материалах Северного Кавказа 1914–1917 гг.)	243
Кислицын С.А. Мировая империалистическая война как исключительное условие и предпосылка революции и Гражданской войны в России	250
Тикиджьян Р.Г. Революционно-демократические настроения и выступления в среде донского казачества накануне и в период Первой мировой войны.	253
Чеботарев А.Н. Демобилизация донских частей и возвращение их на Дон (декабрь 1917 – январь 1918 гг.).	260

Раздел 4
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Сенявская Е.С. «...Главный враг не турки и курды, а природа»: повседневность Кавказского фронта в Первую мировую войну глазами офицеров Русской армии	266
Оганнисян М.С. Закавказье в годы Первой мировой войны глазами русского очевидца	274
Акоева Н.Б. Трансформация традиционных ценностей в среде служилого казачества в годы Первой мировой войны	278
Скорик А.П. Повседневность казачьих воинских формирований в годы Великой войны 1914–1917 гг. (на примере 36-го Донского казачьего полка)	284
Кожевин В.Л. К истории одного «сражения» на Русском фронте Первой мировой	291
Смеюха В.В. Роль женщины в Первой мировой войне (по материалам ростовской прессы 1914–1916 гг.)	295
Сивков С.М. Положение военнопленных Первой мировой войны в казачьих областях России (на материалах Кубанской области)	301
Култышев П.Г. Атмосфера тыловой жизни на фоне Первой мировой войны в сознании солдат и офицеров Русской армии в 1914–1917 гг.	307
Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Российская тыловая провинция накануне и в годы Первой мировой войны (по материалам Коми края): социально-политические и социально-экономические процессы	313
Нагаева Г.А. Трансформация повседневной жизни г. Новороссийска в годы Первой мировой войны	320
Дьякова Е.В. Отражение в местных газетах благотворительности харьковцев в годы Первой мировой войны	325
Судоргин Н.Г. Фотография как источник сведений о повседневности кануна Первой мировой войны: ученики Новочеркасской мужской гимназии в летней поездке на северо-запад Российской империи	331
Сведения об авторах	334

CONTENTS

Academician RAS **Matishov, G.G.**
The Cossacks and highlanders in combats for the Fatherland (1914–1917). 13

Section 1

NOVEL APPROACHES TO THE STUDIES OF THE FIRST WORLD WAR AND ITS REFLECTION IN HISTORICAL MEMORY

Krinko, E.F., Khlynina, T.P. Current approaches and informational resources in the studies of the First World War	18
Shcherbinin, P.P. Public consciousness during the First World War of 1914–1918: the methodology of studies	26
Venkov, A.V. Comparison of military effectiveness of highlanders and Cossacks during the First World War: calculation methods	31
Chumakova, Z.A. Development of prosopographical database «The Don Region in the First World War of 1914–1918»: the selection of sources and the methods of data entry	35
Luk'yashko, E.P. The documents of the State Archives of Rostov Region on the First World War.	41
Gromov, V.P. Participation of the Kuban Cossacks in the First World War of 1914–1918 (in the works by a Cossack – emigre A.K. Lenivov).	46
Vlaskina, N.A. A diary of the German war: from the materials of the SFU – SSC RAS ethno-linguistic expedition	51
Morozova, O.M. The letters from the front-line: 1914–1917 (based on materials from the V.A. Azhinov private records)	58
Kondrasheva, A.S., Trofimova, M.A. Historical memory of the First World War in Russia.	64
Beletskaya, E.M. The First World War in the song folklore of the Cossacks	70
Chutskov, V.I. Reflection of participation of the Cossacks in the First World War in the song images.	77
Kiselev, I.V. The problems of information technologies' application when making the maps of the Kuban Region war history	80

Kurbat, T.G., Strelyaev, I.Yu. The Times and the Epochs Military-Historical Festival as a modern way of presenting the notions of the First World War	87
Kudryakov, A.Yu. Unknown monuments of the Great War in the Don Region	92
Vlaskina, T.Yu., Moskovets, Yu.V. Construction of the image of history by means of museum display: exhibits on the First World War in the collection of the SSC RAS Museum of the Cossacks, Ethnography, and Culture of the Sea of Azov Region.	96

Section 2
PARTICIPATION OF THE COSSACKS AND HIGHLANDERS
IN COMBAT OPERATIONS OF 1914–1918

Troot, V.P. The Cossacks of Russia in the First World War: large-scale mobilizations and a number of formed units and subunits.	103
Bezugol'nyi, A.Yu. Highlanders of the Northern Caucasus as resources to replenish the troops of the Russian Army during the First World War.	110
Ryzhkova, N.V. «To the Faith, the Fatherland, and the comrades of mine...»	117
Ratushnyak, O.V. Participation of the Kuban Cossacks in the First World War	123
Mamsirov, Kh.B. A phenomenon of the Caucasian Native Mounted Division in the Russian Army during the First World War	126
Opryshko, O.L. The Kabardian Mounted Regiment in the First World War in 1914–1918.	133
Urushadze, A.T. Mobilization in the Don Region during the First World War.	140
Maksimov, K.N. The Kalmyk Cossacks in the composition of the Don military units in the First World War in 1914–1915.	147
Belousov, S.S. Mobilization of the Kalmyk population for the rear works during the First World War	154
Troshina, T.I. Highlanders in the European North of Russia during the years of the Long War of 1914–1920	160
Afanasenko, V.I. Theory and practice of artillery barrage and advance of the Brusilov Offensive (June 1916).	165
Manukyan, S.A. The Erzincan Regiment at the Caucasus Front (1918).	171

Sanin, D.N. The Cossack of the stanitsa of Egorlykская in the First World War: reminiscences, photographs, and other sources	178
Romenskiy, A.F. The dwellers of the village of Kuibyshevo – participants of the First World War	183
Batchaev, Sh.M. On 120-year anniversary of the Cross of St. George Cavalier D.K. Bairamukov (1894–1922)	187

Section 3
THE IMPACT OF WAR ON SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS
OF THE COSSACK AND HIGHLANDER COMMUNITIES

Bespalov, S.V. Social-economic development of the Imperial Russia during the First World War: contemporary historiography	193
Bugaev, A.M. The Northern Caucasus during the First World War: territory, population, economy	201
Nevskaya, T.A., Korchagina, T.V. The influence of the First World War on the economy and social relations in the Northern Caucasus	207
Deordieva, A.N. Activity of Rostov Military-Industrial Committee to support the front during the First World War	214
Mal'tsev, V.N. The Kuban Military-Industrial Committee: establishment and activity	219
Sushchiy, S.Ya. The formation of higher education of the South of Russia under the conditions of the First World War	224
Montero, Z.A. The development of higher education in the Don Region during the First World War	231
Chochiev, G.V. The Caucasus policy of the Ottoman Empire and the Circassian Diaspora during the First World War	236
Kornienko, T.A. Criminogenic situation during the First World War (based on the Northern Caucasus materials of 1914–1917)	243
Kislitsyn, S.A. The World Imperial War as an exceptional condition and prerequisite of revolution and the Civil War in Russia	250
Tikidzh'yan, R.G. Revolutionary-democratic moods and actions among the Don Cossacks on the eve and during the First World War	253

Chebotarev, A.N. Demobilization of the Don units and their return to the Don Region (December 1917 – January 1918)	260
---	-----

Section 4
EVERYDAY LIFE AND MASS CONSCIOUSNESS
UNDER THE CONDITIONS OF WAR-TIME

Senyavskaya, E.S. «... The nature, not the Turks nor the Kurds, is the main enemy»: everyday life of the Caucasus Front during the First World War as seen by the officers of the Russian Army. . .	266
Ogannisyan, M.S. The Southern Caucasus during the First World War as seen by a Russian eyewitness.	274
Akoeva, N.B. Transformation of traditional values among the serving Cossacks during the First World War	278
Skorik, A.P. The everyday life of the Cossack military units during the Great War of 1914–1917 (the 36 th Don Cossack Regiment being exemplified)	284
Kozhevin, V.L. On the history of one «battle» at the Russian Front of the First World War.	291
Smeyukha, V.V. The role of women in the First World War (according to the materials of Rostov press of 1914–1916)	295
Sivkov, S.M. The condition of the prisoners of war in the Cossack regions of Russia during the First World War (based on the Kuban Region materials)	301
Kultyshev, P.G. The atmosphere of life in the rear with the First World War in the background in the consciousness of soldiers and officers of the Russian Army in 1914–1917	307
Taskaev, M.V., Zherebtsov, I.L. A Russian rear province on the eve and during the First World War (based on the Komi Region materials): social-political and social-economic processes	313
Nagaeva, G.A. Transformation of everyday life of Novorossiysk during the First World War.	320
D'yakova, E.V. The reflection of charitable activities of the dwellers of Kharkov during the First World War in the local newspapers	325
Sudorgin, N.G. A photograph as a source of information about everyday life on the eve of the First World War: the pupils of Novocherkassk grammar school for boys on a summer trip to the Northwest of the Russian Empire	331
Information about the Authors	334

Академик Г.Г. Матишов

Казачьи и горцы в боях за Отечество (1914–1917)

Первую мировую войну в свое время называли «Второй Отечественной» и «германской». Затем переименовали в «империалистическую», а позже и вовсе забыли. Для многих молодых россиян она и сегодня остается «неизвестной» войной. Между тем, это была последняя война Российской империи, в ходе которой в полной мере проявилась выдающаяся роль иррегулярной конницы. Речь идет, в первую очередь, о казаках, особенно о Донском казачьем войске.

Сообщество донских казаков до революции 1917 г. было самым многочисленным и богатым среди казачьих войск Российской империи. До прихода советской власти казачье сословие Дона исчислялось более чем 1,5 млн чел. Всего же к началу XX в. в Российской империи насчитывалось 11 казачьих войск общей численностью около 3 млн чел. Слава и доблесть казаков за столетия выкованы в череде многочисленных войн и сражений с врагами Отечества, в ходе которых они не раз демонстрировали высокий боевой дух, строжайшую воинскую дисциплину и самоотверженность. Казачьи сотни могли противостоять целым полкам неприятеля, обладали непревзойденными навыками ведения разведки. Врагов впечатляли способности казаков к самоорганизации на поле боя, искусство преследования отступающего противника. Остановить атакующих лавой казаков было практически невозможно. Если их атака удавалась, то возвращения начавших преследовать врага казаков ожидать стоило не раньше, чем к исходу следующего дня.

Активное участие приняли казаки и в Первой мировой войне. К началу XX в. организация и боевая подготовка казачьих полков уже ничем не отличались от армейской кавалерии. На фронт казаки выступили на пике своей боеспособности. В 1914 г. Россия обладала самой многочисленной в мире конницей. В военное время она могла выставить до 1,5 тыс. эскадронов и сотен. Казачьи части и соединения составляли ядро русской кавалерии, 2/3 ее состава. В пер-

вый же год войны казаки России выставили по мобилизации более 200 тыс. воинов. На 1 января 1915 г. под ружьем находилось не менее 100 тыс. донских казаков, в том числе в действующей армии 75 тыс. чел. в составе 60 конных полков, 136 отдельных сотен и полусотен, 6 пеших батальонов, 33 батарей и 5 запасных полков, около 80 отдельных и особых сотен [1]. К осени 1917 г. на фронтах находилось 64 донских полка и 79 отдельных сотен. Всего же в рядах Русской императорской армии к этому времени служили 162 казачьих полка, 171 сотня и 24 пеших батальона (см. таблицу 1).

Таблица 1

Состав казачьих войск к осени 1917 г. [2]

Войск	Конных полков	Отдельных и особых сотен	Пеших батальонов
Донского	60	72	–
Кубанского	37	37	22
Оренбургского	18	40	–
Терского	12	3	2
Уральского	9	4	–
Сибирского	9	3	–
Забайкальского	9	–	–
Семиреченского	3	7	–
Астраханского	3	–	–
Амурского	2	5	–
Всего	162	171	24

В то же время донские казаки продолжали прикрывать тылы и обеспечивать общественный порядок в городах России. К концу 1914 г. в различных городах страны – в Москве, Киеве, Владикавказе, Екатеринбурге, Перми, Уфе, Челябинске, Одессе, Тифлисе – на гарнизонной службе состояли 67 отдельных и особых донских казачьих сотен. 35 особых и 18 запасных сотен несли службу на Дону [3].

Во время Первой мировой войны казаки не знали дезертирства. Они последними покидали поля сражений и начали демобилизацию только после Октябрьского переворота и подписания Брестского мира. Казаки продемонстрировали прекрасную индивидуальную выучку. Первым Георгиевским кавалером войны стал донской казак станицы Усть-Хоперской К.Ф. Крючков. Всего за ратные подвиги Георгиевские награды получили 193 офицера и 37 тыс. казаков [4]. Генералы А.М. Каледин и П.Н. Краснов осуществляли знаменитый «Брусиловский прорыв» в 1916 г. А.М. Каледин во главе 8-й армии прорвал фронт противника на Ковельском направлении, П.Н. Краснов во главе 3-го конного корпуса получил задачу прорваться через болота и выйти на Ковель. Коннице не удалось прорваться через болота, но она отвлекла на себя много сил противника, что

облегчило задачу А.М. Каледину. Общие потери донских казачьих частей составили: убитыми в боях 182 офицера и 3444 казака, ранеными и контужеными 777 офицеров и 11 898 казаков, без вести пропавшими 54 офицера и 2 453 казака, попавшими в плен 32 офицера и 132 казака. Это были самые низкие показатели боевых потерь из всех родов войск русской армии [5].

Многолетняя Кавказская война создала представление о том, что горцы Кавказа являлись постоянными соперниками казаков. И те, и другие научились ценить мужество друг друга, были кунаками, иногда роднились, но по большей части, как поется в песне, «острой саблей век здоровались». Первая мировая война разрушила этот стереотип.

К началу войны горские народы Кавказа были освобождены от воинской повинности, но на добровольной основе из их представителей формировались немногочисленные воинские части: Осетинский дивизион, расквартированный в Ставрополе, и Дагестанский полк, стоявший в Темир-Хан-Шуре (в настоящее время – Буйнакск). Во время Первой мировой войны Осетинский дивизион был развернут в полк и вместе с Дагестанским полком сражался в рядах 3-й Кавказской казачьей дивизии. Вместе с ними в ее составе воевали 1-й Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска и 1-й Кизляро-Гребенской полк Терского казачьего войска. Также была развернута Осетинская пешая бригада.

Особым соединением стала Кавказская туземная конная дивизия, которую за неукротимую отвагу ее всадников называли «Дикой». 24 июля 1914 г. съезд почетных представителей селений Кабарды и Балкарии обратился к начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска с просьбой разрешить выставить на войну за счет населения Кабардинский конный полк четырехсотенного состава. 26 июля в Нальчике получили телеграммы, согласно которым наместник Кавказа дал такое разрешение, а император одобрил и утвердил это распоряжение.

На местах приступили к составлению списков в соответствии с высланным штатом. Личный состав дивизии формировался на добровольных началах. Примеру кабардинцев последовали и другие народы Кавказа. 23 августа 1914 г. был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии 3-бригадного состава из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Ингушского. Общая численность дивизии составила более 3 тыс. всадников. Командиром дивизии был назначен брат царя, генерал-майор Великий князь Михаил Александрович.

На подготовку дивизии много времени не дали. Уже 28 ноября 1914 г. она выступила в Самбор, на линию фронта, и сразу же включилась в бои в Карпатах, в условиях гор. Надо сказать, что такие условия были наиболее подходящими для всадников дивизии. Дивизия храбро сражалась на самых опасных направлениях, несла большие потери. Только за первый год войны она потеряла 1,4 тыс. чел. убитыми и ранеными.

Не раз в годы Первой мировой войны встречались случаи, когда всадники Кавказской туземной конной дивизии дрались плечом к плечу с донскими казаками. Так, 19 июня 1916 г. в районе Завачев-Олеша всадник 2-го Дагестанского полка Курбан Узул Магома спас раненого командира 4-й сотни 53-го Донского полка есаула Маньковского. А в конце войны в состав дивизии включили 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион. Всего через Кавказскую туземную конную дивизию за годы войны прошло 7 тыс. всадников, 3,5 тыс. из них были награждены крестами и медалями [6].

В целом, и казаки, и горцы храбро дрались в сражениях Первой мировой войны, совместно защищая интересы России. Каждый второй казак и горец из числа воевавших на фронте был удостоен георгиевских наград, т.е., совершил настоящий боевой подвиг. И опыт этого боевого сотрудничества во благо России сохраняет свою актуальность в современных условиях.

Проблемы военной истории России не первый год лежат в центре внимания специалистов ЮНЦ РАН и входящего в него ИСЭГИ ЮНЦ РАН [7]. Они стали темой нескольких международных конференций, вызвавших активный интерес со стороны не только отечественных, но и зарубежных исследователей [8]. Значительное место в наших исследованиях занимают вопросы истории донского казачества [9], проблем прошлого и современного развития Северного Кавказа [10].

Все это свидетельствует о значительном научном заделе в разработке и темы нынешней конференции. В ней приняли участие специалисты из Москвы, Еревана, Харькова, Ростова-на-Дону, Архангельска, Омска, Краснодара, Тамбова, Твери, Сыктывкара, Нальчика, Грозного, Черкесска, Майкопа, Элисты и других научных центров. Хочется надеяться, что материалы конференции станут не только достойным продолжением прежних военно-исторических исследований, но и будут иметь большое воспитательно-патриотическое значение. Хочется надеяться, что материалы конференции не только станут хорошим продолжением прежних военно-исторических исследований, но и будут иметь большое воспитательное значение. Примеры совместной борьбы казаков и горцев Северного Кавказа с врагами Отечества чрезвычайно важны для военно-патриотического воспитания молодежи юга России.

Примечания:

1. Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 185.
2. Казаки России. Сб. статей, очерков и стихов авторов казачьего зарубежья. Ростов н/Д, 2012. С. 259.
3. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д, 1998. С. 258.
4. Воскобойников Г.Л. Казачьи формирования в Первой мировой войне // Проблемы казачьего возрождения. Сб. ст. Ч. 2. Ростов н/Д, 1996. С. 50.

5. Рыжкова Н.В. За веру, Отечества и други своя: Донские казаки в Великой войне 1914–1917 гг. Ростов н/Д, 1998. С. 195.
6. Опришко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик, 1999. С. 416.
7. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012.
8. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы Международ. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010; Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011; Народы юга России в отечественных войнах. Материалы Международ. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012; Коренной перелом в Великой Отечественной войне. К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. и др.
9. Матишов Г.Г. Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.). Заметки на полях истории. Ростов н/Д, 2013.
10. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2006; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов н/Д, 2007; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Приложение. Ростов н/Д, 2007; Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д, 2009; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV: Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2009; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V: Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск. Ростов н/Д, 2011; Матишов Г.Г., Пащенко И.В. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. VI: Южнороссийский макрорегион и Олимпиада в Сочи. Специальный выпуск. Ростов н/Д, 2013 и др.

РАЗДЕЛ 1

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина

Современные подходы и информационные ресурсы в изучении Первой мировой войны¹

Первая мировая война считается «забытой» войной в истории России. Между тем, ее изучение в отечественной историографии насчитывает не один десяток лет и не одну тысячу наименований [1]. Первые публикации, посвященные Первой мировой войне, появились вскоре после ее начала. Интерес к теме, во многом продиктованный практическими задачами осмысления опыта боевых действий, сохранялся еще несколько десятилетий и снизился уже после Великой Отечественной войны, ставшей главным «местом памяти» советского, а затем и современного российского общества. Но с 1990-х гг. отечественная историография Первой мировой войны переживает настоящий подъем, о чем свидетельствует проведение научных конференций, выход обобщающих трудов [2] и специальных исследований, защита кандидатских и докторских диссертаций. Изменился и статус рассматриваемого события в политике памяти: от осуждения в советское время как «империалистической» войны – к признанию ее в качестве важнейшей вехи в истории страны и мира. В декабре 2012 г. был законодательно закреплен день памяти погибших воинов, 100-летний юбилей войны отмечается на государственном уровне и сопровождается мемориальными мероприятиями.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

В настоящее время на изучении Первой мировой войны специализируются научные подразделения институтов всеобщей и российской истории РАН, Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, историки других научных центров и вузов. Для объединения и координации усилий исследователей проблемы в 1992 г. была образована Российская ассоциация историков Первой мировой войны (ее возглавляли Ю.А. Писарев, П.В. Волобуев, В.Л. Мальков, в настоящее время – Е.Ю. Сергеев), имеющая собственный сайт и издающая альманах. Немало внимания уделяется Первой мировой войне в проектах Российского военно-исторического общества, других общественных организаций и исследовательских ассоциаций.

Отечественные исследователи рассматривают Первую мировую войну как глобальный вооруженный конфликт, охвативший различные сферы [3]. Применение компаративных методов способствует выявлению ее общих и особенных черт в сопоставлении с другими войнами, прежде всего, Второй мировой. В историографии переосмысливаются происхождение, характер и причины войны (не сводимые, как прежде, лишь к природе империализма), ответственность за ее начало, взаимосвязь с другими социальными процессами. Все это позволяет ставить вопросы о возможных альтернативах развития мира в начала XX в. [4]. Активно разрабатываются вопросы участия России в войне, ее вклада в общую победу стран Антанты, военного и военно-экономического потенциала страны, состояния русской армии и флота [5].

Новизна в изучении Первой мировой войны выражается в ее рассмотрении сквозь призму междисциплинарного подхода, с использованием методов психологии, социологии, культурологии и других «смежных» гуманитарных и социальных дисциплин. В последние годы война все чаще оказывается в фокусе таких современных направлений исследовательского поиска, как социальная и гендерная история, военно-историческая антропология и история повседневности. Авторы целого ряда работ анализируют особенности поведения человека в экстремальных условиях военного времени, общественные настроения и ценности рассматриваемой эпохи, формирование образов «врагов» и «друзей» (противников и союзников), фронтовой быт и повседневную жизнь и в тылу [6]. Предметом самостоятельных исследований стали судьбы военнопленных, беженцев, дезертиров – ранее являвшиеся маргинальными историографическими сюжетами [7]. Напротив, социально-экономическим аспектам развития России в 1914–1917 гг. уделяется меньше внимания, по сравнению с предшествующим периодом советской историографии. Современные авторы перенесли акцент с изучения рабочего и социалистического движения на другие силы, включая правые и монархические партии, различные общественные группы, военные и деловые круги, участвовавшие в политической борьбе. Находят отражение в историографии и такие новые сюжеты, как изменения в восприятии образов царской семьи в сознании российского общества, развитие благотворительности в годы войны [8].

Новые оценки проявляются и в решении традиционных исследовательских задач, связанных с осмыслением отдельных военных операций [9]. Так, переоцениваются итоги Брусиловского прорыва 1916 г., считавшегося самой удачной операцией русской армии в ходе войны: обращается внимание на чрезмерность понесенных в ходе сражения жертв, приведших к истощению ресурсов России, что позволяет говорить о нем как о «проигранной победе» [10]. Расширение проблематики военно-исторических исследований выражается в обращении к событиям не только на европейских театрах военных действий, но и на фронтах, считавшихся второстепенными. Вышли специальные работы, посвященные действиям русских войск в Персии, Салониках, во Франции [11]. Получает отражение в историографии роль в войне авиации, военной разведки, кавалерии и других родов войск [12]. Важнейшим направлением исследований остаются международные отношения и внешняя политика России предвоенного и военного периода. Так, историки отмечают, потенциал военно-политического и военно-экономического сотрудничества с союзниками не был полностью реализован [13]. Но в целом в изучении военной и дипломатической истории России накануне и в годы Первой мировой войны остается преобладающим влияние позитивистской методологии.

В последние годы вышел ряд информационно-справочных изданий, посвященных Первой мировой войне [14]. Ведется подготовка энциклопедического словаря «Первая мировая война». Предприняты первые попытки произвести поименный учет погибших участников войны на материалах отдельных регионов [15], но эта задача еще слишком далека от окончательного решения. Широко разрабатываются в последние годы и исторические портреты участников Первой мировой войны. Впрочем, им нередко присуща идеализация, авторы акцентируют внимание только на положительном вкладе своих героев в военные победы России [16].

Возможности исследователей темы в значительной степени определяются находящейся в их распоряжении источниковой базой. Ведущим центром хранения документов по истории Первой мировой войны является Российский государственный военно-исторический архив. Документы фондов полевых управлений Верховного главнокомандующего, главнокомандующих армиями фронтов, командующих армиями, войсковых соединений и частей выступают главной основой при изучении планирования и осуществления боевых действий русской армии в 1914–1917 гг., а также их итогов. Значительный интерес для историков представляют также фонды управления «территорий, занятых по праву войны» (Австро-Венгрии и Турции), государственного ополчения, военно-медицинских учреждений, государственных и общественных организаций по санитарному и материально-техническому обеспечению армии, военно-учебных заведений, управлений, соединений и частей пограничной стражи, местных войск, жандармов, дисциплинарных частей и тюрем, а также фондов личного происхождения. Военные действия на Балтийском,

Северном, Черноморском театрах войны характеризуют документы фондов Главного морского штаба, Морского генерального штаба, Морского штаба Верховного главнокомандующего и др. Разнообразные материалы, раскрывающие подготовку России к войне, деятельность органов государственной власти и управления страны в 1914–1917 гг., содержат фонды Российского государственного исторического архива. Дипломатию Российской империи накануне и во время войны, ее отношения с союзниками и противниками представляют документы Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации. Во многих архивах субъектов Российской Федерации хранятся материалы, касающиеся проведения мобилизации и сбора ополчения, а также различных аспектов жизни тыла, деятельности органов власти и общественных организаций в годы Первой мировой войны.

За прошедшие десятилетия значительное количество документов опубликовано, в том числе в последние годы [17], но еще большее их количество только ожидает своих исследователей. Немало издано и источников личного происхождения, среди которых преобладают мемуары российских и зарубежных генералов, политиков, дипломатов, рассказывающих о своей роли в событиях военного времени [18].

Важной особенностью современного этапа в изучении Первой мировой войны выступает появление новых информационных ресурсов, представленных в виртуальном пространстве. О значительном объеме сведений о Первой мировой войне, размещенных в Интернете, свидетельствует уже само количество электронных документов, выявленных при обращении к ведущим поисковым системам (Google, Yahoo, Bing, AOL, Яндекс, Mail.ru, Нигма РФ).

Поисковые системы	Дата обращения			
	11.05.2014		31.05.2014	
	Рус.	En	Рус.	En
Google	461.000	1.940.000.000	437.000	2.150.000.000
Yahoo	60.500	117.000.000	249.000	116.000.000
Bing	2.800.000	112.000.000	2.890.000	113.000.000
AOL	13.400.000	1.780.000.000	399.000	1.910.000.000
Яндекс	36.000.000	157.000.000	33.000.000	151.000.000
Mail.ru	13.000.000	13.000.000	910.000	13.000.000
Нигма РФ	37.000.000	178.000.000	45.000.000	168.000.000

С учетом своего 100-летнего юбилея Первая мировая война оказывается одним из наиболее часто упоминаемых исторических событий, заметно превосходя в этом многие другие, за исключением, пожалуй, Великой Отечественной/Второй мировой войны, да и то лишь в русскоязычном сегменте Интернета (в отличие от англоязычного сегмента, где не уступает и ей). Данное обстоятельство

выступает показателем не только высокой общественной и научной значимости Первой мировой войны, но и существования у исследователей дополнительных возможностей при обращении к ней.

Особенно важную роль в дальнейшем изучении и популяризации Первой мировой войны играют специализированные сайты. В первую очередь следует отметить такие интернет-проекты, как «Русская Армия в Великой войне», «Первая мировая война», «Герои Первой мировой войны», «Август 1914-го...» [19]. Как правило, указанные информационные ресурсы содержат разнообразные материалы – книги и статьи, документы и мемуары, фотографии и иллюстрации, а также библиографические списки и ссылки на другие сайты, превращающие их в общее виртуальное мегапространство, единый гипертекст. Немало здесь и справочных сведений о формировании и конкретных участниках войны. Например, картотека сайта «Русская Армия в Великой войне» содержит сведения на более чем 8,6 тыс. русских офицеров.

Авиации, флоту и другой боевой технике Первой мировой войны посвящены сайты «Авиация Первой мировой», «Ретроплан Ъ», «Война окончена», «Боевые корабли мира». Целью проекта «Российские военнопленные 1914–1918» выступает создание их полного перечня, а на сайте «Русская и советская армия во Франции» приводятся данные о памятниках и захоронениях русских солдат Первой мировой войны [20]. Немало сведений по данной теме содержится и на сайтах более общего характера («Русская императорская армия» [21] и др.), а также таких крупных порталах, как «Военная литература», «Хронос. Всемирная история в Интернете» и др. Действуют и сайты, содержащие фотографии, открытки или периодические издания Первой мировой войны [22], способствующие созданию визуальных представлений о ее событиях и действующих лицах, их отражении в СМИ.

Таким образом, в современной российской историографии изучение событий Первой мировой войны приобретает все более разнообразный характер. Появление новых подходов и информационных ресурсов значительно расширяет проблематику и сами возможности исследований, перемещая войну в плоскость активно разрабатываемых исторических сюжетов, интерес к которым провоцируется преимущественно исследовательскими обстоятельствами. Наряду с этим некогда «забытая» война становится все более важным «местом памяти» современного российского общества, что неизбежно формирует новый социальный заказ в ее изучении.

Примечания:

1. См.: Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы, 1914–2000 гг. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2001; Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и рефератов (Препринт). М., 2013 и др.

2. Мировые войны XX века: в 4 кн. 2-е изд. М., 2005. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк и др.
3. Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 4–5.
4. Черняк Е.Б. Монополистический капитализм первой половины XX в. в исторической ретроспективе // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 20–36; Филитов А.М. Мировые войны – роковые вехи нашего столетия // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 108–144.
5. Степанов А.И. Россия в первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000; Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000; Марков О.Д. Армия и флот России 1914–1917 гг. (Состав, организация, довольствие). СПб., 2011 и др.
6. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны: (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; Сергеев Е.Ю. «Чужая земля, чужое небо...» Запад и военная элита России, 1900–1914. М., 2001; Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции, 1914–1918 гг. Рязань, 2010; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция, 1914–февраль 1917 г. М., 2011; Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы: очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир, 2011; Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012 и др.
7. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М., 2011; Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014 и др.
8. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005; Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий. Дисс... канд. ист. наук. М., 2008; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013 и др.
9. Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море: (Август-октябрь 1914 г.). М., 2009; Олейников А.В. Дарданелльская операция 19 февраля 1915 г. – 9 января 1916 г. Астрахань, 2009; Оськин М.В. Брусиловский прорыв. М., 2010; Нелипович С.Г. Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013 и др.
10. Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв: Наступление армий Юго-Западного фронта летом 1916 года. М., 2006.
11. Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918): незаслуженно забытые победы. М., 2010; Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой войны. Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М.; СПб., 2011 и др.

12. Зарецкий В.М. Воздушный флот России в первой мировой войне: строительство и боевое применение. Дисс... д-ра ист. наук. Монино, 1997; Герасимов В. История создания отечественной морской авиации (1910–1917 гг.). Смоленск, 2007; Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М., 2009; Алексеев М. Военная разведка России. М., 2001. Кн. 3: Первая мировая война и др.
13. Писарев Ю.Л. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915. М., 1990; Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008; Пестушко Ю.С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск, 2008; Олейников А.В. Россия и союзники в Первой мировой войне, 1914–1918 гг. Астрахань, 2009 и др.
14. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биограф. справочник. М., 2006; Лазарев С.А. Герои Великой войны. Известные и неизвестные: Энциклопедия Русской армии. СПб., 2007; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь: справочное издание. М., 2010 и др.
15. Рязанская книга памяти Великой войны 1914–1918 годов. Т. 1. [Рязань, 2010]. Т. 2. М., 2012.
16. Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994; Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000; Смолен А.В. Два адмирала: А.И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012; Бондаренко В. Герои Первой мировой войны. М., 2013 и др.
17. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 2. Первая мировая война: Документы и материалы. М., 2002; Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М., 2010 и др.
18. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990; Лукомский А.С. Из воспоминаний. М., 1991; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991; Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991; Елисеев Ф.И. Казачи на Кавказском фронте 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцать брошюрах-тетрадах. М., 2001; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.–Минск, 2005; Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917. М., 2007 и др.
19. «Август 1914-го...». Сайт Ю. Бахурина. URL: <http://august-1914.over.ru>. (дата обращения 11.05.2014); Герои Первой мировой войны. URL: <http://hero1914.com> (дата обращения 11.05.2014); Первая мировая война. URL: <http://www.firstwar> (дата обращения 11.05.2014); Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru> (дата обращения 11.05.2014).
20. Авиация Первой мировой. URL: <http://www.airwar.ru/av1ww.html> (дата обращения 13.05.2014); Боевые корабли мира. URL: <http://www.battleships.spb.ru/ww-i.html> (дата обращения 13.05.2014); Война окончена. URL: <http://www.wio.ru> (дата обращения 13.05.2014); РетропланЪ. Авиация и воздухоплавание до Второй мировой войны. URL: <http://www.retroplan.ru> (дата обращения 13.05.2014); Российские во-

- еннопленные 1914–1918. URL: <http://boris.auchat.ru/projects/plen1914-1918.htm> (дата обращения 13.05.2014); Русская и советская армия во Франции. URL: <http://dsvv.pochta.ru/France/FranceRussie.htm> (дата обращения 13.05.2014).
21. Русская императорская армия. URL: <http://www.regiment.ru> (дата обращения 07.05.2014) и др.
22. В час военной грозы... Первая мировая война в открытке. URL: <http://www.nlr.ru/exib/war1> (дата обращения 10.05.2014); Журналы Первой мировой войны. URL: http://14-18.ru/?page_id=37 (дата обращения 11.05.2014); Летопись войны 1914–15–16–17 гг. URL: <http://genrogge.ru/wwi-1914-1917/index.htm> (дата обращения 11.05.2014); Первая мировая война в фотографиях. URL: <http://wwi.hut2.ru> (дата обращения 12.05.2014) и др.

П.П. Щербинин

Общественное сознание в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.: методология исследований

Первая мировая война 1914–1918 гг. сыграла выдающуюся роль в развитии общественного сознания населения России, деформировала и изменила традиционные представления и стереотипы городского и сельского населения, сформировала особый взгляд на окружающую действительность и открыла широкий простор для развития новой мифологии. В отечественной и зарубежной историографии сложились устойчивые оценки и подходы осмысления патриотического подъема начального этапа войны, однако привлечение массовых первичных архивных документов и других малоизученных источников дает возможность по-новому взглянуть на привычный социокультурный, повседневный-бытовой и этноконфессиональный мир и настроения жителей в тыловых регионах Российской империи военной поры.

Среди постановочных проблем можно выделить следующие:

- 1) Какие социальные слои и группы населения можно считать индикаторами падений и подъемов общественных настроений?
- 2) Можно ли говорить о настроениях провинциального социума в целом или речь должна идти о взглядах женщин, детей, стариков, беженцев, вынужденных переселенцев?
- 3) Насколько отличались общественные оценки людей с разным этноконфессиональным воспитанием и положением?
- 4) Какие факторы оказывали наибольшее влияние на мифологию мирных жителей в условиях военной повседневности?
- 5) Какую роль играло государство, органы власти и общественные объединения и организации по воздействию на мировоззрение в тыловых регионах?

Понятно, что ответы на эти и другие вопросы невозможно дать в отдельной статье, но можно попытаться выявить общие и частные стороны формирования и проявлений мифов военной поры, а также собственно общественных настроений городских и сельских обывателей в угнетенных от фронта районах Российской империи периода Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Начнем с оценки проявлений патриотических настроений в начальный период войны. Почти все исследователи, как, впрочем, и современники событий, единодушно констатировали небывалый подъем народного единства и патриотический настроений в условиях угрозы Отечеству. В учебниках истории и научных статьях положение о патриотических настроениях жителей России

не подвергается сомнению. На самом деле в столицах, губернских центрах проходили многочисленные манифестации, на которых звучали речи патриотической направленности и лозунги «За Веру, Царя и Отечество». Центральные и региональные периодические печатные издания вполне внятно и широко отобразили и зафиксировали несомненный подъем настроения патриотической направленности. Могли ли периодические издания начального этапа войны отразить иную информацию, отличавшуюся от официальной? Ответ на это вопрос отрицательный, и он не нуждается в пояснении, так как данные исторические источники не имели шансов упоминать об «иных» непатриотических настроениях населения.

Замечу, что для меня поиск «непатриотического сознания» никогда не был самоцелью или научным интересом, но изучение гендерных аспектов военной поры, женской истории войны позволили увидеть то, что не привлекало многих историков – женские настроения и женскую мифологию военной повседневности. Я искал проявления патриотического подъема у городских и сельских провинциалок, но вместо них источники сохранили «память» о женских плачах и рыданиях. Женская интуиция, житейский здравый смысл, еще свежий опыт последствий мобилизации русско-японской войны 1904–1905 гг. способствовали осознанию женщинами угроз и лишений, бедствий и страданий, которые несла новая война. Патриотический подъем, воодушевление населения России, единение власти и общества не затронули сердца россиянок и не внесли в их души удовлетворения от того, что их мужья отправятся на войну и будут защищать Родину. Война озадачила большинство женщин, которые лишались не только своих мужей, уходивших на войну, но и нередко единственного источника дохода и содержания. «Как выжить, чем кормить детей, кто сможет помочь и где искать защиту от произвола властей и надвигающейся нищеты?», – эти и другие вопросы будоражили женщин, лишая многих из них сна и покоя. Неожиданно объявленная мобилизация привела к тому, что многие семьи оказались на грани нищеты и чрезвычайно тяжелого материального положения.

Впечатления от проводов на войну сохранились в многочисленных свидетельствах современников (письмах, дневниках, воспоминаниях), что позволяет оценить их настроения сквозь призму личного восприятия военной обстановки. Узнавая о мобилизации запасных, россияне и россиянки не испытывали воодушевления, а напротив, предавались унынию. Повсюду раздавались вопли женщин и детей, которые предчувствовали, что, возможно, навсегда расстанутся со своими мужьями, отцами и братьями [1]. В воспоминаниях М.Н. Герасимова отмечается, что при проведении мобилизации были «обычные слезы жен и матерей, которые если и не проклинали войну вслух, то беспокоились за своих мужей» [2].

По мнению американского историка М. фон Хагена, несмотря на кратковременный взрыв патриотической поддержки войны, очень скоро мужчины призывного возраста стали искать способы добиться освобождения от военной службы, и общество сочувствовало им. Элита империи и после 1905 г.

продолжала наивно считать, что русский мужик был готов рисковать жизнью «за царя, за родину, за веру». Однако обычный новобранец, в отличие от его социального идеала, слабо представлял себе, кто именно его враг, и плохо понимал цели России в войне [3].

Характеризуя общественные настроения и мифы военной поры, необходимо помнить, что Первая мировая война 1914–1918 гг., будучи многомерным явлением, глубоко отразилась и на духовно-психологической сфере. Реконструкция тыловой повседневности военной поры позволяет выявить переживания и настроения, психологические особенности восприятия окружающей действительности. Факторами, отражавшимися на настроениях тылового общества, был постоянный стресс, тревога за ушедших на войну, переживания от неудач русского оружия.

По оценкам врачей-психиатров, война вовлекла в сражения не только армию, но косвенно и гражданское население, которое нередко охватывало беспокойство от сопутствовавших войне процессов: удорожания жизни, усложнения условий существования, неуверенности в ближайшем будущем. Только в Москве количество душевнобольных, попавших в больницы в начале войны, возросло на 25 %. В Орле и других провинциальных городах статистика душевных заболеваний была примерно на этом же уровне. Обычным явлением стали реактивные психозы, отмечался и рост заболеваний шизофренией [4]. Неслучайно в период войны значительно возросло число самоубийств.

Первая мировая война способствовала и широкому распространению слухов и суеверий. По совершенно справедливому наблюдению Е.С. Сенявской, основная масса населения имели весьма смутные представления о таких категориях как славянство, Германия и др., и война оставалась для них во многом непонятной и чуждой [5]. В тыловых регионах получили хождение «верные сведения» о гибели полков и целых армий, невероятном вероломстве немцев и т.п. В ноябре 1916 г. всех обрадовала «новость», что «наши уложили пять немецких корпусов» [6]. Даже массовое появление грызунов связывалось с тем, что это немцы развозят мышей по деревням. Все это свидетельствует о сложностях восприятия тыловым социумом событий военной поры. Неслучайно одним из способов психологической самозащиты и рефлексии было обращение многих россиян и россиянок к Богу и надежде на покровительство небесных сил их близким на войне.

Уже начало военных действий немедленно вызвало усиление религиозных настроений. Повсеместно епархиальные архиереи отмечали в своих отчетах оживление религиозных чувств россиян и россиянок. Правда, сами священнослужители признавали, что религиозность в народе повысилась, расширилась, главным образом, в сторону обрядовости. Это проявлялось в усердном посещении богослужений женщинами, которые больше стали подавать на просфоры о здравии и упокоении близких им людей. Число продаваемых просфор увеличилось в два и более раз. Усилилось усердие к заказным молебнам с акафистами и поминовением ушедших на войну, панихидам по погибшим на

войне. Современники отмечали, что в церквях стало появляться небывалое количество молящихся.

Другим свидетельством роста религиозных настроений было резкое увеличение продажи свечей в храмах [7]. Однако по оценкам Т.Г. Леонтьевой скоро после начала войны обнаружилось, что оживление религиозных настроений населения было временным явлением: кто-то «успокоился», а кто-то по привычке крестился лишь на «всякий случай» – пусть чаще, чем ранее [8]. Да и сами священники стали отмечать усталость населения от войны и нежелание многих прихожан и прихожанок посещать храмы. Так, «Воронежские епархиальные ведомости» сообщали, что «в данное же время храмы, за редкими исключениями, пустуют. Храмы почти не посещаются молодежью, а взрослые, хотя и бывают в церкви, но, за редкими исключениями, не достаивают церковных служб, особенно в вечернее время. Кинематографы и театр привлекают публику больше, чем богослужение» [9].

Подобное развитие религиозных настроений в годы войны вполне объяснимо. Если в первые годы войны церковь и вера в Бога несли надежду и снимали психо-эмоциональное напряжение, оказывали благотворное влияние на душевное равновесие, то тяжелейшая нагрузка военной повседневности требовала иной разрядки и отдушины. Усталость от войны, нерасторопность властей, плохие новости с театра военных действий не только способствовали снижению религиозных настроений, но и были проявлением десакрализации духовной и светской власти. Религиозное мировоззрение тылового сообщества стало давать трещины, провинциалы и провинциалки нередко осознавали, что им надо скорее рассчитывать на свои собственные усилия и предприимчивость, нежели на судьбу или небесные силы.

Вполне очевидно, что война серьезно и глубоко трансформировала повседневную жизнь тылового социума в России. Военные будни отличались моральными и психологическими перегрузками, потерями родных и близких, формированием собственного опыта военной поры и особого типа поведения и самосознания.

Анализ обыденных структур жизни населения тыловой России, его своеобразного ментального и психологического склада, каждодневных практик отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов представляет актуальную задачу современного исторического знания. Исследование общественных настроений и мифологии военной поры позволит выявить индивидуальный и коллективный опыт личности, семьи, поколений и социальных групп, выяснить обстоятельства, конструировавшие конкретно-исторический контекст повседневности жителей России, рассмотреть их военный опыт с позиций истории повседневности, военно-исторической антропологии и истории частной жизни.

Данная постановка проблемы подразумевает сочетание макро- и микроисторических подходов, реконструкции индивидуальных и коллективных прак-

тик выживания «обычных» провинциалов и провинциалок в условиях кризиса повседневной жизни, отягощенного военным фактором, выявление традиционного и уникального, стереотипного и новаторского в развитии российского общества периода Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Примечания

1. Бокова В.М. Школьные сочинения о Первой мировой войне // Российский архив. (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 450–451.
2. Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 18.
3. Хаген фон М. Пределы реформ: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 гг. // Отечественная история. 2004. № 5. С. 43.
4. Терешкевич А.М. Влияние войны и революции на психическую заболеваемость // Московский медицинский журнал. 1924. № 4. С. 73.
5. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М., 1999. С. 195, 198.
6. См.: Тамбовский земский вестник. 1916. 5 ноября.
7. Поселянин Е. Нечто о мистике войны // Орловские епархиальные ведомости. 1915. № 39. С. 947–948.
8. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. С. 186.
9. См.: Воронежские епархиальные ведомости. 1915. № 4. С. 110.

А.В. Венков

Сравнение боевой эффективности горцев и казаков во время Первой мировой войны: методика расчетов

Сравнительные характеристики тех или иных воинских частей всегда имели место в военной истории. Части сравнивались по уровню боевой подготовки, по результативности своей боевой работы. Русский военный историк Н.Н. Головин боевую стойкость войск определял по тому, сколько в процентном отношении бойцов погибло, а сколько попало в плен.

В начале XX в. в России сохранялась иррегулярная конница. Сравнить боевые характеристики таких ее представителей, как казацкие и добровольческие кавказские части, довольно сложно. Между ними существует ряд важнейших отличий. Казаки составляли неотъемлемую часть русской кавалерии. В конце XIX в. «роль казаков в армии после сокращения вдвое регулярной кавалерии вообще сильно повысилась» [1]. С 1912 г. вся русская кавалерия обучалась по казачьему образцу [2].

Кавказские добровольческие формирования в довоенное время были представлены Осетинским дивизионом, расквартированным в Ставрополе, и Дагестанским полком, стоявшим в Темир-Хан-Шуре (в настоящее время – Буйнакск). Дело в том, что горские народы Кавказа были освобождены от воинской повинности, поскольку царское правительство после Кавказской войны им не доверяло. Во время войны эти части сражались в рядах 3-й Кавказской казачьей дивизии, где вместе с ними воевали 1-й Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска и 1-й Кизлярско-Гребенский полк Терского казачьего войска. Встретивший эту дивизию в 1917 г. барон П.Н. Врангель писал: «В состав дивизии входили: 1-й Екатеринодарский полк, Кизлярско-Гребенский, Дагестанский и Осетинский. Наилучшими были первые два, состоящие из кубанских и терских казаков» [3].

Уникальным воинским соединением в годы Первой мировой войны стала Кавказская туземная конная дивизия. 23 августа 1914 г. был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании данной дивизии 3-бригадного состава из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Ингушского. Командовать дивизией был назначен великий князь Михаил Александрович, брат царя. В дивизии было собрано более 3 тыс. всадников. Оружие горцев не отличалось от такового же у казаков. Свои – шашка и кинжал, трехлинейная винтовка казачьего образца, трехлинейный револьвер, по 30 боевых патронов в патронташах и по 28 – в карманчиках для газырей [4].

Были существенные отличия в организационной структуре – кавказские добровольческие полки формировались 4-сотенные, а казачьи полки традиционно состояли из 6 сотен. Так, Чеченский полк имел по штату 22 офицера, 3 военных чиновника, полкового муллу и 643 нижних чина [5], а 12-й Донской казачий полк выступил на фронт, имея 26 офицеров, 2 врачей, 1 чиновника и 897 урядников и казаков (827 шашек).

Но главное отличие заключалось в уровне подготовки казаков и горцев. Казаков обучали 2 года до поступления на военную службу, 4 года они несли срочную службу, и когда была проведена мобилизация, в войска были влиты всадники, имевшие довольно долгий опыт несения регулярной военной службы. Всадников Кавказской туземной кавалерийской дивизии собрали под знамена практически необученными регулярному конному строю и кавалерийской службе. Так, в Кабардинском полку было 615 всадников, из них 431 кабардинец и 75 балкарцев, остальные – русские, украинцы, белорусы, осетины, переведенные из кадровых кавалерийских и казачьих частей в качестве инструкторов по обучению кавалерийскому строю. Соотношение инструкторов к всадникам составляло 1 к 5. Но времени на подготовку перед боевыми действиями дали очень немного. В июле-августе начался набор, а в конце ноября дивизия уже была на фронте.

Для профессиональных военных сильные и слабые стороны горцев-добровольцев были ясно видны: «Полки были численно невелики. Офицеры только отчасти туземцы; большинство – русские. Конский состав был слаб. Дивизия была плохо обучена и невоспитанна. Воспитание и муштру в ней заменяли прирожденная дисциплинированность горцев и обаяние великого князя», – писал П.Н. Краснов, попавший в дивизию уже в 1916 г. [6].

К счастью для добровольцев, они попали на фронт в предгорья Карпат, в горную местность, в привычную для себя среду. Но условия войны, возросшая огневая мощь были внове и для рядового состава, и для офицеров. Первые бои пришлось вести в пешем строю. В самом начале 1915 г. погиб в бою подполковник Чеченского полка В.И. Лодыженский. «Как всегда, брат был впереди и не ложился в цепи, так как в то время всадники, еще не освоившись с условиями современной войны, считали, что ложиться в бою есть признак недостаточной храбрости. Стоило это жизни чуть не половине офицерского состава дивизии в первые месяцы войны, пока люди воочию не убедились, что так продолжать нельзя», – вспоминал его родственник [7].

Но горцы очень скоро адаптировались. Боевые действия велись в основном в пешем строю, но при возможности всадники бросались в конные атаки, которые заканчивались рубкой противника и захватом пленных. О.Л. Опрышко приводит данные об 11 победоносных конных атаках всадников Кавказской туземной дивизии. Чаще других – 4 раза – сходил в конную атаку Кабардинский полк [8]. Для сравнения: один из лучших казачьих полков – 10-й Донской казачий – отчитался в 1917 г. о том, что участвовал в 120 боях, из них в 3 конных атаках [9].

Важной характеристикой боевой эффективности части являются потери и награды. К 1916 г. в Кавказской туземной дивизии было убито 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов, ранено 144 офицера, 1438 всадников и нижних чинов [10]. Трудно определить потери казаков за 1914 г., но в целом за годы Первой мировой войны они были невелики по сравнению с потерями других родов войск. Всего за годы войны было убито 182 донских казачьих офицера и 3444 казака (около 3 % от числа мобилизованных казаков); ранено и контужено 777 офицеров и 11 898 казаков; без вести пропали 54 офицера и 2453 казака; в плену официально зарегистрированы 32 офицера и 132 казака [11]. Естественно, потери распределились по казачьим частям неравномерно. Так, 10-й Донской казачий полк 1-й Донской дивизии, участвовавший в 120 боях, отчитался 7 октября 1917 г. такими цифрами: «Убито – 145 человек (из них 13 офицеров); ранено и контужено – 802 человека (из них 45 офицеров), потери пленными – 5 человек. На пополнение прибыли – 52 офицера, 1350 казаков, 1213 лошадей» [12].

На 23 сентября 1915 г. в Кабардинском полку числилось 213 георгиевских кавалеров, награжденных крестами, и 169 чел., награжденных медалями. В Дагестанском полку – 375 георгиевских кавалеров (награжденных крестами и медалями) [13]. К концу войны 6 офицеров Кавказской дивизии имели ордена Св. Георгия, 16 офицеров заслужили Георгиевское оружие [14]. В 10-м Донском полку офицеры были награждены 2 орденами Св. Георгия и 5 шашками (Георгиевским оружием), казаки – 820 Георгиевскими крестами и 1350 Георгиевскими медалями. Полк был представлен к Георгиевским трубам и Георгиевским петлицам [15]. Полных георгиевских кавалеров в Кавказской туземной дивизии было 47 чел. (на 6 полков). Больше всего их служило в Кабардинском полку – 12 чел. [16]. В 12-м Донском казачьем полку служило 9 полных георгиевских кавалеров.

Среди попавших в плен горцы из Кавказской туземной дивизии не упоминаются. Казаки в этом отношении тоже выгодно отличаются от представителей всех других родов войск русской армии. Донских казаков, как уже указывалось, в плен попало всего 132 чел. из 70 тыс. чел., находившихся на передовой линии. В целом, все казачьи войска пленными потеряли 6 % своего состава. Эти потери составляли 9 % в гвардии, 21 % в кавалерии, 35 % в пехоте [17]. Дезертиров тоже не было ни среди горцев, ни среди казаков.

Свидетели, а за ними и исследователи часто выказывают восхищение, описывая боевую работу казаков и горцев. Достаточно двух беглых примеров. «В контратаке 18 августа блестящую роль сыграли 1-я и 5-я Донские казачьи дивизии, ударившие в тыл 2-го австро-венгерского корпуса и взявшие 10 орудий» [18]. «Вспоминаю Тлумач, когда бой закончился лихим обходом татар и блестящей атакой третьей сотни князя Алека Амилахвари. Влетев в Тлумач, великий князь пронесся через город, еще занятый австрийцами. около него падают всадники и лошади маленького конвоя, сраженные ружейными пулями... У великого князя не было инстинктивного движения наклонить голову под пулей» [19].

Ознакомившись с этими данными и зная о печальном итоге войны в целом, невольно соглашаешься с мнением историка-эмигранта: «Конницы у нас было очень много, и была превосходного качества. Но организация ее была неудачной, и возглавлялась она, за редкими исключениями, начальниками, совершенно ее недостойными» [20].

В целом, мы видим на примере казачьих и горских полков высокое мужество, огромное количество наград, минимальное количество пленных. Потери среди офицерского и рядового состава выше у горцев, но это объясняется недостаточным обучением перед отправкой на фронт. Использование казаков и горцев-добровольцев, бесспорно, оправдало себя в годы Первой мировой войны.

Примечания:

1. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 189.
2. Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д, 2003. С. 60.
3. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 1. М., 1992. С. 56.
4. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик, 1999. С. 45.
5. Там же. С. 29.
6. Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. С. 474.
7. Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с Коммунистическим Интернационалом. М., 2007. С. 92–93.
8. Опрышко О.Л. Указ. соч.
9. Статистика героев // Вольный Дон. 1917. 7 октября.
10. Опрышко О.Л. Указ. соч.
11. Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 223.
12. Статистика героев.
13. Опрышко О.Л. Указ. соч. С. 311.
14. Там же. С. 416–417.
15. Статистика героев.
16. Опрышко О.Л. Указ. соч. С. 417–418.
17. Граф Келлер. М., 2007. С. 265.
18. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 206.
19. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича. 1915–1918. М., 2012. С. 538.
20. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 4. М., 1994. С. 218.

З.А. Чумакова

Создание просопографической базы данных «Дон в Первой мировой войне 1914–1918 гг.»: выбор источников и методика ввода

В нынешнем 2014 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Безусловно, необходимо ожидать к этой дате и фундаментальных энциклопедических и справочных изданий, и многочисленных статей и монографий. Но вместе с тем даже в преддверии юбилея последнюю войну Российской империи определяют как «забытую» войну. В силу различных объективных и субъективных причин недостаточно изучены и участие донских казаков в войне, и в целом история донского края в этот период [1].

Надо отметить, что основной акцент в современных трудах об участии России в Первой мировой войне делается не на военной и не на политической истории, а на истории с «человеческим лицом». Для современной историографии характерно беспрецедентное приращение источниковой базы исследований (различных документов эпохи, мемуарной литературы, издание которых переживает настоящий бум), небывалое расширение тематики работ и – последнее, но наиболее, пожалуй, значимое, – обращение историков к новым идеям и методам исследования.

В последние годы одним из наиболее перспективных методов исследования является жанр просопографических баз данных, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических «коллективных биографий» определенных социальных группы, страт и т.п. [2] Такие базы данных обычно создаются при работе с источниками, отражающими «жизненные пути» или «коллективные биографии» различных социальных, профессиональных или иных групп людей. Вопрос конструирования базы данных является основным для подхода, который носит название «от статистики к просопографии». Это название было дано Ж. Верже такому методу изучения просопографических сведений, который основан на поиске и сведении воедино данных из разных, в том числе массовых источников. В этом названии подчеркивается информационно-поисковый аспект исследования в отличие от простой статистической обработки массовых сведений, который уделяет основное внимание проблемам формирования «метаисточников», стандартизации имен и связыванию записей (record-linkage) о различных персоналиях, извлекаемых из целого ряда исходных традиционных источников [3].

Сегодня назрела необходимость создания просопографической базы данных «Дон в Первой мировой войне». На протяжении ряда лет в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) создается программная система «Комплекс-Архив», одним из модулей которой является база данных «Персоны». Первоначально БД «Персоны» задумывалась как электронный аналог именованного каталога, однако со временем она стала довольно сложным программным комплексом, позволяющим унифицировать и структурировать формуляр практически любого документа, содержащего персональные данные. Не останавливаясь на подробном описании ее структуры, заметим, что типичным методическим подходом является создание многофайловой базы данных, один из файлов которой содержит основные статические сведения и связывается с одним или многими файлами, содержащими динамическую информацию, и связанными с основным файлом ключевым полем – идентификатором.

Понятно, что на первом этапе создания базы данных необходимо выявить комплексы документов, позволяющие осуществить массовый или «залповый» ввод статических персональных данных. В представляемом проекте можно выделить несколько групп персоналий:

- непосредственные участники военных действий;
- донские чиновники войсковой администрации и органов казачьего самоуправления и общественные деятели периода Первой мировой войны;
- лица, временно, находившиеся на территории Дона.

Непосредственные участники военных действий – это казачьи офицеры и нижние чины, а также офицеры и нижние чины неказачьего происхождения, уроженцы Дона. Основными источниками для изучения биографий офицеров Русской императорской армии служат послужные списки, Высочайшие приказы о чинах военных, списки генералов, штаб- и обер-офицеров.

Остановимся на источниковедческих проблемах создания одного из модулей «Донские казачьи офицеры в Первой мировой войне» общей просопографической базы данных «Дон в первой мировой войне 1914–1918 гг.» Заметим, что тема участия донских казачьих офицеров в Первой мировой войне наиболее изучена, наш же проект предполагает выявление и обработку комплексов документов, которые позволят расширить наши представления и обо всех остальных вышеперечисленных группах населения. Но начинаем проект с решения более простых задач.

Для «залпового» ввода на первом этапе используются выпуски генеалогической серии «Генеалогия и семейная история Донского казачества» С.В. Корягина, посвященные участию донских полков и батарей в Первой мировой войне, а также справочники С.В. Волкова «Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога», «Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога», «Офицеры армейской артиллерии. Опыт мартиролога», «Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога», «Офицеры флота и морского ведомства. Опыт мартироло-

га», «Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога» [4]. В базу данных вводятся следующие сведения: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, дата смерти, место смерти.

В разделе «1 Мировая война» С.В. Корягиным опубликованы материалы из фонда 2007 «Полевой штаб казачьих войск при Верховном главнокомандующем, г. Могилев» Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА). Они освещают участие в военных действиях донских казачьих полков, за исключением 29-го и 30-го, батарей, за исключением 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 31-й и 32-й, а также пяти из шести донских казачьих отдельных батальонов. К сожалению, автор не придерживался в своей работе правил публикации документов, что в определенной мере обесценивает работу. В поисковых данных он указывает часть дела, что не соответствует реальному архивному шифру. Данные дела микрофильмированы и не выдаются в читальный зал РГВИА, поэтому исследователи работают с микрофильмами. На каждое дело приходится несколько микрофильмов, таким образом, «№ части» в поисковых данных относится к микрофильму, а не к делу.

Сам автор определил целью своей работы не публикацию документов, а «описание офицерского состава Донских соединений» [5]. Надо признать, что данное исследование на сегодняшний день является наиболее полным и информативным. В основу положены общие списки офицеров казачьих частей, в том числе и донских [6]. Биографические справки, однако, более напоминают материалы к биографии, так как содержат повторы из различных источников. Для их написания использованы послужные списки, составленные в подавляющем большинстве до 1914 г., Высочайшие приказы о чинах военных, скорбные листки, опубликованные в «Донских областных ведомостях», сведения о награждениях из приложения к «Донским областным ведомостям», вероятно, приказы армии и флоту о чинах сухопутного ведомства за 1917 г., иногда называемые автором почему-то «Высочайшими приказами», различные эмигрантские издания, а также работы С.В. Волкова и др.

Следует сразу оговорить, что в ГАРО, например, послужные списки за 1914–1918 гг. практически полностью отсутствуют. Судить о комплексе послужных списков донских казачьих офицеров в РГВИА по опубликованным работам довольно сложно, есть надежда, что в ближайшее время будут оцифрованы и размещены на официальном сайте описи фонда 400 «Главный штаб Военного министерства», благодаря чему можно будет хотя бы оценить полноту комплекса послужных списков [7]. К сожалению, пока в плане оцифровывания нет фонда-коллекции 409 «Послужные списки офицеров».

Анализируя «Алфавитный список кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, награжденных за отличия в период Первой мировой войны 1914–1918 гг.», мы приходим к выводу, что какой-то комплекс послужных списков донских казачьих офицеров можно выявить в фонде 409. Так, например, в списке указывается наличие послужного списка подьесаула 9-го Донского

казачьего полка Михаила Митрофановича Боброва на 1917 г. [8]. В работе С.В. Корягина этот документ также упоминается [9]. В том же 9-м Донском казачьем полку служил еще один Георгиевский кавалер прапорщик С.Т. Лаврухин, чей послужной список также выявлен для справочника и упоминается в работе С.В. Корягина. [10.] Упоминаний послужных списков других офицеров этого полка за 1914–1917 гг. в работе С.В. Корягина нет.

С.В. Корягиным представлены биографические справки на офицеров практически всех донских казачьих полков, за исключением 29-го и 30-го. Складывается такое впечатление, что офицеры двух данных полков за четыре года войны ни разу не упоминались, ни в каких документах. При этом даже при отсутствии сведений о боевом пути вышеперечисленных батарей и 6-го Донского казачьего отдельного батальона на офицеров, в них служивших, составлены биографические справки. К тому же в работе С.В. Корягина не представлены биографические справки офицеров, служивших в Донских казачьих отдельных и особых конных сотнях, а также донских офицерах, служивших в штабах корпусов, дивизий и бригад.

При этом в фонде 2007 имеются как сведения о боевом пути, так и некоторые сведения о командирах и офицерах 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35-й донских казачьих отдельных сотен, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 72, 73, 78, 83-й и 96-й донских казачьих особых сотен [11].

Справочники С.В. Волкова создавались на основе созданной им базы данных на участников Белого движения и эмиграции. Сведения о внесенных в мартирологи лицах включают в разных комбинациях в зависимости от источников: дату и место рождения, происхождение, полученное образование, часть, чин, должность, судьбу после 1917 г., дату и место смерти, а также сведения о ближайших родственниках и названия основных сочинений. Автор не ставил целью создание полных биографий, основное внимание уделялось участию в Белом движении и эмигрантских учреждениях. Из дореволюционной биографии приводятся лишь сведения, характеризующие образование и положение на 1917 г. Кроме того, в мартирологи включены имена только тех офицеров, о чьей судьбе после 1917 г. автору удалось найти какие-либо сведения, за исключением тех, кто вполне благополучно остался на советской службе.

Таким образом, ни один из справочников не позволяет в полной мере решить задачу установления всех донских казачьих офицеров, принимавших участие в Первой мировой войне. Поэтому для ее решения мы предполагаем на первом этапе ввести все персоналии из вышеперечисленных справочников. Следующий этап – связать с персоналиями записи в разнообразных документах. В первую очередь, структурировать таким образом приказы по Войску Донскому за 1900–1917 гг., в которых содержатся следующие сведения: фамилия, имя, иногда отчество офицера, чин, номер полка, в котором он проходил службу,

дата производства в следующий чин или дата награждения орденом. Далее структурировать Высочайшие приказы.

Высочайшие приказы распубликовывались типографским способом, и есть надежда, что в ближайшее время Российская национальная библиотека (РНБ) в рамках юбилейного проекта, посвященного Первой мировой войне, откроет доступ удаленным пользователям к оцифрованным документам, в том числе и Высочайшим приказам [12]. Также Высочайшие приказы публиковались в газете «Русский инвалид» и как приложение к военному и литературному журналу «Разведчик». Кроме того, Высочайшие приказы, относящиеся к донским казачьим офицерам, публиковались в газете «Донские областные ведомости» по март 1917 г.

После Февральской революции Высочайшие приказы сменили приказы Временного правительства армии и флоту, которые печатались в официальном издании «Армия и флот свободной России», а также в новом донском издании «Вольный Дон». В этих же изданиях публиковались списки убитых, раненых и пропавших без вести офицеров. Как уже говорилось выше, сведения о награждениях и боевых подвигах донских казачьих офицеров, а также их фотографии публиковались в приложениях к газете «Донские областные ведомости». Фотографии некоторых уроженцев Дона можно найти и в журнале «Огонек». Кроме того, планируется внести в базу данных сведения из недавно появившихся в Интернете списков полковников, подполковников, ротмистров гвардейской и армейской кавалерии и есаулов на 1913–1916 гг.

При благоприятных обстоятельствах можно было бы расширить источниковую базу данного просопографического исследования за счет федеральных архивов, например, РГВИА и, кроме выявления послужных списков, структурировать персональные сведения из наградных листов, представлений к награждению, а также приказов по полкам, батареям и сотням. Мы планируем зарегистрировать базу данных как электронное издание и разместить на официальном сайте ГАРО в свободном доступе. Можно сказать, что сегодня, представляя одну из составляющих большого проекта, мы попытались в какой-то мере «брендировать» его, что довольно сложно, поскольку не существует единого сетевого просопографического проекта с фиксированным авторством.

Представленный проект может вызвать скептическое мнение, что просопография – это не метод, а лишь форма изложения материала, форма сбора информации, а просопографические работы в действительности представляют собой словари-справочники, в которых отсутствует аналитическая часть, сравнительная перспектива. Но структура созданной базы данных позволяет не только персонально изучить донской офицерский корпус, но и представить различные статистические данные о его составе: социальном происхождении (процентное соотношение казаков и потомственных дворян), образовании, семейном положении и т.д., а значит, воссоздать его коллективный образ.

Примечания:

1. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 1994; Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д., 1998; Рыжкова Н.В. Донское казачество в войнах начала XX века. М., 2008.
2. Иванова Г.В., Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии // Круг идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер». М, 2005. С. 121–152.
3. Гарскова И.М. «От просопографии к статистике»: методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/barnaul.htm> (дата обращения 07.06.2014)
4. Корягин С.В. 1 Мировая война // Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 88–93, 96–99, 101–109. М., 2009–2013; Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М., 2013; Его же. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога М., 2002; Его же. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. М., 2011; Его же. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004; Его же. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004; Его же. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. В 2 т. М., 2012.
5. Корягин С.В. 1 Мировая война // Корягин С.В. Назаровы и другие. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 88. М., 2009. С. 363.
6. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 74. Список генералов, офицеров и чиновников Амурский, Астраханских и Донских частей.
7. Проведение работ по оцифровке описей. URL: <http://rgvia.pf/novosti/21-01-2014-obyavlenie.shtml> (дата обращения 07.06.2014)
8. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник. М., 2004. С. 412.
9. Корягин С.В. 1 Мировая война. 9-й Донской казачий полк // Корягин С.В. Малчевские и другие. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 89. М., 2009. С. 440.
10. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 598; Корягин С.В. 1 Мировая война. 9-й Донской казачий полк. С. 441.
11. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 32, 37.
12. Что должно быть в электронной библиотеке РНБ? URL: http://vk.com/topic-38491865_28710870 (дата обращения 26.08.2013)

Е.П. Лукьяшко

Документы Государственного архива Ростовской области о Первой мировой войне

Сведения о событиях, происходивших в период Первой мировой войны, отложились во многих фондах Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО), содержащих документы 1914–1918 гг. Но наиболее интересные и информативные документы выявлены в 30 фондах органов управления, словесных, отраслевых и финансовых учреждений, промышленных предприятий, лечебных и учебных заведений. Они рассказывают о мобилизации казаков и неказачьего населения области Войска Донского и оказании поддержки семьям призванных на военную службу; об усилении мер по охране государственной тайны; обеспечении безопасности приграничных территорий; об организации помощи раненым и больным воинам, в большом количестве прибывавшим с театра военных действий; размещении и поддержке беженцев из западных областей России; о мобилизации средств и сборе пожертвований на нужды войны и строительстве лазаретов.

Отдельную группу составляют документы и газетные публикации, описывающие участие казачьих формирований в боевых действиях. В ГАРО их немного, лишь некоторые отложились в фонде Войскового штаба Войска Донского, в основном, в форме приказов и телеграмм. Еще в ходе войны стали задумываться о необходимости документирования и сохранения не только сообщений Штаба Верховного главнокомандующего о боевых действиях казаков и отчетов Штаба походного атамана о трофеях, добытых казаками в войну, но и сборе свидетельств о всех проявлениях мужества и славы, которые должны были послужить «готовым материалом при составлении истории войска Донского» и сыграть положительную роль в воспитании подрастающих поколений.

Задача сохранения памяти о подвигах казаков на полях сражений изложена в рапорте войскового старшины (впоследствии – полковника) Ивана Константиновича Хрещатицкого, командовавшего 25-м и 26-м донскими казачьими полками. 6 мая 1915 г., временно командуя 25-м Донским казачьим полком, он издал приказание о сборе иллюстративного материала и обратился к офицерам полка с призывом, «не полагаясь на свою память, выдающиеся подвиги отдельных казаков, а также все, могущее служить материалом к составлению истории полка, заносить в свои памятные книжки и при первой возможности сообщать офицеру, назначенному для занесения [их] в одну общую тетрадь» [1].

С вступлением во временное командование 25-м полком в нем «был заведен фотографический аппарат и оказался отличный фотограф-специалист, казак

Столяров», который к декабрю 1915 г. сделал свыше 100 снимков (предполагаем, что эти снимки хранятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива). Отсутствие такого специалиста в 26-м Донском казачьем полку, в командование которым вступил затем Хрещатицкий, затрудняло продолжение начатой им работы: «Какое было бы облегчение для будущего историка иметь готовый, не разрозненный материал, да еще иллюстрированный фотографическими снимками участников войны и всего, относящегося до боевой деятельности полка. Настоящая же война по цели, числу принимающих в ней участие держав и количестве войск – небывалая в истории человечества» [2].

К маю 1915 г. в войне принимало участие «58 донских казачьих полков, много отдельных конных и пеших сотен и 20 батарей, находившихся не только на различных фронтах, но и разных театрах войны» [3]. Продолжая вести хронику событий, в которых участвовал вверенный ему полк и подготовив некоторые материалы, ныне хранящиеся в фонде-коллекции Харитона Ивановича Попова, Хрещатицкий ходатайствовал о привлечении к этой работе всех командиров казачьих полков, распоряжение о чем «должно исходить от наказного или походного атамана. С этой мыслью я, – писал Хрещатицкий, – несколько раз обращался к командующему 4-й Донской казачьей дивизией графу Граббе, прося его доложить об этом походному атаману. Не знаю, доложил ли граф Граббе походному атаману во время посещения Его Высочеством 4-й Донской казачьей Дивизии, так как я с полком находился в отделе. Но в настоящее время по полкам разослана от Штаба дивизии бумага следующего содержания: “...ввиду предполагаемого возбуждения ходатайства перечислить из хозяйственных экономических сумм в переходящую на нужды полков после войны как-то: на составления истории полков, устройства музея, постановку в станицах медных досок памяти убитых, Георгиевских кавалеров и проч., прошу сообщить для доклада начальнику дивизии, какую сумму Вы считаете необходимым оставить в полку на вышеперечисленные нужды”» [4].

Вероятно, инициатива Хрещатицкого не получила поддержки и, кроме материалов, им собранных, мы не имеем подборок других полков, содержащих сведения о боевых подвигах казаков в период «2-й Отечественной войны». Все документы, подготовленные И.К. Хрещатицким, выявленные в 55-м фонде, будут помещены в предполагаемом к изданию сборнике, посвященном Первой мировой войне, над которым в настоящее время работает ГАРО.

Помимо сведений о боевых подвигах казаков, в ГАРО имеются документы об участии населения и даже учащих в помощи фронту. Например, в документах Таганрогского технического 8-классного училища и ремесленной школы при нем имеются сведения о привлечении не только преподавателей, но и большого числа учащихся для выполнения работ по изготовлению бомбометов на оборудовании училища; об организации и действиях дружин для помощи семьям призванных на войну, во время сельскохозяйственных полевых работ; о сборе средств для организации лазаретов [5].

Документы об участии жителей Дона в организации и содержании лазаретов содержатся почти во всех просмотренных фондах. Они создавались на войсковые средства, коллективные пожертвования, а также на средства частных лиц. Например, правление товарищества «Братья Парамоновы» обратилось к Ростовскому градоначальнику с предложением передать «временно, но в полное распоряжение для нужд санитарного общества “Красного Креста” двухэтажный дом с паровым отоплением, водопроводом и пр. удобствами по 29 линии на берегу Дона, вблизи железной дороги и оборудовании его всем необходимым для лазарета» [6]; а крестьянин Степан Александрович Санин – в Нахичеванскую городскую управу с предложением передать под лазарет принадлежавший ему дом и казармы, к которым имелся подъезд, необходимый для перевозки тяжелораненых [7].

Медицинская помощь оказывалась не только раненым российским воинам, но и военнопленным. В приказе Ростовского градоначальника № 656 в августе 1914 г. говорится об оказании первоочередной помощи «нашим раненым», «а потом неприятелям» [8]. В ГАРО имеется также комплекс документов о привлечении военнопленных к работам в сельском хозяйстве, на рудниках и при строительстве сооружений по шлюзованию Дона. Среди них: списки, документы об обеспечении военнопленных продуктами питания и одеждой, обувью, их медицинском обслуживании. В фонде Канцелярии войскового наказного атамана имеется рапорт заведующего судной частью Войскового штаба начальнику штаба Войска Донского о расследовании условий жизни военнопленных на руднике Парамонова. В нем говорится, что военнопленные в работе и условиях жизни равны русским рабочим [9].

Огромный поток беженцев, хлынувший на Дон летом 1915 г., необходимо было обеспечить жильем, питанием, медицинским обслуживанием, которое не только сохранило бы им жизни, но и предотвратило распространение эпидемий и заразных болезней, в том числе и среди местного населения. В фонде Атаманской канцелярии содержатся сведения о количестве беженцев [10], в том числе и по округам области Войска Донского; об организации и деятельности областного Комитета о беженцах, о распределении и использовании средств, отпущенных на их содержание [11]. В «Областных ведомостях» было опубликовано обязательное постановление войскового наказного атамана о запрете разговаривать на немецком языке в публичных местах. За нарушение полагался денежный штраф до 3 тыс. руб. или заключение в тюрьме до 3 месяцев [12].

Во исполнение циркуляра Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел № 52 от 13 октября 1914 г. были собраны сведения о немецких колониях и приняты постановления о переименовании поселений, носивших немецкие наименования [13]. Для обеспечения безопасности границ земли, расположенные в прибрежной зоне, выкупались у их владельцев Крестьянским банком. В фонде Войсковой канцелярии и газете «Донские областные ведомости» имеются списки землевладельцев австро-не-

мецкого происхождения, которые обязаны были продать свои участки [14]. Однако разъяснялось, что германские и австрийские подданные, находившиеся вне всякого подозрения, могли оставаться на своих местах и не лишались права владеть принадлежавшим им имуществом до тех пор, пока не возникали подозрения в их неблагонадежности [15].

Перестройку экономики городов во время войны характеризует предписание Ростовского градоначальника Нахичеванскому-на-Дону городскому голове «об исключении из городских смет расходов, не являющихся особо настоятельными, и о принятии некоторых других, обусловливаемых войною», а также мероприятия по установлению таксы на предметы первой необходимости, запрете на повышение цен, в особенности, на хлеб [16]. В городах и станицах области Войска Донского были приняты решения о закрытии на время войны винной торговли. Выдвигались предложения о прекращении продажи спиртных напитков навсегда [17].

Уделялось внимание агитации и пропаганде. В 1915 г. Сергеем Сулиным был подготовлен сборник стихотворений «Вторая Отечественная война 1914–1915 гг.», на выпуск 5 тыс. экземпляров которого Областное правление выделило 300 руб. [18].

Наряду с высоким подъемом патриотизма были и случаи, потребовавшие мер, изложенных в циркуляре начальника штаба Войска Донского № 3309 от 4 февраля 1916 г. В нем говорилось об ознакомлении всех воинских чинов с введением полной регистрации лиц, виновных в добровольной сдаче в плен и изменнических действиях в плену, для привлечения их после окончания войны к суду и о направлении в штаб всех поступивших к начальствующим лицам сведений о преступной деятельности пленных [19].

Обустройство существовавших в области Войска Донского мест для восстановления здоровья раненых и больных воинов [20] сочеталось с мероприятиями по сбору средств на строительство лечебниц в курортных зонах Кавказа и Крыма. Об этом говорят следующие документы:

- сообщение войскового наказного атамана предводителю дворянства Черкасского округа о подготовке к проведению однодневного сбора пожертвований на постройку 2 санаториев в Крыму для раненых воинов и их больных детей; протокол черкасской окружной организационной комиссии по сбору пожертвований [21];
- протокол черкасской окружной организационной комиссии по сбору пожертвований на постройку двух санаториев в Крыму для больных и раненых воинов [22];
- программа проведения мероприятий по сбору средств на постройку санаториев в Крыму, предложенная акционерным обществом Сулинского завода [23];
- сообщение Таганрогского предводителя дворянства директору Таганрогского технического училища о проведении сбора пожертвований на

строительство санаториев в Крыму для больных и раненых воинов и детей, осиротевших во время войны [24].

В целом, фонды ГАРО содержат обширный материал, раскрывающий различные стороны жизни населения области Войска Донского в тылу во время Первой мировой войны. Из них можно почерпнуть сведения о положении тыла, об отношении к раненым, о благотворительной деятельности, о ситуации с военнопленными. Но видны и определенные репрессивные меры по отношению к немецким колониям.

Примечания

1. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1464. Л. 13.
2. Там же. Л. 13–13об.
3. Там же. Л. 14–15.
4. Там же.
5. Там же. Ф. 5932. Оп. 1. Д. 235. Л. 14, 36, 41–41об.
6. Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1809. Л. 20–20 об.
7. Там же. Л. 30.
8. Там же. Л. 37.
9. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3998. Л. 3–4.
10. Там же. Д. 3791. Л. 29–31.
11. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3790. Л. 2–3об.
12. Там же. Д. 3777. Л. 1.
13. Там же. Д. 3698. Л. 59.
14. Там же. Л. 2–9.
15. Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 70. Л. 218.
16. Там же. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1811. Л. 57–57 об.
17. Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3706. Л. 28–31.
18. Там же. Ф. 301. Оп. 28. Д. 861. Л. 1–23.
19. Там же. Ф. 824. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–17 об.
20. Там же. Ф. 26. Оп. 5. Д. 1994. Л. 53–54.
21. Там же. Ф. 308. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–1об., 6.
22. Там же. Л. 20.
23. Там же. Ф. 26. Оп. 5. Д. 1986. Л. 10–12.
24. Там же. Ф. 593. Оп. 1. Д. 230. Л. 109.

В.П. Громов

**Участие кубанских казаков в Первой мировой войне
1914–1918 гг.
(в трудах казака-эмигранта А.К. Ленинова)**

Донской казак А.К. Ленинов прожил сложную и полную испытаний жизнь. Его отец – казачий генерал К.А. Ленинов участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. и в Первой мировой войне 1914–1918 гг. В 1920 г. эмигрировал с казаками за границу. Его сын А.К. Ленинов до революции 1917 г. окончил войсковую классическую гимназию в Новочеркасске, а в эмиграции учился в университете г. Брно (Чехословакия).

С ранних лет А.К. Ленинов увлекался историей казачества. Уже будучи учеником гимназии, состоял в историческом кружке, вместе с которым побывал в исторических местах донской земли. В эмиграции он активно участвовал в общественной жизни казачьего зарубежья, общался с историком И.Ф. Быкадоровым, Т.И. Стариковым, лидером вольно-казачьего движения И.А. Билым. А.К. Ленинов – один из активнейших сторонников вольно-казачьего движения. С 1931 по 1941 гг. был атаманом вольно-казачьих организаций во Франции. А.К. Ленинов сотрудничал с казачьими эмигрантскими журналами, газетами «Казачий Сполох», «Вольное казачество», «Казачья жизнь» и др. Всего А.К. Ленинов написал и опубликовал около 300 статей, очерков по истории казачьих войск. Кроме того, издал «Донской казачий словарь-лексикон», материалы по истории казачества, очерки «Кубанская казачья старина» в трех томах и ряд других работ.

С сожалением автор отмечал, что подлинной историей Кубанского казачьего войска почти столетия никто не интересовался, а если и появлялись материалы, то это были изложения и пересказы уже известного. Казачья эмиграция так и не написала ничего существенного по истории Кубанского казачьего войска. Поэтому в сборнике статей в «Кубанской казачьей старине» А.К. Ленинов попытался восполнить этот недостаток. И хотя автор не претендовал на полноту предлагаемых материалов, его труды представляют несомненный интерес.

Особое место в творчестве А.К. Ленинова занимают очерки «Кубанские казаки в Первую мировую войну» и «Конный рейд сотника В.Д. Гамалия к берегам Тигра в апреле-июне 1916 г.». К началу Первой мировой войны 1914–1918 гг. Кубанское казачье войско имело на службе 11 первоочередных конных полков, 7 пластунских батальонов, 5 конно-артиллерийских батарей, 2 отдельных конных дивизиона, 2 отдельных казачьих конных сотни, 4 команды в пешем строю. Основная часть кубанских соединений несла службу в Закавказье и Закаспий-

ской области. Только 1-й линейный конный полк перед войной находился на западной границе в г. Каменец-Подольском. В целом, Кубанское казачье войско после проведенной мобилизации призывных возрастов направило на фронт около 115 тыс. казаков. Особенностью Кубанского казачьего войска было то, что в нем, в отличие от других казачьих войск, были сформированы, помимо конных полков, и пластунские батальоны, объединенные в пластунские бригады. Широкое формирование пластунских соединений стало небывалым прежде явлением в истории кубанского казачества.

Кавалерийские части кубанского казачества отличились в боях на Западном фронте с немецкими и австрийскими войсками и внесли свой весомый вклад в победы русской армии. В декабре 1914 г. в сражении под Сарыкамышем на кавказском театре военных действий Кубанская пластунская бригада генерал-майора М.А. Пржевальского сыграла главную роль в разгроме турецких войск. Кубанские пластуны на Кавказском фронте участвовали в боях с турками под Карсом и Ардаганом. За проявленное мужество и подвиги 11 пластунских батальонов получили шефства членов императорской фамилии, что считалось тогда редким поощрением, тем более для пластунских частей. За бой под Сарыкамышем и Ардаганом 3460 кубанских пластунов получили Георгиевские кресты, а 2789 казаков-пластунов были награждены Георгиевскими медалями с надписью «За храбрость».

Пластуны направлялись на самые опасные участки фронта. В апреле 1915 г. корпус генерал-лейтенанта М.А. Пржевальского с Кавказа по железной дороге был переброшен в Севастополь. В Севастополе пластуны обучались посадке на морские суда и десантированию, так как были предназначены для морского десанта в Константинополь. В Севастополь приезжал император Николай II, пожелавший напутствовать пластунов перед отправкой в десант. Между тем, на фронте произошли большие изменения. Немецкие войска перешли в наступление, нанеся поражение русской армии. Здесь уже было не до десанта. Положение изменилось, когда летом 1916 г. русские войска под командованием генерала от кавалерии А.А. Брусилова на Юго-Западном фронте перешли в наступление. Инициатива на несколько месяцев оказалась у русских войск. В успех брусиловского наступления внесли свой вклад и кубанские казаки – кавалеристы и пластуны. Они воевали под Львовом и Перемышлем. Они направлялись для прорыва фронта или наоборот, восстановления положения. Для преодоления проволочных заграждений пластуны использовали бурки, которыми забрасывали проволоку и перекатывались, бросаясь в атаку. Никакая пехота не могла сравниться с пластунами.

Десант пластунов не состоялся, но отработанные навыки все же были использованы. В марте две кубанские казачьи пластунские бригады были сняты с позиций в Буковине и по железной дороге перевезены в Новороссийск, а затем в Батум и направлены для высадки десанта по овладению Трапезундом. Это была одна из крупнейших десантных операций в годы Первой мировой войны. Русские войска углубились в Турцию более чем на 300 км.

В 1934 г. А.К. Ленивов в Париже познакомился с легендарным полковником Василием Даниловичем Гамалием. Тот рассказал о конном переходе его сотни на соединение с английскими войсками в мае 1916 г. Мы узнаем из очерка Ленивова не только об этом переходе во всех его подробностях и сложностях, но и интересные сведения из биографии его руководителя. В.Д. Гамалий – будущий легендарный казачий герой – родился в 1884 г. в станице Переяславской Кубанского казачьего войска. В 1907 г. поступил в Оренбургское казачье военное училище, предварительно отслужив действительную военную службу в 1-м Черноморском казачьем полку. Окончив полковую учебную команду младшим урядником в 1911 г., Гамалий был произведен в чин хорунжего и направлен для прохождения службы в 1-й Уманский казачий полк, стоявший в крепости Карс в Закавказье.

В августе 1914 г. В.Д. Гамалий уже в чине сотника был назначен командиром сотни своего полка. Весь 1915 г. Гамалий воевал с турками на Кавказском фронте, где его Уманский полк сражался в составе 1-й Кавказской казачьей конной дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Н.Н. Баратов. В конце 1915 г. был образован Отдельный экспедиционный корпус, командиром которого назначен генерал Н.Н. Баратов. Уже в марте 1916 г. это соединение было переименовано в 1-й Кавказский кавалерийский корпус. В него входили: 7 казачьих полков Кубанского казачьего войска, 2 казачьих конных полка Терского казачьего войска и 3 драгунских полка Кавказской кавалерийской дивизии. В этих соединениях и воевал сотник В.Д. Гамалий, проявивший себя боевым казачьим офицером. В одном из сражений он был ранен в ногу. За мужество и героизм удостоен ряда боевых офицерских наград: ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Анненской ленты на шашку, а также орденов Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

К этому времени на Кавказском фронте сложилась опасная ситуация. Турция пыталась втянуть Персию в войну и нанести удар в тыл русских войск. Так возник Персидский фронт. Корпус генерала Н.Н. Баратова разгромил в 30 сражениях турецкие войска в занятых ими персидских городах. Тем самым Персия оказалась союзницей России. Теперь предстояло нанести удар по турецким войскам в городах Кашан, Сахне и Керманшахе с последующим наступлением в Месопотамию, где военные действия вели английские войска. Здесь сложилась неблагоприятная обстановка для англичан. Дивизия генерал-майора Ч. Таунсенда под Багдадом – столицей Месопотамии – потерпела поражение от турок. В декабре 1915 г. английские войска отступили к городку Кут-Эль-Амара на реке Тигр, создав укрепленный лагерь. Здесь английские войска были блокированы турками. К этому времени 1-й Кавказский кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова занял город Керманшах и находился всего в пяти переходах от Багдада. Англичане запросили помощи у русского командования. Главнокомандующий Кавказской армией великий князь Николай Николаевич приказал Баратову развивать наступление на Багдад, чтобы отвлечь на себя внимание турецких войск, осаждавших англичан.

Преодолевая невероятно трудные природные условия Иранского плоскогорья и палящий зной Месопотамской равнины, Керманшахский отряд, разбив турок под городами Керанда, Таки-Гирей, Серпуль, 25 апреля подошел к городу Ханакену, находившемуся в пяти конных переходах. Здесь В.Д. Гамалий получил приказ двинуться со своей сотней на соединение с англичанами, проводя в пути разведку. 27 апреля 1916 г. сотня В.Д. Гамалия вышла в поход. Проявляя дипломатичность и справедливо расплачиваясь с воинственными племенами за фураж и сопровождение в качестве проводников, Гамалий избежал прямых столкновений с курдами.

Турецкое военное командование, узнав о движении сотни казаков, послало свои кавалерийские отряды для их поимки. Продвигаясь к цели, Гамалию приходилось прибегать к различным формам воздействия на население: вести переговоры о пропуске отряда через владения племен, выдавать денежное вознаграждение, а то и прибегать к силе. Так, для большей стоворчивости с правителем Поштекуха, у которого был отряд всадников в 2,4 тыс. чел., В.Д. Гамалий в честь хозяина организовал показательную джигитовку казаков и сам принял в ней участие. Курды увидели, что представляет собой сотня казаков, поразившись удали, молодечеству и мастерству кубанцев. Правитель не только позволил беспрепятственно пройти по его территории, но и выделил проводника. Чтобы избежать неприятных случайностей, сотник Гамалий внезапно в ночь на 5 мая 1916 г. приказал сотне двигаться вперед. Свыше 600 верст преодолели казаки, пройдя через пустыни и горные ущелья в тылу турецких войск, отражая нападения противника. Несмотря на зной, страдая от недостатка воды, под постоянным обстрелом турок и курдов, казаки выполнили приказ командования, не потеряв ни одного человека. 6 мая 1916 г. сотник В.Д. Гамалий, его офицеры и казаки, измученные и обессиленные от тяжелого десятидневного похода, вступили в конном строю в английский военный лагерь.

Англичане были поражены рейдом казаков. За этот рейд Василий Гамалий был награжден высшей наградой Англии – Военным крестом. Все казаки были награждены английской военной медалью «За храбрость». Спустя две недели все английские газеты и журналы печатали репортажи о казаках-уманцах. Выдвижение Керманшахского отряда на Багдад и участие в нем 1-го Уманского полка, направление сотни В.Д. Гамалия на соединение с англичанами представляло собой неожиданное наступление во фланг и тыл турецкой армии в Месопотамии, сражавшейся против английских войск. Это спасло англичан в Месопотамии, так как турки обратили свое внимание на Керманшахский отряд генерала Н.Н. Баратова.

5 июня 1916 г. 1-я сотня Уманского полка под командованием В.Д. Гамалия, благополучно выполнив задание, возвратилась в Керманшах, соединившись со своим 1-м Кавказским кавалерийским корпусом. Все 107 казаков – участников рейда в Месопотамию – были награждены Георгиевскими крестами. Император Николай 11 прислал телеграмму с благодарностью и поздравлением участни-

кам похода. Приказом по Кавказской армии 1-й сотне Уманского полка было присвоено наименование «Георгиевская сотня». Это был второй случай за годы Первой мировой войны, когда сотня кубанских казаков в полном составе удостоилась Георгиевских крестов.

Таким образом, А.К. Ленивов внес свой вклад в изучение истории Первой мировой войны 1914–1918 гг. Он раскрыл действия казачьих соединений на кавказском театре военных действий, охарактеризовал подвиги героев, описал отдельные события, походы и сражения. Источниковую базу его исследований составили доступные ему документы, материалы и воспоминания участников войны, что придает работам А.К. Ленивова особую значимость.

Н.А. Власкина

**Дневник германской войны:
из материалов этнолингвистической экспедиции
ЮФУ – ЮНЦ РАН¹**

В 2009 г. комплексная этнолингвистическая экспедиция ЮФУ – ЮНЦ РАН работала в Даниловском районе Волгоградской области. Житель хутора Заполянского Валентин Михайлович Клеветов передал в дар ее сотрудникам замечательный артефакт – дневник своего деда Святослава Владимировича Быковского, охватывающий события 1914–1915 гг.

Дневник представляет собой записную книжку размером 105×170 мм, объемом 224 страницы, в твердом переплете, вероятно, немецкого производства (на обложке сохранился фрагмент фабричного заголовка с надписью Konto (в переводе с немецкого – счет)). Дневниковые записи занимают большую часть – 215 страниц – книжки. В их число, помимо собственно ежедневных сообщений, входят 3 вставных фрагмента, имеющих опосредованное содержание к основному повествованию: переписанная из неизвестного источника статья пропагандистского характера, озаглавленная «Надвигается ужас истощения Германии», 2 страницы польско-русского словарика, содержащие транскрипцию обиходных польских слов и их перевод на русский язык, и описание крепости Перемышль. На оставшихся листах содержатся разрозненные заметки, судя по почерку и чернилам, более поздние и вносившиеся туда разными людьми: несколько почтовых адресов, список покупок, надписи, сделанные детьми. На внутренней стороне обложки – атрибутирующая надпись: «Дневник Германской войны 1914 году вет – ф-р 19 донской отдельной казачей сотни Быковского Святослава Владимировича». В книжку было вложено 12 фотографий с фронтов Первой мировой войны, продатированных на обороте 1915–1917 гг.

Святослав Владимирович вел подневные записи с 18 июля 1914 г. по 12 октября 1915 гг., будучи военным фельдшером 19-й отдельной Донской казачьей сотни 3-го армейского корпуса 1-й армии, участвуя в кампаниях в Восточной Пруссии и Польше, что делает попавший в архив экспедиции дневник ценным источником для тех, кто изучает историю Первой мировой войны. Хотя в целом этот период характеризуется расцветом военной мемуаристики [1], но особен-

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Музейная идеология в современных условиях Юга» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

ность данного фонда текстов такова, что его невозможно исчерпать: в совокупности позволяя нам делать типологические обобщения, каждый из дневников по отдельности остается, по образному выражению Е.С. Сеньявской, «живым образом человека» в его неповторимой индивидуальности» [2].

Настоящая статья посвящена автору полученного дневника. К сожалению, мы не знаем о том, как сложилась его судьба после войны, но сама ткань дневникового повествования позволяет увидеть, каким был характер этого человека, что было для него важно, свидетелем каких событий он был.

Святослав Владимирович начинает свой дневник с намерением подробно изображать все, с ним происходящее. Первая запись посвящена отъезду казаков на фронт. Видимо, ориентируясь на художественные тексты, автор воспроизводит детализированную картину происходящего, наполненную звуком и движением: «23 Юля въ 6 ч. вечера съ криком, плачемъ, и громкимъ восклицаніемъ ура, наш эйшалонъ двинулся съ мѣста тихо, дабы было возможно провожающимъ насъ пройти нѣсколько саженой прощаясь съ родными. Поѣздъ усилилъ ходъ публика постепенно стала отстовать, хотя нѣкоторые напрягали свои последнія силы пробѣжать дальше нокакъ не усиливались не могли успѣвать за поѣздомъ – отстали; Только одинъ изъ массы публика былъ верховым, который на своемъ сѣдокѣ могъ еще равняться съ поѣздомъ, но и уполсѣдняго истекли силы провожатый отсталъ. Послѣ всего этого изрѣдка слышны были раздающіеся голоса пѣсенъ. Наконецъ все стихло, неслышно ни звука, кромѣ грохота колесъ» [3].

Это лирическое описание служит своеобразной преамбулой к дневнику. Само же подневное повествование начинается со дня прибытия в местечко Симново, находившееся примерно в 70 км от русско-прусской границы. По-видимому, основной целью ведения дневника С.В. Быковский видел запечатление для истории максимально конкретного предметного и событийного ряда. Дневник выполнял прежде всего мемориальную функцию – служил хранилищем информации, быстро стирающейся из памяти [4]. Хотя прямо эта позиция в тексте не озвучена, но она может быть установлена на основе анализа его содержания.

Последовательные подневные записи (практически без пропусков) выдают в нем человека педантичного и аккуратного. С максимальной точностью Святослав Владимирович фиксирует время событий, которым является свидетелем: боевых вылазок, перегруппировок войск, выступлений в новый населенный пункт, реальных и планируемых штабом, начала и окончания боя и т.д.: «31 Юля въ 9 час. ут. пролеталь 1й для нас непріятельский аэропланъ над. м. Симново»; «1 Августа въ 8 1/2 часовъ утра вся собралася дивизія двинулась в передь поноправленію къ границѣ»; «м. Эсцержален 21 декобря. Съ 8 часовъ утра и до 3 час. веч. рѣдкая перестрѣлка».

Дневник Святослава Владимировича пестрит числами разного рода. Быковский тщательно записывает число пленных, участвовавших в операциях солдат, пролетевших над головой снарядов. Стремление запечатлеть как можно более

точную и полную картину происходящего объясняет широкое использование автором самых разных источников информации: это и собственные наблюдения, и сведения, полученные от пленных, и штабные сводки: «Чрезъ нѣсколько времени передають по телефону, что аэропланъ сбитъ, на немъ находились 1 офицеръ и 2 солдата» (м. Симново, 31 июля 1914 г.); «Такъ нашихъ погибло 80 чел. уб. 32 чел. взято въ плѣнъ и кромѣ этого взято 2 пулемета» (м. Эсцергален, 12 ноября 1914 г.); «Съ утра сильная орудейная перестрѣлка. Непрiятель обстрѣливалъ дер. Лыснево, куда брошено имъ 42 снаряда, изъ которыхъ 22 не разорвались, а остальные разорвались, но не причинили ни какого вреда. Пролетали аэропланы, съ которыхъ были брошено 2 бомбы, одна изъ нихъ во время полета попала въ телеграфъ проволочный, упавъ на землю не разорвалась. Видъ бомбы конусообразный, вѣсъ до 10 фунтовъ» (д. Пржедвоево, 1 февраля 1915 г.).

Анализ типов записей в дневнике Быковского показывает, что более всего из происходящего за день его интересуют события, связанные с ходом войны: передвижения групп войск (в том числе и чаще всего соединения, в котором состоит Быковский), сами боевые столкновения и их планирование, подвиги товарищей. Поэтому время отдыха он не считает достойным запечатления в дневнике. Но, однако, свойственный автору педантизм не позволяет пропустить ежедневную запись. В таком случае он ограничивается указанием даты, места, кратких сведений о погоде и иногда неразвернутыми заметками: «Плаушкемэнъ 5 Декабря. Его благородіе сотникъ Коневъ ездилъ на охоту съ несколькими казаками. День шоль дождь. Плаушкемэнъ 6 Декабря. Безъ переменъ. День пасмурный теплый. Плаушкемэнъ 7 Декабря. Безъ переменъ. День пасмурный, теплый. Плаушкемэнъ 8 Декабря. Безъ переменъ. День пасмурный, теплый».

Как видим, Быковский обязательно указывает места, где производятся записи. Такая аккуратность позволяет автору делать в дневнике внутренние отсылки к более ранним фрагментам текста: «им. Мимоненъ 4го Ноября. Въ 8 часовъ утра двинулись впередъ, подоваясь въ лѣво и остановиться на мѣстѣ 25 див. в. имѣніи Енцуненъ, гдѣ мы были 6 Августа».

Т.В. Радзиевская обращает внимание на то, что стилистическое оформление дневника часто зависит от коммуникативного опыта автора, сформированного при чтении или написании текстов различных типов [5]. В случае С.В. Быковского, безусловно, большую роль играет, кроме особенностей характера, также нахождение повествователя при штабе. В результате любая получаемая информация воспринимается им прежде всего как стратегически важная. Так, по прибытии в новый населенный пункт в большинстве случаев С.В. Быковский дает географическую характеристику места: «Въ 5 час. вечера прiѣхали въ г. Оленбургъ. <...> Съ Южной стороны города молочный заводъ. Съ сѣверной стороны рѣка. Съ западномъ стороны лѣсъ, а с Востъ. чистое поле» (12 августа 1914 г.); «8 Ноября <...> местъчко Эсцергаленъ расположено на полувозвышенномъ мѣстности по ту и другую сторону шоссейной дороги, которая шла отъ Вержболова черезъ Сталупененъ и Эйшкуненъ; послѣдній граница съ

Вержболовымъ и до Гумбинина съ Юга на Сѣвер пересѣкая шоссеиную дорогу протекаетъ ручеекъ».

Быковский обращаетъ внимание также на городскую и сельскую застройку, по-видимому, преимущественно на те ее черты, которые отличались отъ известныхъ ему: «Когда зашли за границу, намъ бросились въ глаза по полю разбросанные, черепицей покрытые дома, съ хорошей постройкой. Поле каждого хозяина обгорожено проволокой. Дороги сосшейныя, обожены деревьями» (5 августа 1914 г.); «г. Варшава по себѣ шумный – живой. Улицы чистаи; на каждомъ пер. стоитъ служащій съ метлом. Затемъ на главныхъ улицахъ есть дома 2–3- и 4 этажныя. Торговцы преимущественно евреи и поляки. Остальныя улицы грязныя не вычещены. По всѣмъ улицамъ города ходять Трамваи» (6 января 1915 г.).

Из-за склада характера и специфики жизни в условиях войны автор чаще прибегаетъ к топиальному стилю изложения, нежели к дескриптивному [6], – первичная его интенция, как мы уже упоминали, – фиксация событийного наполнения дня, и гораздо реже он оказывается заинтересован в самом процессе создания письменного текста.

Только однажды, видимо, вспомнив прочитанный сентиментальный роман, он оставляет в дневнике бытовую зарисовку: «Кошеварь, с отпущеннымъ подбородкомъ и отвислымъ брюхомъ, находился возлѣ спокойно стоявшій телки. Телка, не предчувствуя ничего, быстро смотрѣла на своего губителя, который точившей ножъ. Ножъ засверкалъ и телка повалилась на землю, тресясь и брыкая во всѣ стороны ногами, стораясь этимъ кого нибуть захватить и нанести предсмертный ударъ за не винный поступокъ надъ нею» (имение Туркмен, 13 августа 1914 г.).

Отметим несколько ситуаций, в которых автор считает необходимым сделать более подробные, нежели обычно, записи. Безусловно, нашему герою интересен противник. С.В. Быковский в подробностяхъ пересказываетъ несколько разговоровъ с пленными, описываетъ внешний вид вражескихъ снарядов, устройство немецкихъ укреплений: «Окопы непріятели очень глубоки и сخورошами проволочнаго загрожденія. Въ окопахъ койки, устроены печи, много разброшено винныхъ бутылокъ нѣмецъ, какъ видно, погуливали, да и не удивительно, т.к. многія взятыхъ въ плѣнъ были пьяны» (24 октября 1914 г.); «м. Эсцергален 13 декабря. <...> Изъ нѣмцевъ одинъ могъ говорить по русски видно что ихнее начальство грозить имъ что якобы русскіе плѣнныхъ будутъ всячески казнить, а если кто попадетъ казакамъ съедають совсемъ потрухомъ. Если бы мы знали тако они говорятъ, что снами будетъ хорошо поступать, то мы давно-бы всѣ пришли, у насъ такъ говорятъ всѣ поляки изъ нѣмцевъ и многіе нѣмцы».

Еще однимъ предметомъ внимания Быковского становятся подвиги соотечественников, вылазки разведчиковъ: «До разслѣдованія дѣла. Ему, нач. Див. было представлено точное свѣдѣніе о непріятели, но онъ къ этому отнесся нетакъ, какъ слѣдовало почему прилось поспродать съ большими потерями отступить».

Во время наступления неприятель на одну из батарей, где положительно вся прислуга была выбита, кроме одного наводчика, который всячески старался отбить наступления неприятеля. Онъ не теряясь и не падая духомъ, метается то къ одному, то къ другому орудію заряжая шрапнелями и осыпая ими неприятеля такъ много положилъ ихъ, что они и не видя свою братію подъ ногами, шли впередъ по ихъ трупамъ, но были также поражены. Такъ, храбрый неустрашимый наводчикъ, заставилъ коварнаго врага отступить отъ батареи. Такъ батарея спасена. За спасеніе батареи наводчикъ получилъ первый офицерскій чинъ» (25 октября 1914 г.). Подобные описания мы встречаем в нескольких местах дневника.

В значительном количестве подневных записей хроникальность изложения не оставляет места для выражения чувств, но все же эмоциональные описания не чужды Быковскому. Закономерно, что огромное впечатление на автора произвел первый масштабный бой, в котором ему довелось принять участие, – при пересечении российско-прусской границы 4 августа 1914 г. Замечательна и запись, сделанная тремя днями позже. Видимо, обладая необходимым временем для осмысления происходившего, Быковский создает объемную картину боя, почти кинематографический кадр, где есть детали, крупные и общие планы, визуальный образ дополняется звуковым: «Эйцуненъ 7 августа <...> черезъ нѣсколько времени открылся сильнай ожесточенный бой. Штабъ завели лошадей за сораю когда стояли за сораемъ то отвыстреловъ съ испуга бросилась въ лошадей дикая коза котораю поймали казаки, и понесли къ начальнику дивизію, но онъ ее разрешилъ пустить не взявъ сибѣ. Начальствующіяся лица вышли на горное изъ подъ лѣса мѣстность, откуда наблюдали за дѣйствіемъ. Снаряды полевого орудія, не довали намъ покоя, а начальство, боясь уцѣрба конвойной команды, перевели насъ за густой лѣсъ в лощинку. Здѣсь еще болѣе пришлось постродать, такъ какъ снаряды разрывались въ пяти и десяти шагахъ, перелетая черезъ насъ. По лѣсу шумъ трескотня снарядовъ. Деревья валились сломывая въ свою очередь вѣтки. Весь этотъ шумъ, стукъ, свистъ, разрывъ шрапнелей, выбрасываніе земли въ вышину на нѣсколько сажени на подобіе огнедающаго вулкана и волненіе лошадей предствляло изъ себя что-то ужасное не описуемое».

Отдельные ремарки, связанные с эмоциональным восприятием происходящего, мы будем находить в дневнике и далее. Но что характерно, большая их часть будет касаться настроения не самого героя, а всех бойцов в целом, и будет связана почти исключительно с ходом боевых действий. Это соответствует несколько отстраненной позиции летописца, хроникера, которую избрал С.В. Быковский.

Радость упомянутые в дневнике люди испытывают, когда узнают о победах на русском фронте или готовятся к наступлению: «Въ 10 час. въ штабъ пріѣхалъ священникъ и отслужили благодарственнаю молебень опобѣде нашими войсками, и взятія Перемышля, въ этотъ радостный день офицеры и н.чин. были в веселомъ настроеніе» (д. Шульмерж, 10 марта 1915 г.). Волнение,

неудовольствие, отчаяние – те чувства и эмоции, которые связаны с отступлением войск, сражениями, не предвещающими победы: «Каршау 16 Августа. День отъ дня становится все хуже и хуже. Слышатся слова, проговаривают офицеры удержимся-ли мы. Такъ весь день провели въ каком-то волненіи».

Сам же герой в большей части текста удивительно бесстрастен. Несмотря на тяжелые условия, он крайне редко жалуется на быт или погоду. А если это и происходит, то не идет далее краткого упоминания, близкого к фактографическому: «Грос-Алендорфъ. 22 Августа. В 3 часа 22 Августа прибыли въ дер. во время похода шоль сильный дождь: Промокли до не возможности»; «Дождь, грязь, холодъ, пришлось день и ночь бродить по густому лѣсу» (д. Ново-сады, 4 сентября 1914 г.).

Иногда читателю в большей мере, нежели самому автору, приходится удивляться возможностям русского воина: «Вовремя отступленія пройдено пѣшкомъ 535 версть потомъ получили лошадей и проездили на мешкахъ 243 версты итого прошли за два споловиной мѣсяца 778 версть» (11 сентября 1915 г.) – Быковский приводит лишь сухие цифры, никак их не комментируя.

Единожды мы встречаем упоминание о личных контактах Быковского: он говорит о прощании со знакомым фельдшером перед отправкой на Варшавский фронт: «Офицера распивали и говорили рѣчи провожатымъ казакамъ, которыя на отвѣтъ восклицали Ура! Черезъ нѣсколько времени растались и наша сотня пошла по направленію чрезъ г. Столупень гдѣ заѣхали и остановились на отдыхъ, и командиръ сотни пошелъ въ штабъ корпусъ, а я унего спросился и пошли въ штабъ 34 полка к ф-ру Семиков онъ насъ напоил чаемъ и попрощались с нимъ, онъ намъ пожелалъ всего хорошего» (4 января 1915 г.).

Лишь по косвенным деталям мы можем узнать что-то о довоенной жизни С.В. Быковского, о привычных ему занятиях. Наблюдательность автора выдает в нем не только педанта и по-военному дисциплинированного человека, но и добросовестного хозяина-земледельца: в описаниях новых мест мы нередко встречаем, помимо ориентировочных заметок, упоминания о плодовых деревьях, об устройстве подворий, о сельскохозяйственной технике тех мест, где останавливается фронт.

Повседневный опыт хозяина и охотника проявляется и в тех случаях, когда автор, избирая дескриптивный стиль изложения, переключается с сухого описания фактов на почти художественное повествование с яркими и близкими ему сравнениями: «Часть <овса> дали лошадям, а часть разтелили и полегли, прижались другъ къ другу отъ холода, вмѣстѣ съ нами былъ и командиръ сотни съэжевшись, точно как поросенок подъ-дождемъ» (российско-германская граница, 4 августа 1914 г.).

Лишь в нескольких случаях тематика повествования выходит за пределы боевой тематики и переключается в модус повседневности. Наиболее яркий сюжет – свидетельство о праздновании Нового года в сотне (отметим, что это единственный праздник, о котором говорится на страницах дневника). Эта

же запись выступает одним из двух контекстов упоминания дома, жизни вне фронта (с первым из них мы встречаемся в описании начала войны): «м. Эсцергалень 1го января 1915 года. извѣстили сотню о перегодѣ на Варшавскій фронтѣ. Встрѣча Новаго-года, какъ водится, по распоряженію к-ра была собрана сотня въ одинъ дворъ и поздоровался съ пожеланіемъ побѣдить нашего коварнаго врага. Послѣ чего к-ръ вмѣстѣ съ казаками вошелъ въ одну маленькую комнату, съ приготовленіемъ напитками и закускою выпили командиръ и присутствіи его, казаки – разошлись. Весь день были въ жизнерадостномъ настроеніи вспоминая домашнихъ и готовясь къ выступленію на Варшавскій фронтъ въ помощь своимъ собратіямъ».

Мы можем предположить, что, будучи последовательным и аккуратным человеком, единожды избрав себе цель – запечатлеть в дневнике военные события, С.В. Быковский четко ее придерживается. И поэтому все то, что связано с домом, остается за пределами повествования. С другой стороны, такую особенность стиля можно объяснить и гендерными характеристиками автора. По наблюдению Е.Е. Левкиевской, «в “мужском” нарративе рассказчик предстает как самостоятельный субъект действия, а его жизнь обычно осмысливается не через семью, а через систему активных действий, в которых реализуется “я” – самостоятельная личность» [7]. Рассматриваемый материал согласуется с этим тезисом. На страницах дневника единственно возможный контекст – это война, автор мыслит себя либо как часть своей сотни, либо как отстраненного хроникера, внеположенного ситуации.

Подводя итог, отметим, что педантичный, сдержанный и выносливый солдат создает своим повествованием фактографичный образ войны, насыщенный деталями и подробностями, источник, обладающий большим исследовательским потенциалом.

Примечания:

1. Рейнгольд А.С. Восприятие Первой мировой войны в военных дневниках: сравнительный анализ отечественных и западноевропейских источников. Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2011. С. 13.
2. Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении: проблемы военно-исторической антропологии и психологии: курс лекций. М., 2012. С. 42.
3. Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника.
4. Радзіевська Т.В. Некоторые наблюдения над функционально-семантическими и стилистическими особенностями дневников // Стил. 2004. № 3. С. 226.
5. Там же. С. 231.
6. Там же. С. 230.
7. Левкиевская Е.Е. Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX века // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. Сб. ст. М., 2009. С. 169.

О.М. Морозова

**Письма с фронта. 1914–1917 гг.
(по материалам личного фонда В.А. Ажинова)**

Понять человека, воевавшего в окопах Первой мировой войны, можно только на основе его собственных суждений, зафиксированных в виде многочисленных свидетельств представителей массовых групп. Численность документов личного происхождения, относящихся ко времени Первой мировой войны, совершенно ничтожно по сравнению с коллекциями, датированными другими периодами. Их рассеяло время революции и Гражданской войны, эмиграция и разрыв культурной традиции. Сохранность переписки периода Первой мировой войны невысока. К этой редкой разновидности архивных документов относятся письма, написанные домой с Кавказского фронта мобилизованным в армию майкопским врачом Василием Федоровичем Соловьевым; переписка членов семьи потомственных военных Эрдели и породненных с ними представителей других дворянских фамилий [1], а также переписка с однополчанами подполковника (с 1915 г. – полковника) Василия Александровича Ажинова в 1915–1917 гг. [2].

В молодости Ажинов был арестован в связи с участием в нелегальном обществе народнического толка, осужден и исключен из реестра Донского казачьего войска. После амнистии завершил обучение в Михайловском артиллерийском училище и служил в Туркестане в неказачьей части; участвовал в Японской кампании. Среди авторов корреспонденций, адресованных Ажинову, в основном его бывшие сослуживцы. Письмами они обменивались тогда, когда кто-либо из них выбывал из части по ранению или в связи с переводом. Соловьев также был известным в Майкопе либералом и даже демократом (точно определить характер политических взглядов таких народничаствующих интеллигентов сложно). Вместе с двумя другими майкопскими врачами Львом Борисовичем Шварцем (отцом будущего известного драматурга) и Никитой Георгиевичем Шапошниковым после 1905 г. был выслан в Баку.

Судя по сохранившимся эпистолярным свидетельствам, в армии Соловьев и Ажинов ощущали себя органично и естественно благодаря обилию товарищеских (с сослуживцами-офицерами) и клиент-патронских (с нижними чинами) отношений, в которых им виделась «солидарная» модель общественных отношений. Давнее народническое постижение «правды-истины» казалось особенно достижимым на фронте в непосредственной близости к смерти, а сближение с народом, преодоление сословных и социальных барьеров – реальным, когда

выслужившиеся в подпрапорщики старослужащие солдаты переходили в новый статус, а вместе с ним и на дружескую ногу в общении с выпускниками военных училищ.

Сплочение, к которому стремились в русской армии, базировалось не только на суворовских правилах, но и на идейных отголосках традиционного интеллигентского народолюбия. Все это сформировало типичные модели поведения, выразительно представленные в текстах писем.

Желание следовать за своим переведенным в новую часть командиром или вернуться после ранения именно в свою старую часть представляется весьма распространенным настроением. Разгадка такой преданности проста – тянулись к такому командиру, с которым шансы выжить были выше. Высокий интеллект Ф. Степун отмечал бестолковое командование своего батареинного капитана, нередко дававшего неуместные распоряжения. Поэтому когда ему удалось перевестись в другую батарею, он рассматривал избавление от капитана-неудачника как великое счастье [3].

Заинтересованность командира в проверенных подчиненных была другой стороной традиции приверженности части. Сослуживец Ажинова по Туркестану генерал Константин Кац писал ему после того, как его назначили командовать новой артиллерийской бригадой: «Жаль мне своего дивизиона, он наиболее стоек по оф[ицерскому] составу – командир Крестинский, Успенский, еще там Моргунов, Чулковы Леонтий и Михаил, Ломшаков (Барейша и Хорошевич убиты) – да верно очередь подошла на повышение» [4].

Перечень потерь – раненых и убитых – составляет основное содержание новостей. Афонин писал отбывшему в тыл полковнику: «У нас в батарее по-старому – только у меня ранен телефонист в ногу. [...] В других батареях все живы и здоровы» [5]. Игра судьбы, рок, фатум...

Описание боевой деятельности включало в себя и характеристику сослуживцев. Как правило, это были положительные образы. По поводу тех, с кем рисковали жизнью, злословили крайне редко. По-видимому, воюющие наиболее комфортно чувствовали себя в окопах, если воспринимали окружение как товарищеское. Офицер Афонин составил в сентябре 1916 г. пространное письмо, в котором, желая держать бывшего командира в курсе дел его бывшей батареи, подробно описал и дорогу на новую позицию, и ландшафт Волыни, куда держали путь, и новые обнадеживающие веяния в армии: «Здесь убедился в желании работать со стороны всех чинов [...] Относительно способа ведения войны многое уже не то, что было раньше. Начальство стало ближе к позиции, часто ходит по окопам, поощряет нижних чинов, чего не было раньше» [6].

За счет близкой дистанции между товарищами упоминания о травматическом воздействии войны на психику не считаются зазорными. Ажинов-отец писал младшему сыну Александру, служившему неподалеку в другой артиллерийской батарее: «Шура! Как живешь? Что поделываешь? Как понра-

вилась тебе вчерашняя увертюра из оперы “Марс”. Не спужался? – А я, брат, напугался. – Думал, что уже Герман прет [...]. Приезжай в гостишки, хотя кроме чая и стакана молока на угощение не рассчитывай. Ну будь здоров и невредим. Жму руку тебе... Твой рѣге» [7]. Но и незнакомый ему лично подъесаул Н. Попов, командир Василия – старшего из сыновей Ажинова, писал в письме к нему: «Дела на нашем фронте идут хорошо, тесним австрийцев. Дай Бог, чтобы война скорее закончилась – нервы поиздергались в конец» (31 марта 1915 г.) [8].

Оценочные суждения писем позволяют реконструировать систему ценностей офицерства. Тыл воспринимался как место, недостойное для пребывания. В этом смысле понятие тыла было очень широким – от полковой учебной команды до отдаленных губерний. Даже зимнее сидение над бумагами ощущалось как своеобразный «тыл». Штабс-капитан Афонин накануне последней зимы царской России писал своему бывшему командиру полковнику Ажинову: «Теперь мы стоим на месте и [нрзб.] постреливают. Жизнь монотонная, однообразная и унылая. Теперь насаждают на нас чертежами, схемами, [нрзб.] планами, ведомостями, проектами на случай наступления или обороны [...]. Школа прапорщиков у нас еще не функционирует. Но занятия там не освобождают от строевой службы. Если уже паче чаяния меня откомандируют, то придется бежать. Терпеть не могу тыловой службы да еще заниматься прапорщиками. Поэтому на всякий случай прибегаю к вашему содействию. Можно ли к Вам перевестись в дивизион или прикомандироваться. Служить буду так, как вообще раньше служил. Я всегда отрекся от преподавательской должности, говорил об этом полк[овнику] Карабеческому [9], но он говорит, что это не на все время войны. Согласен, что это только на зимний период, но этого я не желаю» (4 ноября 1916 г.) [10].

В. Китаев писал отбывшему для получения дивизиона Ажинову в Казань: «Ваша мятежная душа теперь конечно не уживается в мирном городе Казани и рвется на фронт, прочь от мародеров тыла (и мы знаем модные слова) на свежий воздух, пропитанный запахом пороха» (24 февраля 1916 г.) [11].хлопоты по формированию новой части затянулись, поэтому полковник получил с фронта письмо, которое должно было затронуть его чувства фронтовика: «Жалуетесь Вы, что Вас изводит сидение в глубоком тылу. Еще-бы, Вам с вашим порывом и с Вашей энергией, да в такое горячее время сидеть в тылу! Я Вас понимаю и вполне Вам сочувствую. Но ничего, Бог даст, пошлет Вас бить Болгар [,] и Вы тоже с лихвой вознаградите себя за это потерянное время. От всей души желаю Вам дальнейших подвигов, а Вашему дивизиону молодому оказаться вполне достойным доблестного и храброго боевого командира» (3 октября 1916 г.) [12].

Уклонение от перевода из части в часть могло быть связано и с суеверием. Из боязни как-то нарушить неустойчивое равновесие, сберегающее от пуль, фронтовик остерегался что-либо менять. Возможно, что это могло воздействовать

купирующим образом даже на обязательные для офицера карьерные амбиции. Штабс-капитан Афонин уверял сослуживца: «Не скрою от Вас, что только необходимость заставит меня получить батарею и ротный дивизион. Это меня больше всего огорчает» (4 ноября 1916 г.) [13].

Посредством обобщения оценок личных качеств сослуживцев и начальства можно вывести массово признаваемый образ идеального офицера. Похвалы удостоивались стойкие офицеры, до конца исполнявшие свой долг на передовой. Высокой оценки всех сослуживцев удостоился прапорщик Никонов. Врач Тер-Давыдов как наиболее знакомый с вопросом сообщал отбывшему в тыл Ажинову: «Из офицеров тяжело ранен и эвакуирован прапорщик Никонов. Вот уж молодец оказался. Герой настоящий! Я прямо в восторге от него. Собственно Ник[онов] был ранен дважды. Еще утром пулей легко, но об этом он никому не заявлял, оставаясь в строю и продолжая свое дело на передовом наблюдательном пункте. А вечером был ранен уже вторично – осколком, когда вел в атаку роту. Радовалось бы Ваше сердце за такого молодца, если-бы Вы были здесь» (3 октября 1916 г.) [14]. Карабчевский продолжил одобрительный хор: «Алексей Андреевич Никонов действительно молодчик, не эвакуировался бы и он, если бы мог ходить (а рана в «***»), но отсутствовал всего 2 ½ недели» (ноябрь 1916 г.) [15].

Обращает на себя внимание парадоксальность офицерских суждений. Соседают, казалось бы, противоположные цели и настроения – подчеркивается личная незаинтересованность в должностях, в карьерном росте. И в то же время в случае ущемления своих законных прав офицер незамедлительно и резко высказывался об этом в разговорах и переписке с сослуживцами. Причина видится в том, что смешались разные мотивационные механизмы. Уже упоминалась совокупность настроений, ориентированных на стабильность, она-то и могла блокировать стремление к выдвиганию. Противоположный процесс обеспечивался комплексом представлений об офицерской чести. Именно незамеченные начальством отличия по службе заставляли офицера чувствовать себя униженным.

Офицерское сообщество не было сплоченным. Оно делилось на «дружественное» и «недружественное». По-видимому, офицеры, писавшие Ажинову, образовывали его дружественный круг. Их негативные отзывы о других офицерах, которые, как они были уверены, непременно поддержал бы Ажинов, дают представление о составе враждебного лагеря. Наиболее часто в негативном ключе упоминаются Фридеман, Аурениус, «Морж» [16] и «Князь» [17].

Война с державами Тройственного союза вызвала небывалый для России всплеск германофобии. А с учетом высокого процента офицеров немецкого происхождения в русской армии вопрос об особенностях этнической идентификации и самоидентификации должен был приобрести, казалось бы, определенную остроту. Но присутствие этнофобий в офицерской среде не обнаружено. Среди сослуживцев Ажинова были немцы Тидеман, Альтрейх, Фридеман и, очевидно, поляк Аурениус. Просто одних носителей немецких

фамилий считали товарищами, к другим относились иначе. Таковым было отношение к Фридеману и Аурениусу. К сожалению, о причинах такой реакции можно только догадываться. Пожалуй, самыми надежными вариантами могут считаться недостаток военного профессионализма и личного мужества и несоблюдение неписаных правил офицерской среды. Если на батарейном уровне Тидеман и Альтрейх были боевыми товарищами, то в газетной статье, подготовленной полковником Ажиновым для одной из тыловых газет, те же германофобия и шпиономания, рассуждения о «мясоедовщине» и «сухомлиновщине», что и везде.

Фронтное офицерство хотело воевать, презирая всех, кто окопался в тылу или мешал их благородному делу. Как писал врач Соловьев: «Я не слышу ни откуда вопроса: зачем война, я скорее чувствую, что война эта нужна...» [18]. Оно воспринимало пору жестокой войны как время проверки человеческих и служебных качеств – своих и чужих. Низкая в артиллерийских частях по сравнению с другими родами войск сменяемость офицерского и рядового составов способствовала формированию дружеских ячеек с ярко выраженной групповой идентичностью. Вероятно, объединяли взаимная уверенность в профессиональных и офицерских качествах друг друга, общие позитивные и негативные оценки ситуаций и людей, совместная история пережитых эмоций. Групповое чувство важно было в условиях ежеминутного риска для жизни, которую могли гарантировать только выучка сослуживцев и удача. Отсюда почти суеверная заинтересованность в стабильности, в сохранении положения, в котором ранее удавалось выживать.

Примечания

1. Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА). Ф. П-1293. Оп. 1-л. Д. 65, 66, 68, 76; Государственный архив Одесской области. Ф. 143. Оп. 1. Д. 28.
2. В.А. Ажинов уже становился героем биографического очерка. См.: Морозова О.М. Революция генерала В.А. Ажинова // Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д, 2010. С. 132–163.
3. Степун Ф. Из писем прапорщика артиллериста. Прага, 1926. С. 43, 46.
4. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–47.
5. Там же. Л. 23–24.
6. Там же. Л. 23 об.
7. Там же. Л. 57.
8. Там же. Д. 23. Л. 8, 10–11, 32, 67 об.
9. Вероятно, Александр Владимирович Карабчевский, выпускник Михайловского артиллерийского училища (1886); в 1903 г. – командир 4-го Туркестанского стрелкового батальона в составе 3-го Туркестанского стрелкового полка.

10. ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 31–32.
11. Там же. Л. 5 об.
12. Там же. Л. 28.
13. Там же. Л. 32.
14. Там же. Л. 27–29.
15. Там же. Л. 35 об.–36.
16. Возможно, генерал Моржицкий Станислав (Дыдан) Михайлович.
17. Возможно, князь Алексей Гаврилович Гантимуров, окончивший в 1876 г. Симбирское кадетское училище и затем поступивший в Михайловское артиллерийское училище (Розанов А.И. Материалы для истории Симбирского кадетского корпуса за первые 25 лет его существования 1873–1898 гг., 1900 г. URL: <http://www.regiment.ru/reg/VI/D/25/1.htm> (дата обращения 12.02.2014).
18. ХДНИ НАРА. Ф. П-1293. Оп. 1-л. Д. 76.

А.С. Кондрашева, М.А. Трофимова

Историческая память о Первой мировой войне в России

Политика памяти описывает исторические события с точки зрения прошлого, сформулированного в различных формах разными акторами – церковью, государством, гражданами, индивидуумами. Современная культура памяти включает в себя специальные институты, такие, как законодательство, музеи и архивы; специалистов (архивистов и историков); государственные праздники (церковные службы, юбилеи и торжества); средства массовой коммуникации, названия улиц или других общественных мест в честь какого-либо события.

История – это не только прошлое, но это и не только то, что остается от прошлого. Также можно сказать, что наряду с письменно зафиксированной историей существует живая история, которая продолжается или возобновляется через годы и в которой можно обнаружить большое количество прежних течений, казавшихся иссякшими.

Историческая память характеризуется тем, что сохраняет и воспроизводит сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. Воспоминания о прошлых событиях воспроизводятся через призму настоящего. С течением времени историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной реальностями дня сегодняшнего, политически и идеологически актуализируется.

В отличие от истории в «традиционном» смысле история памяти занимается не изучением прошлого, как такового, а того прошлого, которое осталось в воспоминаниях. Она концентрируется на том аспекте значения или уместности исторических артефактов, который является продуктом воспоминания о прошлом, будучи сохраненным в живой традиции или в текстах, т.е. в своего рода восприятии. Но прошлое, подчеркивает Я. Ассман, не просто воспринимается настоящим, а «открывается» им заново, «моделируется» в зависимости от обстоятельств в самом настоящем, так что гораздо продуктивнее говорить о «динамике воспоминания», чем о восприятии [1]. Поэтому цель изучения «истории памяти» Ассман видит не в том, чтобы вычленил «историческую правду» из существующей традиции, а чтобы проанализировать саму эту традицию как феномен коллективной или культурной памяти.

Воспоминания могут быть неверными, фрагментарными или намеренно созданными, и в этом смысле они совсем не надежный источник для «объективных» фактов. То же самое касается и культурной памяти. Поэтому для изучающих ее

историков «истинность» воспоминания заключается не в его «фактичности», а в его «актуальности»: события либо продолжают жить в культурной памяти, либо забываются. Установить, почему то или другое событие продолжает жить в воспоминаниях, и есть самое важное, поскольку отражает его релевантность и специфику.

В свою очередь, релевантность события обусловлена не «историческим прошлым», а постоянно меняющимся настоящим, удерживающим в памяти самые важные факты данного события, его смысл. Иными словами, «история памяти» анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого. Задача «истории памяти» состоит в том, чтобы анализировать мифологические элементы традиции и разгадывать их скрытый смысл. Так, память о Первой мировой войне, потрясшей до основания все российское общество, была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени.

Память – это не только объект исследования, но и форма рефлексии о самой науке, об условиях возможности научного и исторического познания и о том, какие события и процессы современности влияют на него. Активно разрабатываемая в XX в. теория памяти меняет отношение к исторической памяти: от памяти, предназначение которой – воскрешать прошлое, к памяти, как системе знаков. Это можно проследить на примере различных интерпретаций значимого события. Интерес к исследованию памяти во многом обусловлен тем, что в XX в. она начинает рассматриваться как функция социальной власти.

Например, в советское время было приложено максимум усилий, чтобы «вытравить» все позитивные патриотические оценки Первой мировой войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Огромную роль в этом «вытеснении» мировой войны сыграла идеологическая политика государства. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми.

В качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Именно Октябрьская революция и Гражданская война оказались в советское время главными пропагандируемыми событиями, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.).

В разных культурах степень востребованности прошлого различается. Например, в традиционной китайской культуре к прошлому относятся бережно, в традиционной индийской культуре – равнодушно. Похожие процессы происходят в Европе: у поляков и у ирландцев достаточно долгая историческая память. На юге Ирландии люди продолжают негодовать по поводу действий Англии во времена Кромвеля. В Польше жива память о наполеоновских временах, приведших к национальному противостоянию. Англичане, наоборот, страдают от «исторической амнезии», которая противоположна «исторической памяти». Причину востребованности прошлого П. Бёрк усматривает в стремлении к самоидентификации, которая приводит к поиску национальных корней. Польша и Ирландия были разделены, поэтому поиск национальных корней, национальной символики для них имеет первостепенную важность [2]. Историческая память в этих странах играет определяющую роль.

В России в отношении некоторых исторических фигур происходят процессы интерпретации и реинтерпретации. После «перестройки» реинтерпретации подверглись не только такие политические деятели, как Николай II, П.А. Столыпин, С.Ю. Витте, но и писатели, философы, поэты, художники, оказавшиеся в эмиграции, т.е. целый слой русской культуры. В России периоды памяти об одних и тех же символах чередуются с периодами «амнезии», часто создаваемой искусственно. Первая мировая, спровоцировавшая в России внутренние революционные потрясения, закончившиеся распадом Российской империи и Гражданской войной, до сего времени носит ярлык неудачной для страны и непонятной для народа «проигранной» войны, несмотря на принадлежность к коалиции победителей. «Ряд за рядом направлялись мужественные, печальные, равнодушные лица в сторону запада, к неведомым боям за непонятное дело» [3], – такими, например, увидел идущие на фронт русские войска летом 1915 г. американский корреспондент Дж. Рид. А для подобных войн в исторической памяти как форме общественного сознания обычно находится не слишком много места. Поэтому неслучайно в народной памяти практически не сохранилось героических символов Первой мировой войны.

Но все же главной причиной подобной исторической «амнезии» явилось то, что германская война переросла в революцию, которая смела и старые ценности, и олицетворявшие их символы, заменив новыми. Закономерно, что советские люди в массе своей могли назвать немало имен «героев Гражданской» (разумеется, победителей-«красных»), но уже через десяток лет не помнили никого из героев войны предшествовавшей, «империалистической», которая еще недавно называлась Отечественной.

В теории памяти важную роль играет понятие коммеморативных мест, составляющих особую область коллективной (публичной) памяти. Термин принадлежит П. Нора, который провел аналогию с мнемоническими местами, составлявшими основу техники запоминания – искусной памяти. Была вы-

строена, таким образом, аналогия между античной теорией искусной памяти и современной историей [4].

Эта тема продолжает свое развитие в трудах, посвященных культурной памяти. Как отмечает Ассман, искусство запоминания работает с воображаемым пространством, помнящая культура – с расстановкой знаков в естественном пространстве. При этом пространства не столько размечаются знаками (памятниками), сколько сами поднимаются в ранг знака. Он называет их топографическими «текстами» культурной памяти, «мнемотопами», местами памяти. Внутри помнящей культуры формулируется вопрос: «Чего нам нельзя забыть?» Этот вопрос является неперенным атрибутом любой социальной группы [5].

На территории СССР мемориалы Первой мировой войны были сосредоточены в западной части страны и представляют собой в основном «наследство» Австро-Венгрии, Чехословакии, Польши и Румынии, в меньшей степени – прибалтийских государств. Эти мемориалы перешли к СССР вместе с соответствующими территориями в 1939–1940 гг. Сегодня эти объекты находятся на территории таких стран, как Белоруссия, Латвия, Литва, Молдова и Украина. Исключение составляют мемориалы на территории бывшей Восточной Пруссии – современной Калининградской области Российской Федерации, вошедшей в состав СССР после Второй мировой войны. Непрерывно на территории нашей страны находилось небольшое число тыловых мемориалов, воздвигнутых еще в ходе войны, среди которых можно отметить мемориальный комплекс Братского кладбища в Москве [6].

Первая мировая война никогда не была для нашей страны главной военно-мемориальной темой, а ее мемориалы, соответственно, никогда не были основой почитания памяти павших. Изначально это почетное место принадлежало Гражданской войне, а затем вплоть до настоящего времени – Великой Отечественной. Первая мировая в России до сих пор остается забытой войной. Во всей стране нет официального места поминовения ее героев и жертв. Братское кладбище, которое первоначально (еще в 1915 г.) задумывалось в качестве центрального мемориального комплекса Первой мировой войны, в настоящее время не только не имеет надлежащего официального статуса, но и частично утрачено, частично видоизменено и дополнено захоронениями и памятниками (в т.ч. самовольно возведенными), не имеющими к Первой мировой никакого отношения.

В российском календаре официальных праздников и памятных дат Великой войне также до сих пор не нашлось места. Огромные жертвы (свыше 2 млн чел.) и решающий вклад России в ход боевых действий на фронтах Великой войны не находят должного отражения в национальной военно-мемориальной системе. Для того чтобы военные мемориалы Первой мировой войны выполняли свою задачу по сохранению исторической памяти о Великой войне, требуется постоянная работа по поддержанию и актуализации интереса к известным мемориалам, отысканию и восстановлению неизвестных, а также созданию новых мемориалов.

Ассман также различает успокоительные и возбуждающие элементы в исторической памяти. Успокоительные элементы отвечают за память о повторяющемся, регулярном, а не об уникальном и необычном. Наоборот, возбуждающие элементы фокусируют память на уникальном, особенном, передовом, новом [7]. Говоря о войне в исторической памяти народа, мы видим пример «возбуждающих» элементов.

Дж. Хартманн считает этически важным предотвращение попыток конструировать и реконструировать прошлое, отмечая усиливающуюся тенденцию к «историзации» всего, которая характеризует современность. Это способствует забыванию в большей степени, чем воспоминанию. Кризис доверия, нехватка конфиденциальности спровоцирована страхом перед возможным слиянием с помощью силы медиа двух миров: мира видимостей и мира пропаганды [8].

Д. Лоуэнталь полагает, что «прошлое отстраняется, становясь все более чужим, чем когда-либо прежде» [9]. Люди не готовы понять и смириться с этим. Они считают прошлое «прирученной» областью: «...общественность продолжает объяснять прошлое в терминах современности. Учебники превозносят историческую эмпатию. Это приводит к стиранию культурной дистанции между прошлым и современностью и вменяет людям прежних эпох мотивы и цели нынешнего дня» [10]. Как отмечал В. Беньямин, даже мертвые не застрахованы от победителей, которые, не церемонясь, переписывают историю. Похожих взглядов придерживается Г. Кнабе, говоря о «второй памяти», или квазипамяти, которая «лишь в угоду сегодняшним соображениям готова напоминать образы, некогда населявшие преемственную память истории» [11].

В годы войны главными национальными символическими фигурами, воплощавшими народный патриотизм, стали казаки [12]. Так, например, Кузьма Крючков – реальный герой, убивший в кавалерийской атаке нескольких немцев, превратился в персонаж лубочной пропаганды – почти мифическую фигуру, собирательный образ лихого русского казака. В армии и среди гражданского населения распространялись брошюры и открытки (аналог листовок более позднего времени) с описанием его подвигов, сильно приукрашенных и преувеличенных.

В советское время казаки воспринимались как «главная опора царизма», «душители революции», «белогвардейцы». Новая власть не только ликвидировала казачество как особое военное сословие, но и старалась вытравить саму память о нем. Поэтому и этот символ Первой мировой не закрепился в долговременной памяти народа, оставшись знаковой фигурой лишь своего времени.

В целом, можно констатировать, что Первая мировая война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов. В масштабах поколения участников и современников Первой мировой войны историческая память о ней носила относительно кратковременный характер. Более поздняя, «отсроченная» память о Первой мировой в массовом сознании была вытеснена более масштабными, значимыми, кровавыми событиями новой мировой во-

йны, а в официальной исторической памяти – в политике, идеологии, системе образования и т.д. – фиксировалась в соответствии с интерпретацией властных элит, в том числе и для обеспечения их текущих интересов.

Примечания

1. См.: Assmann J. *Moses der Agypter: Entzifferung einer Gedachfnisspur*. Muenchen, 1999. S. 26.
2. Burke P. *History as social memory // Memory, History, Culture and Mind*. Oxford, 1989. P. 105–107.
3. Рид Дж. *Вдоль фронта // Первая мировая. (Воспоминания, репортажи, очерки, документы)*. М., 1989. С. 384.
4. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. *Проблематика мест памяти, Франция – память*. СПб., 1999.
5. Ассман Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004. С. 42.
6. Садовников Д. *Воинские мемориалы и актуальные проблемы сохранения памяти о Первой мировой войне*. 27 июня 2012. URL: <http://www.iskateltula.ru/stati/voinskie-memorialy-i-aktualnye-problemy-sohraneniya-pamjati-o-pervoi-mirovoi-voine.html>. Дата обращения: 20 мая 2014 г.
7. Ассман Я. *Указ. соч.* С. 74.
8. Hartman G.H. *A Critic's Lourney: literary reflections, 1958–1998*. New Haven; London, 1999. P. 267.
9. Лоуэнталь Д. *Прошлое – чужая страна*. СПб., 2004. С. 6.
10. Там же. С. 7.
11. Кнабе Г. *Вторая память Мнемозины // Вопросы литературы*. 2004. № 1 (январь-февраль). С. 13.
12. Коновалов В.С., Кирьянов Ю.И. Х.Ф. Яан. *Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны // Отечественная история*. 1998. № 4. С. 187.

Е.М. Белецкая

Первая мировая война в песенном фольклоре казаков

Исторические песни казаков в XX в. незаслуженно обойдены вниманием исследователей, что во многом объяснялось политикой государства по отношению к казачеству. Первая мировая война, которую ее участник А.А. Гордеев – казачий офицер, Георгиевский кавалер, автор «Истории казаков», назвал Великой войной 1914–1918 гг., в свое время не получила должной оценки по целому ряду причин: материалы по ее истории в большинстве своем в революционное время погибли или были уничтожены; история войны и понесенных Россией потерь отечественными историками не написана, а в изложении бывших союзников или противников представлена кратко и не всегда справедливо [1].

Публикации работ XIX в. (в частности, генерала Р.А. Фадеева) в наше время позволяют восстановить роль и значение казачества, единственного в своем роде войска, которое обладало способностями «блокировать неприятельскую армию в ее собственной стране, разъединить ее, обхватить с тыла и флангов, разорвать сообщение между колоннами». Кроме того, казаки были всегда в полной боевой готовности, свои пределы защищали «массой вооруженного населения»; они представляют великую важность для государства не только при разрешении внутренних проблем, но и во внешних войнах, внося в военные действия «новый элемент», благодаря которому можно получить «чрезвычайные преимущества над неприятелем» [2]. В записках кубанца Ф.И. Елисеева лейтмотивом первой тетради является небезосновательное утверждение автора о том, что казачество принимало самое активное участие во всех войнах России и являлось на Кавказском фронте в 1914–1917 гг. «видной и многочисленной силой» [3].

Историки XXI в. отметили, что казаки своим мужеством и героическими подвигами «вписали много новых славных страниц в историю казачьих войск и прославили русское оружие, сражаясь на западном и восточном фронтах, в Персии». Достаточно вспомнить подвиги «русского воздушного казака Вердена» Василия Федорова, сбившего за 16 дней в 9 боях 8 немецких аэропланов и получившего «все высшие награды Франции», или Козьмы Крючкова, награжденного Георгиевским крестом за отвагу [4].

Основным источником информации о героях войны была пресса. С первых же дней стали издаваться военные стихи и рассказы, в которых мужественный солдат был одним из главных героев. Но с конца 1915 г. доля военной прозы и поэзии стала сокращаться: бесконечные жертвы, военные поражения и общая

усталость всего общества, как отметила И.В. Купцова, сделали военные сюжеты слишком большой темой для серьезной художественной литературы. Обстоятельно рассматривая тему патриотизма в российской художественной культуре в годы Первой мировой войны, исследовательница подчеркнула возросшую роль массового искусства, в частности – изобразительного (плакат и лубок), как действенного средства влияния на общественное мнение: на формирование патриотизма, создание образа врага и т.д. [5].

В 1914 г. в Москве появилась безымянная книжка «Геройский подвиг донского казака Кузьмы Федоровича Крючкова», в которой повествовалось о том, как простой казак вместе с четырьмя товарищами уничтожил неприятельский разъезд из 27 драгун. За 11 убитых немцев и свои 16 ран герой был награжден Георгиевским крестом. Идеализация образа («кузьмокрючковство») имела широкое распространение в беллетристике [6]. Это свойственно и фольклору, однако поздней исторической песне, на которую оказала влияние книжная поэзия, в большей степени присущ документализм.

Поскольку германская война в 1917–1918 гг. совпала в России с революцией и началом Гражданской войны, старые героические символы в народной памяти отчасти заменялись новыми [7]. Поэтому песни этого периода нередко приходится реставрировать, отыскивая под поздними наслоениями первоначальный текст. В связи с этим уместно подчеркнуть особенности творческого взаимодействия историков и фольклористов: фольклорист должен твердо знать историю казачества, а историк – не ограничиваться архивными и печатными материалами [8], обращаться и к устной истории.

В публикациях исторических песен в серии «Библиотека русского фольклора» (2001) тексты делятся на группы по принципу приуроченности сюжетов ко времени царствования российских государей. Войны первой четверти XX в. совпали с правлением Николая II, последнего царя дома Романовых. С Первой мировой связано 11 текстов, преимущественно солдатских. Источниками перепечаток являются периодические издания 1914–1915 гг.

Тексты песен, записанных в 1914 г., в основном традиционны, они повторяют ту или иную сюжетную ситуацию, разработанную перед началом предыдущих войн со Швецией, Францией, Турцией в XVIII–XX вв., например, мотив письма вражеского царя русскому. В ответ на угрозу разорить всю Россию, от которой «зажурился царь великий», в песне *«Пишет, пишет царь немецкий»* звучат заверения солдат: *«Не журился, царь великий, / Мы Россию не дадим. / Соберем мы войска много, / Пойдем с немцем воевать, / Перейдем Карпатски горы, / Будем зиму зимовать»* [9].

Заглавия песен отчасти дают представления об их содержании: «Не отдадим Россию», «Германец посулился напрасно», «После боя на германской земле», «Победы в Галиции», «Бой на подступах к Варшаве» и др.; иногда они дополняются комментариями составителя. К примеру, текст «Во славу России» («Ревет и грохочет мортира вдали»), согласно комментариям, может быть сопоставлен

с наступлением у озера Нарочь 5–15 марта 1916 г., когда превосходство немцев в артиллерии, отсутствие у русских войск средств преодоления немецких заграждений, трудности действий в болотистой местности привели к огромным потерям при незначительном продвижении вперед; зато это послужило доказательством верности России своим союзникам-французам [10].

Песни кубанских казаков обстоятельно исследованы О.В. Матвеевым. Раздел его монографии, посвященный Первой мировой войне, дает возможность сопоставления исходных источников, на основе которых возникают народные варианты, и текстов песен, вошедших в фольклор. Это «Прощальная песня кубанца» Ф.Ф. Аспидова (1914) и ее народный вариант, записанный в 1980-е гг. в станице Старонижестеблиевской; опубликованная в том же году «Песня кубанцев» («Мы сыны Кубани славной») и ее очень сокращенный, но добавленный образами пластунов текст, записанный В.Г. Захарченко в станице Уманской [11].

О.В. Матвеев указал, что в Первую мировую войну, благодаря героизму пластунских батальонов на Кавказском фронте, происходит частичная реставрация «элитарного образа пластунов, утраченного во второй половине XIX в.». Создаются песни и стихи на традиционный сюжет («Ой, годи-ж вам журытыся»), прославляются образы «пластунского батьки» генерала И.Е. Гулыги, командира бригады 2-й Кубанской пластунской дивизии А.А. Гейман, подвиги хоперцев в полковых песнях – об атаке под Костельцем и др. Отмечен и случай переосмысления песенного сюжета Первой мировой (о многотрудном переходе через Тапаризский перевал и выходе к г. Ван, в котором участвовали кубанцы, возглавляемые генералом А.М. Николаевым), а именно: прикрепление его к более раннему событию – итало-шведскому походу Суворова [12].

Бытовали песни, отражавшие войну, и на Урале. Заслуживает внимания сюжет, связанный с переправой Вислы, «под крепостью Иван-град», когда «германец-супостат» не хотел «пустить парому, хотел в Висле утопить». Однако «уральцы не сробели»: кто-то переправился на лодках, кто-то на конях. Во время переправы «подстрелили» командира и его коня, но с наступлением ночи «тут охотнички (т.е. добровольцы. – Е.Б.) явились, сели в лодку молодцы, прямо на косу поплыли и товарища спасли» [13].

Шуточная песня о переправе донцов через Вислу была записана в станице Наурской в Чечено-Ингушской АССР: «По ту сторону Вислы / Построен был буфет. / Пива было много, / А девушек там нет. / Ура, ура! / Все донцы поют, / Через речку Вислу / На кониках плывут. Эй! / Ура, ура! / Все донцы поют, / Через речку Вислу / На кониках плывут» [14].

С военными событиями связаны еще четыре уральские песни-зарисовки, опубликованные Е.И. Коротиним, в комментариях к которым указано, что это песни о Первой мировой войне [15]. Примечательно, что две из них – «Друзья, я вас уведомляю» и «Вот вспыхнуло утро» – это так называемые песни по образцу, соответствующие источнику-оригиналу по форме, но не по содержанию: «Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался, / По нашим окопам прошел канонад. /

Над нашим окопом снаряд разорвался, / Послышались стоны и крики солдат. / А прапорищик юный со взводом пехоты / Старались знамя полка отстоять, / Но он остался один с полуротой, / Но нет, он не будет назад отступать. / Вот вспыхнуло утро, румянятся зори, / Атакой врага отогнали к реке, / А утром нашли его мертвое тело, / Державшее знамя в застывшей руке» [16].

О трудностях сражений повествуют песни «Друзья, я вас уведомляю» и «Ударили тревогу», удачные выступления пехоты и казаков описаны в следующем тексте: *«Двор занятый был германцем, / Наши стали наступать. / Из тяжелой батареи его стали вышибать. / На штыки пошла пехота, / Казаки с ними в рядах: / Кто колот германца пикой, / Кто рубил шашкой в размах. / Как от этого от страху / Отступил он со двора, / Побросал на поле брани / Неубранные тела» [17].*

У хопёрских казаков песни Первой мировой представлены в записях В.А. Апраксина, недавно опубликованных Государственным республиканским центром русского фольклора. Это песня «Конь боевой с походным вьюком», записанная в 1981 г. в Волгоградской области: *«Конь боевой / С походным вьюком / У церкви ржет, / Кого-то ждет. / В ограде бабка с внуком плачет. / Молодка горько слезы льет. / А из дверей святого храма / Казак в доспехах боевых, / Он направляется к коню прямо, / Мужу жена коня подводит, / Племянник пику подает».* Появилась песня в «Первую германскую». В комментариях приводится полный текст стихотворения донского поэта А. Туроверова «Напутствие казаку», которое заканчивается словами седого отца, передающего сыну боевого коня, с наставлением дорожить им [18]. Варианты песни бытовали и у терцев, но были связаны с более поздними событиями Гражданской войны.

Ни в одном из записанных песенных вариантов отцовского напутствия нет, потому что настоящий казак всегда заботился сначала о коне, потом о себе. Об этом свидетельствуют многие факты, в частности, выдержки из «Тетради прохождения военной службы в мирное время и германской войны 14–15 годах» Георгиевского кавалера Финогена Прокофьевича Тушканова, казака станицы Гребенской (копия тетради хранилась в станичной школе). О своем коне, смертельно раненом в бою, он пишет, как о близком человеке: *«Наконец нахожу я его среди веток густых, застывшим на ногах, повесив голову, якобы просит помощи моей, но вижу: помощь моя ему не нужна, он покоится... Кто бы знал, как мне горько было расставаться с ним» [19].*

Еще два текста, записанных Апраксиным, с типичным началом «Вспомним, братцы, мы, чингарцы» (в вариантах – «ставропольцы», «старогладцы», «кизлярцы» и т.д.) и «Вспомним, вздумаем, ребята», трудно отнести к какому-то одному историческому событию, потому что в тексте упоминаются разновременные реалии: события 1831 г. в Польше, Гражданская война 1918–1921 гг. и др. Кроме того, песня известна и с таким зачином: *«Эх, да вспомним, братцы, вы кубанцы, / Двадцать перво сентября. / Как дрались мы с германцем / От рассвета допоздна» [20]* (впоследствии в терских вариантах «германцев» заменяли «буржуи»).

Поводом к войне, как известно, послужило убийство сербскими националистами 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола, вследствие чего Австро-Венгрия по договоренности с Германией объявила войну Сербии. Россия, которую связывал с Сербией союзный договор, 30 июля объявила всеобщую мобилизацию, а Германия (1 августа) и Австро-Венгрия (6 августа) объявили войну России [21]. Своеобразным откликом на объявление России войны Австро-Венгрией, а затем Германией стали две песни казаков Кизлярско-Гребенского полка, записанные участниками студенческой фольклорной экспедиции Чечено-Ингушского пединститута в 1966 г. в станице Гребенской: «Нам назначены (другой вариант: Как назначено кизлярцам. – Е.Б.)» и «Казак с вечеру собирался» (тексты не публиковались, поэтому приводятся в полном объеме): «Нам назначены кизлярцы / С австрийцами воевать. / Вот пришли часы-минуты / Со двора нам выезжать. / Со двора мы выезжали, / Много плакало людей. / Люди плакали, рыдали / И молились за нас. / Шел австриец большой силой / К нам в Россию воевать. / Перешел через границу, / Стал он сёлы занимать. / Не вдалось злему австрийцу / Много сёлов позажечь, / Испугался злой австриец, / В Карпаты-горы убежал. / Карпаты горы небольшие, / На них трудно воевать, / Мы там бились и рубились / И сотнями брали в плен» [22]. Запись 1966 г. была сделана от Н.Г. Уманцевой, повторная запись – через два года от мужа исполнительницы, А.И. Уманцева. Его вариант был дополнен строкой «Коней, братцы, мы седлали» в эпизоде отъезда и двумя другими – в заключении: «Как услышал (в)он кизлярцев, / Стал он быстро отступать». Варьировалась и первая строка: «Как назначено кизлярцам», отсутствовали последние шесть строк.

Не менее интересна – и по содержанию, и по форме – следующая песня: «Казак с вечеру собирался / На позицию идти. / Он побольше запасался / Своей сумочкой патрон». Вторая строфа пропущена, так как исполнитель, казак Лифан Акимович Тамазин, ее забыл, а далее вся композиция строится на повторении заключительной строки предыдущего куплета в начале следующего запева, но уже не с понижением тона в конце, а с повышением: «Нам задачу задает: / – Не забудьте помолиться, / Скоро, скоро в бой пойдём. // Скоро, скоро в бой пойдём. / Мы к окопам подходили, / Каждый окоп занимал. // Каждый окоп занимал. / Вы потише размещайтесь, / Чтобы немец не слышал. // Чтобы немец не слышал, / Вот летит шестидюймовый, / Слышно, в воздухе гудит. // Слышно, в воздухе гудит, / Как ударил по окопам, / Наблюдателя он сбил. // Наблюдателя он сбил, / Кому руку, кому ногу, / Кто с разбитой головой. // Кто с разбитой головой. / Кто заплачет, зарыдает, / Верно, мать моя родна» [23].

Очень популярной в гребенских станицах, особенно в Старом Щедрине, была песня «Бой шестого под Брест-Литовском», записанная Б.Н. Путиловым в 1945 г. [24], затем участницами экспедиции «По следам Б.Н. Путилова (1965–1966)», а также во время фольклорной практики в 1972 г. Описанный в ней бой, в котором 1-й Кизлярско-Гребенский полк сражался с численно превосходящим противником, произошел 6 августа 1915 г.

В сражении с «гордым немцем» участвовали командир Донсков, возглавлявший 6-ю сотню, Лев Сотвалов, поспешивший к нему со своим взводом на помощь: *«Не под силу тут кизлярцам / Взять канаву аришин в пять. / Из окопов дождь свинцовый / Осыпал со всех сторон. / Под Казбером конь споткнулся, / Конь бежал без седока: / Командир Донсков свалился, / Видно, рана нелегка»* [25]. Хорошая сохранность этого исторического события и фамилий его участников в Старом Щедрине объясняется тем, что Лев Сотвалов был родом из этой станицы. Один из вариантов песни был записан в 1970-е гг. от О. Сотваловой, родственницы героя.

События Первой мировой отразились не только в исторических песнях, но и в военно-бытовой лирике. Это «провоженные» песни («Так давайте ж, товарищи, выпьем», «Последний нонешний денечек»), отмеченные как песни этого периода в комментариях исполнителей («*Сначала в первую мировую пели, а потом в Великую Отечественную*» [26]), или в самом тексте: «*С коляски голос раздаётся: / Готовьте сына на войну*» [27]. К военно-бытовым следует отнести песни с зачином «Над озером чаечка вьется» («Не вейтесь, чайки, над морем», «Близ моря на Западном фронте» и т.п.), первоначально возникшие, по всей вероятности, в 1914–1916 гг., затем переосмысленные в Гражданскую, позже в Великую Отечественную войну.

Песня «Близ моря, на Западном фронте», бытовавшая не только на Тереке, содержит указания на место действия (Западный фронт, Кавказские горы), характеристику сражающихся («Там бьются казаченьки лихие, / И смерть не страшит храбрцов»; «Божия мать их хранит»), образы родителей: «*А дома отец во кручине, / И с ним пригорюнилась мать: / Читает газеты о Кавказе / И хочет о сыне узнать*». Сообщение из Киева – «*Им выслан военный приказ, / Что сын их убит на разведке / Защитником русской земли*» – служит лейтмотивом ответа молодой жены детям, когда они вырастут большими [28].

Таким образом, о Первой мировой войне сохранился достаточно обширный, зафиксированный в разных группах казачества, но еще малоизученный песенный фольклор, достойный дальнейшего внимания исследователей.

Примечания

1. Гордеев А. А. История казачества. М., 2007. С. 437.
2. Васильева О. А. Казачество в войнах России на Кавказе в XIX – начале XX в.: Историко-географический аспект // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: мат-лы Всерос. заочн. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, октябрь 2011 г.). Краснодар, 2012. С. 22–23.
3. Там же. С. 25.
4. Плеханов А. А., Плеханов А. М. Казачество на рубежах Отечества. М., 2009. С. 386.
5. Купцова И. В. Тема патриотизма в российской художественной культуре в годы Первой мировой войны // Границы. Визуализация нации. Вып. 2. Иваново, 2008. С. 70–88.

6. Там же. С. 81.
7. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005. С. 258.
8. Там же. С. 262.
9. Исторические песни. М., 2001. С. 420.
10. Там же. С. 506.
11. Матвеев О.В. Указ. соч. С. 250–252.
12. Там же. С. 253–262.
13. Песенный фольклор уральских казаков. Екатеринбург, 1998. С. 93.
14. Полевые материалы фольклорных экспедиций Чечено-Ингушского государственного университета (далее – ПМФЭ ЧИГУ). Информатор Н.Г. Петров, 1907 г.р., записан в ст-це Наурской Наурского района Чечено-Ингушской АССР в июле 1979 г.
15. Коротин Е.И. Музыкально-песенный фольклор уральских (яциких) казаков (на материале 106 нотированных песен). СПб., 2012. С. 96–106, 239.
16. Там же. С. 103.
17. Там же. С. 101.
18. Фольклор хопёрских казаков: материалы краеведа В.А. Апраксина. М., 2012. С. 158.
19. ПМФЭ ЧИГПИ. Ст-ца Гребенская Шелковского района Чечено-Ингушской АССР, октябрь 1966 г. Тушканов Ф.П. Тетрадь прохождения военной службы в мирное время и германской войны 14–15 годах. С. 25.
20. Фольклор хопёрских казаков ... С. 30–31, 151.
21. Казачество. Энциклопедия. М., 2008. С. 434.
22. ПМФЭ ЧИГПИ. Информатор Н.Г. Уманцева, 1926 г.р., А.И. Уманцев, 1898 г.р., записаны в станице Гребенской Шелковского района Чечено-Ингушской АССР в октябре 1966 г. и в октябре 1968 г.
23. ПМФЭ ЧИГПИ. Информатор Л.А. Тамазин, 1902 г.р., записана в станице Гребенской Шелковского района Чечено-Ингушской АССР в октябре 1966 г.
24. Песни гребенских казаков. Грозный, 1946. С. 222.
25. Терек вспышный: Песни гребенских казаков. Грозный – Екатеринбург, 1991–2007. С. 78.
26. Там же. С. 79–80.
27. ПМФЭ ЧИГУ. Информатор Е.М. Чернец, 1912 г.р., записана в селе Южное Кизлярского района Дагестанской АССР в июле 1981 г.
28. ПМФЭ ЧИГУ. Информатор А.В. Дыбцева, 1912 г.р., записана в ст-це Троицкой Сунженского района Чечено-Ингушской АССР в июле 1977 г.

В.И. Чуцков

Отражение участия казаков в Первой мировой войне в песенных образах

Казаки являлись воинским сословием, во все времена истории Российского государства принимавшим активное участие в крупномасштабных войнах и военных конфликтах, которые происходили как на территории страны, так и за ее пределами. Прекрасно обученные, сплоченные военной дисциплиной, объединенные единой православной христианской верой, казаки были в состоянии выполнять поставленные перед ними боевые задачи индивидуально, малыми группами, а также в составе больших воинских соединений. С юных лет казаки воспитывались на примерах исторических воинских традиций, подвигов своих предков, верности принципу: «Сам погибай, а товарища выручай». Побудительным наставлением к участию в войне служил лозунг: «За веру, царя и Отечество».

Несмотря на весь свой трагизм и пагубность, война – одно из общественных политико-экономических явлений, способных сплотить основную часть населения государства с целью победы над общим врагом. Первая мировая война способствовала разработке новых способов и средств ведения боя. С появлением танков и авиации возникла противотанковая и зенитная артиллерия. На море стали действовать подводные лодки и торпедные катера. Позиционная окопная тактика ведения войны обусловила необходимость разработки новых систем тяжелой артиллерии, минометов, огнеметов. Широкое применение автоматического оружия снижало активность в боевых действиях кавалерийских частей.

К 1914 г. Россия обладала самой многочисленной в мире конницей. Казачество выставило 164 конных полка, 177 отдельных и особых сотен, 27 конно-артиллерийских дивизионов (63 батареи), 15 отдельных конно-артиллерийских батарей, 30 пеших батальонов, запасные части (всего около 300 тыс. чел.). Казачья конница составляла более 2/3 численности всей русской кавалерии. Донские, кубанские и терские казаки приняли самое активное участие в Первой мировой войне. Они действовали на восточном, европейском и кавказском театрах боевых действий. В ходе боевых действий на всех фронтах казачьи части обнаружили наибольшую степень надежности и мобильности, а сами казаки проявили высокий боевой дух и отличную воинскую выучку.

Закономерно, что военная тема стала одной из основных в песенном творчестве казаков. Впитав в себя песенные традиции былинных сказителей Древней Руси, казачья песня трансформировалась в общедоступную форму песенно-поэтического повествования об исторических событиях. Хорошим примером

этого является военная песня донских казаков «По горам Карпатским», отразившая их участие в Первой мировой войне.

*По горам Карпатским метелица вьется,
Сильные морозы зимою трещат.
Проклятый германец на нас наступает,
На нашу Державу, на крест золотой.
А мой милый черный, черный, чернобровый
С германцами бьется за веру свою.
Хотели германцы, чтоб наши казаки
К ихнему престолу служить бы пошли.
А наши казаки, славные рубаки,
К ихнему престолу служить не пошли.
Заиграли трубы, трубы-барабаны,
Отворились двери, и вышел басурман.
Закипела битва, битва беспощадна,
Полилась рекою горячая кровь.
Казак Бога просит, слезно умоляет,
Чтоб наши головки в курганы не сложить.
А на том кургане веселые птишки
Весело играют за веру свою.*

Зимнее наступление Юго-Западного фронта Русской императорской армии в Карпатских горах было остановлено встречным наступлением германских и австрийских войск 9(22)–11(24) января 1915 г. Это привело к тяжелым встречным боям в зимнюю стужу в горной местности. Бои в Карпатах сопровождались большими потерями для всех воюющих сторон, но не принесли победы ни одной из них. Потери увеличивались за счет обмороженных и больных солдат. Русская армия потеряла на этом направлении около 1 млн чел., немцы и австрийцы – около 800 тыс. чел. Эти факты нашли отражение в словах песни: «...а на том кургане веселые птишки, весело играют за веру свою...» В образах птишек выступают души погибших воинов. Отношение к войне населения России, включая членов семей военнослужащих, определено так: «...а мой милый черный, черный, чернобровый, с германцами бьется за веру свою». Война воспринималась как борьба за сохранение традиционных религиозных ценностей.

В песне дается указание на географическое расположение места описываемых событий – Карпаты, на суровые климатические условия, в которых приходилось воевать: «...сильные морозы зимою трещат...» Отношение к противнику выражается в следующих фразах: «проклятый германец», «басурман». Действие врага оцениваются как стремление к захвату территории России и уничтожению православия: «...проклятый германец на нас наступает, на нашу Державу, на крест золотой...» Первая мировая рассматривается в песне как война за сохра-

нение традиционных религиозных ценностей и территориальной целостности государства. Указывается на ожесточенность боевых действий: «...закипела битва, битва беспощадна, полилась рекою горячая кровь...» В песне говорится о попытке германского командования привлечения казаков для участия в войне на своей стороне: «...хотели германцы, чтоб наши казаки к ихнему престолу служить бы пошли, а наши казаки, славные рубаки, к ихнему престолу служить не пошли...» Одной из заключительных фраз является обращение казака к Богу с молитвой о сохранении жизни своих товарищей: «...казак Бога молит, слезно умоляет, чтоб наши головки в курганах не сложить...»

Непосредственно в годы Первой мировой войны наиболее ярким исполнением песни «По горам Карпатским» прославился Стародубовский драгунский полк, который участвовал в боях именно на Юго-Западном фронте. Следует отметить, что он унаследовал свое название от Стародубского казачьего полка, существовавшего в XVII–XVIII вв. До сегодняшнего дня песня «По горам Карпатским» сохранилась и в народном, и в профессиональном репертуаре. Ее можно услышать и в домашнем семейном исполнении, и с большой сцены при проведении концертов и фестивалей. Она несет в себе информацию об исторических событиях Первой мировой войны, оценке этих событий обществом, эмоциональном, патриотическом и духовном состоянии людей, испытавших на себе все тяготы и лишения военного времени.

И.В. Киселев

Проблемы применения информационных технологий в создании карт военной истории Кубани

Междисциплинарные исследования, особенно на стыке гуманитарных и естественных наук, всегда являлись специфическим видом деятельности. В настоящее время актуальным направлением такой работы стало использование в сфере гуманитарного знания информационных технологий, переживающих бурное развитие в последние десятилетия. Подобная тенденция появилась и в исторической науке. Одним из примеров такого взаимодействия стало применение цифровых технологий в картографировании исторических событий.

Создание разнообразных исторических карт само по себе требует работы на стыке истории и географии. Задействование в этом процессе компьютерных программ делает его многоступенчатым и достаточно сложным. От изучения исторических фактов и явлений требуется перейти к определению их места в пространстве, а затем к оформлению результатов исследований в цифровом виде.

В своей диссертации о применении геоинформационных систем в исторических исследованиях В.Н. Владимиров отметил актуальность вопросов «изготовления иллюстративных карт, визуализирующих результаты исторического исследования, создания серий карт и атласов, посвященных той или иной территории». Им так же было сказано, что результатом передовых зарубежных исследований уже стали «корпусы компьютерных исторических карт и геоинформационные системы, связанные с проблемами демографии и миграций населения, археологии и этнологии, экономической и социальной истории, политики» [1].

Военная история, без сомнения, является одной из тех сфер исторического знания, которая не может изучаться без соответствующих карт. Обновление существующего картографического материала и создание новых карт – это важная составляющая в изучении истории войн и конфликтов. А тот факт, что боевые действия, как правило, отличаются динамичностью, предъявляет особые требования к военно-историческим картам.

В этой связи представляется интересным рассмотреть наиболее значимые аспекты создания военно-исторических карт в цифровом формате. А, учитывая формат конференции и ее направленность, ограничиться теми боевыми действиями, которые протекали на территории Краснодарского края. Данный выбор обусловлен тем, что кубанский регион имеет достаточно глубокую историю, которая во все эпохи сопровождалась различными конфликтами. Но вести речь обо всех этих событиях, начиная с древнейших времен, в ограниченных

рамках конференции сложно. Да и детальное картографирование античного или средневекового периода осуществить практически невозможно, оно останется достаточно условным. Пожалуй, стоит остановиться на периоде XVIII–XX вв., когда различные войны, кампании и операции, протекавшие на Кубани, стали частью военной истории России.

Стоит отметить ряд достижений современной отечественной исторической картографии, в которых нашло отражение военное прошлое Кубани и получили применение цифровые технологии. Прежде всего, это «Военно-исторический атлас России. IX–XX века» [2]. В частности, там были опубликованы карты русско-турецких войн XVIII–XIX вв., Кавказской войны, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, затронувших нынешнюю территорию Краснодарского края. На основе «Военно-исторического атласа» был выпущен атлас Великой Отечественной войны, в котором содержатся карты обороны и освобождения Северного Кавказа, Краснодарской и Новороссийско-Таманской операций [3]. Создатели атласов смогли удачно совместить традиции советской картографии и возможности цифровых технологий.

Значимой вехой в деле создания новых карт по военной истории всего юга России стал труд ЮНЦ РАН «Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.)» [4]. Часть ее материалов посвящена ходу Великой Отечественной войны на Кубани. Творческий коллектив опубликовал целый ряд новых карт. Их новизна заключается как в избранном формате, так и технике исполнения. Так, в некоторых случаях в качестве географической основы использовались спутниковые снимки. Помимо классических условных обозначений применялись образы родов войск и боевой техники. Наряду с боевыми действиями получили отражение на картах такие явления как коллаборационизм, холокост, поставки по ленд-лизу и т.д.

С использованием цифровых технологий публиковались карты в кубанской исторической литературе, как учебной, так и научной направленности [5]. Более того, в 1997 г. вышел в свет первый атлас по истории Кубани, развитием которого стало издание 2005 г. [6]. В них были картографированы все основные события военной истории нынешнего Краснодарского края. Карты о ходе Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе и Гражданской войны в Кубанской области и Черноморской губернии в значительной степени разрабатывались заново. Дополнения вносились и в карты русско-турецких войн, Великой Отечественной войны. Однако сам разработчик большинства карт по истории Кубани А.М. Авраменко отмечал, что основа для них создавалась им на бумаге, вручную. И только потом картографический материал оцифровывался и корректировался с помощью графических редакторов и издательских программ. А.М. Авраменко принадлежат многие идеи по развитию исторической географии Кубани. В частности, им была намечена тематика и структура атласов по кубанской истории и истории казачества [7]. Естественно, что в этих планах обращалось внимание на военно-исторические вопросы.

Говоря о картографировании военной истории Кубани необходимо остановиться на особенностях тех или иных событий с точки зрения отображения их на картах. К первым из них можно отнести столкновения русских и турецких войск на территории Прикубанья во время войн 1711–1713 гг. и 1735–1739 гг. Они имели второстепенное значение, а главное, происходили между иррегулярными силами. Поэтому конкретизировать места этих боевых действий представляется сложным.

Гораздо лучше описаны события войны 1768–1774 гг., связанной с установлением контроля России над Прикубаньем. Направления походов русских войск, места новых укреплений, крупных боев и действия русского флота можно отразить на картах достаточно точно. Немало данных есть и о событиях последующих войн, затронувших нынешнюю территорию Краснодарского края – русско-турецких 1787–1791 гг., 1806–1812 гг., 1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. Их общий ход отражен на многих картах дореволюционного, советского и новейшего времени, хотя события на Кубани там представлены в самом общем виде.

Вместе с тем, эти конфликты были отмечены участием казаков Кубани в сражениях на Балканах, в Крыму и Закавказье. Точно так же казаки проявили себя в Персидском походе 1796 г., Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг., подавлении восстания в Царстве Польском в 1830–1831 гг., русско-турецкой войне 1877–1878 гг., среднеазиатских походах и русско-японской войне 1904–1905 гг. Столь широкая география делает создание даже обзорной карты непростой работой. В то же время, применение подразделений черноморских, линейных, а затем кубанских казаков требует картографирования именно в силу широты этого размаха.

Специфические черты имели боевые действия на Северо-Западном Кавказе в ходе его присоединения к России. Сложно представить на карте обилие крупных и мелких набегов горцев на русские поселения и укрепления, множество ответных экспедиций российских войск. Лишь направления действий крупных русских отрядов в 1830-е гг. и на завершающем этапе Кавказской войны можно определить легко. Затруднительно выделить и сколь-нибудь крупную битву, сравнимую со сражениями на Восточном Кавказе. Даже местоположение некоторых русских укреплений вызывает вопросы [8], а еще больше таких вопросов возникает при попытках определить пространственные координаты поселений горцев. Изданный в 2011 г. сборник «Черкесия в картах XIV–XIX веков» показал, что исчерпывающего ответа на них в картах периода Кавказской войны попросту нет [9].

Отдельно нужно сказать и о периоде Первой мировой войны. В ходе нее развернулись боевые действия на Черном море, которые затронули побережье Кубанской области и Черноморской губернии. Борьба русского и германо-турецкого флотов достаточно подробно картографирована, но есть ряд деталей, на которых стоило бы обратить большее внимание. Например, это действия

германских подводных лодок у берегов Северного Кавказа. Или развитие военной инфраструктуры на побережье. Наконец, много написано об участии кубанского казачества в войне. Но этот этап его истории в картах фактически не отражался. А ведь это множество операций, большинство из которых проходило на Кавказском, Юго-Западном и Румынском фронтах. И среди них такие яркие эпизоды, как партизанские рейды в Карпатах, переброска пластунских бригад на побережье Турции, рейд сотни В.Д. Гамалия. В этой связи составление обзорной карты действий кубанских казачьих частей в Великой войне и карт наиболее значимых эпизодов стало бы большим достижением. Как и создание аналогичной карты боевого пути Кавказской туземной конной дивизии, в которой в составе Черкесского полка сражались горцы Кубанской области.

Характер борьбы на Кубани и в Причерноморье в ходе внутреннего конфликта – Гражданской войны – существенно отличается от характера внешних войн. И к вопросам картографирования это так же имеет прямые отношения. Во-первых, динамика боевых действий на территории современного Краснодарского края была очень высокой. И если события 1920 г. подробно представлены на многих картах, получить столь же ясную картину событий 1918 г. не так просто. Города и целые районы по несколько раз переходили из рук в руки, четкая линия фронта отсутствовала, бои зачастую разворачивались между небольшими отрядами. Во-вторых, наряду с классическим противостоянием красных и белых, в регионе проявили себя подразделения Кубанской Рады и грузинские войска, германские и английские интервенты, повстанцы всех мастей и т.д.

В последний раз война прокатилась по Кубани в 1942–1943 гг. Достижениям и проблемам картографирования этого периода уже было посвящено сообщение на конференции «Народы юга России в отечественных войнах» в 2012 г. [10]. Признавая факт многократного отображения хода Великой Отечественной войны в разнообразных картах и схемах, стоит сказать, что целый ряд операций не был картографирован с должной подробностью. К таковым относятся оборонительные действия советских войск в Прикубанье в августе 1942 г., позиционные бои на участке 47-й и 56-й армий осенью 1942 г. и зимой 1942–1943 гг., попытки прорыва «Голубой линии» весной-летом 1943 г. Слабым местом многих отечественных карт и схем остается отображение действий противника.

Что касается методики создания карт в цифровом формате, то на сегодняшний момент сложилось два абсолютно разных принципа работы. Первый предполагает использование различных графических редакторов, например программы семейства Adobe Photoshop. С их помощью в тех или иных форматах изображений (PNG, JPEG, TIFF) можно создать двухмерные карты. От традиционного «рисования» карты на бумаге такое изображение отличается тем, что сразу оформляется в цифровом виде с помощью инструментария программ. Этот инструментарий содержит определенные шаблоны, шрифты, набор цветов и т.д., но результат работы принципиально отличается от традиционной карты не имеет – это все то же двухмерное статичное изображение.

Второй подход связан с применением геоинформационных систем (ГИС): системами сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных (географических) данных. Для исторических исследований наиболее полезны следующие функции:

- создание, просмотр, редактирование, печатание цифровых версий бумажных карт, полученных с помощью сканирования;
- компьютерный подход к тематическому картографированию: создание на одной и той же основе множества тематических карт;
- расчет статистических показателей по атрибутам и картографическое представление результатов;
- моделирование исторических процессов в оцифрованном пространстве [11].

ГИС позволяют создавать подлинно цифровую карту. В компьютере она хранится не как изображение, а как система файлов, несущих определенную информацию. Соответственно, в эту систему можно вводить дополнительную информацию, варьировать данные и формат изображения, формировать базы данных и т.д. Применительно к военно-историческим картам это дает возможность продемонстрировать такие динамичные процессы, как изменение линии фронта, передвижение сил армии и флота, создание новых оборонительных сооружений. Кроме того, к карте удастся привязать текстовую информацию – данные о численности войск и потерях, описание действий войск, характеристики видов техники и вооружения. Наконец, свои пространственно-временные координаты способны обрести и различные исторические источники – боевые приказы и дневники, кинохроника и фотографии, находки археологических экспедиций и поисковых отрядов. Эти и многие другие составляющие знаний о прошлом могут быть собраны на основе цифровой модели определенной местности и насыщаться до бесконечности.

Теперь о программном обеспечении, используемом при создании ГИС. Прежде всего, это семейства американских программных продуктов ArcGIS и MapInfo. Они лидируют на рынке и обладают наибольшей популярностью пользователей. Каждое из них имеет свои особенности, определенные плюсы и минусы. Для ArcGIS характерны высокий уровень целостности и топологичности данных, широкие возможности для работы с системами координат и географическими проекциями, наличие развитого математического аппарата обработки пространственных и атрибутивных данных. Вместе с тем, ArcGIS достаточно сложен для неподготовленных пользователей и, преимущественно, применяется профессионалами в геодезии и картографии. MapInfo, напротив, отличается относительной простотой в освоении и привычным для нас интерфейсом. И при этом он имеет такие стандартные функции, как векторный редактор, работа с атрибутикой и базами данных, работа с растром, геопривязка, поддержка географических проекций, тематическая интерпретация, подготовка макета печати, загрузка файлов и т.д. Наконец, в России государственные и частные структуры чаще заказывают карты, выполненные с помощью MapInfo, нежели ArcGIS.

Стоит отметить и два отечественных программных продукта. Это разработка Центра информационных исследований Института географии РАН ГеоГраф [12] и проект КБ «Панорама» с одноименным названием [13]. Первый из них позволяет создавать электронные тематические атласы и композиции карт на основе слоев цифровых карт и связанных с ними таблиц атрибутивных данных. Второй дает возможность выстраивать и обрабатывать цифровые и электронные карты, вести картографическую и атрибутивную базу данных.

Итак, даже беглый анализ проблемы применения информационных технологий в создании военно-исторических карт показывает перспективность этого направления работы. Тем более что в отношении боевого прошлого Краснодарского края уже существуют определенные результаты и наработки. Вместе с тем, картографирование истории без применения ГИС ограничивает карту ролью результата, иллюстрации исследования. Между тем, использование ГИС открывает совершенно иные возможности для познания исторического процесса.

Наряду с научными перспективами, применение цифровых технологий в картографии расширяет возможности образовательной и просветительской работы. Информативность и наглядность, технологическая новизна и удобный интерфейс позволят воспринимать данные карт самостоятельно, в учебном процессе, на музейных площадках и т.д. И при этом знания о прошлом будут иметь определенные пространственные координаты, а географическое пространство обретет конкретизированную историю.

Примечания

1. Владимиров В.Н. Применение геоинформационных систем в исторических исследованиях: на примере истории юга Западной Сибири: Дис... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 24.
2. Военно-исторический атлас России. IX–XX века. М., 2003.
3. Максимов И.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Атлас. М., 2010.
4. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д., 2012.
5. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Краснодар, 2000–2005; Краснодар в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. ст. и документов. Краснодар, 2008; История Кубани с древнейших времен до конца XX века: Учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004 и др.
6. История Кубани: Краснодарский край. Республика Адыгея. М.; Краснодар, 1997; История Кубани. Атлас с комплектом контурных карт. Краснодар, 2005.
7. Авраменко А.М. Подготовка «Кубанского исторического атласа»: идея и предполагаемая структура. // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 18–29; Его же. Атлас истории казачества: идея, концепция и

- структура // Казачество России: история и современность. Тезисы Международ. науч. конф. (8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002.
8. Жупанин С.О. Ивано-Шебское укрепление (1830–1832 гг.): к вопросу о географической локализации // Щербиновские чтения. Краснодар, 2013. С. 44–50.
 9. Черкесия в картах XIV–XIX веков. Краснодар, 2011.
 10. Киселев И.В. Образ Великой Отечественной войны на Кубани в исторических картах // Народы юга России в отечественных войнах: Материалы международ. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2012. С. 437–442.
 11. Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005. С. 74.
 12. Сайт Центра геоинформационных исследований Института географии РАН. URL: <http://geocnt.geonet.ru/ru/gg15> (дата обращения 19.04.2014).
 13. Сайт КБ «Панорама». URL: <http://www.gisinfo.ru/> (дата обращения 21.04.2014).

Т.Г. Курбат, И.Ю. Стреляев

Военно-исторический фестиваль «Времена и эпохи» как современный способ презентации представлений о Первой мировой войне¹

Военно-историческая реконструкция в настоящее время является массовым общественным движением в современной России и мире, состоящим из военно-исторических клубов и групп, которые занимаются экспериментальным изучением военной истории. Благодаря ориентации на социально одобряемую деятельность, реконструкторы стали одной из наиболее популярных субкультур [1]. Ее представители занимаются реконструкцией военной униформы, экипировки и вооружения, а также повседневной гражданской одежды и предметов быта различных слоев общества, а иногда и фольклорных традиций, что позволяет участникам движения добиться эффекта «погружения» в культуру того или иного исторического периода, наиболее достоверно донести ее массовому зрителю.

Первые попытки исторической реконструкции существовали еще в древнем Риме, когда одержанные победы отмечались массовыми представлениями для публики, «воссоздававшими» битвы. При Николае I воспроизводились события Бородинской битвы [2]. Формирование современной военно-исторической реконструкции в России берет свое начало со второй половины 1970-х гг., когда группа студентов из Ленинграда решила воссоздать облик офицеров наполеоновской армии. Со временем они объединились в военно-историческое общество «Империя», основной деятельностью которого стала демонстрация офицерских мундиров, организация публичных лекций по истории наполеоновских войн [3]. Немаловажную роль в зарождении и развитии реконструкторского движения в стране сыграл ЦК ВЛКСМ, под руководством которого с 1989 по 1991 гг. военно-патриотические клубы были объединены в Федерацию военно-исторических клубов, впервые в СССР организовавшую поход по местам сражений Отечественной войны 1812 г. [4]. В 1989 г. была проведена первая военно-историческая реконструкция Бородинского сражения. В настоящее время перечень реконструируемых эпох и сюжетов стал достаточно широк – это античность (Древняя Греция и Древний Рим), Средневековье, Наполеоника, Первая и Вторая мировые войны, локальные конфликты XX в.

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

Несмотря на то, что «мода» на увлечение военно-исторической реконструкцией брала свое начало в Москве и Санкт-Петербурге, в настоящее время практически в каждом российском регионе есть несколько военно-исторических клубов и групп. Реконструкторское движение в Ростовской области возникло в конце 1980-х гг., но первоначально не было оформлено в виде какого-либо клуба или организации. Первым мероприятием, проведенным и получившим освещение в местной прессе, стала выставка «Оловянной миниатюры» в одном из парков города в 1990 г. Это событие собрало любителей военной истории, в результате чего был создан Донской военно-исторический клуб имени атамана М.И. Платова. Первое военно-историческое мероприятие, организованное ростовскими реконструкторами, было посвящено событиям Гражданской войны. В 1993 г. была организована реконструкция Первого Кубанского похода («Ледяного» похода). Участники данного мероприятия повторили путь отступления Белой армии в 1918 г. из Ростова-на-Дону к Екатеринодару (в настоящее время – Краснодар). Реконструкторы области прошли маршем из Ростова-на-Дону до станции Ольгинской Краснодарского края. Именно с этого момента можно считать, что в Ростовской области зародилось реконструкторское движение. Сейчас здесь насчитывается около десяти военно-исторических клубов, численность которых различается, составляя в среднем от 5 до нескольких десятков человек.

В настоящее время ведущую роль в реконструкторском движении в Ростовской области играет Донской военно-исторический музей, коллектив которого не только участвует в выездных военно-исторических мероприятиях, но и является одними из главных организаторов масштабных реконструкций областного и федерального значения. В сферу его интересов попадает 11 исторических эпох, от Средневековья до событий Афганской войны. Наиболее приоритетными и зрелищными являются реконструкции боевых эпизодов Великой Отечественной войны, происходивших на территории области. Это становится возможным благодаря тому, что в экспозиции музея имеется более 30 единиц действующей военной и гражданской техники первой половины 1940-х гг. [5].

Важное место в реконструкторском движении занимают военно-исторические фестивали. За 25-летнюю историю существования реконструкции возникло несколько традиционных фестивалей, проводимых ежегодно, например, «Бородино» или «Куликовская битва» [6]. В тоже время появляются новые фестивали, которые стремительно завоевывают популярность, как среди российских, так и зарубежных реконструкторов. Одним из таких мероприятий стал 4-й международный фестиваль «Времена и эпохи», посвященный 100-летию начала Первой мировой войны, проходивший на территории музея-заповедника «Коломенское» в г. Москве. Организаторами фестиваля являлись правительство г. Москвы, Российское военно-историческое общество и агентство исторических проектов «Ратоборцы», а активным участником выступил Донской военно-исторический музей. Информационную поддержку фестиваля обеспечивал телеканал «История», другие московские радиостанции и печатные издания.

Особенностью фестиваля является сам формат его проведения – «Living History» («живая история»). Это достаточно молодое направление реконструкции, практикуемое в России с 2008 г., заимствованное российскими реконструкторами во время участия в зарубежных мероприятиях. Представители этого направления требовательно подходят к воспроизведению реконструируемой эпохи и ее материальной культуры и на время фестиваля максимально отказываются от использования современных предметов [7]. Фестиваль привлек более 2 тыс. участников, в том числе 600 чел. из Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Словении, Болгарии, Франции, Великобритании, США и Японии [8]. Указанный формат фестиваля придал ему, помимо развлекательного, и образовательное значение для зрителей и участников. В условиях проведения таких масштабных исторических мероприятий реконструкторы имеют возможность встретиться с единомышленниками и обменяться накопленным опытом.

Структура фестиваля была тематически разделена на две демонстрационные площадки «Мир» и «Великая война», каждая из которых являлась ретроспективной жизни различных слоев российского общества начала XX в. В «мирной» части фестиваля были выделены несколько тематических пространств: «Аристократия», «Город», «Пролетариат», «Деревня» и «Ярмарка». В течение всего времени проведения фестиваля, помимо демонстрации образа жизни того или иного сословия и аутентичных нарядов, участниками реконструкции проводились различные развлекательно-образовательные мероприятия для зрителей.

Так, в пространстве «Аристократия» было представлено одно из любимых развлечений высшего общества – пикник. Участники-реконструкторы демонстрировали любимые развлечения богатого сословия: игры в петанк, крокет, серсо. Одной из образовательных сторон этой площадки стала демонстрация модных нарядов начала XX в., исполненных в точном соответствии с их прототипами. Всех желающих обучали навыкам фехтования, проводился и лучший турнир для гостей фестиваля.

Площадка город «Город» была интересна тем, что здесь были собраны и показаны наиболее значимые достижения науки начала века. Настоящими «открытиями» для зрителей стали синематограф и телеграф. Все желающие смогли увидеть первые черно-белые короткометражные фильмы, раритетную фототехнику и первые автомобили, получить мастер-класс по обучению танцам того периода.

Тематически близко к демонстрационной площадке «Город» оказалось пространство «Пролетариат», в котором была сделана попытка воссоздать уклад жизни рабочего сословия в начале XX в. Здесь была организована подпольная типография, которая печатала «подрывные» листовки с призывами сбросить самодержавие, возникали стихийные демонстрации и проходили полицейские облавы.

Одной из самых ярких и самобытных демонстрационных площадок фестиваля стало тематическое пространство «Деревня», которое привлекло к себе особый интерес. Здесь был представлен хутор из хат-мазанок со скотным

двором. «Жители» деревни демонстрировали повседневную жизнь крестьянства, устраивали шумные праздники с песнями и хороводами, куда активно вовлекались гости фестиваля. Все желающие обучались ткацкому, гончарному и кузнечному делу. Поделки, сделанные зрителями вместе с участниками фестиваля, становились для них памятными подарками.

Пространство «Ярмарка» было, пожалуй, самым неоднородным. С одной стороны, оно было представлено реконструкторами, которые освоили какой-либо народный промысел и на глазах у зрителей изготавливали изделия и продавали их, а с другой стороны, данная развлекательная зона была использована предпринимателями, которые представляли товары, не относящиеся к представленной эпохе. В тоже время развлекательная составляющая была в духе традиционных ярмарок того периода. Для посетителей с детьми был организован кукольный театр, по улицам ярмарки ходили музыканты с традиционными народными инструментами. Для гостей фестиваля был организован турнир по традиционной борьбе имени Ивана Поддубного.

Все эти демонстрационные площадки отражали жизнь российского общества в период Первой мировой войны, максимально приблизив гостей фестиваля к укладу жизни различных слоев русского общества. Благодаря доступу к лагерям реконструкторов зрители могли не только увидеть то, как они проводят время, веселятся, или работают, но и в неформальной беседе получить уникальные и интересные сведения «из первых рук» на интересующие вопросы. Кроме того, в пространстве «Мир» для зрителей была доступна возможность аренды исторического костюма любого из представленных направлений, вследствие чего они могли почувствовать себя полноправными участниками такого масштабного и красочного фестиваля.

Центральным событием фестиваля «Времена и эпохи» стала реконструкция наиболее значимых и трагических сражений периода Первой мировой войны – «Оборона крепости Осовец. Атака мертвецов», «Брусилловский прорыв», «Верденское сражение» и «Бой броневтанков». В демонстрационном пространстве «Великая война» силами реконструкторов были представлены четыре военно-полевых лагеря: Германии, Австро-Венгрии, Великобритании и России, где участники воссоздали повседневную жизнь солдат на войне. Кроме этого, зрители могли наблюдать военные маневры представителей армий стран-участниц и проводимые в военных лагерях тактические учения. Особый интерес у гостей вызывал военно-полевой госпиталь, где проводились операции раненых в боях солдат. Также на территории военного лагеря силами Донского военно-исторического музея был организован тир, где каждый желающий мог попробовать себя в стрельбе из макетов реального оружия того времени, пройти курс молодого бойца или преодолеть полосу препятствий и на практике ощутить себя участником Первой мировой войны.

На фестивале также были представлены макеты и настоящее оружие и техника реконструируемого времени. Для этого была организована выставка,

где гости фестиваля могли воочию увидеть оружие и боевые машины армий, участвовавших в войне. Здесь была представлена техника Донского военно-исторического музея периода Первой мировой войны – броневик «Остин», грузовик «Рено», немецкое орудие образца 1917 г. и русское орудие образца 1918 г. У коллектива музея была отличная возможность не только продемонстрировать технику на поле боя, но и представить бронетанковые войска Русской императорской армии. Реконструкторы и техника музея принимали участие в трех эпизодах военных сражений, представленных на фестивале.

В целом, опыт организации и проведения фестиваля «Времена и эпохи», посвященного Первой мировой войне, позволяет считать, что он, как и другие подобные ему мероприятия играют важную роль в сохранении исторической памяти в современном российском обществе. За время проведения фестиваля его посетили 251 тыс. москвичей и гостей столицы [9] Участники и зрители военно-исторической реконструкции получали редкую возможность «прикоснуться» к прошлому, ощутить себя непосредственными свидетелями крупнейших исторических событий.

Примечания

1. Радченко Д.А., Писарев А.Е. Историческая реконструкция: нормативное пространство и фольклор субкультуры // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 150.
2. Хабаров В. Направления развития военно-исторической реконструкции URL: http://www.8eme.eu/rus/art_reenact.html (дата обращения 08.07.2014)
3. Панов В.В. Что такое военно-историческая реконструкция. URL: <http://www.orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=10&topic=196> (дата обращения 08.07.2014)
4. Турусов В.П., Ульянов И.Э. История движения военно-исторической реконструкции в России. URL: <http://www.guardcrew.com/?q=node/179> (дата обращения 08.07.2014).
5. Стреляев И.Ю. Донской военно-исторический музей – музей живой истории // «Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа». Материалы междунард. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 425–429.
6. Хабаров В. Указ. соч.
7. Там же.
8. Исторический фестиваль «Времена и эпохи. 1914/2014». [Б.м.], [Б.г.].
9. Фестиваль «Времена и эпохи» посетили более 250 тысяч человек. URL: <http://www.interfax.ru/tourisminf.asp?sec=1466&id=380607> (дата обращения 08.07.2014).

А.Ю. Кудряков

Неизвестные памятники Великой войны на Дону

Для донской истории события, связанные с Первой мировой или Великой войной, имеют особое значение. Казачьи формирования Дона с началом военных действий в 1914 г. играли важнейшую роль и, зачастую, влияли на весь ход сражений. Донские полководцы – такие, как А.М. Каледин – являлись ключевыми героями войны. Эти факты хорошо известны и в достаточной мере изучены. Но мало кто знает, что Великая война оставила свой след непосредственно на донской земле. Принято считать, что памятников Великой войне в России построено не было. Планировали, да так и не успели возвести, помешали революция и Гражданская война. На самом деле, это не так. Как минимум, два памятника, посвященных Первой мировой, находятся на территории Ростовской области.

Но прежде необходимо рассмотреть предысторию данного вопроса. Анализ Русско-японской войны показал, что стабильной системы железных дорог, связывавшей угольный район Донбасса с центром страны, не существовало. Доставлявшийся железнодорожным транспортом уголь оказывался неимоверно дорогим. И, тем не менее, уголь был крайне необходим. В донбасском топливе нуждались динамично развивавшиеся оборонные предприятия Урала. Уголь в больших количествах требовался и Балтийскому флоту. Этим регионам было необходимо зерно с полей Дона и Кубани. Юг России, в свою очередь, нуждался в строительной и крепежной древесине. Эти проблемы решались строительством Волго-Донской речной магистрали. Наиболее сложной в техническом и строительном отношении частью этих работ являлось возведение Северо-Донецкой шлюзовой системы.

Первая очередь данных работ была начата в мае 1911 г. и завершена осенью 1913 г. Тогда же начались подготовительные работы по строительству шлюзов на Дону. В места наиболее сложных судоходных условий по течению реки посылались изыскательные партии. Результатом исследований стал проект контр-адмирала Н.П. Пузыревского «Шлюзование реки Дон 1914–1918». По этому высочайше утвержденному проекту планировалось возвести девять шлюзов, в первую очередь, у станиц Кочетовской № 1, Константиновской № 2, Николаевской № 3, Камышевской № 4 и др. Работы по созданию системы шлюзов, ввиду особой важности проекта, были начаты незамедлительно уже в 1913 г. Тогда же было сформировано Управление по шлюзованию реки Дон при Министерстве путей сообщения. Начальником управления стал талантливый инженер Юргевич. Закипели работы на Кочетовском, Константиновском, Камышевском

шлюзах. Местное население охотно принимало участие в строительстве, получая за свой труд, как тогда говорили, достойную оплату.

Начавшаяся в 1914 г. война и мобилизация послужили причиной оттока строителей на фронты Великой войны. Это стало причиной замедления темпов строительных работ, поставив под угрозу осуществление всего плана шлюзования. В связи с этим было принято решение направлять на возведения шлюзов пленных военнослужащих немецкой и австрийской армий. Так, уже в 1914 г. первые партии военнопленных приступили к работам на Кочетовском шлюзе. А с начала 1915 г. бывшие военнослужащие австрийской армии задействовались в строительных работах у станиц Камышевской и Константиновской.

Содержание военнопленных, говоря языком документов того времени, было приличным. Об этом свидетельствует достаточное питание, возможность отдыхать и совершать молитвенные службы согласно своим религиозным убеждениям. Отличительной особенностью пребывания военнопленных на строительных работах по возведению шлюзов являлось то, что вчерашние противники были полностью расконвоированы, трудились бок о бок с вольнонаемными местными жителями. Пленные свободно проживали в районе строительства, образуя свои автономные поселки или находя кров в близлежащих хуторах и станицах. Отношения с местным казачьим населением складывались хорошо. Восполняя недостаток мужской составляющей станиц, военнопленные оказывали помощь в сельскохозяйственных и строительных работах. Так, в Константиновской и Камышевской станицах известны здания, построенные при участии австрийских и венгерских солдат. Однако тяжелая, временами опасная работа на шлюзах, отсутствие своевременной медицинской помощи и медикаментов играли свою негативную роль. К концу 1914 г. на Кочетовском строительстве появились первые погибшие и умершие. Вдобавок, сказывался и климатический фактор. Венгры, австрийцы, немцы были непривычны к такому резкому перепаду температур, какой являлся обычным делом для жителей Дона. Возникшие кладбища военнопленных у Кочетовского и Камышевского шлюзов и у поселка близ Борщевской балки около станицы Константиновской поначалу были отмечены лишь деревянными крестами. Но стихийные бедствия 1915 г. и, в особенности, весны 1916 г. в разы увеличили число крестов на погостах.

Разлив Дона весной 1915 г. в одночасье затопил строившийся котлован у Константиновского шлюза. Досталось и находившемуся неподалеку Кочетовскому. Сорванные балки строительного леса убили и искалечили сотни военнопленных и строителей-казаков. Но настоящей катастрофой стал 1916 г. Весной на Кочетовском шлюзе вследствие половодья и резкого подъема воды прорвало отсечную дамбу. Огромной силы гидроудар в одно мгновение унес жизни 2 тыс. строителей шлюза. В память о трагической гибели немцев, австрийцев, венгров, русских в 1916 г. на Дону близ Кочетовского шлюза появился первый памятник Великой войне. Он представлял собой трехметровую пирамиду, увенчанную небольшим крестом. В русском мемориальном строительстве

подобная форма памятника достаточно распространена. Например, в форме пирамиды, увенчанной крестом, построена церковь Св. Николая на Братском кладбище Севастополя. Храм построен как памятник защитникам бастионов города 1854–1855 гг. Символы вечной памяти – пирамиды установлены и на Военно-Грузинской дороге в местах сражений с горцами времен Кавказской войны. Памятник у Кочетовского гидроузла являлся продолжением воинской мемориальной традиции Русской армии. Пирамида, сложенная из местного камня, использовавшегося для строительства шлюза, имела по трем сторонам фасада памятные надписи на русском, немецком и венгерском языках.

Около десяти лет назад, по сообщениям местных жителей, памятник у Кочетовского шлюза подвергся косметическому ремонту. Восстановление выполнялось за счет средств и сил австрийских общественных организаций. Они обновили ограду, выложенную из пластушки, полностью заменили крест на вершине постамента. Однако плиты остались прежними. Русский и венгерский текст на них полностью не читаем. В целом, памятник, являющийся, без сомнения, национальным достоянием, находится в удовлетворительном состоянии. В ближайшее время ему необходимы капитальные реставрационные работы.

Другой, не менее интересный, памятник Первой мировой войне установлен в 1918 г. на месте захоронений погибших и умерших у Камышевского шлюза. Памятник представляет собой сложенный из кварцевого известняка массивный полутораметровый постамент, увенчанный большим крестом правильной формы. На трех сторонах постамента расположены доски из шлифованного камня с надписями на русском, немецком и венгерском: «Жертвам войны 1914–1918 гг.». Всего в 100 м от памятника находятся остатки шлюзовых каналов. Строгие, будто проложенные под линейку рукотворные гидросооружения растянулись на многие километры. Камышевский шлюз так и не был достроен, в отличие от Кочетовского.

Ныне лишь покрытые густым пойменным лесом каналы и покосившийся обелиск в степи напоминают о титаническом труде военнопленных. Кладбище строителей шлюза, близ которого был построен памятник жертвам войны, сейчас разоряется «черными археологами». Рядом с монументом видны свежеразрытые могилы и разбросанные по степи человеческие останки. Сам же памятник находится в удручающем состоянии. Постамент с едва читаемыми надписями может быть разобран на строительный камень. Крест постамента, покрытый выбоинами и трещинами, может рухнуть в любой момент. Объектом государственной охраны памятник не является и нигде не зарегистрирован. Те немногие местные жители из станицы Камышевской, которые знают о существовании памятника, полагают, что его установили пленные финны. Шлюзы же, по мнению станичников, возводил еще Петр I.

Военнопленным солдатам немецкой и австрийской армий был возведен в 1917 г. и третий памятник. Его установили близ станицы Константиновской. По одним сведениям, он был расположен на острове Лучка, по другим – возле

бараков в Борщевской балке. Сейчас трудно сказать, как выглядел этот памятник, но хочется надеяться, что в ближайшее время мемориал или то, что от него осталось, все-таки удастся отыскать и восстановить.

Помимо указанных памятников, к мемориалам времен Первой мировой войны на Дону можно отнести надгробья и памятные знаки на могилах русских солдат и офицеров, погибших в боях с немцами или умерших от ран в госпиталях. Несомненно, эти следы величия и подвига Русской армии нуждаются в изучении, восстановлении и обязательной охране со стороны общества и государства. А памятники военнопленным, практически забытые и заброшенные, ныне занимают особо место на донской земле. Будучи уникальными по своему смыслу и значению, эти мемориалы служат примером гуманного отношения к пленному противнику и являются лучшим призывом к миру для современного общества. Передавая забвению памятники погибшим воинам, мы, в конечном итоге, открываем двери новой войне.

Т.Ю. Власкина, Ю.В. Московец

**Конструирование образа истории
средствами музейной экспозиции:
Первая мировая война в собрании Музея казачества,
этнографии и культуры Приазовья ЮНЦ РАН¹**

Современное видение назначения музея не сводится к представлению о нем как о хранилище уникальных предметов, не исчерпывается научной деятельностью сотрудников по сбору и изучению исторических и этнографических источников, художественных раритетов. Музей сегодня несет огромную просветительскую, воспитательную нагрузку, поскольку, конкретизируя культурно значимое прошлое, он зримо и, можно сказать, материально устанавливает связь времен, заставляет по-новому осмысливать современность. Более того: «Музей – это социальный институт, который рассказывает о настоящем и отвечает на жгучие вопросы дня сегодняшнего. В этом смысле музей всегда создается под решение каких-то задач современности, в первую очередь, социальных и социокультурных», – так определяет статус и функции данной категории учреждений А.В. Лебедев, один из ведущих российских специалистов в области развития музейного дела [1].

В коммуникационном процессе, где с одной стороны – музейный предмет, а с другой – посетитель, ведущая роль принадлежит концепции экспонирования. В выставочном пространстве экспонат обретает значимость не столько благодаря своим собственным уникальным характеристикам, сколько через связанный с ним историко-культурный контекст, поскольку от последнего зависит наиболее сложный содержательный план, а предмету отводится функция средства для создания аутентичной атмосферы, нужного эмоционального состояния. Стоит подчеркнуть: современный подход к отбору элементов для конструирования экспозиции открыл возможности для достижения весьма выразительных результатов при минимуме значимых артефактов в комплексе с широко приуроченным массовым материалом и вспомогательными ресурсами. Но вместе с тем возросла и авторская ответственность за обоснованность распространяемых образов.

Подобная установка позволяет рассматривать весьма скромные возможности музея ЮНЦ РАН как вполне достаточные для экспозиционного раскрытия

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Музейная идеология в современных условиях Юга» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности».

целого ряда общественно значимых сюжетов, выходящих за рамки нашей профильной темы – истории и этнографии дельты Дона. Одну из подобных тем можно сформулировать так: «Первая мировая война – возвращение памяти».

Исследование, проводившееся более 10 лет назад челябинскими и казанскими историками, позволило установить, что для трех советских поколений (1920–1980 гг. рождения) именно «Первая мировая война из всех событий “века катастроф” является наиболее “забытым и вытесненным” явлением, не вызывая четких оценок и определений значимости для российской истории» [2]. Причина подобного в том, что в советском историко-политическом дискурсе 1914 г. лишь предтеча 1917 г.: начало кровавой империалистической бойни, основной смысл которой – в подготовке революционной ситуации. В постсоветский период синусоида культурного забывания – припоминания (по выражению Ю.М. Лотмана) показала устойчивый рост интереса к событиям вековой давности. В общественном поле началось формирование новой исторической мифологемы, и полузабытая Первая мировая стала представляться идеалистически. Нередко великой войне отводится роль своеобразного исторического рубежа, вернувшись к которому, Россия вновь окажется на своем истинном пути, очищенном от советского «тупикового отклонения». В последнее же время наметилась тенденция к новому витку переосмыслений – теперь уже в русле отказа от огульной критики всего советского. Очевидно, мы не в последний раз наблюдаем колебания в восприятии Первой мировой войны российским обществом.

В подобном контексте экспозиционная стратегия музея должна быть особенно продуманной. «Музей как социальный институт всем ходом своего развития подготовлен также к тому, чтобы “охлаждать” кипящие страсти и конфликты» [3]. Ощутимый общественный заказ требует весьма осторожного обращения с темой восстановления и реабилитации образа «забытой» войны, в первую очередь, для того чтобы избежать грубого навязывания одного идеологического стереотипа взамен другого. Совсем без конструирования при создании экспозиции обойтись невозможно, коль скоро речь в принципе идет об образах исторической реальности. Но стоит попытаться свести к минимуму предвзятость смысловых построений, основанных на сиюминутных политических предпочтениях. Корректнее, оперируя корпусом оригинальных материалов, не выходить за рамки его информативного потенциала.

Рассмотрим ресурсы музея ЮНЦ РАН по названной теме. Во-первых, музей располагает рядом подлинников – уникальных и типичных, снабженных соответствующими пояснениями. В комплекс источников входит также ряд случайных находок, полученных вне естественного контекста, для атрибутирования которых проводились специальные консультации. Кроме того, ресурс дополняют оцифрованные материалы, оригиналы которых продолжают храниться в семейных архивах и собраниях различного статуса на местах. Помимо основных ресурсов, включенных в музейные фонды постоянного и временного хранения, к созданию экспозиции могут привлекаться материалы объединенного архива

полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ).

Уникальные артефакты Первой мировой войны представлены в коллекции музея медальоном-ладанкой и карманной книгой «Новый Завет». Оба предмета имеют обережное назначение. Книга «Новый Завет» – с памятной надписью «Сопутник Русско-Германской войны 1914 и 1917-х гг. и русской междоусобной Гражданской войны 1918–1919 гг.», которая сделана рукой урядника 16-й Донской казачьей батареи Григория Степановича Попова из хутора Мостовского станицы Верхнекундрюченской Первого Донского округа области Войска Донского [4]. Известно, что вместе со своим первым владельцем – казаком-конником Марком Андреевичем, дедом Г.С. Попова, книга прошла через сражения русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а вместе с последним – сыном урядника, танкистом Алексеем – побывала в битвах Великой Отечественной. Эта реликвия без преувеличения олицетворяет духовную связь между несколькими поколениями донских казаков, благодаря чему «Русско-Германская война» занимает место среди других испытаний, где донцы отстаивали свою правду и свое отечество так, как считали правильным.

Не меньшим экспрессивным потенциалом обладает серебряный позолоченный медальон-ладанка с частицами «святости», изображениями Богоматери с младенцем Христом на одной стороне и надписью «Святые угодники молите Бога за нас» на другой. Медальон поступил в музей из Зерноградского района, где он был найден на месте разгрома деникинского полка недалеко от села Каменка [5]. Такие предметы с вложением сакраменталий – кусочков ладана, горсти родной земли и других священных предметов – были разнообразны по форме, но по назначению – одинаковы. Синхронные источники свидетельствуют, что в таком «овеществленном» виде давалось казакам в день проводов на действительную службу или в поход «родительское благословение».

Коллекцию воинских личных амулетов дополняют артефакты, чья непосредственная связь с событиями 1914–1917 гг. не установлена, но они являются типичными, принадлежат тому же временному периоду и обнаружены в соответствующих условиях. К данной группе отнесем карманный молитвенник с месяцесловом XIX в., который также сохранялся казачьей семьей из станицы Верхнекундрюченской [6]. Миниатюрная книжечка предназначена для ношения при себе и частого использования. Крышки ее переплета оформлены накладками из медного листа с чеканными изображениями. Помимо молитвенника к категории типичных личных оберегов можно приобщить несколько мужских нательных крестов рубежа XIX–XX вв., также найденных на Дону, в районах ожесточенных боев 1918–1920 гг. [7].

К уникальным относится комплекс документов личного происхождения – рукописный дневник ветфельдшера 19-й Донской отдельной казачьей сотни Святослава Владимировича Быковского, охватывающий события 1914–1915 гг., и 12 подлинных фронтовых фотографий, датированных 1915–1917 гг. [8].

Помимо данного комплекса подлинников корпус эго-документов, которые находятся в распоряжении музея ЮИЦ РАН, представлен цифровыми копиями казачьих синхронных и диахронных памятных нарративов и комплектов писем военного времени. К примеру, к ним относится рукописный архив упоминавшегося выше урядника Г.С. Попова. Архив включает черновики и подневные чистовые записи о событиях 1900–1924 гг., а также семейную переписку – 60 писем 1908–1917 гг. и несколько фотографий того же периода [9].

Несомненный интерес для раскрытия темы представляет еще один комплект из 27 писем, датированных 1914–1915 гг. Инженер-железнодорожник Н.А. Горинов, служивший в Санкт-Петербурге, переписывался со своими родителями, жителями хутора Бокова (ныне станица Боковская). Вместе с семейными новостями родственники рассказывали друг другу о ситуациях, которые им приходилось наблюдать, обсуждали обстановку на Дону и на фронте, общественные настроения в столицах, проблемы транспортного сообщения и проч. [10].

Среди оцифрованных экспедиционных материалов имеется еще одна реликвия Первой мировой войны – Памятная книжка-календарь для нижних чинов российской армии «Пасха 1916 года» – издание, известное как «Пасхальное поздравление Императрицы Александры Федоровны» [11]. Подлинник принадлежит семье Дьячихиных, выходцев из станицы Усть-Бузулукской Хоперского округа области Войска Донского. Особую ценность книжке придает выписка из приказа 1915 г. о награждении Георгиевской медалью 4-й степени Платона Дьячихина, урядника 29-й Донской отдельной казачьей сотни, его собственноручная владельческая отметка 1916 г., а также более поздние записи генеалогического и бытового характера на последних страницах.

Оружие, сохранившееся на Нижнем Дону со времен Первой мировой, представлено в собрании музея несколькими единицами: кавалерийской саблей производства Златоустовского завода [12], револьвером системы Нагана [13], и винтовкой Мосина образца 1891 г. с четырехгранным штыком [14]. Коллекцию дополняют гильзы и пули калибра 7,62×54 от винтовок Мосина и Манлихера (австрийского производства), находимые по всей донской земле при любых земляных работах [15]. Эти остатки боеприпасов наиболее массовой разновидности оснащения российской армии в 1914–1917 гг. могли быть отстреляны в связи с множеством событий первой половины XX в.

Еще одну группу артефактов, которую можно обозначить как «предметы воинского обихода начала XX в.», составляют: французский морской бинокль [16], унтер-офицерский свисток (его назначение – давать сигнал к началу атаки) [17], латунная кружка, изготовленная из гильзы орудийного снаряда [18], несколько зажигалок, самодельных и ремесленного производства, из тех, что бытовали в окопах и Первой, и Второй мировых войн [19].

Следующую категорию экспонатов составляют детали воинского обмундирования и снаряжения. Это массовый материал на Дону, который можно обнаружить в «культурном слое» любого из крупных казачьих поселений. Но осо-

бенно часты находки форменной казачьей фурнитуры в местах, связанных с событиями Гражданской войны. Использовать подобный массовый материал в создании экспозиции по Первой мировой позволяет тот факт, что между 1914 и 1920 гг., как правило, продолжалось бытование воинского обмундирования, соответствующего артикулам, действовавшим в начале войны. Особенно это касалось фурнитуры. Музей располагает следующими материалами: кокарды уставные [20]; пуговицы форменные Российской императорской армии – казачьи и общевоинские, офицерские и нижних чинов [21]; пряжки портупейные, ременные и от конской упряжи [22]. Подобным же образом объясняется и находка на территории бывшей области Войска Донского английских форменных пуговиц [23].

Еще одну группу подлинников можно назвать «собранием неожиданных предметов», связь которых с войной не столь очевидна. Среди них гимназический учебник русской словесности, на форзаце которого обнаружили рукописные вопросы-размышления о происходивших событиях: «Как началась мировая война? Кто наши союзники, кто наши враги?» [24]. Свинцовая свистулька в виде петушка – в начале XX вв. такие дешевые кустарные игрушки старьевщики меняли на различный домашний хлам [25]. Самодельная ложка, отлитая из олова по форме-оттиску с деревянной [26]. Все эти вещи возникли в связи с принесенными войной переживаниями и лишениями, на несколько десятилетий вперед определившими образ мысли и бытовой контекст жизни людей.

Сильный эмоциональный посыл несут в себе семейные фотографии того времени. Музей ЮНЦ РАН располагает подлинниками и оцифрованными фотоматериалами, собранными по всей территории бывшей области Войска Донского. Больше всего среди них снимков, сделанных по случаю ухода казаков на фронт и во время отпусков.

Что же возникает в результате обзора ресурсов? Перед нами нет цельной картины Первой мировой войны. Есть разрозненные фрагменты былой повседневности, в которой, как и в семейных преданиях, сливается предшествующее и последующее время, от рубежа XIX–XX вв. до середины 1920-х гг. Это не произведения искусства, не документы мировой значимости, судьба которых – жить в веках, возвышаясь над рутинной будней, а всего лишь уцелевшие остатки былой жизни, неизбежные факты и фактики. Плотные в своей неразрывности, они когда-то заполняли каждый из дней лета 1914 – весны 1918 гг. Вещественные остатки несут в себе отпечаток крохотных непрерывных изменений не только быта, но и мировоззрения людей, от предвоенного мира к послевоенному. Теперь связи между отдельными фрагментами утрачены, лишены контекста, они рассыпаются, подобно античной мозаике. Следовательно, главная задача – достроить недостающие части полотна сведениями о происхождении и назначении предметов, о связанных с ними явлениях нематериального свойства. Если при создании экспозиции мы зададимся целью максимально уйти от не-

правомерных обобщений и позднейших политических клише, то естественным средством для насыщения вещественного «скелета» культурно-историческим контекстом будут синхронные тексты – письма и дневники. Важным условием, помимо хронологического соответствия, выступает локальная этнокультурная аутентичность источников. Тогда даже присущая нарративу риторика не исказит впечатления, не помешает почувствовать эпоху, увидеть ее глазами современников, называвших Первую мировую войну Второй Отечественной.

Примечания

1. Лебедев А.В. О природе музейного проектирования // Музейное проектирование. М., 2009. С. 16.
2. Нагорная О.С. «Век катастроф» в культурной памяти современного российского общества // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. ст. Челябинск, 2004. С. 233.
3. Галкина Е.Л. Введение // Музей и этнология. Серия электронных изданий MUZEUM PRO. Вып. 2.0. М., 1997. С. 4.
4. Музей казачества, этнографии и культуры Приазовья Южного научного центра РАН (далее – МКЭИКП ЮНЦ РАН). Фонд постоянного хранения (далее – ФПХ). № 411. Новый Завет. Россия, XIX в. Усть-Донецкий район Ростовской области, станица Верхнекундрюченская.
5. МКЭИКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 262. Медальон-ладанка. Россия, начало XX в. Зерноградский район Ростовской области, село Каменка.
6. МКЭИКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 241. Молитвенник с месяцесловом. Россия, XIX в. Усть-Донецкий район Ростовской области, станица Верхнекундрюченская.
7. МКЭИКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 246-148, 252. Кресты нательные. Россия, XIX–XX вв. Дубовский, Белокалитвинский, Каменский районы Ростовской области.
8. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук – Южного федерального университета (Ростовского государственного университета) (далее – ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ)). Даниловский район Волгоградской области, хутор Заполянский, 2009 г. Комплект документов личного происхождения: дневник С.В. Быковского 1914–1915 гг. и фотографии 1915–1917 гг.
9. ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ). Усть-Донецкий район Ростовской области, станица Верхнекундрюченская, 1997, 2007 гг. Комплект документов личного происхождения: дневник, письма и фотографии семьи Поповых 1900–1926 гг. Цифровая копия.
10. ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ). Ростовская область, станица Боковская, 2010 г. Комплект из 30 писем. Переписка семьи Гориновых 1914–1915 гг. Цифровая копия. Подлинники хранятся в Боковском краеведческом музее (Основной фонд №№ 1729–1758).

11. ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ). Алексеевский район Волгоградской области, станица Усть-Бузулукская, 2007 г. Подарочная книга на Пасху 1916 г. М., 1916 г. Цифровая копия.
12. МКЭиКП ЮНЦ РАН. Фонд временного хранения (далее – ФВХ). № 513. Сабля кавалерийская. Россия, начало XX в. Нижний Дон.
13. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 523. Револьвер системы Нагана. Россия, начало XX в. Азовский район Ростовской области, село Кагальник.
14. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 677. Винтовка Мосина образца 1891г., № 413, 678. Четырехгранный штык винтовки Мосина (2 экз.). Азовский район Ростовской области.
15. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 767, 1011–1011/2. Азовский район Ростовской области.
16. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 940. Морской бинокль. Франция, начало XX в. Ростов-на-Дону.
17. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 770. Свисток унтер-офицерский. Россия, конец XIX – начало XX в. Каменский район Ростовской области.
18. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 410. Кружка. Начало XX в. Нижний Дон.
19. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 1011/1-4. Зажигалки. Первая половина XX в. Нижний Дон.
20. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 1007, 1007/1. Кокарды уставные. Россия, начало XX в. зерноградский район Ростовской области, село Каменка.
21. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 750, 751/1-2, 755/1-10, 763, 1005/1-5, 1009/1-6, 1010/1-2. Пуговицы форменные Российской императорской армии. Ростовская область, Дубовский район, хутор Кудинов, Белокалитвинский район, хутор Ильинка, зерноградский район, хутор Каменка, Тарасовский район.
22. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. №1006/1-7. Пряжки портупейные. Россия, конец XIX – начало XX в. Дубовский район РО, х. Кудинов; №736, 1006/8-9, 1008/1-4, 1016/1-4. Пряжки ременные от конской амуниции. Россия, конец XIX – начало XX в. Дубовский район Ростовской области.
23. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. №753, 754. Пуговицы форменные. Англия, 1914–1917 гг. Азовский район Ростовской области.
24. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 573. История русской словесности. Учебник. СПб., 1914. Новочеркасск Ростовской области.
25. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 132. Свистулька «Петушок». Свинец. Россия, начало XX в. Дубовский район Ростовской области, хутор Кудинов.
26. МКЭиКП ЮНЦ РАН. ФПХ. № 419. Ложка. Олово. Россия, начало XX в. зерноградский район Ростовской области, село Каменка.

РАЗДЕЛ 2

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В 1914–1918 гг.

В.П. Трут

Казачество России в Первой мировой войне: масштабы мобилизации и количество сформированных частей и подразделений

Определение точной численности призванных в армию в годы войны казаков представляет сложную проблему. При любой значительной по размерам мобилизации неизбежно возникают трудности с учетом, происходит множество недоразумений, допускаются неточности и прямые ошибки. И хотя в России мобилизация была проведена успешно, свидетельством чего служило награждение осуществлявших лиц специальными медалями, в ходе ее также отмечались указанные недостатки. Поэтому даже в имеющихся в архивах официальных документах военного ведомства содержатся отличные друг от друга данные. К тому же в ряде случаев сведения по данному вопросу являются далеко не полными, а иногда и прямо противоречивыми. Кроме названных причин существуют и проблемы, вытекающие из внутренней специфики воинских призывов. Так, необходимо учитывать численность армии к моменту начала мобилизации, так как уже находившиеся к этому времени в армии в мобилизационные списки, естественно, не попадали. Отдельно надо выделять данные, относящиеся к общему числу мобилизованных, направленных непосредственно в действующую армию и в тыловые части, по каким статьям проходили призывники, в каких областях и в какое время проводилась мобилизация тех или иных призывных возрастов, какие при этом были официально допущены отступления от установленных правил и т.п.

О сложности этой проблемы говорят и различные данные, содержащиеся в военной и исторической литературе. Зачастую расхождения приводимых в них цифровых показателей весьма значительны. В полной мере это относится и к специальной, и к авторитетной энциклопедической литературе. Например, в ней содержатся данные о том, что казачеством в Первую мировую войну было

выставлено около 300 тыс. чел. [1]. Эта цифра приводится практически во всех энциклопедических и специальных изданиях, начиная с работ позднего советского периода, и является, по сути, устоявшейся и общепризнанной. При этом ее приближенность и некоторая условность почти никого особо не смущала.

После объявления мобилизации в армию были призваны казаки второй и третьей очередей строевого разряда. Характерно, что согласно разработанному и существовавшему еще в мирное время мобилизационному плану в случае начала крупномасштабных военных действий мобилизации подлежало до 12,5 % всего взрослого казачьего мужского населения [2]. Для сравнения можно отметить, что процентная норма мобилизации неказачьего населения страны составляла 4,2 % [3]. К концу 1915 г. непосредственно в действующей армии на фронте находилось уже 292 тыс. казаков [4]. Всего же к этому времени на военную службу было призвано свыше 8 тыс. казачьих офицеров и 327 тыс. рядовых казаков [5].

Общий уровень мобилизации с учетом соотношения общей численности населения и количества призванных в армию среди казачества был намного выше, чем в среднем по стране [6]. Этот показатель будет еще более высоким, если рассматривать не количество призванных в армию вообще, а направленных непосредственно в действующую армию на фронт. В 1916 г. напряжение в этом плане достигло своего апогея. Кроме общего количества призванных в армию казаков, численность которых к этому времени уже превысила треть миллиона, об этом весьма красноречиво свидетельствовала и ситуация, сложившаяся в запасных казачьих подразделениях. Их состояние служило зеркальным отражением положения дел с людскими мобилизационными ресурсами в казачьих войсках. По существовавшему в то время положению каждая запасная казачья конная сотня должна была укомплектовывать полное полковое звено, т.е. три казачьих полка (по одному в каждой из трех очередей строевого разряда) и несколько отдельных и особых сотен [7]. С уходом из запасной сотни маршевой команды на пополнение находившихся в армии соответствующих казачьих частей из станиц, к которым эта запасная сотня была приписана, для ее пополнения до штатного состава призывались очередные казаки [8].

Учитывая масштабы мобилизации казачества, стремясь улучшить условия подготовки пополнения и облегчить его условия, в конце 1916 г. была признана настоятельная необходимость увеличить во всех казачьих войсках, кроме Астраханского, число запасных казачьих сотен вдвое, а также свести их в запасные казачьи полки, дивизионы и батальоны [9]. Во исполнение данного решения 24 января 1917 г. Военный совет принял постановление о формировании в казачьих войсках новых запасных конных казачьих сотен: 18 в Донском, 11 – в Кубанском, 4 – в Терском войске и т.д. [10]. Всего числилось: донских – 6 запасных казачьих полков, 3 запасные казачьи артиллерийские батареи; кубанских – 4 запасных казачьих полка, 3 запасных пластунских батальона, запасная казачья артиллерийская батарея. В Оренбургском войске было 2 запасных казачьих

полка (6 сотен), в Терском – также 2 запасных казачьих полка и запасная пешая сотня, в Уссурийском – 2 запасные казачьи конные сотни и т.д. Кроме того, во всех казачьих областях из казаков неспособного разряда (т.е. негодных к службе в армии по состоянию здоровья) формировались местные команды, в задачу которых входило обеспечение порядка в своих станицах.

Невиданная по размерам массовая мобилизация потребовала от казачества большого внутреннего напряжения и использования всех средств и ресурсов, оказавшихся к концу 1916 г. полностью на исходе. В это время Совет военного министра, располагавший всесторонними и полными сведениями о состоянии дел в данной области, пришел к заключению, что все казаки, ранее служившие в войсках (первой, второй и третьей очередей строевого разряда) полностью мобилизованы и находятся в армии. Дома остались только казаки старших возрастов запасного разряда, мало пригодные для службы в коннице [11]. Дело дошло до того, что пополнение запасных конных казачьих сотен производилось «исключительно переосвидетельствованными казаками неспособного разряда и молодыми казаками (достигшими или иногда даже не достигшими призывного возраста. – *В.Т.*)» [12]. Данная констатация в официальных документах красноречиво свидетельствовала о действительных размерах мобилизации казаков. В неспособный разряд зачислялись казаки, признанные негодными к службе в армии по состоянию здоровья. Ввиду острой необходимости часть из них все же была переосвидетельствована и призвана в запасные казачьи подразделения. В настоящее время наиболее точно выверенные и аргументированные обобщенные итоговые сведения о количестве мобилизованных казаков имеются по Донскому и Оренбургскому казачьим Войскам. Донское казачество в период Первой мировой войны направило в армию 113 742 казака [13], а оренбургское – 36 674 казака [14].

Отдельную к настоящему времени окончательно не разрешенную проблему составляет точное определение количества воинских частей и подразделений, выставленных во время войны каждым казачьим войском. При ее рассмотрении исследователи неминуемо сталкиваются со многими факторами, значительно осложняющими нахождение верных ответов. Среди них можно отметить расхождения и неточности, содержащиеся как в разнообразной источниковой базе, так и в различных исследовательских работах, затрагивающих данную проблему. К сожалению, не служат исключением и серьезные общие, военные и исторические энциклопедические издания и специальные исследования.

Необходимо учитывать и трудности, непосредственно вытекающие из характера самого предмета изучения. В период войны происходили многочисленные формирования, переформирования и расформирования различных частей и подразделений, изменения их численности, нумерации, названий, передачи в составы крупных соединений, переброски на другие фронты, в тыл и т.п. В ходе боевых действий неоднократно изменялись не только общая численность казачьих соединений всех казачьих войск и каждого в отдельно-

сти, но и количество тех или иных конкретных частей практически в каждом из войск. Характерным примером может служить вопрос о количестве донских казачьих конных полков в период войны. В подавляющем большинстве работ, в том числе во всех энциклопедических изданиях, указывается, что Войско Донское во время войны, помимо других подразделений, выставило 60 конных казачьих полков [15]. Эта цифра, в общем, верна. Но в то же время практически нигде не уточняется, что в разные периоды Первой мировой войны количество даже таких крупных частей, как донские казачьи полки, было различным. Так, в августе 1915 г. в документах командования русской армии говорится о 62 донских казачьих полках [16]. А уже в ноябре того же 1915 г. штабные сводки содержат сведения о 60 донских казачьих полках [17]. И в первом, и во втором случаях достоверность архивных источников сомнения не вызывает, поскольку это материалы высших органов командования и управления русской армии. В октябре 1916 г. количество донских казачьих полков составляет 61 [18], а в июне 1917 г. вновь 60 [19]. Схожая ситуация наблюдалась в отношении количества полков на разных этапах войны и в некоторых других казачьих войсках. И это только некоторые примеры сложностей, которые возникают при подсчете количества частей того или иного войска в разное время войны. Еще более пестрая картина наблюдается при рассмотрении числа казачьих подразделений (отдельных и особых сотен, артиллерийских батарей, отдельных полусотен).

В 1914 г. до объявления мобилизации в русской армии всего находилось 54 казачьих полка, 6 пластунских (пеших) казачьих батальонов, 3 казачьих конных дивизиона (из них два отдельных), 23 казачьи батареи, 11 отдельных казачьих сотен, а также Собственный Его Императорского Величества конвой. Всего в этих частях и подразделениях числилось 68,5 тыс. казаков [20]. Из общего числа казачьих полков было 3 гвардейских (Лейб-гвардии Атаманский, Лейб-гвардии Казачий и Лейб-гвардии Сводно-Казачий), 17 донских, 11 кубанских, 6 оренбургских, 4 забайкальских, 4 терских, 3 сибирских, 3 уральских, 1 амурский, 1 астраханский и 1 семиреченский. В армии также находились Уссурийский казачий конный дивизион, входивший в Уссурийскую конную бригаду, отдельный гвардейский Кубанский казачий конный дивизион, дислоцировавшийся в Варшаве, и также отдельный Оренбургский казачий конный дивизион.

Большинство из этих казачьих полков (общей численностью в 31) было сведено в собственно казачьи соединения (1-ю Донскую, 2-ю Сводно-Казачью, 1, 2, 3-ю Кавказские, 1-ю Туркестанскую казачьи дивизии, Закаспийскую, Сибирскую и Забайкальскую отдельные казачьи бригады, Уссурийскую отдельную конную бригады). Пешие (пластунские) казачьи части составили 1-ю Кубанскую пластунскую бригаду 6-батальонного состава, 19 казачьих полков несли службу в составе 17 кавалерийских дивизий регулярной конницы (каждая кавалерийская дивизия имела в своем составе по одному драгунскому, уланскому, гусарскому и казачьему полку). А 4 казачьих первоочередных полка (7-й Донской,

3-й Сибирский, 2-й Верхнеудинский и 1-й Астраханский) не входили в состав дивизий и бригад и числились как отдельные воинские подразделения [21].

Из призванных второочередных казаков были сформированы полки второй очереди, а из третьоочередных казаков позже сформированы кадры полков третьей очереди. Из части этих так называемых льготных полков были образованы 9 новых казачьих дивизий (3, 4-я и 5-я Донские, 1-я и 2-я Кубанские, 4-я Кавказская, 1-я Терская, Уральская и Оренбургская, 6 отдельных конных и 2 пешие казачьи бригады) (две Забайкальские, Донская, Кубанская, Сибирская, Туркестанская конные и две Кубанские пластунские). Остальные казачьи полки, главным образом третьей очереди, были приданы некоторым пехотным дивизиям и армейским корпусам в качестве войсковой конницы [22].

К концу 1915 г. было сформировано 163 казачьих полка, 28 пластунских батальонов, 3 казачьих конных дивизиона, более 50 казачьих артиллерийских батарей, значительное количество отдельных¹ и особых сотен², а также конвойных полусотен³. Общая численность находившихся в армии казачьих частей и подразделений на 1917 г. в литературе определяется по-разному. Так, в основных энциклопедических работах приводятся данные о 164 конных полках, 54 артиллерийских батареях, 30 пластунских (пеших) батальонах, 179 отдельных сотнях, 78 полусотнях, 9 конных и пеших дивизионах, императорском конвое, а также 63 запасных сотнях и 3,5 запасных артиллерийских батареях [23]. В вышедших позже специальных энциклопедических изданиях говорится о 164 казачьих конных полках (113 из которых составили 28 казачьих дивизий и 5 отдельных казачьих бригад), 7 отдельных конных казачьих дивизионах, 35 отдельных, 142 особых и 4 ополченских казачьих сотнях, 78 конвойных полусотнях, 30 пеших казачьих батальонах (сведенных в 5 отдельных пеших казачьих бригад), 2 отдельных пеших казачьих дивизионах, 27 казачьих конно-артиллерийских дивизионах (63 казачьих батареях), 15 отдельных казачьих конных артиллерийских батареях [24].

Различные сведения содержатся даже в работах практически единственного на сегодняшний день исследователя проблемы казачества всех казачьих войск страны в Первой мировой войне Г.Л. Воскобойникова. В одних случаях в них говорится о том, что казачество в годы войны всего выставило 166,5 полков, 30 пластунских ба-

¹ Отдельные сотни – строевые казачьи части сотенного состава, не входившие в полковые части и действовавшие как самостоятельные подразделения. В мирное время формировались для несения службы на территории своего войска. В годы Первой мировой войны направлялись в армию для несения тыловой службы, а также командировались на фронт для охраны и обслуживания штабов. По штату в отдельной сотне полагалось 144 рядовых и унтер-офицеров и 4 офицера (включая командира сотни).

² Особые сотни – отдельные строевые казачьи части сотенного состава, формировавшиеся во время Первой мировой войны из казаков старших призывных возрастов (третьей очереди строевого и частично даже запасного разряда) для охраны и обслуживания штабов, почты, связи, конвоев.

³ Конвойные полусотни – отдельные казачьи подразделения, выполнявшие те же функции, что и сотни, но состоявшие не из 4, а из 2 взводов.

тальонов, 54 артиллерийские батареи, 175 отдельных и особых сотен, 77 конвойных полусотен [25]. А в других приводятся данные о 167,5 полках, 30 пеших батальонах, 64 артиллерийских батареях, 180 отдельных и особых сотнях, 82 конвойных полусотнях [26]. Среди сведений, опубликованных в печати в последнее время, можно встретить и данные о 162,5 казачьих полках, 57,5 казачьих артиллерийских батареях, 30 пеших батальонах, 280 отдельных казачьих сотнях [27].

По нашему мнению, к началу 1917 г. в армии находилось ровно 164 конных казачьих полка [28]. В том числе Лейб-гвардейские (после Февральской революции – гвардейские) Казачий, Атаманский, Сводно-Казачий (в него входили Оренбургская и Уральская гвардейские конные сотни, Забайкальская и Сибирская гвардейские конные полусотни, Амурский, Астраханский, Семиреченский и Уссурийский гвардейские конные взводы), 3 казачьих отдельных конных и 1-й пеший дивизионы, казачий Собственный Его Императорского Величества конвой (в апреле 1917 г. из входивших в него 1-й и 2-й Лейб-гвардии Кубанских и 3-й и 4-й Лейб-гвардии Терских казачьих сотен были образованы отдельный гвардейский Кубанский конный казачий и гвардейский Терский конный казачий дивизионы). В армии также находились 30 пластунских батальонов, 64 казачьи артиллерийские батареи (из части которых были образованы 3 гвардейских и 16 обычных отдельных конно-артиллерийских дивизионов), 177 казачьих отдельных и особых сотен, 79 казачьих конвоев полусотенного состава, 16 казачьих запасных конных полков, 3 казачьих запасных пеших батальона, 6 казачьих запасных артиллерийских батарей (в том числе 3-батарейный Донской запасной конно-артиллерийский дивизион), 3 казачьих запасных конных дивизиона, 7 казачьих запасных конных сотен, 5 казачьих запасных пеших сотен, 1 гвардейская казачья запасная полусотня, 2 гвардейских казачьих запасных конных взвода, 1 казачий запасной артиллерийский взвод, а также большое количество местных (станичных) команд.

Уровень мобилизации среди казачества значительно превышал аналогичные показатели среди других категорий населения страны. На войну было практически поголовно мобилизовано все мужское казачье население призывных возрастов. Казачи в полной мере извели все ужасы и тяготы войны, понесли большие потери.

Примечания

1. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1987. С. 252; Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1989. С. 529.
2. Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914–1918 г. М., 1994. С. 31.
3. Там же.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 11. Л. 99; Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С.68.

5. Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов н/Д, 1998. С. 20.
6. См.: Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах), М., 1925. С. 22; Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 12.
7. РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2202. Л. 1.
8. Там же.
9. РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2202. Л. 1.
10. Там же. Л. 19
11. Там же. Л. 2
12. Там же.
13. Даниленко Т. Новая коллекция // Новочеркасские ведомости. 1995. 18 августа.
14. Баканов В.П. Из истории Оренбургского казачества. Магнитогорск, 1993. С. 91.
15. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 8. М., 1973. С. 451; Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 199; Губарев Г.В., Скрылов А.И. Казачий словарь-справочник. В 3 т. Т. 1. Кливленд, 1966. Т. 1. С. 211; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. 2-е изд. Т. 1. М., 1990. С. 249.
16. См.: Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 57–62.
17. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 276. Л. 38, 40, 63–64.
18. Там же. Л. 50.
19. Там же. Л. 96–98.
20. Советская военная энциклопедия. Т. 4. М., 1977. С. 34; Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 11. М., 1973. С. 176. В данных энциклопедических изданиях ошибочно указано, что в армии в это время находилось 4 казачьих отдельных пеших дивизиона.
21. См.: Звегинцев В. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация. Формирования 1914–1917 гг. Регалии и отличия. Париж, 1959. С. 23–26.
22. В оскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 7. При этом автором допущена небольшая неточность, которую, видимо, следует считать опечаткой: в тексте вместо Туркестанской казачьей бригады указана Терская казачья бригада, которой ни в то время, ни в последующие периоды войны вообще не существовало.
23. См.: Большая советская энциклопедия. Т. 11. С. 176; Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 34.
24. Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 252; Воскобойников Г.Л. Казачество Востока России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. Тезисы докладов науч. конф. 18–21 мая 1992 г. Томск, 1994. С. 143.
25. Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914–1918 г. С. 131.
26. См., например: Савельев В. Кому бояться казачьих сотен // Сельская жизнь. 1997. 30 января.
27. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 276. Л. 96–98.

А.Ю. Безугольный

Горцы Северного Кавказа как ресурс для пополнения войск русской армии в годы Первой мировой войны¹

Почти столетняя политика царского правительства в области призыва и боевого использования в рядах Российской армии северокавказских горцев свидетельствует, что в этой области были достигнуты скромные успехи. Изначально ставка делалась на многочисленную горскую аристократию, которая охотно интегрировалась в русскую социально-культурную среду через военную службу. Представители различных горских народов дали стране сотни и тысячи блестящих офицеров и генералов, прославивших русское оружие в войнах XIX и начала XX в.

Многokrатно была опробована практика создания и использования во внешних войнах ополченческих горских формирований, комплектовавшихся добровольцами. В начале Первой мировой войны правительство продолжило традиционную линию на создание иррегулярных добровольческих частей из уроженцев Кавказа. Принципиально новым было то, что такие части впервые были объединены в крупное соединение, способное самостоятельно решать достаточно серьезные тактические задачи – кавалерийскую дивизию.

23 августа 1914 г. был объявлен высочайший приказ Николая II о формировании на добровольных началах Кавказской туземной конной дивизии трехбригадного состава из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского. Кроме того, вне горского соединения почти всю войну оставались еще два горских конных полка – 1-й Дагестанский и Осетинский. В 1917 г. они были включены в состав вновь сформированного Туземного конного корпуса, объединившего все горские полки.

Высокий патриотический подъем, охвативший все российское общество, в полной мере затронул и горцев. Само решение о формировании дивизии было ответом на инициативу горских обществ, которые не только выдвинули перед властями идею создания национальных полков, но и взяли на себя значительную часть расходов по их содержанию. Пристальный интерес к формированию соединения со стороны императорской фамилии, назначение на должность его

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

начальника – родного брата царя великого князя Михаила Александровича (по некоторым данным именно он был подлинным инициатором создания дивизии [1]) способствовали большой популярности дивизии.

Архивные документы за август – октябрь 1914 г. содержат множество заявлений добровольцев. Один авторитетный чеченец 8 августа 1914 г. просил прямо у императора «разрешения ехать на войну и взять с собой сотню чеченцев-добровольцев» [2]. В период формирования дивизии число добровольцев нередко превосходило штатные потребности полков, так что приходилось некоторым из них отказывать. Со своей стороны, горские общества проявляли максимальную заботу о своих национальных полках даже после их сформирования. Так, представители Грозненского и Веденского округов на своем съезде 11 сентября 1914 г. единогласно постановили ассигновать Чеченскому полку сверх уже оказанной материальной помощи снаряжением и обмундированием по 1 руб. с плоскостного дыма и по 50 коп. с горного [3]. Такие примеры были в начале войны повсеместными.

Офицеры подавали прошения о переводе в тот или иной полк дивизии из самых отдаленных уголков империи, равно как и из привилегированных столичных учреждений [4]. Многие стремились служить именно под началом брата императора. Командный состав подобрался из представителей самых знатных фамилий.

В связи с обстоятельствами формирования и боевой истории «Дикой дивизии» следует особо подчеркнуть политический смысл, который вкладывала царская власть в это мероприятие. По словам последнего начальника дивизии П.А. Половцова «цель этого формирования была не только боевая, но и политическая, чтобы показать неразрывную связь Кавказа с Россией привлечением в общерусское дело кавказских народностей» [5]. Половцов отмечал в связи с этим и «чисто утилитарные соображения»: удалить на время войны с Кавказа «наиболее беспокойные элементы», среди которых могла бы иметь успех тюркофильская пропаганда или «просто чрезмерно развитые природные разбойничьи инстинкты» [6].

Другой особенностью истории дивизии была принципиальная установка власти на добровольность ее комплектования и дальнейшего пополнения потерь. Дивизия существовала до тех пор, пока среди горцев находились волонтеры. За период 1914–1917 гг. каждый из полков дивизии получил по четыре пополнения. Дагестан к тому же дал четыре пополнения 1-му Дагестанскому полку, находившемуся в составе одной из казачьих дивизий. Однако уже третье пополнение начала 1916 г. «не вполне удовлетворяло требованию», а набор затянулся из-за недостатка добровольцев [7]. Волонтеров давали в основном бедные горные общества, в то время как зажиточные плоскостные аулы, по свидетельству наборщиков, «почти не давали». Сокращению численности добровольцев способствовал и традиционный весьма доходный отходнический промысел горцев – служба в страже в центральной России.

С 1916 г. перед вербовщиками дивизии встала сложная дилемма: продолжить добровольческий набор, существенно затянув сбор пополнения или нарушить традицию, ввести принудительные меры привлечения горцев в армию и стать перед опасностью их активного сопротивления принудительному призыву. Она была решена паллиативными мерами («некоторым давлением», по определению заместителя командира кадра запаса дивизии подполковника Н. Тарковского [8]): наборщики договаривались с горскими обществами о распределении наряда, перекладывая дело принуждения молодежи в ряды дивизии на плечи старейшин. Несколько возросло единовременное пособие волонтерам. Кроме того, был снят запрет приема в армию мелких преступников – каньев. Из них формировались сверхштатные «абрекиские» сотни. В целом же принципиальное положение о том, что при наборе всадников «принуждение не может быть допущено» [9], сохранялось весь период существования «Дикой дивизии». Последнее (четвертое) пополнение добровольцами было получено дивизией 22 июля 1917 г.: 2-й Дагестанский полк получил 116 всадников, Чеченский – 70, Татарский (из азербайджанцев) – 116, Черкесский – 136, Кабардинский – 115 всадников (по Ингушскому полку нет сведений).

Всего за годы войны через ряды Кавказской туземной конной дивизии прошло около 7 тыс. горцев. Известно, что к марту 1916 г. дивизия потеряла убитыми и умершими от ран 23 офицера, 260 всадников и нижних чинов. Ранеными числились 144 офицера и 1438 всадников [10].

Добровольчество как способ пополнения действующей армии отвечало, прежде всего, пропагандистским задачам, но не решало вопроса регулярного, планомерного и, что особенно важно в условиях мировой войны, – массового поступления в нее воинских контингентов из горских регионов. Из всех кавказских народов до революции на общих основаниях в армию призывались лишь грузины и армяне. Вопрос о привлечении на военную службу многочисленного мусульманского населения Кавказа неоднократно обсуждался со времени введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности, однако решение его все время откладывалось. Устав о воинской повинности 1874 г. содержал главу «об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности», предусматривавшей целый ряд ограничений для отдельных местностей и народностей Российской империи. Прежде всего они касались «инородческого» – окраинного населения. Все изъятия носили временный «впредь до дальнейших распоряжений» характер, однако норма повторялась без изменений во всех последующих редакциях устава вплоть до начала Первой мировой войны. Причиной тому были, с одной стороны, слабая интеграция этих народов в русскую православную культуру и язык, с другой – политические проблемы, связанные с относительно недавним вхождением многих из них в состав Российской империи и продолжавшемся на их территориях процессе замирения. Российская армия мирного времени в достаточном количестве обеспечивалась обученным резервом в основном славянских национальностей.

В начале XX в. призыву в армию не подлежали 46 народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Казахстана, Сибири. Из представителей народов Кавказа в уставе упоминались татары Бакинской, Елизаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний, ногайцы, ингилойцы-мусульмане, абхазцы, курды, иезиды, турки, аджарцы, чеченцы, ингуши, кумыки, горцы Терской, Кубанской и Черноморской областей (адыги, черкесы, абадзехи, натухайцы, осетины, кабардинцы) [11]. По некоторым данным, ежегодный призыв из отсеянных национальностей мог до войны составлять 47 тыс. чел., т.е. более чем 10 % от всего призыва [12]. Мусульманские народы Востока и Кавказа облагались специальным военным налогом, заменявшим им натуральную воинскую службу, и считали это своей особенной льготой.

После русско-японской войны, когда штатный состав русской армии значительно вырос, вопрос о призыве освобожденных от службы национальностей был поднят Государственной думой, учредившей 10 апреля 1907 г. специальную комиссию. В отношении военному министерству комиссия указала, что тягота воинской повинности увеличивается еще неравномерностью «распределения числа призываемых в войска по отдельным местностям» [13]. В 1908 г. Государственная дума уже прямо указывала на необходимость призыва национальных меньшинств с целью более равномерного распределения тягот военной службы среди населения. Кроме того, справедливо указывалось на то, что «такое положение... препятствует слиться всем этим народностям в одно прочное государство». В то же время комиссия Государственной думы пришла к выводу, что «для народностей, впервые призываемых к защите общей родины, необходимо создание условий службы, приспособленных к особенностям их быта, религии, климата и т.п.» [14]. Однако в целом никаких изменений в этой области не произошло.

Уже в начале Первой мировой войны, потребовавшей невиданного доселе напряжения людских ресурсов страны, одновременно с формированием добровольческих частей военное министерство приступило к рассмотрению вопроса об условиях массового использования в армии представителей не призывавшихся прежде народов. Несмотря на остроту проблемы, связанной с большими потерями Российской армии на фронтах Первой мировой войны и истощением годных к призыву контингентов славянских национальностей, подготовка к рассмотрению вопроса затягивалась. Лишь в конце ноября 1915 г. военным министерством Совету министров был представлен доклад «О привлечении к воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени». Однако, вместо серьезного исследования составители доклада ограничились небрежной фантазией о ментальных достоинствах и недостатках «туземцев». Документ основывался на частных мнениях об окраинных народах царских наместников (по Кавказу таковое представил И.И. Воронцов-Дашков) и изобилует литературными оборотами, вроде «природные воины», «несравненная отвага», «храбрость», «лихость», «природный ум» и т.п. Никаких

точных статистических данных о социально-демографических характеристиках подлежащего призыву горского населения не было. Не имелось более или менее точных данных даже о численности представителей того или иного народа и составители доклада округляли цифры порой до десятков тысяч человек.

Очевидная поверхностность доклада и архаичная терминология времен Кавказской войны насторожила Совет министров и 27 ноября 1915 г. было решено отложить его рассмотрение на неопределенное время. Было указано на неизбежные в случае начала призыва трудности, такие как отсутствие посемейных списков, квалифицированных должностных лиц для осуществления призывных мероприятий, опасность массовых беспорядков в местностях, намеченных для проведения мобилизаций при недостатке войск и полиции для их подавления. Первый инородческий солдат мог появиться на фронте спустя не менее 1,5 лет после начала призывных мероприятий. Справедливо полагалось, что война к этому времени могла окончиться, сделав все затраченные усилия напрасными [15].

Единственная реальная попытка царского правительства вовлечь «инородческое» население в войну была предпринята летом 1916 г. Было решено «реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» привлечь к фронтовым работам [16]. Это решение относилось к большинству кавказских народов: езидов, ингилойцев-христиан, абхазцев-христиан Сухумского округа, «трухмен», ногайцев, калмыков «и прочих подобных им инородцев Ставропольской губернии, а также мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Закавказья» [17]. Это распоряжение полностью порывало с традиционными формами отношений нерусских народов империи с русской армией: или добровольное вступление в боевые части или откуп посредством военного налога. Принудительная мобилизация на полевые работы заведомо ставила «туземцев» в унижительное положение по отношению к фронтовикам. Такой грубый, сугубо практичный подход (оформленный императорским указом) находился в вопиющем противоречии с тем, как царизм лелеял немногочисленные национальные части. Это еще раз подчеркивало их пропагандистские, декоративные функции.

Первым к реализации этого мероприятия приступил Туркестанский военный округ. Здесь сразу «возникли тяжкие беспорядки, пролилась русская кровь, пришлось прибегнуть к употреблению оружия», – докладывал царю командующий войсками округа А.Н. Куропаткин [18]. Беспорядки были направлены, главным образом, против русских чиновников и их семей и имели ярко выраженный шовинистический характер. Благодаря жестким мерам командования округом восстание было ликвидировано, население находилось «в подавленном состоянии», но, по сообщению Куропаткина, «настроение плохое и беспорядки могут возобновиться» [19]. Возникла реальная угроза откочевки большей части скотоводческого населения Средней Азии в Монголию, Китай и Афганистан. При этом кочевое население, по мнению Куропаткина, оказалось совершенно

непригодным к земляным работам, которыми никогда прежде не занималось, требовало особого за ним ухода, а также соблюдения мусульманских традиций и проч. На основании этого Куропаткин ходатайствовал перед царем о предоставлении ему полномочий на месте решать объемы и порядок «реквизиции» туземцев с правом полного освобождения от него или замены денежным налогом. Николаю II пришлось поставить на докладе Куропаткину резолюцию: «Согласен. Ставлю на вид спешное и недостаточно обдуманное проведение в жизнь этой меры, вызвавшей на окраине кровавые беспорядки» [20].

Одновременно мобилизация была объявлена и на Кавказе. Недавно назначенный наместником на Кавказе и командующим Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич-младший употребил весь свой авторитет для ее отсрочки, а когда выявился провал мобилизации в Туркестанском округе, 9 августа 1916 г. отправил царю большое письмо. В нем он предупреждал Николая II о назревании в регионе «крайне опасного для государственных интересов» положения – настолько серьезного, что считал нужным прибыть в Ставку для личного доклада царю [21]. Специально созванное совещание губернаторов и начальников областей единодушно высказалось о том, что самой мягкой формой протеста станет массовое дезертирство мужского населения в горы, после чего начнутся вооруженные мятежи, нападение на русскую администрацию, порча железных дорог, нефтепромыслов и проч. Волнения с применением насилия в отношении «начальствующих лиц» уже началось в среде караногайцев [22].

Если материально-бытовые вопросы были в принципе решаемы, то глубокое противоречие «реквизиции» на принудительные работы национальным традициям местного мужского населения, от веку воинственного и презрительно относящегося к физическому труду, невозможно было устранить, не отказавшись от самого замысла. Привлечение горцев к принудительным работам, отмечал Николай Николаевич, «равносильно в глазах многих мусульман *унижению их достоинства*» (курсив мой. – А.Б.). Уже имелись сведения о насмешках в адрес горцев со стороны солдат-армян [23].

Серьезно обеспокоенный ситуацией на окраинах империи Николай II вначале предложил распространить полномочия, данные ему ранее Куропаткину, «а может быть и больше» и на кавказского наместника [24]. Вскоре мобилизация была приостановлена, и попытки возобновить ее до самого крушения Российской империи более не предпринимались.

Следует отметить, что царское правительство не брало перед окраинными народами никаких обязательств, относилось к ним потребительски, как к балласту, не спеша интегрировать их в социум метрополии. С этой точки зрения ничтожные усилия царизма в этом направлении не кажутся чем-то ненормальным. Этим объясняется и парадоксальное сочетание безудержной пропаганды Кавказской туземной дивизии с тем полным пренебрежением к самолюбию горцев, которое сопровождало кампанию по «реквизиции» на принудительные работы.

Таким образом, в области массового призыва горцев в армию за несколько десятилетий царское правительство не смогло продвинуться ни на шаг. Препятствием тому выступал высокий социально-культурный, социально-экономический и языковой барьер между великорусской и горскими цивилизациями. Многогранная работа по подготовке массового привлечения горцев в армию, а именно – налаживание мобилизационного учета и изучения военнообязанного населения, проведения допризывной подготовки, выравнивание физического и общеобразовательного уровня горской молодежи, проведение собственно призывных кампаний, выработка форм использования горских контингентов в войсках – эти и многие другие проблемы, связанные с массовым призывом, пришлось решать уже советской власти.

Примечания

1. Марков А.П. В ингушском конном полку. М., 1999. С. 5.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 878. Л. 284.
3. Там же. Л. 206.
4. Там же. Л. 230.
5. Половцев П.А. Дни затмения (Записки Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа в 1917 г.). Paris, 1922. С. 5.
6. Там же. С. 5–6, 56.
7. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1033. Л. 6об.
8. Там же. Д. 157. Л. 37об.
9. Там же. Д. 1033. Л. 57.
10. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из небытия. Нальчик, 2007. С. 240.
11. Сиднев. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 113–114.
12. Там же. С. 115.
13. Там же.
14. Там же. С. 116.
15. Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С. 23.
16. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1031. Л. 3.
17. Там же.
18. Там же. Л. 51.
19. Там же. Л. 48.
20. Там же. Л. 49.
21. Там же.
22. Там же. Л. 88.
23. Там же. Л. 88об.
24. Там же. Л. 90.

Н.В. Рыжкова

«За веру, Отечество и други своя...»

Вечером 19 июля 1914 г. Германия официально объявила войну России. «Великая война» – так однозначно и без всякого преувеличения нарекли ее в российском обществе, ибо мир еще не знал военного конфликта такой глобальной величины. Теперь, спустя столетие, мы можем долго говорить о причинах войны, обсуждать отдельные ее эпизоды и до хрипоты спорить об истинных целях, которые преследовали государства, вступившие в смертельную схватку. Но тогда, в далеком июле 1914 г., каждому русскому человеку было ясно одно: коварный враг в неурочный час напал на благословенную Родину, и ее нужно честно и доблестно защищать. Что-то поистине великое, напоминавшее незабвенный 1812 г., чувствовалось буквально во всем, начиная с торжественной клятвы Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича в его речи к высшим чинам армии и флота, произнесенной с изумительным дворянским благородством в большом зале Зимнего дворца 20 июля 1914 г. Император искренне заверял военную элиту российского общества: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей...». С 24 июля 1914 г. Николай II объявил о введении военного положения в области Войска Донского.

В течение трех с лишним лет страшной войны, ведущейся русской армией с переменным успехом, на огромнейшем пространстве многонациональной Российской империи не было ни одного серьезного случая волнения на национальной почве, что подтверждает «забытый» факт – страна дружно откликнулась на призыв царя. Военные эксперты, проводившие сложнейшую мобилизацию 1914 г., были просто поражены ее скорыми и потрясающими результатами. На мобилизационные пункты явилось свыше 96 % подлежащих призыву, что тогда на целых 15 % превышало необходимую норму, предполагавшуюся Главным управлением Генерального штаба. Такой высокой степени мобилизационной готовности воистину не знала ни одна мировая держава. «Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, – писал русский военный ученый, генерал-майор Генерального штаба Н.Н. Головин, – являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения» [1]. Кадровые полки русской армии катились на Запад, на тяжкий и кровавый ратный труд...

Первая мировая война была последней, в которой активное участие приняло казачество, демонстрируя пример беззаветного служения своему Отечеству, народу, вере. В Первую мировую войну все российское казачество

выставило 164 конных полка, 177 отдельных и особых сотен, 27 конно-артиллерийских дивизионов (63 батареи), 15 отдельных конно-артиллерийских батарей, 30 пеших батальонов, запасные части, местные команды (всего около 300 тыс. чел.). Казачья конница составляла более 2/3 численности всей русской кавалерии.

Всего Донское казачье войско, как неотъемлемая часть российской императорской армии, по объявлении мобилизации выставило следующие строевые части: 2 гвардейских и 54 армейских полка 6-сотенного состава, 36 отдельных и 71 особую конные сотни, 1 гвардейскую и 17 армейских запасных конных сотен, гвардейскую и 21 армейскую конную батарею 6-орудийного состава, 1 запасную батарею 4-орудийного состава и 12 команд, в том числе 9 местных. Заметим, что семьи мобилизованных казаков стали получать казенное пособие. Так что воевавшие донцы были относительно спокойны за свои семьи.

На начальном этапе войны было мобилизовано около 100 тыс. казаков, из которых 75 тыс. чел. воевали на фронтах мировой войны (данные на 1 января 1915 г.). В середине 1917 г. на фронтах находилось: 72 тыс. донских казаков на Восточно-Европейском и 2 тыс. – на Кавказском фронтах.

К сожалению, жизнь распорядилась так что история защитников государства Российского была надолго предана забвению. Из памяти народной настойчиво вытравливались «неугодные» и «неудобные» имена и события, сознательно разрушалась связь времен и поколений.

Проблемы культуры, бережного отношения к национальному наследию, восстановления и передачи исторической памяти о казачестве требуют к себе самого пристального внимания. В советскую эпоху официальной пропагандой целенаправленно искажался образ казаков как бесшабашных и свирепых «нагаечников», коварных и жестоких «царевых» слуг.

В начале XX в. казачество представляло собой особое состояние духа и психологии, вошедшую в плоть и кровь настроенность на несение военной службы. Так, известный исследователь истории казачества Е.П. Савельев отмечал: «Воинские достоинства казаков так же отличительны, как и всего русского народа, но наследственный навык к войне – может быть, и врожденное дарование к ней, умножает и поощряет их способности. Между простыми казаками часто встречались люди рыцарского духа, исполненные чувства чести» [2]. Никакая другая разновидность русских вооруженных сил не оказалась столь жизнеспособной, как казаки.

Архивные материалы дают возможность реконструировать события начала XX в., участие донских казаков в Первой мировой войне. Описанию исследуемого периода вполне отвечает тезис о государственном патриотизме донского казачества. Социально-профессиональная предназначенность донцов – «Родину свою защищать» – вписана путеводной звездой во всех войнах России. Государственный патриотизм в нынешнее переходное время нередко воспринимается весьма скептически, но именно в нем находится важнейший

источник понимания исторической роли донского казачества в бурных событиях тех давних лет.

Выдвигая тезис о государственном патриотизме донского казачества, необходимо заметить, что мы вовсе не стремимся вернуться к дореволюционной идеологической схеме «За веру, царя и Отечество», позволявшей рассматривать донское казачество исключительно как прочную опору трона, как надежную полицейскую силу. Участие донских казаков в войнах подтвердило, что на первом месте для донского казака было именно Отечество, в котором император выступал общенациональным символом России. Защищая «большую» Россию, казак одновременно защищал и свой родной Тихий Дон. Еще одной составляющей государственного патриотизма для донского казака, несомненно, являлась старинная казачья традиция, получившая наименование «За други своя».

Ее источники – в казачьем обычае односумства. На Дону сохранилось предание, будто в старину товарищество казаков разделялось по «сумам», т.е. 10–20 и более казаков имели общую сумку, в которой хранили свой запас и все добытое. Этот обычай проявлялся в почти родственных отношениях в воинских коллективах, которые складывались и поддерживались не только во время ведения боевых действий, но и в обыденной жизни. Такие отношения закреплялись самим историческим принципом формирования казачьих частей. Традиционное постаничное комплектование донских казачьих подразделений позволяло обеспечить не только прочную социально-психологическую общность воинского коллектива, но и его высокую боеспособность.

У казаков был свой собственный строй, называемый татарским словом «лава», которым они сокрушали татар, черкесов, турок, польских и литовских латников, в Наполеоновские войны победили численно превосходящую кавалерию Западной Европы, а в начале XX в. наводили ужас на японцев и германцев. Донской писатель И.А. Родионов в своей книге «Тихий Дон» так описывает ее: «Лава – это не строй в том смысле, как его понимали и понимают регулярные войска всех стран. Это нечто гибкое, змеиное, бесконечно поворотливое, извивающееся. Это сплошная импровизированная импровизация; Командир управляет лавой молча, движением поднятой над головой шашки. Но при этом начальникам отдельных групп предоставлялась широкая личная инициатива» [3].

Военное искусство передовых стран мира в начале XX в. шагнуло далеко вперед, возникали новые виды вооружений и боевой техники, сложилась доктрина «тотальной войны». Конницу настойчиво вытесняли бронемашины и танки, моторизованная пехота. Большое стратегическое значение приобрели тяжелая дальнобойная артиллерия, авиация, химическое оружие. В связи с этим в литературе широко бытовало мнение о бесполезности казачества, о возможности превращения его из военного сословия в обычное. Действительно, что могут казаки, экипированные пикой и винтовкой, верхом на лошади? Кому нужна разведочная служба казаков, если военный аэроплан может наблюдать за любыми перемещениями противника? Однако в жизни было по-другому.

Конкретно-историческое изучение участия донских казаков в Первой мировой войне позволило опровергнуть представление, утвердившееся в свое время в официальной советской историографии, о том, что их роль в боевых действиях русской армии была незначительной и казаки в основном выполняли полицейские функции. В ходе военных действий донские казаки обнаружили наибольшую степень надежности и дисциплинированности, высокий боевой дух. Можно привести много случаев, когда с помощью имевшегося у них оружия донцы захватывали целые полки неприятеля. Казачья разведывательная служба никем не была превзойдена. Казаки действовали оперативно и качественно. Несмотря на изменившиеся условия ведения войн, казачество все же смогло доказать, что его время не ушло, еще раз продемонстрировать свой традиционный боевой дух.

Казачьи подразделения формировались призывниками из одних и тех же мест по четко установленному и строго соблюдаемому территориальному принципу. Данное обстоятельство оказывало очень большое позитивное воздействие на спаянность казачьих частей, существовавший в них высокий морально-психологический дух, что способствовало усилению и без того высоких чувств долга и ответственности каждого казака. Не случайно с 1912 г. вся русская кавалерия начала формироваться по казачьему образцу.

Изучение архивных материалов, непосредственно связанных с историческими картинами боевых действий казаков, позволяет сделать вывод о сохранении самобытного военного искусства донского казачества. История запечатлела многочисленные факты «самоотречения» донских казаков ради «достижения кавалерийской мечты: прорваться и уйти в глубокий набег». В этих неоднократных прорывах реализовывалось в полной мере особое молодечество донцов. В сочетании с высоким чувством долга они непреложно составляют одну из характеристик казачьего менталитета. Дополняя его параметры, можно также утверждать, что у донского казака неизменно присутствуют и прирожденные качества самоорганизации на поле боя. А уж в преследовании отступающего противника донцам равных и вовсе трудно подыскать.

В целом же на уровне различных донских воинских подразделений – полка, бригады, дивизии – немало примеров подлинного военного мастерства, традиционной казачьей выучки, безмерной донской отваги в ведении боя с любым противником – отступающим и наступающим, обороняющимся и контратакующим, сильным (превосходящим) и слабым (малочисленным). Это позволяет утверждать, что казачье воинское искусство в осуществлении кавалерийского маневра в разных его ипостасях проявлялось во всем своем изяществе. Донской казак и в одиночку, и в малочисленной сотне, и в полковой лаве всегда чувствует себя самостоятельным воином, всечасно способным на многие подвиги. Кроме того, на конкретно-историческом материале фиксируется еще одно чисто казачье качество донцов: если уж громить своего врага, то до основания. Они по-прежнему, как и в предыдущие годы войны, брали много пленных, отправляя

их в русский тыл. По большому счету, можно говорить о сохранении дуванной традиции (дуван – добыча, взятая у противника, военные трофеи), в том числе по захвату многочисленного вооружения и военного имущества. Трофеями донцов за годы войны стали: 74 орудия, 169 зарядных ящиков, 77 пулеметов, 23 250 винтовок, 3400 лошадей, 48 автомобилей, 116 повозок с военным имуществом и 95 вьюков с боевым снаряжением, 21 вражеский аэроплан. Казаки взяли в плен 460 офицеров и 29 650 неприятельских солдат, а в одном из сражений им удалось захватить вражеское боевое знамя [4].

Хорошие воинские качества донского казака высоко ценились русским командованием. Донцов традиционно направляли на самые ответственные и опасные, оперативно значимые участки фронта. Донские казаки выполняли различные задания русского командования: обеспечивали боевое развертывание русских армий, занимались разведкой, вели арьергардные бои, надежно закрывали прорывы в позициях русских войск, участвовали в организации прорывов позиций противника. Отдельной исторической страницей стало участие в действиях партизанских отрядов и отрядов особого назначения. И перелистывать эти страницы можно довольно долго.

Подтверждением служат многочисленные награждения донцов георгиевскими наградами (орденом Св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами и медалями). В ходе Первой мировой войны 193 донских офицера и более 37 000 нижних чинов донского казачьего войска были пожалованы этими высшими знаками воинской доблести и славы. В рядах донских казаков оказался и первый Георгиевский кавалер среди низших чинов русской армии. Первым Георгиевским кавалером среди офицеров русской армии порадовал Дон и казачий офицерский корпус. Все это достаточно наглядно отражает высокую мобильность и профессиональную воинскую подготовку донского казачества, наиболее рельефно выявившуюся в годы войны.

Правящий дом Романовых также с особым благоговением чтит донских казаков. Свидетельство тому – два старинных гвардейских полка (Казачий и Атаманский), Лейб-гвардии 6-я Донская казачья батарея, к которым прибавились в годы войны два первоочередных донских казачьих полка, получивших почетное шефство Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича и Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Более того, Николай II лично вручал донским казакам специальные Георгиевские медали «За смелый побег».

Война выкристаллизовала многомерный героический образ донского казака, патриота своей Родины. Причем это был патриотизм не в лакированных сапогах и парадном мундире, он исходил из самых глубин казачьей души, ежечасно рождая подлинных героев войны [5]. И здесь мы отчетливо видим еще одну сторону образа донского казака – казака-защитника, ни на одно мгновение не мыслящего себя вне своей Родины. Даже в плену все мысли казака неизбежно возвращались к ней, и смекалистый донской казак находил лазейки для побега.

Особо впечатляет образ казака-победителя. Многочисленные «молодеческие» подвиги донцов вносят весьма колоритные краски в этот образ.

Эти различные стороны образа донского казака на войне наглядно отражают сущностные характеристики казачьего менталитета. Донской казак на войне как уникальное историческое явление не может быть понят без познания глубины его души, постоянно болеющей «за други своя». Именно это замечательное свойство личности завершает целостный образ донского казака, наиболее полно выкристаллизовывающийся при исторической реконструкции участия донского казачества в войне. По словам П.Н. Краснова, «...ни броневые машины, ни самолеты, ни скорострельные пушки и полевые мортиры и гаубицы не изменили их дерзновенной казачьей тактики» [6]. Командующий 5-й Донской казачьей дивизией генерал-лейтенант Г.М. Ванновский отмечал, «что за все время войны ни венгерская, ни германская кавалерия даже в превосходных силах не решалась не только атаковать казаков, но даже принять атаку, да и пехота немецкая очень не любит казаков» [7].

Примечания

1. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С. 39.
2. Савельев Е.П. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д, 2001.
3. Родионов И.А. Тихий Дон. Ростов н/Д, 1902. С. 18.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3706.
5. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 239–240.
6. Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. М., 1992.
7. Цит. по: Ковалев Е. 4-й Донской казачий артиллерийский дивизион в боях против австро-германцев // Военная быль. 1963. № 60. С. 2–3.

О.В. Ратушняк

Участие кубанцев в Первой мировой войне

С первых же дней Первой мировой войны на Кубани началась мобилизация населения. К августу 1915 г. на всех фронтах насчитывалось более 97 тыс. чел., а к концу войны – более 107 тыс. казаков, что составляло около 12 % казачьего населения Кубанской области. За годы войны Кубанское казачье войско выставило на фронт 37 конных полков, 24 пластунских батальона, отдельный конный дивизион, отдельный пластунский батальон, 51 сотню, 6 артиллерийских батарей [1]. Кубанцы, не относившиеся к казачьему сословию, служили преимущественно в составе армейских подразделений, а горцы – в полках Кавказской конной туземной дивизии, воевавшей на Западном фронте. В общем числе казачьих частей, принимавших участие в Первой мировой войне, кубанские казаки составляли примерно одну треть. По численности отправленных на фронт людей Кубанское казачье войско даже опередило Донское войско.

Кубанцы, и в первую очередь представители кубанского казачества, с первых же дней войны приняли активное участие в военных операциях. Первоначально бои велись в Польше, Восточной Пруссии и на Карпатах. Только за август 1914 г. к наградам были представлены около 500 чинов Кубанского казачьего войска. Первым Георгиевским кавалером на Кубани стал подхорунжий Савенко [2]. Кубанская казачка Матвеева, во время тяжелого сражения вынесшая с поля боя около 30 раненых, стала первым Георгиевским кавалером среди женщин. Участвовали женщины-казачки и в боевых операциях. Так, знаменитая Елена Чоба к лету 1915 г. имела уже две Георгиевские медали и Георгиевский крест.

В течение двух недель после начала войны с Турцией на Кавказском фронте находились уже более 35 тыс. казаков. Всего от Кубанского казачьего в состав Кавказской армии были включены 16 конных полков (96 сотен), 18 пластунских батальонов и 4 конно-артиллерийские батареи (24 орудия). Фактически казаки составляли основу кавалерии Кавказской армии [3]. Большинство казаков входили в состав Сарыкамышского и Ольгинского отрядов. Казаки отличились в боях у села Омракомы, в сражениях за Кирыхские и Азап-Кейские высоты и Клыч-Гядукский перевал. Только за 1914 г. по Сарыкамышскому и Ольгинскому отрядам было награждено свыше 1420 кубанцев.

Казачьи части чаще всего использовались в разведке, прорывах и аррьергардных боях. Из трудных положений казаков часто выручали находчивость и смекалка. Еще в ходе первых августовских сражений 1914 г. австрийцы и немцы были поражены ловкостью, военной хитростью и отвагой казаков. Своими активными действиями казаки в значительной степени способствовали успеш-

ному наступлению русских войск. Так, 10 августа 1914 г. благодаря инициативе и решительным действиям войскового старшины Чумаченко русским войскам удалось захватить мост через реку Сереть. Позже в ходе боя у села Хухлива сотня кубанцев обратила в бегство около двух батальонов противника, захватив 4 орудия и много пленных. Не случайно австрийцы и немцы считали, что лучше сразиться с 10 солдатами, чем с одним казаком, называя казаков «дьяволами на лошадях» [4].

В районе реки Сенявы разъезд казаков Хоперского полка, состоявший из 17 чел., вступил в схватку с эскадроном гвардейских гусар. В результате боя противник был рассеян, а казаки захватили в плен 2 офицеров, 48 гусар и два пулемета противника. Командир разъезда А.Г. Шкуро за этот бой был представлен к награде орденом Св. Анны IV-й степени [5].

Точная разведка кубанских казаков часто становилась причиной успешных действий русских войск и провала операций противника. Особо отличились в этом пластуны. Пластуны часто посылались на самые опасные и ответственные участки фронта. Не случайно в 1915 г. над двумя кубанскими пластунскими батальонами приняли шефство Николай II и великий князь Георгий Михайлович. Как отмечалось в телеграмме императора: пластуны удостоились такой чести «за их беззаветную службу и геройские подвиги» [6]. Весной 1915 г. пластуны, отлично зарекомендовавшие себя на Кавказском театре военных действий, были переброшены в Галицию, где также отличились в сражениях с австрийскими войсками.

В неблагоприятной военной обстановке, которая сложилась к 1915 г., казаки часто прикрывали отступление русских частей. Особенно известен подвиг 5-го Кубанского пластунского батальона и его командира полковника Ветинского, совершенный в мае 1915 г. у села Корженицы. За проявленное мужество и героизм командир батальона был награжден Георгиевским оружием [7].

В связи с тяжелой обстановкой на Западном фронте правительством было принято решение о формировании из казаков партизанских отрядов. Два партизанских отряда из кубанских казаков успешно действовали на румынском направлении. Один из партизанских отрядов – Кубанский конный отряд особого назначения – возглавлял А.Г. Шкуро. Отряд совершал успешные рейды в тыл врага, нарушая систему коммуникаций (портил железные дороги, телеграфные и телефонные столбы, мосты) и взрывая склады противника. По словам А.Г. Шкуро, в одном из таких рейдов ему удалось, уничтожив германскую охранную роту, захватить в плен штаб дивизии и важные документы [8].

Кубанцы принимали активное участие и в крупномасштабных стратегических операциях, таких, например, как Варшавско-Ивангородская и Лодзинская. Значительный вклад внесли кубанские казаки и в Брусиловское наступление 1916 г. Отличились кубанцы и в воздушных сражениях. Благодаря кубанскому казаку В.М. Ткачеву в Луцке была сформирована первая русская истребительная авиационная группа из 20 аэропланов. В результате упорных боев российские

летчики смогли переломить ход воздушных сражений в свою пользу. И в этом также была большая заслуга В.М. Ткачева, награжденного за успешные боевые действия Георгиевским крестом.

Одним из ярких примеров активных действий кубанцев в годы войны был рейд сотни есаула В.Д. Гамалия на соединение с английскими войсками под Багдадом. Казаки прошли 400 верст по безводной пустыне через контролировавшиеся турецкими войсками районы. С точки зрения боевых действий значение данного рейда было невелико, но он сыграл важную моральную роль, вызвав значительное воодушевление, как в ряду русских, так и английских войск. Все казаки сотни были награждены за этот рейд Георгиевскими крестами, а есаул В.Д. Гамалий – английским военным крестом.

За участие в Первой мировой войне кубанцы заплатили высокую цену – около 4 тыс. убитых, 23 886 раненых и более 2,5 тыс. пропавших без вести или попавших в плен. Потери кубанских казаков составили около половины потерь всех казачьих войск. При этом очень высокой была процентная численность потерь от общего количества кубанских казаков, принявших участие в боевых действиях. По кровавым потерям казачьи части имели самый высокий показатель среди всех частей и родов войск – 91 %. В тоже время процент пленных среди казаков был самым низким – 6 %. Подвиги и самоотверженность казаков были оценены высоко. К различным наградам были представлены около 30,5 тыс. казаков (почти каждый третий казак, участвовавший в боевых действиях) [9].

Таким образом, кубанцы внесли значительный вклад в победы российской армии во время Первой мировой войны, который, к сожалению, был обесценен начавшимися революционными событиями, вынудившими Россию выйти из войны.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 22–30.
2. Листок войны. 1914. № 11.
3. Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой мировой войне: Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. С. 83.
4. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Краснодар, 1994. С. 206.
5. Бузун Ю.Г. Указ. соч. С. 83.
6. Кубанские областные ведомости. 1915. № 53.
7. Бузун Ю.Г. Указ. соч. С. 103.
8. Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве. Краснодар, 1995. С. 148.
9. Бузун Ю.Г. Указ. соч. С. 157–158; История Кубани с древнейших времен до конца XX века. Краснодар, 2004. С. 140.

Х.Б. Мамсиров

Феномен Кавказской туземной конной дивизии в российской армии в период Первой мировой войны

История русско-кабардинского военного содружества имеет вековые корни и ознаменовалось участием адыгов в Ливонской войне, в освобождении Левобережной Украины, в Персидском походе Петра I. Поступательное сближение двух народов было нарушено Кавказской войной. Оказавшись заложником политического противоборства трех держав: России, Турции и Ирана, адыгское общество было расколото на сторонников российской и турецкой ориентации. Но даже в такой сложной политической ситуации Россия не раз обращалась к помощи адыгов – своих сторонников.

В период Крымской войны черкесы отказались поддержать участников европейской коалиции в борьбе против России, отвергли их притязания на Анапу, объяснив им, что против них они будут бороться, как против своих врагов. Надежды Турции, Англии, Франции на всеобщее восстание горцев против России провалились ввиду сильного влияния внутри адыгского общества сторонников российской ориентации. Кроме того, на стороне России сражалось в 1854–1856 гг. Кабардинское конное ополчение. За бои под Карсом многие его представители были награждены военными орденами Святого Георгия 4-й степени [1].

После окончательной интеграции Северного Кавказа в состав России горские народы, ввиду неполного доверия к ним, были освобождены от воинской повинности и платили специальный налог. В период очередной войны из их числа формировались иррегулярные подразделения. В годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. их было несколько: Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк, Кабардино-Горский конно-иррегулярный полк, Кубано-Горский конно-иррегулярный полк (в основном из кабардинцев). В Русско-японской войне участвовал Терско-Кубанский конный полк, в составе которого находились 1-я кабардинская сотня, 5-я и 6-я черкесские сотни с участием адыгов, абхазов, абазин и карачаевцев [2]. Царскому правительству понадобилось полвека, чтобы убедиться в том, что на горцев можно было вернее положиться, чем на ряд христианских народов, вошедших в состав Российской империи. Именно они стали надежной опорой власти и трона.

Вскоре после начала Первой мировой войны горцы Кавказа с величайшим рвением откликнулись на призыв поступить добровольцами на во-

енную службу, и за несколько недель под командованием брата императора Великого князя Михаила Александровича, была сформирована Кавказская туземная конная дивизия, получившая известность в истории под названием «Дикая дивизия». Адъютант Великого князя Михаила Александровича капитан Адриан Симпсон, разделивший с ним все тяготы военной жизни, отметил в своих воспоминаниях: «Будучи великолепными наездниками и прирожденными воинами, они образуют идеальное войско нерегулярной конницы. Не единожды, а многократно эти полки совершали величайшей доблести подвиги, и когда будет написана история этой войны, имя “Дикая дивизия” будет играть отнюдь не малую роль в славных летописях русской армии» [3].

Уникальность кавалерийской дивизии определялось не только обаятельной личностью царственного командира, лихого спортсмена и конника, но и ее интернациональным командным составом, господством духом воинского братства, солидарности и взаимовыручки. Командный состав дивизии и полков был укомплектован опытными офицерами запаса и даже отставниками, представлявшими около двух десятков национальностей. Среди них французы принц Наполеон Мюрат и полковник Бертрен; итальянские маркизы братья Альбицци, поляк князь Станислав Радзивилл и персидский принц Фейзулла Мирза Каджар. И это не считая представителей русской знати, грузинских, армянских и горских князей, а также финских, шведских и прибалтийских баронов. По количеству громких имен «Дикая дивизия» могла соперничать с любой гвардейской частью [4].

Начало кавалерийской дивизии положил Кабардинский конный полк. То, что именно Кабардинский полк был сформирован первым, произошло закономерно, а не случайно. Кабардинцы и балкарцы в 1870-е гг., как и другие кавказские горцы, были освобождены от обязательной военной службы. Это болезненно отразилось на статусе кабардинской элиты, ибо ущемляло ее приоритетное положение и нарушало взаимоотношения с другими сословиями, которое веками регламентировались обычным правом (адатом), морально-правовыми кодексами «пщы-хабзэ» – княжеского права, «уэркъ-хабзэ» – дворянского права, «лэхукъуэл-хабзэ» – крестьянского права и «хабзэншэ» – права безобрядных [5].

Привилегии, закрепленные за знатью дореформенным адатом, были упразднены. Исчезла социальная иерархия, особенно сильно развитая в дореформенный период в Большой Кабарде [6]. И это происходило при любви местной военной знати к оружию и лошадям, при ее тяготении к чинам, отличиям, повышению и наградам. Российская администрация, противясь наделению традиционной элиты политическими правами и сословными привилегиями, активировала процессы разложения высших сословий, культивируя в Кабарде и Балкарии российский правопорядок и ослабляя влияние традиционных институтов. Тем самым княжеско-дворянские сословия оказались в двойственном

социально-правовом положении [7]. С одной стороны, царская администрация, изъяв у представителей местной элиты (князей и дворян первой и второй степеней) политические права, сохранила им статус привилегированных сословий в рамках своих локальных обществ, стимулируя их поступление на военную службу и учебу в кадетские корпуса. С другой стороны, дворян третьей и четвертой степеней лишили юридического статуса высшего привилегированного сословия в пределах своего общества и автоматически причислили к разряду простых сельских обывателей. Но образ жизни и ментальные установки представителей княжеских и дворянских сословий под воздействием новых общественно-политических и экономических реалий, когда многие дворяне вынуждены были сами заниматься сельским хозяйством и торговлей, трансформировались болезненно.

Наиболее приемлемым видом деятельности для княжеско-дворянских сословий стало коневодство. После российских буржуазных реформ 1860-х гг. под влиянием рыночных отношений спрос на лошадей вырос, что существенно изменило средства, способы и организацию традиционного занятия кабардинцев – коневодства. Как показывают посемейные списки 1886 г., коннозаводчики неуклонно расширяли использование наемного труда в хозяйстве. Нальчикский округ занимал первое место в Терской области по производству поголовья скота, причем в его хозяйстве видную роль играло коневодство [8].

Развитие коневодства стимулировал рост заказов царского правительства на поставку лошадей кабардинской породы для войск. К 1890 г. в округе насчитывалось 40 крупных коннозаводчиков, которые имели 54 % кобылиц и 32 % жеребцов округа [9]. К началу XX в. в Нальчикском округе число крупных коннозаводчиков достигло 286, а в 1914 г. – уже 430 [10]. К 1914 г. они владели 77 020 лошадьми, что составляло 10,7 % всех лошадей в Терском округе. Их реализация давала 11 % общей прибыли округа [11]. Кабардинские коннозаводчики ежегодно продавали до 3 тыс. лошадей Кубанскому и Терскому казачьим войскам, артиллерии и пограничной страже [12].

Царское правительство, заинтересованное в дисциплинированных и храбрых военнслужащих, охотно брало на службу представителей высших сословий Кабарды. Таким образом, в 1910-х гг. в Нальчикском округе возникли реальные социально-экономические предпосылки для формирования иррегулярных кавалерийских соединений при наличии развитого коневодства и массы деклассированного дворянства третьей и четвертой степеней, для которых ратная служба в российской армии была почетным и нередко единственным способом существования и самореализации [13].

Эффективность этих мер показала Первая мировая война, когда в соответствии с «Положением о частях, формируемых из горцев Кавказа...» от 6 августа 1914 г. из числа добровольцев были созданы Кабардинский полк, а в дальнейшем – Кавказская туземная конная дивизия [14]. Неудивительно,

что этому легендарному воинскому соединению посвящались книги и воспоминания. Среди них следует отметить мемуары А.А. Арсеньева «Кавказская туземная конная дивизия» и исторический роман Н.Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия». В романе «Дикая дивизия» отражена подлинная «хроника текущих событий» тех лет, что является ценным вкладом в историю и политику прошлого, спроецированного на наше время. Достаточно привести слова генерала Л.Г. Корнилова, бежавшего из австрийского плена и сделавшего подробный доклад в Ставке обо всем увиденном и услышанном там: «Германцы, не надеясь разбить нас силой оружия, тратят большие деньги на революционную пропаганду в нашей армии и тылу. Верные их пособники – русские социалисты в Швейцарии и в самой России. Германо-австрийский штаб обрабатывает военнопленных из южных губерний, доказывая, что они украинцы, и Россия не только чужда им, но и глубоко враждебна. Украинцев хорошо одевают и кормят, надеясь, когда пробьет час, использовать их против России» [15]. Как видно, этот час пробил через 100 лет и принес кровь и горе украинскому народу.

Главнокомандующий русской армией в начальный период Первой мировой войны, а впоследствии наместник Кавказа Великий князь Николай Николаевич 23 сентября 1916 г. докладывал императору Николаю II о политическом положении на Кавказе: «В прочной связи мусульман Кавказа с Россией нельзя сомневаться. Вполне лояльное отношение их к событиям текущей войны служит убедительным тому доказательством» [16].

За этой лаконичной оценкой стоит доблестное участие «Дикой дивизии» во всех важнейших сражениях и битвах Юго-Западного фронта: в Карпатах, на Днестре и Пруте, в Брусиловском прорыве и на Румынском фронте. Конники дивизии считали тактику позиционных действий в окопах великим бесчестьем, и предпочитали ей кавалерийские атаки. В боевой истории «Дикой дивизии» был целый ряд конных атак, изумительных по своей красоте и лихости. Горцы считали позором оставлять своих убитых на поле боя. Русских офицеров, рискуя собой, они выносили из боя. Каждый из них был уверен, что «туземцы» не оставят их в тяжелую минуту. Горские полки шли в бой за Россию, как на праздник, без мук и сомнений умирали за нее. При столкновении с ними австрийские чехи, румыны, итальянцы, русины, далматинцы, сербы, хорваты батальонами, полками, дивизиями под звуки полковых маршей, с развернутыми знаменами переходили к русским [17].

Известно, что большинство добровольцев Кавказской туземной конной дивизии, были внуками или даже сыновьями ее бывших врагов. Дивизия имела 48 полных Георгиевских кавалеров, из них 12 в Кабардинском полку – больше, чем в каком-либо другом. Дивизия, в том числе Кабардинский конный полк, своей доблестью заслужили право получить Георгиевские штандарты. И только Февральская революция 1917 г. помешала этому. В истории дивизии нет ни единого случая дезертирства [18].

За годы Первой мировой войны личный и конный состав Кабардинского полка обновлялся, в связи с потерями, практически полностью трижды. Потребности русской армии в лошадях значительно возросли. Главное управление Генерального штаба внесло на Военный совет представление о дальнейшем комплектовании Кавказской конной дивизии лошадьми исключительно кабардинской породы, которая зарекомендовала себя гораздо лучше в военных условиях по сравнению с другими. За годы Первой мировой войны для российской армии было закуплено около 50 тыс. лошадей кабардинской породы [19].

Революция застала «Дикую дивизию» в Румынии. Ее конники не понимали сути поворота политических событий и, прежде всего, того, как можно жить «без царя». Для них понятие «Временное правительство» ни о чем не говорило. Они полагали, что «царю не следовало отречься, но если он отрекся – это его державная воля. Они же, считали, что ничего не изменилось, и революция их не касается. И потому, подчиняясь своим офицерам и муллам, они без царя будут воевать также, как воевали при нем. С тех пор революционные агитаторы боялись показываться в Дикой дивизии. Солдаты своих офицеров ни во что не ставили, а черкеска и папаха производили на них магическое действие. Не было случая, чтобы хоть один «туземный» офицер был бы задет или оскорблен толпой солдат, даже самой разнузданной, утратившей всякое понятие о дисциплине. Горцы сохраняли воинскую дисциплину более, чем до революции, и считали, если бы конвой государя состоял не из казаков, а из горцев-мусульман, как при Александре II, он не допустил бы отречения императора» [20].

После свержения самодержавия мусульманские части российской армии – «Дикая дивизия», Текинский полк и крымский конный Татарский полк – не поддались анархии. Кавказская туземная конная дивизия, а также некоторые казачьи и другие кавалерийские полки, сохранившие дисциплину, перебрасывались с места на место для заполнения оголенного фронта, брошенного русскими солдатами [21].

Первая мировая война и революции 1917 г. дали много доказательств, что горцы Кавказа были до конца верны присяге, чувству долга, воинской чести и доблести. В 1920 г. личный секретарь Великого князя Бориса Иван де Шаек опубликовал дневник под названием «Большевистская буря», в котором запечатлел события в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках и Кабарде до августа 1919 г. Среди главных персонажей – члены царской семьи: Великая княгиня Мария Павловна и ее сыновья Борис и Андрей, оказавшиеся в хаосе кровавых страстей революционного беспорядка. Развязных солдат, мародерствовавших и разнузданных матросов, нарушавших общественную безопасность, быстро приструнили кабардинцы, спустившиеся из окрестных гор. Они предупредили их, что если расправы и реквизиции будут продолжаться, то вернутся и положат им конец силой. Когда же позднее была предпринята попытка захва-

тить великих князей Бориса и Андрея, их укрыв и спас от неминуемой гибели кабардинский дворянин Мурзабек Конов. Другой кабардинец – Тамбиев – со своим племянником был расстрелян большевиками за содействие великим князьям. У кабардинцев, казавшихся многим «дикими» и «отсталыми», оказался нравственный иммунитет, удерживавший их от того, чтобы творить зло под высокопарными лозунгами [22].

Понятно, что с таким послужным списком «Дикая дивизия» не имела шансов попасть в анналы советской истории, и почти на 80 лет ее всадники «выпали» из истории участия России в Первой мировой войне. Их участие в корниловском мятеже оценивалось только негативно. Историю Кавказской туземной конной дивизии «воскресил» из небытия О.Л. Опрышко, создав фундаментальную монографию о ее доблести, достоинстве и славе. Мы попытались дополнить эту работу отдельными уточняющими сюжетами в надежде, что это позволит развеять миф о так называемых «лицах кавказской национальности», обвиняемых во всех прошлых и настоящих бедах России.

Примечания

1. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. С. 354.
2. Там же. С. 354–355.
3. Симпсон А.С братом царя в Карпатских горах // The Sphere. 1915. May 8. № 798.
4. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия. Рига, 1920. С. 8–9.
5. Российский Кавказ. Книга для политиков. М., 2007. С. 89.
6. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 192.
7. См.: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты Кабарды и их кризис в начале XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 182.
8. См.: Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа 1886 г. В 4 т. Нальчик, 1999–2000.
9. Терский календарь на 1891 год. Владикавказ, 1890. Вып. 1. С. 231; Мужев И.Ф. Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900) // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1952. Т. 7. С. 101.
10. Мамхегов А.Б. Коннозаводчики Нальчикского округа в 1914 г. // Архивы и общество. 2008. № 4. С. 254–266.
11. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 620. Л. 94 об.–95; Терский календарь на 1915 год. Владикавказ, 1915. С. 77.
12. Крикунова Е.О. Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. 1960. Т. 17. С. 128.
13. См.: Казаков А.В. Указ. соч. С. 4.
14. Гучипс Б. Участие горцев в мятеже генерала Корнилова. URL: <http://www.aheku.org/page-id-905.html> (дата обращения 19.07.2009).

15. Брешко-Брешковский Н.Н. Дикая дивизия... С. 45.
16. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. СПб., 2005. С. 549.
17. Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч. С. 7, 13, 31.
18. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия 1914–1917. Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С. 5, 12, 13, 426–427.
19. Унежев К.Х. История Кабардино-Балкарской республики. Нальчик, 2009. С. 240–241.
20. Брешко-Брешковский Н.Н. Указ. соч. С. 43–47.
21. Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1992. С. 68.
22. Шаекк И. де. Картины из прошлого. Нальчик, 2012. С. 4,7.

О.Л. Опрышко

Кабардинский конный полк в Первой мировой войне 1914–1918 гг.

Задачи всестороннего изучения и объективного освещения событий Первой мировой войны 1914–1918 гг. и, прежде всего, участия в ней России в советское время не могли решаться историками. Согласно идеологическим установкам, Первая мировая война трактовалась как «империалистическая», а значит, все участвовавшие в ней россияне, защищавшие свое Отечество, считались «пособниками царизма и империализма». Тем самым, из российской истории был фактически изъят целый исторический период, которым мы вправе гордиться, преданы забвению участники Первой мировой войны, вписавшие свои имена в героическую летопись нашей страны.

С конца 1980-х гг., с началом «перестройки», а больше с начала 1990-х гг. у историков появилась возможность нового осмысления участия России и ее народов в Первой мировой войне, поиска новых оценок значимости и актуальности этого события для нашего времени. В связи с этим значительный интерес представляет проблема участия в Первой мировой войне национальных воинских формирований. Еще в довоенное время в составе российской армии находились кадровые части – Дагестанский конный полк, Осетинский конный дивизион, в ходе войны развернутый в Осетинский полк, Крымский конный полк, Текинский конный полк. С началом Первой мировой войны на Кавказе развернулось широкое движение по формированию новых частей из горцев, в то время не призывавшихся на военную службу, но имевших право на добровольное вступление в ряды армии.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России, с 24 июля против России выступала и ее союзница Австро-Венгрия. В связи с началом войны 24 июля в слободе Нальчик состоялся съезд почетных представителей – доверенных от Кабарды и Балкарии (пяти горских обществ), которые «единогласно постановили» обратиться по телеграфу к начальнику Терской области генералу С.Н. Флейшеру: «...просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и Пяти горских обществ выставить за счет населения на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава» [1]. Генерал Флейшер, получив эту телеграмму, немедленно направил обращение из Нальчика в Тифлис наместнику царя на Кавказе генералу от кавалерии И.И. Воронцову-Дашкову, который известил Николая II о желании населения Кабарды и Балкарии сформировать полк.

В те же дни о решении, принятом в Нальчике, узнали по всей России и на Кавказе. Санкт-Петербургское (вскоре переименованное в Петроградское) телеграфное агентство, являвшееся официальным правительственным каналом, передало для публикации в периодической печати сообщение, которое уже 26 июля 1914 г. было напечатано в газете «Кавказ», издаваемой в Тифлисе. В ней говорилось, что представители Кабарды и пяти горских обществ постановили просить Николая II разрешить им «сформировать за счет населения Кабарды и Горских обществ конный полк из четырех сотен для отправления на войну». В ночь на 27 июля начальник Нальчикского округа подполковник С.К. Клишбиев получил телеграмму от наместника на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова: «Государь Император вполне одобрил и утвердил распоряжения относительно формирования Кабардинского полка и рад горячему порыву населения Кабарды и Горских обществ» [2].

Так произошло рождение конного полка, именуемого Кабардинским, ставшего в 1914 г. первой на Северном Кавказе национальной воинской частью, сформированной из добровольцев-мусульман, кабардинцев и балкарцев. И этот факт, ставший широко известным на Кавказе, послужил примером для формирования в августе – начале сентября 1914 г. других национальных полков: 2-го Дагестанского, Ингушского, Черкесского (из черкесов, карачаевцев и абхазов), Чеченского и Татарского (из жителей Азербайджана). Все шесть кавказских полков Высочайшим приказом Николая II от 23 августа 1914 г. были сведены в дивизию с официальным наименованием: Кавказская туземная конная дивизия [3] (в словаре В.И. Даля «туземный» объясняется как «принадлежащий какой-либо стране, земле»). В то время в составе российской армии уже состояли кадровая Кавказская кавалерийская (конная) дивизия, формировавшаяся из жителей российских губерний, а так же пять кавказских казачьих дивизий.

Сам факт формирования дивизии из добровольцев Кавказа стал знаменательным событием, характеризующим новые взаимоотношения России с кавказскими горами. К 1914 г. прошло всего 50 лет со времени окончания Кавказской войны, когда царские власти силой оружия распространяли на Кавказе свое господство. И то, что теперь целая дивизия кавказских горцев-добровольцев, численностью более 3,5 тыс. чел., входила в состав российской армии, свидетельствовало о том, что в сложившейся исторической обстановке горцы добровольно шли на фронт, чтобы защищать от врага Россию, ставшую и для них общим с другими народами Отечеством.

Командиром Кавказской туземной конной дивизии Николай II назначил своего младшего брата – великого князя Михаила Александровича. Первым полком в дивизии значился Кабардинский конный полк, чем подчеркивался его приоритет в деле становления этого уникального в своем роде воинского соединения. Командиром полка был назначен полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков, сын наместника на Кавказе. В должность его помощ-

ника вступил подполковник (вскоре полковник) Федор Николаевич Бекович-Черкасский, происходивший из кабардинского княжеского рода.

С началом формирования полка в его состав в Нальчик прибывали офицеры с опытом кадровой военной службы, назначенные штабом Кавказского военного округа. Командирами сотен стали: 1-й – штабс-ротмистр Асланбек Туганов, уроженец Северной Осетии, 2-й – штабс-ротмистр Михаил Леус, 3-й – ротмистр Андрей Нефедьев, 4-й – штабс-ротмистр Вольдемар Соколовский, «из дворян Витебской губернии». Это были храбрые офицеры, пользовавшиеся высоким авторитетом у горцев-добровольцев. Двое из командиров сотен – А.С. Нефедьев и В.К. Соколовский – в 1915 г. погибли в боях, два других получили тяжелые ранения. Позже сотенными командирами стали штабс-ротмистр Георгий Махатадзе, «из дворян Тифлисской губернии», штабс-ротмистр Керим Хан Эриванский, «из дворян Эриванской губернии», штабс-ротмистр Заурбек Даутоков-Серебряков, уроженец Кабарды. В рядах Кабардинского конного полка служили и другие офицеры разных национальностей и вероисповеданий. В ходе боевых действий Кабардинского полка более 30 кабардинцев и балкарцев из нижних чинов, называвшихся всадниками, за отличия в боях были произведены в офицеры или направлены в военные училища. Все они пополнили полковой офицерский состав и стали помощниками командиров сотен, командирами взводов и команд.

К 5 сентября 1914 г. завершилось окончательное формирование 4-сотенного Кабардинского конного полка в составе 615 всадников [4]. В дальнейшем, в 1915–1917 гг., для пополнения полка, как и других частей Кавказской конной дивизии, были дополнительно сформированы по четыре запасных сотни. Всего за годы войны боевую службу в рядах Кабардинского полка прошли более 1,3 тыс. всадников-добровольцев из Кабарды и Балкарии.

7 сентября в Нальчике глава мусульманского духовенства в Нальчикском округе кади Алихан Шогенов, ставший муллою Кабардинского конного полка, привел всадников-мусульман к присяге – «клятвенному обещанию» перед Кораном на верность военной службе России. Всадники клялись «не отступать от пролития крови нашей» и, если потребуется, «жертвовать нашей жизнью до последнего вздоха» [5]. Такую же клятву давали и всадники всех полков Кавказской конной дивизии.

1 октября 1914 г. эшелоны с Кабардинским конным полком были отправлены со станции Прохладной на Юго-Западный фронт, первоначально в Подольскую губернию. К 10 декабря Кабардинский полк в составе дивизии вышел в Галицию в район города Самбора, юго-западнее Львова (Западная Украина, в то время – территория Австро-Венгрии). В ночь с 17 на 18 декабря 1914 г. всадники и офицеры Кабардинского конного полка в Карпатских горах у деревни Ветлино приняли свой первый бой в пешем строю с австрийской пехотой, о чем сообщалось в телеграммах, направленных с фронта начальнику Нальчикского округа подполковнику С.К. Клишбиеву. Помощник командира полка Бекович-

Черкасский извещал: «Рад сообщить о блестящей ночной схватке. Взяты нами пленные, оружие. Батальон противника понес потери. Паника, бросив оружие, отступил» [6]. Вторую телеграмму направил в Нальчик командир 4-й сотни штабс-ротмистр Соколовский: «В ночь с 17-го по 18 декабря четвертая сотня Кабардинского конного полка имела славный 9-часовой бой с превосходящей численностью пехотой, укрепленной в окопах. Рад сообщить представителям Малой Кабарды и Горских обществ, что их сыны с честью и славой поддержали своих предков [7].

В бою за деревню Ветлино 4-я сотня, сформированная из жителей Малой Кабарды на правом берегу Терека и горских обществ Балкарии, понесла первые потери – 8 всадников убитыми, 11 ранеными. Были потери и в других сотнях полка. После боя 19 всадников Кабардинского полка получили в награду Георгиевские кресты, 14 – Георгиевские медали «За храбрость». В числе первых награжденных были:

- юнкер милиции Исмаил Тамбиев – Георгиевский крест 3-й степени (4-ю степень получил в русско-японской войне 1904–1905 гг., в дальнейшем награжден Георгиевскими крестами 2-й и 1-й степени, став полным Георгиевским кавалером);
- урядник Измаил Келеметов – Георгиевский крест 4-й степени (позже награжден Георгиевским крестом 3-й степени, произведен в офицеры, награжден орденом, погиб 2 июля 1915 г.);
- урядник Али Инароков – Георгиевский крест 4-й степени (позже награжден Георгиевскими крестами 3, 2-й и 1-й степени, окончил школу прапорщиков, в офицерском чине награжден пятью орденами);
- урядник Султан Инароков (брат Али) – Георгиевский крест 4-й степени (позже награжден Георгиевским крестом 3-й степени, произведен в офицеры);
- урядник Магомет Абаев – Георгиевский крест 4-й степени (позже награжден Георгиевским крестом 3-й степени, произведен в офицеры, награжден шестью орденами);
- всадник Берд Хапцев – медаль «За храбрость» 4-й степени (позже стал полным Георгиевским кавалером, произведен в чин юнкера);
- всадник Кургоко Азапшев – медаль «За храбрость» 4-й степени (позже награжден Георгиевским крестом 4-й степени, произведен в офицеры, награжден тремя орденами);
- всадник Тита Баждугов – медаль «За храбрость» 4-й степени (позже награжден медалью «За храбрость» 3-й степени, Георгиевскими крестами 1, 2, 3-й и 4-й степени, произведен в чин подпрапорщика);
- всадник Каракиши Атабиев – медаль «За храбрость» 4-й степени (позже награжден Георгиевским крестом 4-й степени, произведен в урядники) [8].

В 1915 г. Кабардинский конный полк вел боевые действия в Приднестровье. В феврале участвовал в освобождении от австро-венгерских войск города Станислава (в настоящее время – Ивано-Франковск), в сентябре – в боях в между-

речье рек Стрыпи и Серета юго-западнее города Тернополя. 10 сентября 1915 г. у деревни Доброполе дивизион (две сотни) Кабардинского полка во главе с полковником Бековичем-Черкасским в конной атаке разгромил превосходившие их силы венгерской гвардии, «взяв в плен 17 офицеров, 276 мадьяр, 3 пулемета, 4 телефона, имея всего 196 всадников... Этой атакой разгромили весь левый участок противника» [9], что сыграло важную роль в общем боевом успехе Кавказской конной дивизии и армейского корпуса. Возглавлявший дивизион помощник командира полка полковник Федор Николаевич Бекович-Черкасский был награжден высшей военной наградой России – орденом св. Георгия 4-й степени. 124 всадника были награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

10 сентября в районе деревни Доброполе провел успешный бой и 2-й Дагестанский конный полк. А 12 сентября на имя командира Кавказской конной дивизии пришла телеграмма от наместника на Кавказе, командующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича, ранее, с начала войны и до 23 августа 1915 г. являвшегося Верховным Главнокомандующим русской армией: «Несказанно обрадован известием о лихой конной атаке кабардинцев и дагестанцев. Передаю доблестным полкам, что Кавказская армия и Я будем гордиться их подвигом. Да даст Господь новые подвиги» [10]. Поздравляя всадников и офицеров полка с блестящим боевым успехом, начальник Нальчикского округа подполковник С.К. Клишбиев просил «передать молодцам берикет берсин [благпожелания] за поддержание чести народа и пожелания дальнейших подвигов во славу Русского оружия» [11].

Прославился Кабардинский конный полк и в знаменитом Брусиловском прорыве – наступлении войск Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова, проходившем с 22 мая (4 июня) по 31 июля (13 августа) 1916 г. 29 мая Кабардинский полк во главе с новым командиром полковником Всеволодом Дмитриевичем Старосельским в составе 600 всадников и офицеров с боями вышел на левый берег реки Прут и в конном строю атаковал неприятеля. «Кабардинцы под командой полковника Старосельского, – говорится в приказе командующего Кавказской конной дивизией, – в лихой конной атаке у сел. Лужаны и Альтмаешти (на реке Прут), несмотря на в 5 раз превосходящие силы австрийской пехоты, обороняющей эти деревни, разбили австрийцев, захватили 1320 пленных с 13 офицерами и богатую военную добычу» [12]. Говоря об итогах боя, командир дивизии назвал его «блестящей страницей истории Кабардинского полка» [13]. Старшие урядники Хазеша Диков, Аслан-Али Эфендиев, юнкер Камбулат Аджиев были представлены к Георгиевским крестам 2-й степени.

В середине ноября 1916 г. Кабардинский полк в составе Кавказской конной дивизии перебросили из Галиции на Румынский фронт в Восточные Карпаты. Юго-западнее румынского города Яссы он участвовал в боевых действиях с германскими войсками. За мужество в тех боях более 80 всадников полка будут

награждены Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость». Свыше 20 всадников и офицеров получили румынские награды. Георгиевскими крестами 1-й степени были награждены юнкер Берд Хапцев, старшие урядники Исмаил Тхазеплов, Хазеша Диков, Георгиевскими крестами 4-й степени – всадники Жунус Жабоев, Цу Шурдумов, Георгиевскими медалями «За храбрость» 3-й степени – урядники Лаурсен Кожаров и Кеккез Мисаков.

В июне-июле 1917 г. Кабардинский конный полк под командованием полковника Владимира Давыдовича Абелова, «дворянина Тифлисской губернии», участвовал в последнем наступлении российской армии на Юго-Западном фронте в Галиции, западнее города Станислава. О его боевых делах говорилось в отзывах командования 8-й армии и 12-го армейского корпуса. 2 июля 1917 г. об этом сообщалось в сводке Ставки Верховного Главнокомандующего: «Северо-восточнее Калуша германцы с утра 2 июля вели интенсивные атаки, отбитые нашими войсками... В отражении атак противника приняли энергичное участие Дагестанский и Кабардинский конные полки. Во время атак противник понес большие потери» [14]. «...4 июля Дагестанский, Черкесский и Кабардинский полки совместно с батальоном Юхновского полка, – говорилось в сообщении с фронта, – блестяще атаковали наступающего противника и спасли положение» [15].

Геройство в тех боях проявили многие всадники и офицеры. Среди них юнкер Аслан-Али Эфендиев, погибший 27 июня 1917 г. и посмертно награжденный Георгиевским крестом 1-й степени, урядник Мажид Шадов, представленный к Георгиевскому кресту 1-й степени, юнкер Барасби Лиев и урядник Кеккез Гелястанов, представленные к Георгиевским крестам 2-й степени. К медали «За храбрость» 2-й степени были представлены урядники Адильгери Кожаев и Кеккез Мисаков. За боевые заслуги были награждены орденами поручик Науруз Наурузов, корнеты Чепеллеу Урусбиев, Али Инароков, прапорщики Ибрагим Биев, Темиркан Хурзанов, Кургоко Темтиров, Пшемахо Абуков.

Летнее наступление 1917 г. для российской армии окончилось неудачно, главным образом в виду разложения и деморализации многих воинских частей под воздействием антиправительственной большевистской пропаганды. В то же время в полках Кавказской конной дивизии сохранялись полный порядок и боевой дух. С конца июля 1917 г. Кабардинский полк после выхода с передовых позиций находился в Подольской губернии, в районе города Проскурова. Отсюда в начале августа вместе с другими полками Кавказской конной дивизии его перебросили на Северный фронт для участия в намечавшемся походе генерала Л.Г. Корнилова на Петроград. Как известно, «корниловский мятеж» окончился провалом. Немаловажную роль в этом сыграло то, что кавказские полки остановили свое продвижение к Петрограду, к чему их призвали Центральный комитет Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана и Всероссийский мусульманский Совет.

Осенью 1917 г. полки Кавказской дивизии вернулись на Кавказ, к местам своего формирования. К середине октября в Нальчик прибыл и Кабардинский конный полк. В марте 1918 г. в связи с установленным в Кабарде и Балкарии советской власти, полк был расформирован.

Так завершился славный боевой путь Кабардинского конного полка, отважно сражавшегося в Первой мировой войне, защищая Отечество. До 500 его всадников были награждены Георгиевскими крестами и медалями, 11 чел. стали полными Георгиевскими кавалерами: Докшуко Астемиров, Кушби Ахохов, Тита Баждугов, Оли Гетаов, Хазеша Диков, Али Инароков, Мисост Коголкин, Исмаил Тамбиев, Исмаил Тхазеплов, Берд Хапцев, Аслан-Али Эфендиев. Большинство офицеров полка за мужество в боях удостоены орденов святых Станислава, Анны, Владимира различных степеней.

Тема участия жителей Кабарды и Балкарии, как и других горцев Кавказа, в Первой мировой войне приобретает в наши дни особое значение. Ввиду новых внешних политических вызовов, направленных на дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе и попытки спровоцировать межнациональные конфликты, единство горцев с другими народами России в период Первой мировой войны, мужество в боях по защите Отечества служат замечательным примером их верности долгу, ярким примером межнационального и межрелигиозного согласия [16].

Примечания

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 1. Л. 28.
2. Там же. Ф. 54. Оп. 10. Д. 296. Л. 11.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 3641. Оп. 1. Д. 27. Л. 289.
4. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 8. Д. 37. Л. 37–39.
5. Там же. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 8. Л. 64.
6. Там же. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 75. Т. 2. Л. 103.
7. Там же. Л. 33.
8. Там же. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 35. Т. 1. Л. 172об., 227.
9. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 128. Л. 172.
10. Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 119.
11. ЦГА КБР. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 372.
12. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 128. Л. 438.
13. ЦГА КБР. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 38. Л. 206.
14. Терский вестник. Владикавказ. 1917. 6 июля.
15. Новая жизнь. Екатеринодар. 1917. № 73
16. См.: Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Нальчик, 2012.

А.Т. Урушадзе

Мобилизация на Дону в начальный период Первой мировой войны¹

Начало Первой мировой войны на Дону как и по всей России сопровождалось подъемом патриотизма. Огромную популярность приобрели лозунги панславизма. Значительная часть населения оказалась во власти антигерманских настроений. В июльские дни 1914 г. по мере обострения дипломатического кризиса тон газетных публикаций становился все более резким и категоричным. Можно сказать, что первыми «мобилизованы» были именно официальные (столичные и провинциальные) печатные органы. В статье «Отзывчивость к славянству», которая была опубликована в «Донских областных ведомостях» 19 июля 1914 г. [1], еще не начавшаяся война выглядит как нечто неизбежное и вполне оправданное: «Австрийская нота своим неслыханным посягательством на сербскую государственность вызвала почти однородную оценку ее во всех газетах различных направлений. Этот факт самым красноречивым образом доказывает, что в вопросах, где речь идет о защите национального лица, в нашем народе нет ни эллина, ни иудея, что идея славянской взаимности глубоко проникла как в толпу народную, так и в среду интеллигенции, что долг перед родиной является категорическим императивом, отесняющим всякие личные интересы» [2]. Спустя несколько дней 22 июля «Донские областные ведомости» опубликовали Высочайший манифест Николая II о начале войны с Австрией и Германией [3].

Война (тем более война масштаба мировой) вызывает изменения во всех сферах жизни страны и ее населения. Процесс перехода государства и общества от мирной жизни к условиям войны всегда крайне труден. Для успешного, победоносного ведения войны необходимы не только огромные экономические, социальные и финансовые ресурсы, но и умелое их использование. Мобилизация вооруженных сил – составная часть комплекса мероприятий общей мобилизации и представляет собой планомерный перевод армии и флота на организацию и состав военного времени. Актуальность исследования

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона» на 2012–2014 гг.

мобилизации в Российской империи в целом и в отдельных ее провинциях в частности обусловлена тем, что Первая мировая или Великая (как ее вскоре после начала назовут современники) война носила индустриальный характер [4]. В этих условиях наряду с традиционными составляющими крупных военных конфликтов (мобилизационными резервами, запасами вооружения и боеприпасов) большое значение приобретали такие факторы, как эффективная организация работы промышленных предприятий со стороны государства, надежное функционирование транспортной инфраструктуры, создание тыловых структур для реабилитации раненых, институтов помощи семьям фронтовиков, использование всех возможностей современных средств связи. Другими словами, вся территория стран, столкнувшихся в военном противостоянии, должна была превратиться в военный лагерь, где государственное регулирование дополнялось бы содействием и инициативой гражданского общества [5].

В приказе Войску Донскому, опубликованном 25 июля 1914 г., было отмечено следующее: «Для борьбы с врагом, объявившим России войну, Государю императору, благоугодно было призвать вместе с нашей армией и войско Донское» [6]. В области Войска Донского от станичных правлений поскакали дежурные казаки, каждый из которых держал в руке небольшой красный флажок – «сполох», означавший сигнал общей тревоги и немедленного сбора казаков второй очереди строевого разряда [7].

Территории казачьих войск были включены в общероссийскую административно-хозяйственную систему [8]. Однако, казачьи воинские подразделения формально относились к иррегулярным войскам армии России. Соответственно, они имели целый ряд особенностей комплектования, порядка прохождения воинской службы и внутренней организации.

Казаки, достигшие 18 лет, считались военнообязанными и должны были не только отбывать положенную действительную службу в армии, но и еще длительный срок находится в запасе, готовыми пополнить ряды российской армии в случае военной опасности. После достижения призывного возраста казаки зачислялись в приготовительный разряд, где в течении года проходили подготовку в полевых условиях. По завершении годичной подготовки казаки переводились в строевой разряд, подразделявшийся на три очереди [9]. В строевом разряде казаки находились в общей сложности 12 лет, в том числе на действительной военной службе в армии четыре года, состоя в первой очереди строевого разряда.

Государева служба обходилась казаку весьма дорого. Он должен был за свой счет приобрести строевого коня, полный комплект обмундирования и снаряжения. После отбытия действительной службы казаки переводились во вторую очередь на четырехлетний срок. Казачьи подразделения второй очереди находились в состоянии постоянной мобилизационной готовности. Казаки второй очереди имели строевых лошадей, соответствующую военную

экипировку, оружие и снаряжение. Кроме того, для поддержания частей второй очереди в состоянии высокой боевой готовности они проходили ежегодные трехнедельные тренировочные военные сборы в лагерях [10]. Затем казаки переводились в третью очередь строевого разряда, в которой находились еще четыре года. После истечения этого двенадцатилетнего срока строевого разряда казаки отправлялись в запасной разряд. В этом разряде казаки пребывали на протяжении следующих пяти лет, а после переводились на льготу и в случае начала крупномасштабных военных действий призывались уже не в строевые, а только в ополченческие формирования.

Такая самобытная, но стройная система военной подготовки и службы позволяла государству при самых незначительных затратах всегда располагать большим числом хорошо обученных и готовых немедленно выступить на передовую воинов. В дополнение к этому замечу, что казачьи полки формировались по строго соблюдаемому территориальному принципу. По мнению известного исследователя истории донского казачества В.П. Трута: «Данное обстоятельство оказывало очень позитивное воздействие на спаянность казачьих частей, морально-психологический климат, что способствовало усилению и без того высоких чувств долга и ответственности каждого казака» [11].

После объявления мобилизации в армию были призваны казаки второй и третьей очередей строевого разряда, а общее количество казачьих полков сразу же выросло в три раза. Любопытно, что согласно разработанному и существовавшему еще в мирное время мобилизационному плану в случае начала большой войны мобилизации подлежало до 12,5 % всего взрослого казачьего мужского населения, в то время как процентная норма мобилизации неказачьего населения страны составляла всего 4,2 % [12].

Военная мобилизация и выдвижение частей на фронт проходили скрытно от противника и его осведомителей. Население области Войска Донского было предупреждено о последствиях разглашения или распространения информации о концентрации и передвижениях воинских частей.

С началом мобилизации Донское казачье войско выставило следующие строевые части: 2 гвардейских и 54 армейских полка 6-сотенного состава, 36 отдельных и 71 особую конные сотни, 1 гвардейскую и 17 армейских запасных конных сотен, 1 гвардейскую и 21 армейскую конную батарею 6-орудийного состава, 1 запасную батарею 4-орудийного состава и 12 команд, в том числе 9 местных [13]. В итоге на 1 января 1915 г. в действующей армии было 74 995 донских казаков, а всего под ружье встало более 100 тыс. донских казаков [14]. О роли российского казачества в Первой мировой войне красноречиво говорят следующие цифры. В 1917 г. казачья конница составляла 70 % всей кавалерии российской армии, а наибольшее количество дивизий (9) выставило именно Войско Донское [15].

Начало войны вызвало на территории области Войска Донского некоторые административные изменения. Высочайшим указом от 24 июля 1914 г. область

была объявлена на военном положении «с подчинением Войсковому Наказному Атаману всего гражданского управления области» [16]. В приказе Войску Донскому № 294 от 27 июля 1914 г. наказной атаман В.И. Покотило указал на необходимость ознакомить население и присутственные места с новым административным распоряжением, который зачитали «на всех станичных, хуторских, поселковых сборах, волостных и сельских сходах», а кроме того поставили «в известность все военные, гражданские и судебные учреждения, заведения и установления» [17].

Расширенные полномочия наказной атамана использовал прежде всего для решительной борьбы со спекуляцией и недобросовестными торговцами, которые, используя военную обстановку в коммерческих целях, стали поднимать цены на предметы первой необходимости, а также на воинское снаряжение и обмундирование.

Претерпел изменения и режим работы самого наказного атамана. После объявления в области военного положения В.И. Покотило принимал просителей ежедневно, «не исключая праздников», с половины девятого утра. В уведомлении, опубликованном в «Донских областных ведомостях», отмечалось, что «экстренные доклады принимаются во всякое время суток» [18].

Наказной атаман принимал личное участие в общественных мероприятиях, направленных на поднятие боевого духа и поддержание атмосферы решимости и патриотизма среди казаков, отправляющихся на фронт, и всего населения области Войска Донского. После литургии и молебна «о ниспослании русскому воинству победы над врагом», проведенных 22 июля 1914 г. в Новочеркасском войсковом соборе, В.И. Покотило, выйдя из храма, на соборной площади обратился с речью к многотысячной толпе: «Повелел Государь позаботиться и о семьях воинов, ушедших на войну; не забыты нашим обожаемым монархом и казаки – им разрешено выдать пособие: второй очереди – конным 100 руб., пешим 25 руб., третьей очереди – конным 175 руб., пешим 50 руб. После призыва воинов для борьбы с врагом здесь остаются их семьи, и вот забота об этих семьях составляет нам священный долг и обязанность. Если каждый из нас уделит для них малую толику, составитя много, и жизнь их будет обеспечена. Зная же, что его семья не оставлена, каждый воин с радостью пойдет выполнять свой долг – защищать Царя и родную землю» [19].

В этой речи атамана В.И. Покотило кратко было обозначена программа помощи населению области Войска Донского, пострадавшему от войны. Слова наказного атамана нашли широкий отклик, как среди должностных лиц области, так и в предпринимательских кругах Дона. Уже 26 июля 1914 г. чины Войскового штаба Войска Донского взяли обязательство отчислять из своего содержания 1 % в пользу «семей нижних чинов, призванных на военную службу по случаю войны» [20].

Первый комитет для помощи населению, пострадавшему от войны, на Дону образовался несколькими месяцами ранее, чем известный Комитет под пред-

седательством Великой княгини Татьяны (Татьянинский комитет) [21]. 28 июля 1914 г. в Атаманском дворце под председательством наказного атамана состоялось первое заседание «комитета по сбору пожертвований в пользу семейств нижних чинов – казаков и лиц не войскового сословия области Войска Донского, призванных на войну» [22].

Структура комитета и направления его работы были в общем виде определены к началу августа 1914 г. В состав комитета кроме высокопоставленных должностных лиц области вошли представители новочеркасских благотворительных учреждений и обществ. В качестве приоритетных направлений работы комитет определил предоставление заработка и приюта для жен и детей казаков и нижних чинов, отправившихся на войну. Женщин отправляли в «дома трудолюбия», где они могли получить заработок и «дневное пропитание». Дети до девятилетнего возраста отправлялись на попечение благотворительного общества «Ясли», которое обеспечивало их помещением, пищей и необходимым уходом. Дети старше указанного возраста «для той же цели» направлялись в Донское благотворительное общество «Утоли мои печали» [23].

Оставшиеся без средств к существованию женщины и дети могли рассчитывать на получение билетов для бесплатного обеда в дешевой столовой. Выдача таких билетов осуществлялась благотворительными обществами. Для семей казаков и нижних чинов армии, ушедших на войну, был организован сбор пожертвований «деньгами и вещами», который проходил в Атаманском дворце.

Активное участие в организации благотворительных учреждений с начала войны принимала донская буржуазия. В начале XX в. буржуазия Дона развивалась как органическая часть общероссийской и была сравнительно многочисленной [24]. Семья донских предпринимателей Парамоновых приняла посильное участие в учреждении 9 августа 1914 г. Ростовского-на-Дону общественного комитета раненых и больных воинов. Вскоре председателем этого комитета был избран Николай Елпидифорович Парамонов. В состав президиума вошли девять представителей известных купеческих семей. Это, прежде всего, сам Н.Е. Парамонов, супруги П.Е. и Л.А. Парамоновы, предприниматели В.В. Асмолов и Е.С. Диамантиди, супруги И.И. и Л.Е. Панченко и др. На заседаниях комитета обсуждались вопросы, посвященные нуждам армии, фронта, помощи раненым воинам и населению [25].

Комитет провел масштабную работу по организации лазаретов и обеспечению раненых и больных воинов всем необходимым. Лазареты устраивались не только в Ростове-на-Дону, где не хватало помещений для всех раненых, но и в г. Александровск-Грушевск (ныне г. Шахты), где для нужд армии использовалось здание начального училища, построенного на средства Парамоновых в 1913 г. [26]. В лазаретах Парамоновых, кроме предоставления помощи, было организовано и проведение досуга для раненых и больных солдат. Для пере-

возки раненых предприниматели предоставляли транспорт товарищества «Е.Т. Парамонова наследники»: пароходы «Петр» и «Император Александр III». Семья Парамоновых также проводила сбор денег и материальных средств (теплых вещей, продуктов первой необходимости) в помощь районам страны, разоренным войной [27].

В заключение отметим, что самобытная, но стройная система подготовки и несения военной службы казаками области Войска Донского позволила в кратчайшие сроки провести мобилизацию на Дону и оперативно выдвинуть на фронт боеспособные подвижные части донской конницы, составившей ядро российской кавалерии в годы войны. Концентрация властных полномочий в руках наказного атамана способствовала проведению эффективных мер по борьбе со спекуляцией и другими коммерческими злоупотреблениями. Посильную помощь в организации приюта и помощи для семей фронтовиков, лазаретов для раненых и больных оказали донские предприниматели. Все это позволяет говорить, что на начальном этапе Первой мировой войны область Войска Донского смогла быстро адаптироваться к условиям военного времени, но затягивание военных действий, как и в случае других российских провинций, грозило истощением местных материальных и людских ресурсов, оказывая в целом подавляющее и гнетущее давление на донское общество.

Примечания

1. Даты даны по старому стилю.
2. Отзывчивость к славянству // Донские областные ведомости. 1914. № 162. С. 2.
3. Донские областные ведомости. 1914. № 164. С. 1.
4. Сергеев Е.Ю. Новые подходы к исследованию Первой мировой войны // Великая война: сто лет. М.; СПб., 2014. С. 14.
5. Там же.
6. Донские областные ведомости. 1914. № 167. С. 1.
7. Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачество России в войнах и революциях начала XX века. М., 2007. С. 80.
8. Там же. С. 9.
9. Рыжкова Н.В. Донское казачество в войнах начала XX века. М., 2008. С. 50.
10. Трут В.П. Указ. соч. С. 92.
11. Там же. С. 95.
12. Там же.
13. Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 52-53.
14. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. Ростов н/Д, 2001. С. 415.
15. Воскобойников Г.Л. Казачество в первой мировой войне 1914–1918 гг. // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов,

- сообщений, выступлений на V Международ. (Всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 63.
16. Донские областные ведомости. 1914. № 169. С. 1.
 17. Там же. № 172. С. 1.
 18. Там же. № 166. С. 1.
 19. Там же. С. 2.
 20. Там же. № 168. С. 3.
 21. Подробнее о его деятельности см.: Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 87.
 22. Донские областные ведомости. 1914. № 171. С. 4.
 23. Там же. № 173. С. 1.
 24. Самарина Н.В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914). Ростов н/Д, 1992. С. 126.
 25. Окопная О.П. Благотворительная деятельность предпринимателей Парамоновых на Дону. 1914–1915 гг. // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 138.
 26. Там же. С. 140.
 27. Там же.

К.Н. Максимов

Калмыки-казаки в составе донских военных частей в Первой мировой войне 1914–1915 гг.

В связи с объявленным Австро-Венгрией 15 (28) июля 1914 г. вступлении в состояние войны с Сербией 16 (29) июля Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации с 17 июля. В нем отмечалось: «Признать необходимым привести на военное положение часть армии и флота, для выполнения сего, согласно с указами, данными Нами сего числа военному и морскому министерствам, повелеваем: 1) Призвать на действительную службу, согласно действующему мобилизационному расписанию 1910 года, нижних чинов запаса и поставить в войска лошадей, повозки и упряжь от населения». Далее перечислялись все губернии, в том числе указывалась область Войска Донского: «4) Вызвать со льготы казаков Донского... казачьих войск из числа, потребном для укомплектования назначенных к приведению на военное положение казачьих частей...» [1].

В начале войны в строевых частях области Войска Донского состояло 16 генералов, 2292 офицера и 88 249 нижних чинов, 87 317 лошадей (верховых – 80 687, артиллерийских – 2893, обозных – 3737). Из них на театре военных действий в 60 донских казачьих полках – Лейб-гвардии Казачьем Его Величества и Лейб-гвардии Атаманском Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, номерных с 1-го по 58-й находились 2125 генералов и офицеров, 72 830 нижних чинов, в том числе 3102 калмыка-казака. В конных частях служили 1977 офицеров и 67 843 нижних чинов, в артиллерийских батареях – 148 офицеров и 4987 нижних чинов [2].

В 1914 г. на западных границах России были развернуты войска двух фронтов: Северо-Западного (командующий – генерал от инфантерии Я.Г. Жилинский) и Юго-Западного (командующий – генерал от артиллерии Н.И. Иванов). Верховным главнокомандующим император назначил 20 июля (2 августа) 1914 г. великого князя Николая Николаевича, начальником штаба Ставки – генерал-лейтенанта Н.Н. Янушкевича (его адъютантом являлся корнет Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка князь Д.Д. Тундутов-Дундуков, по национальности калмык). Находившиеся на двух фронтах донские казачьи полки, отдельные и особые донские казачьи сотни, артиллерийские дивизионы были распределены почти по всем армиям. В составе 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта числились 15 донских казачьих полков и 8 отдельных казачьих сотен. В четырех армиях (3, 4, 5-й и 8-й) Юго-Западного фронта находились 4 донские казачьи дивизии (16 полков), 15 донских казачьих полков, 12 отдельных сотен, 8 артил-

лерийских дивизионов (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7-й и 9-й) и 3 донские казачьи батареи. В Гвардейскую казачью бригаду при Ставке Верховного главнокомандующего входили Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк и Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полк; в 18-й армейский корпус – 24-я особая, 28-я и 29-я отдельные донские казачьи сотни. В состав 2-й Сводно-казачьей дивизии входили два донских полка. Помимо этого, 4 донских казачьих полка и 24-я отдельная донская казачья сотня дислоцировались в различных регионах Европейской части России [3]. На Кавказском театре военных действий располагались 3 донских казачьих полка (55, 56-й и 57-й), 10 отдельных донских казачьих сотен, Донская казачья пешая бригада. Кроме них, 4 донских полка (36, 43, 54-й и 58-й) и отдельная сотня располагались в других местах.

Для координации и руководства казачьими частями действующей армии 8 марта 1915 г. была учреждена должность Походного атамана при Верховном главнокомандующем. В сентябре того же года, в связи с принятием Николаем II Верховного главнокомандования, Походный атаман получил титул «при Его Императорском Величестве». По данным Канцелярии Походного атамана при Его Императорском Величестве, донские казачьи полки, отдельные и особые донские казачьи сотни, артиллерийские дивизионы выступили на войну в полном составе [4].

По имеющимся даже неполным сведениям почти во всех донских казачьих полках и других частях служили калмыки-казаки. По наградным делам известно, что в Лейб-гвардии Казачьем Его Величества полку служил урядник Даржа Попов, удостоенный Георгиевского креста 4-й степени за подвиг, совершенный 23 октября 1914 г. на разведке в тылу врага. В Лейб-гвардии Атаманском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку служили калмыки-казаки, имевшие георгиевские кресты: старший урядник Эрдни Эрдниевич Шарапов (3-й и 4-й степени) в 4-й сотне, приказный Владимир Даржинович Мушанов и казак Бадьма Учурович Бурсаков в 5-й сотне, Зула Зудьбинов, Александр Абушинов (все – 4-й степени), Багла Сафонов (3-й и 4-й степени) и Санжа Бурсаков во 2-й сотне, Александр Саргинов (оба – 4-й степени) в 3-й сотне.

В 4-м Донском казачьем графа Платова полку несли службу 6 калмыков, в 5-м Донском казачьем генерала Власова полку – 24 калмыка. В 9-м Донском казачьем генерала Орлова-Денисова полку служили 8 калмыков. В 19-м Донском казачьем полку 4-й Донской казачьей дивизии – 25 калмыков. Одним из них был войсковой старшина Николай Цебикович Мангатов, награжденный Георгиевским оружием и погибший 21 ноября 1914 г. В 26-м полку той же дивизии служили 14 калмыков-казаков, в том числе 5 георгиевских кавалеров. В 20-м и 21-м полках 3-й Донской казачьей дивизии несли службу по 3 калмыка-казака, в 22-м полку – 29 калмыков-казаков. В 25-м полку, по неполным данным, служили 3 калмыка-казака, одним из них был полковник Борис Леонидович Мангатов, награжденный в 1914 г. Георгиевским оружием. В 29-м полку – 3 калмыка-казака,

в 27-м полку нес службу калмык-казак георгиевский кавалер Иван Бадьминович Шарапов. В 36-м Донском казачьем полку служили 6, в 38-м полку – 1 (по наградным документам), в 39-м полку – 36, в 40-м полку – 8, в 41-м полку – 4, в 43-м полку – 8, в 49-м полку – 5, в 53-м полку – 2, в 54-м полку – 2, в 56-м полку – 6, в 57-м полку – 14 калмыков-казаков.

Калмыки-казаки несли службу и в донских казачьих артиллерийских батареях. В 15-й казачьей артиллерийской батарее 7-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона служил Кука Чебунович Даванушов. В 16-й артиллерийской батарее 8-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона – Бабак Учурович Андреев [5]. Это далеко неполный список калмыков-казаков, несших службу в составе донских казачьих полков в годы Первой мировой войны. Всего к началу войны на действительной службе в донских военных частях находились около 3 тыс. калмыков-казаков.

Военная кампания 1914 г. началась 5 (18) августа наступлением русской армии на Восточном фронте, основной целью которого являлось стремление помочь английским и французским войскам, оттянуть часть немецких сил с Западного фронта. Выполнение этой задачи возлагалось на Северо-Западный фронт в составе 1-й и 2-й армий, которым противостояла 8-я германская армия (командующий – генерал М. фон Притвиц). Уже 17 августа передовые части 3-го и 4-го корпусов 1-й армии, в составе которых находились 34-й и 44-й донские казачьи полки, вступили в сражение на подступах к городу Шталлупёнену, заставив немцев отступить к Гумбиннену. В ходе боев и партизанских рейдов 1914–1915 гг. 34-й Донской казачий полк потерял убитыми 1 офицера и 26 казаков, ранения получили 2 офицера и 81 казак, пропали без вести 154 казака, попали в плен 3 офицера и 12 казаков. Полк пленил 2 офицеров и 58 нижних чинов, захватил в качестве трофеев 5 зарядных ящиков, 79 ружей, 54 лошадей и другие вещи военного назначения. За боевые подвиги 2 офицера удостоились орденов Святого Георгия и 1 офицер – почетного Георгиевского оружия, 325 казаков – Георгиевских крестов, 178 казаков – Георгиевских медалей. Участвовавший в этих же событиях 44-й Донской казачий полк менее пострадал, потеряв: убитыми – 13 казаков, ранеными – 29 казаков и 2 офицеров, пропавшими без вести – 3 казаков, пленными – 1 казака. Полк взял в плен 22 нижних чина, захватил 2 тыс. сабель, 3 автомобиля и 47 лошадей. За мужество и образцовое выполнение боевых заданий 203 казака заслужили Георгиевские кресты и 123 казака – Георгиевские медали [6].

В боях за Гумбиннен активно участвовал корпус Хана Гуссейна Нахичеванского, в котором действовали 1-й и 2-й донские казачьи полки. Отличился и 3-й Донской казачий Ермака Тимофеева полк под командованием полковника А.К. Разгонова, действовавший в корпусе генерала В.И. Гурко. По результатам боевых действий 3 его офицера удостоились почетного Георгиевского оружия, 324 казака – Георгиевских крестов, 113 казаков – Георгиевских медалей. Но и потери полка были значительны – из 26 офицеров 5 (19,2 %) были убиты, 2 (7,7 %)

попали в плен, 8 (30,76 %) ранены, из 832 казаков погибли 82 (10 %), ранены 145 (17,4 %), без вести пропали 22 (2,6 %) казака. В ходе сражений полк взял в плен 97 нижних чинов противника [7].

Удачно для 1-й русской армии завершились августовские сражения под Гумбинненом и Голдапом, где немцы оставили 12 орудий и до 10 тыс. чел. потеряли убитыми. Успешно действовали в эти дни 1-й Донской казачий графа Суворова-Рымникского полк, 2-й Донской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк и 46-й Донской казачий полк, а также 47, 48-й и 51-й донские казачьи полки, переброшенные в 1-ю русскую армию из других регионов.

Лейб-гвардии Казачий Его Императорского Величества, Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Государя Наследника и Лейб-гвардии Сводно-казачий полки отличились в рейдах по тылам противника на территории Польши. Им также пришлось в 1914–1915 гг. принимать участие в боевых действиях в составе нескольких армий. Лейб-гвардии Атаманский полк в ходе сражений уничтожил значительное количество живой силы противника, взял в плен офицера и 57 нижних чинов, захватил 2 пулемета, 135 ружей и 10,5 тыс. патронов, 37 лошадей. Полк потерял: убитыми – 1 офицера и 52 казака, ранеными – 20 офицеров и 160 казаков, пропавшими без вести – 6 казаков и пленными – 1 казака. В течение полутора лет за проявленную храбрость и находчивость в сражениях 2 офицера были награждены орденами Святого Георгия, 5 офицеров – почетным Георгиевским оружием, 598 казаков – Георгиевскими крестами, 195 казаков – Георгиевскими медалями [8].

В начале августа 1914 г. перешли в общее наступление и войска Юго-Западного фронта. 8-я армия генерала А.А. Брусилова с 5 по 15 августа провела ряд удачных боев. 17 августа она вступила в крупное сражение на реке Гнилой Липе против австро-венгерских войск. В результате трехдневных боев ее части, в том числе 37-й Донской казачий, 16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го и 17-й Донской казачий генерала Бакланова полки в составе 2-й Сводно-казачьей дивизии разбили противника. Успешно действовали оба полка в обороне у Городка, Львова и в последующих важных боевых операциях в ноябре-декабре 1914 г. в Карпатах, на позициях Дембовец – Змигород – Бартфельд, в сражениях за Дуклу, где они захватили значительное количество орудий, пулеметов, обозы и много пленных.

В это же время тяжелые бои вела 5-я армия Юго-Западного фронта в направлении на Люблин и Холм. В ее составе сражались 1-я и 5-я донские казачьи дивизии, 39-й и 42-й донские казачьи полки. В этих и последующих сражениях они пленили 4 офицера, 2 врача и 2140 солдат, захватили 4 орудия, 2040 ружей, 1500 патронов, 329 лошадей. В боях погибли 15 казаков, получили ранения 1 офицер и 108 казаков, 5 казаков пропали без вести, 3 офицера и 22 казака попали в плен. За боевые успехи в полках были награждены 4 офицера Георгиевским оружием, 222 казака – Георгиевскими крестами и 438 казаков – Георгиевскими медалями [9].

Между тем положение 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта осложнилось. 26–27 августа 1914 г. соединения 8-й немецкой армии, отбросив 6-й русский корпус от Бишофсбурга к Ортельсбургу, 1-й русский корпус – от Гильгенбурга к Сольдау и разбив встречные части 15-го корпуса, вышли в тыл 13-го и 15-го русских корпусов. Несмотря на ряд успешных боев отдельных русских частей, в том числе 31-го и 38-го донских казачьих полков, 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка, 2-я армия потерпела поражение и 30–31 августа ее части попали в плен. Тяжелая участь окружения и плена постигла казаков 6-го Донского казачьего генерала Краснощекова полка, воевавшего в составе 6-й кавалерийской дивизии, 21-го и 40-го донских казачьих полков, 20-й и 15-й донских отдельных казачьих сотен, сражавшихся, соответственно, в составе 15-го и 13-го корпусов [10].

4-й Донской казачий графа Платова полк, активно действуя в авангарде 4-й кавалерийской дивизии, когда 2-я армия пыталась не допустить ухода немцев за Вислу, понес большие потери. Из 26 офицеров полка 5 погибли, 8 получили ранения, 2 оказались в плену, а из 773 строевых (в том числе 6 калмыков-казаков) и 39 нестроевых казаков погибли 82, получили ранения 245 и без вести пропали 22 чел. [11]. Большие потери понесли две отдельные казачьи сотни, сопровождавшие в окружении штаб 15-й армии во главе с командующим. Из 21 офицера 40-го Донского казачьего полка с боем из вражеского окружения пробившись 7 чел. (среди них 1 был раненый и 2 контуженых), погибшим официально считался 1 офицер, без вести пропавшими – 13 офицеров. Из 879 строевых казаков (в том числе 8 калмыков-казаков) вырвались из окружения 263 казака (в том числе 31 раненый), погибшими официально считались 5 казаков, пропавшими без вести – 611 казаков. За проявленную храбрость в сражениях и сохранение знамени полка при выходе из окружения все 7 офицеров полка удостоились почетного Георгиевского оружия, 89 казаков – Георгиевских крестов и 10 казаков – Георгиевских медалей [12].

С большими потерями из окружения удалось пробиться и 21-му Донскому казачьему полку. Удалось пробиться лишь 5 офицерам и 307 нижним чинам. Командир полка полковник Киреев пропал без вести. Знаменщик урядник К. Соловьев закопал знамя полка в лесу, но сам оказался в плену. Полк вновь был сформирован в декабре 1914 г. в Гомеле в составе 15-го армейского корпуса 10-й армии и удачно действовал в его авангарде в начале 1915 г. в сражениях под Гродно и в преследовании противника. За удачные боевые сражения в 1914–1915 гг. 103 казака полка были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени, 89 казаков – Георгиевскими медалями [13].

22-й Донской казачий полк, действовавший в составе 6-го корпуса, в тяжелых августовских боях также понес большие потери. Из 24 офицеров ранеными значились 2, пропавшим без вести – 1, из 875 строевых (в том числе 29 калмыков-казаков) и 82 нестроевых казаков были убиты 18 казаков, 43 казака получили ранения и 57 казаков пропали без вести. В 1914–1915 гг. 161 казак

полка был награжден Георгиевскими крестами и 200 казаков – Георгиевскими медалями.

31-й Донской казачий полк в тяжелых боях 2-й армии держался стойко и пытался оказать помощь частям, попавшим в сложную ситуацию, при этом сам понес немалые потери. В полку погибли 1 офицер и 25 казаков, получили ранения 1 офицер и 54 казака, контузии – 4 офицера и 5 казаков, 20 казаков пропали без вести. Полку удалось пленить 1 офицера и 89 нижних чинов. 249 казакам полка за проявленную отвагу в боях и образцовое выполнение воинского долга вручили Георгиевские кресты, 144 казакам – Георгиевские медали [14].

В военных кампаниях 1914–1915 гг. 12-й полк взял в плен 11 офицеров, 1 врача и 1046 нижних чинов противника, захватил 201 ружье и много патронов. Его безвозвратные потери составили 98 (10 % от личного состава) чел., в том числе 3 офицера и 95 казаков, санитарные – 302 (32 % от личного состава) чел., в том числе 24 офицера и 278 казаков. За мужество и боевые успехи 3 офицерам полка вручили почетное Георгиевское оружие, 323 казакам – Георгиевские кресты 4-й степени и 487 казакам – Георгиевские медали [15].

45-й и 43-й донские казачьи полки и 7-й Донской казачий Войскового атамана Денисова полк, а также 11, 31-я и 35-я отдельные донские казачьи сотни в составе 21-го корпуса и 10-й кавалерийской дивизии 3-й армии участвовали в начавшемся 19 августа 1914 г. сражении на р. Золотой Липе и на других участках. В 11-й Отдельной донской казачьей сотне за отвагу, проявленную в боях, 30 казаков были награждены Георгиевскими крестами, 38 казаков Георгиевскими медалями, в 31-й Отдельной сотне 29 казаков – Георгиевскими крестами и 73 казака – Георгиевскими медалями. Особо отличилась 35-я Отдельная донская казачья сотня. Она захватила в плен 1 офицера и 377 австро-венгерских солдат. За успешные боевые действия 51 (34,23 %) казак был удостоен Георгиевских крестов и 62 (41,6 %) казака – Георгиевских медалей.

Австрийцы, понеся большие потери, потерпели поражение и 28 августа отступили по всему фронту на заранее укрепленный рубеж. В последующих боях донские казачьи полки успешно сражались на отведенных позициях. В боях 1914–1915 гг. они пленили 251 офицера, 26 врачей и 21 071 нижнего чина противника, захватили 1 поезд в составе 50 вагонов, 56 орудий, 17 автомобилей, 6 знамен, несколько аэропланов, 1813 лошадей и много другой техники военного назначения. За успешные боевые действия 38 офицеров донских казачьих полков были награждены орденами Святого Георгия и 99 офицеров почетным Георгиевским оружием, 13 697 казаков удостоились Георгиевских крестов и 11 076 казаков – Георгиевских медалей. Но сами полки понесли немалые потери. По данным штаба Походного атамана при Его Императорском Величестве, погибли 130 офицеров и 2485 казаков, получили ранения 335 офицеров и 7 251 казак, пропали без вести 49 офицеров и 2199 казаков, попали в плен 28 офицеров и 85 казаков. А.М. Зайончковский отмечал, что потери русской армии были значительны, но и противник понес большие потери, его состав уменьшился на 45 % [16].

На Кавказском театре Первой мировой войны боевые действия развернулись между войсками России и Турции. В начале 1915 г. Отдельную Кавказскую армию пополнили 55, 56-й и 57-й донские казачьи полки. В апреле 1915 г. на Кавказский фронт прибыла Донская казачья пешая бригада в составе 4 батальонов (92 офицера, 4607 строевых и 578 нестроевых казаков) [17].

Военная кампания 1915 г. для России завершилась неудачно. Российская армия, заставив Германию сосредоточить основные силы на Восточном фронте, предоставила союзникам почти полугодовую передышку, а сама была вытеснена из большей части Галиции, Польши, из части Прибалтики и Белоруссии. Обе воевавшие стороны на Восточном фронте понесли значительные потери. Германия в 1915 г. не достигла своей цели вывести русскую армию из войны. Донские казачьи полки и другие донские части, успешно участвуя в крупных и малых операциях и сражениях, с честью выдержали испытания трудной военной кампании 1915 г. и сохранили свою боеспособность, приобретя опыт ведения современной войны.

Примечания

1. Донские областные ведомости. 1914. 17 июля. № 160.
2. Отчет войскового наказного атамана о состоянии Войска Донского за 1914 год (1-я часть военная). Новочеркасск, 1915.
3. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. М., 1994. С. 6–12; Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917 / Пер. с англ. М., 2014. С. 38–40 и др.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–21, 110–113, 118.
5. Там же. Д. 30. Л. 30, 72–73, 78, 110–113, 118; Д. 42. Л. 250, 251, 525, 526, 527, 528, 539; Д. 47. Л. 14–15; Д. 81. Л. 106, 108; Д. 41. Л. 95.
6. Там же. Д. 30. Л. 6–7.
7. Там же. Л. 2.
8. Там же. Л. 2, 4.
9. Брусилов А.А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 96–100; РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–8.
10. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Изд. 3-е. В 2 т. М., 1938. Т. 1. С. 144–147.
11. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
12. Там же. Л. 1, 6–10, 112.
13. Там же. Д. 42. Л. 434, 436, 437.
14. Там же. Д. 30. Л. 5–6, 113.
15. Там же. Л. 3.
16. Там же. Л. 1–22; Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 161–163, 194–195, 202–203.
17. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

С.С. Белоусов

Мобилизации калмыцкого населения на тыловые работы в годы Первой мировой войны¹

Первая мировая война потребовала консолидации усилий всех слоев российского общества в целях достижения победы. В условиях военного времени основная нагрузка по организации помощи фронту легла на плечи местных органов власти. В пределах современных границ Калмыкии в рассматриваемый период времени существовали две административно-территориальные единицы калмыцкого народа – это Калмыцкая степь, входившая в состав Астраханской губернии и Большедербетовский улус, являвшийся частью Ставропольской губернии. Калмыцкое население данных административных образований не призывалось на службу в вооруженные силы, однако, несло на себе все другие тяготы военного времени. Калмыки участвовали в поставках скота и сельхозпродуктов на нужды фронта, в компаниях пожертвований деньгами и вещами и проч.

На третий год войны, принявшей к этому времени затяжной позиционный характер, в прифронтовой полосе действующей русской армии возникла большая потребность в рабочей силе для строительства тыловых объектов. К этому делу правительство решило привлечь представителей так называемого инородческого населения Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Средней Азии, на которое не распространялось действие воинской повинности. 25 июня 1916 г. император Николай II издал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ», в котором повелел мобилизовать на тыловые работы мужское инородческое население в возрасте от 19 до 43 лет [1].

28 июня 1916 г. на имя губернаторов Астраханской и Ставропольской губерний генерала И.Н. Соколовского и С.Д. Оболенского поступило специальное переданное по телеграфу распоряжение министра внутренних дел России Б.В. Штюрмера, определявшее контингент и порядок проведения мобилизации

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условия роста напряженности» на 2012–2014 гг.

среди находившихся под их управлением калмыков, туркмен, ногайцев и других инородцев. Согласно указания министра внутренних дел мобилизации подлежали лица в возрасте от 19 до 31 года, которые перед отправкой на тыловые работы должны были пройти медицинское освидетельствование в специальных приемных пунктах на предмет их пригодности к тяжелым физическим нагрузкам и наличия у них инфекционных заболеваний. Проведение мобилизации возлагалось на инородческую знать и органы управления и самоуправления на местах. Они обязаны были разъяснить призываемым, что в период тыловых работ будут получать от государства заработную плату деньгами и обеспечиваться питанием [2].

Калмыцкой администрации предстояло выполнить сложную задачу по организации процесса мобилизации населения, ведущего кочевой образ жизни и разбросанного на огромной территории. Однако главная проблема заключалась в том, что калмыки, будучи в основной своей массе скотоводами, не имели никаких навыков строительных работ. Привлечение кочевников к непривычному для них труду могло породить массовое недовольство действиями властей и вызвать на этой почве волнения. Неслучайно поэтому при проведении мобилизации решено было прибегнуть к авторитету буддийской церкви. 29 августа 1916 г. астраханский губернатор получил правительственную телеграмму, в которой говорилось, что «в целях правильного восприятия закона от 25 июня 1916 г.» необходимо обратиться к ламе и другим духовным лицам, чтобы те объяснили калмыкам его истинный смысл. Следовало разъяснить, что во время тыловых работ они не подвергнутся военной опасности, за свой труд получают заработную плату и вообще «полную заботливость от правительства» [3].

Для реализации императорского указа в улусах были созданы комиссии в составе попечителей, их заместителей и представителей аймаков, направлявших своих людей на тыловые работы. Они составляли списки мобилизуемых, формировали из них в улусных ставках команды и затем отправляли их на врачебно-питательные пункты. Улусы западной и центральной части Калмыцкой степи – Малодербетовский, Манычский, Икицохуровский и Багацохуровский – направляли своих людей в г. Чёрный Яр, для улусов восточной части – Эркетеневского, Яндыко-Мочажного, Александровского, Харахусовского и п. Калмыцкий Базар местом сбора назначили Астраханский врачебно-питательный пункт, а для Большедербетовского улуса – село Медвежье Ставропольской губернии.

Общее руководство мобилизационной работой осуществляли в Калмыцкой степи Астраханской губернии – штаб Казанского военного округа, в Большедербетовском улусе – штаб Кавказского военного округа. После медицинского освидетельствования на врачебно-питательном пункте призванных принимали представители военных штабов и в организованном порядке доставляли их тыловые работы в места назначения.

Мобилизованные должны были являться в места сбора со своей одеждой, государство брало на себя расходы по командировке должностных лиц, оплате

канцелярских расходов, питанию, однако до перечисления казенных денег предписывалось использовать местные средства. За счет аймачных обществ происходила доставка призванных из улусных ставок во врачебно-питательные участки, а осенью 1916 г., в связи с приближением холодов, на них еще были возложены обязанности по частичному обеспечению теплой одеждой направляемых на тыловые работы и финансирования строительства барачков в улусных ставках и во врачебно-питательном пункте г. Чёрного Яра. Все упомянутые расходы покрывались из средств фонда калмыцкого общественного капитала [4].

По планам штаба Казанского военного округа мобилизации подлежали 44 тыс. казахов и калмыков Астраханской губернии в возрасте от 19 до 31 года, из них калмыков по приблизительным данным насчитывалось 12 тыс. чел. В Большеберетовском улусе предполагалось призвать 972 калмыка [5].

Военные власти рассчитывали провести мобилизацию на тыловые работы в сжатые сроки, однако этого не получилось. В Астраханской и Ставропольской губерниях в это время в самом разгаре были сельскохозяйственные работы, и отрыв от них активного трудоспособного населения мог нанести хозяйствам и экономике в целом непоправимый урон. В сложившихся условиях было принято решение отложить мобилизацию до начала осени. Кроме того, 9 июля 1916 г. министр внутренних дел разрешил астраханскому и ставропольскому губернаторам по своему усмотрению освобождать от мобилизации лиц «по должности, роду занятий, образования», а также предоставлять отсрочки лицам, задействованным в сферах, связанных с обороной [6].

Основываясь на данном распоряжении, астраханский губернатор установил отсрочку до 6 декабря рабочим рыбных и соляных промыслов, лицам, занимавшимся закупками лошадей, мяса и фуража для армии, работавшим на железной дороге, а также тем, которые имели «доказательства об освобождении» [7]. Временную отсрочку от мобилизации получила также часть калмыков Астраханской губернии, работавшая по найму пастухами у коннозаводчиков области Войска Донского. В начальный период Первой мировой войны в хозяйствах коннозаводчиков активно использовались в качестве пастухов сербские военнопленные, однако после того, как в России была сформирована Сербская дивизия и многие из них туда вступили, возник острый недостаток в пастухах. Замену им решили найти среди привычных к пастушескому труду калмыков, которые стали занимать освободившиеся после ухода сербов вакансии.

Начавшаяся мобилизация калмыков на тыловые работы грозила сорвать данный процесс, поэтому коннозаводчики обратились за помощью к Наказному атаману Войска Донского М.Н. Граббе, который 11 октября 1916 г. вошел с ходатайством в Главный штаб об освобождении части пастухов-калмыков от призыва на тыловые работы [8]. В ноябре 1916 г. астраханский губернатор, пойдя навстречу донским коннозаводчикам, предоставил отсрочку от призыва сроком до 1 мая 1917 г. пасшей их скот группе калмыков. В хозяйствах коннозаводчиков калмыки были оставлены работать исходя из нормы: 1 табунщик на табун

в 75 лошадей, 1 пастух на 100–150 голов крупного рогатого скота, и 2 пастуха на стадо в 200–500 голов. Для чабанов норма составляла: 1 чел. на 500–750 голов, 2 чел. на отару от 750 до 1000 голов [9].

Среди калмыцкого населения имелись контингенты, которые полностью освобождались от мобилизации на тыловые работы – это буддийское духовенство, «почетные граждане», учителя, фельдшера, студенты, обучавшиеся в высших, средних и специальных начальных учебных заведениях. Учащаяся молодежь и люди с такими профессиями составляли крайне незначительную часть калмыцкого населения и были востребованы в улусах, поэтому правительство всячески старалось оградить их от призыва на тыловые работы.

Освобождались от мобилизации также лица, занимавшие должности в органах управления и самоуправления калмыцким народом: хотонные старосты, аймачные старшины, переводчики, писари, полицейские рассыльные заседатели судов зарго, и, кроме того, содержатели почт, ямщики. Должностные лица калмыцкого управления не призывались, пока состояли на службе, в случае увольнения с нее они утрачивали это право. Также запрещалось лицам призывного возраста поступать на должности, которые освобождали их от призыва [10].

Таким образом, в основе правительственной политики по освобождению отдельных групп калмыков призывного возраста от мобилизации или предоставления отсрочек на тыловые работы в годы Первой мировой войны лежали, прежде всего, профессиональный и образовательный принципы и только отчасти сословный. Законодательство не предусматривало льгот по социальным признакам, но в то же время допускало практику добровольной замены призываемых другими лицами. Это позволяло зажиточным калмыкам за плату нанимать вместо себя или членов своих семей других, менее обеспеченных в материальном положении лиц.

Калмыки воспринимали отправку на тыловые работы как тяжелую повинность, однако сколь-нибудь существенного сопротивления данной кампании не оказали. Во всяком случае, документы Национального архива Республики Калмыкия (далее – НАРК) не дают основания для вывода о проявлении широких протестных настроений среди калмыков на почве их мобилизации на тыловые работы. В 1960-е гг. историки выявили всего несколько таких фактов, и с тех пор они постоянно приводятся в публикациях, затрагивающих тематику Первой мировой войны в Калмыкии. Известны только два зафиксированных в документах случая проявления открытого несогласия с политикой правительства по привлечению калмыков к тыловым работам. Оба факта имели место на аймачных сходах Яндыко-Мочажного и Икицохуровского улусов, когда против мобилизации высказались двое из выборщиков – Н. Лариев и С. Натыров.

Некоторые калмыки не явились в места сбора в улусных ставках или дезертировали во время движения партий на врачебно-питательные пункты. В Малодербетовском улусе, например, не прибыли 18 % лиц призывного воз-

раста, в Эркетеневском улусе недобор составил 350 чел. [11]. Имели место также побегі отдельных лиц и небольших групп с маршрута следования.

Ряд аймаков Калмыцкой степи Астраханской губернии в качестве альтернативы отправки своих людей на строительство объектов военного назначения предложили военную службу. 27 октября 1916 г. калмыки Северного аймака Малодербетовского улуса на своем сходе изъявили желание выставить добровольцев в астраханские казачьи части при условии освобождения остальных от тыловых работ. Они просили губернские власти зачислить подлежащих призыву молодых людей их аймака в казачьи подразделения и обязывались взять на себя расходы по их экипировке. После окончания Первой мировой войны они собирались ходатайствовать о причислении Северного аймака к Астраханскому казачьему войску [12].

В том же месяце в астраханскую администрацию поступил приговор от калмыков 6 аймаков Манычского улуса (Ульдючиновского, Оргакиновского, Мандженкиновского, Бурульского, Бислюртинского и Наинтанкиновского) с предложением сформировать конный полк в количестве 600 чел. взамен освобождения подлежащих призыву на тыловые работы 2 тыс. жителей [13]. Из-за отрицательного отношения к данной идее астраханского губернатора и военных властей ни одно из упомянутых выше предложений не было реализовано.

Процесс приема и медицинского освидетельствования мобилизованных калмыков на питательно-врачебных пунктах занял около месяца, начавшись в середине сентября и завершившись в начале октября. Всего к середине декабря 1916 г. из намеченных правительством 44 тыс. инородцев Астраханской губернии была мобилизована половина, остальные по разным причинам получили отсрочку или освобождение от тыловых работ. В конце декабря того же года правительство приняло решение вообще прекратить мобилизацию инородческого населения Астраханской губернии. Среди отправленных на тыловые работы жителей Астраханской губернии калмыки составляли около 8 тыс. чел. Еще около 1 тыс. калмыков были взяты из Большедербетовского улуса Ставропольской губернии [14]. Астраханские калмыки использовались в основном на строительстве оборонительных сооружений, железных дорог в Волынской, Могилёвской и прибалтийских губерниях, небольшая их часть была привлечена к разгрузочно-погрузочным работам в порту г. Николаева. Калмыки Большедербетовского улуса были направлены в Кавказскую армию, где на своем транспорте осуществляли перевозки грузов.

В местах работы из калмыков были образованы бригады по 500 чел., к каждой из которых были прикомандированы 1 прапорщик, 1 фельдфебель, 1 заурядчиновник, 1 писарь, 1 фельдшер и 32 рядовых солдат. Бригады формировались с учетом принадлежности к конкретному аймаку, в них обязательно присутствовал освобожденный от работ буддийский священник – гелюнг. Внутри бригады делились на сотни, каждая из которых, помимо рабочих, имела своего сотского,

писаря, кашевара, переводчика, выполнявших командные и обслуживающие функции.

Рабочие размещались в казармах и обеспечивались продовольствием из расчета: 1,2 фунта мяса, 1,2 фунта белого хлеба, 1,2 фунта черного хлеба в день на 1 чел. За труд рабочему полагалось жалование в размере 1 руб., сотскому и гелюнгу – 2 руб. в день [15].

Возвращение калмыков домой началось после приказа Временного правительства от 5 мая 1917 г., отменившего по существу императорский указ от 25 июня 1916 г.

Мобилизация калмыков в годы Первой мировой войны стала первым опытом их массового привлечения на строительные работы. Он оказался в целом успешным. Большая заслуга в том, что мобилизация прошла достаточно организовано и без серьезных сбоев, принадлежит органам управления, служащие которых, несмотря на имевшиеся отдельные недостатки в организации призыва, сумели обеспечить выполнение императорского указа. Напротив, такая же мобилизация казахского населения Астраханской губернии вызвала массовое восстание, с большим трудом подавленное войсками.

Примечания

1. Царский указ от 25 июня 1915 г. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 20.05.2014).
2. Орехов И.И. Первая мировая война и развитие калмыцкого общества // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Элиста, 1967. Вып. 5. Ч. 1. Серия истории. С. 95.
3. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 334.
4. Орехов И.И. Первая мировая война... С. 100
5. Там же. С. 98
6. Там же.
7. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 78–78 об.
8. Там же. Л. 82.
9. Там же. Л. 284.
10. Там же. Л. 165.
11. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX в.: исторический опыт и современность. Элиста, 1999. С. 146.
12. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 435 об.
13. Там же. Л. 343
14. Орехов И.И. Первая мировая война... С. 101.
15. НАРК. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 224. Л. 382 об.

Т.И. Трошина

Горцы на Европейском Севере России в годы «длинной войны» 1914–1920 гг.¹

Одним из важных сопутствующих войне моментов является мощная миграция различных слоев населения. Европейский Север России, представлявший собой в начале XX в. все более замыкающийся этнографический «анклав», а в годы войны в связи с огромными портовыми и дорожно-строительными работами привлекавший большие массы населения, подвергся миграционным волнам в особо значительных размерах.

Недостаток в слабозаселенных северных губерниях собственных человеческих ресурсов способствовал тому, что сюда прибывали по добровольному набору люди из центральных и южных губерний России, иностранные рабочие (например, до 10 тыс. китайцев, а также специалисты из Канады и других стран). Принудительно были направлены мобилизованные по военной или трудовой повинности российские подданные (в частности, здесь работали до 6 тыс. бурят) и военнопленные вражеских армий.

В качестве охраны военнопленных на далекий север были направлены горские части, предположительно из Владикавказа. Экзотические соотечественники привлекали внимание жителей северной губернии. Благодаря этому, сохранилось несколько ярких фотографий, запечатлевших позировавших на фоне различных северных видов людей в форме терских казаков. Предположительно, это были чины иррегулярных горских формирований. Использовали их для охраны военнопленных германской и австро-венгерской армий, которые занимались строительством Мурманской железной дороги.

Из доклада начальника управления сооружения железных дорог от 12 сентября 1916 г. известно, что на контингент военнопленных, состоявший из 40 тыс. чел., приходилось всего 942 горца, т.е. на каждого стражника – более 40 пленных [1]. «Кавказцы из охраны... очень плохо понимают по-русски» [2], что создавало сложности общения между ними и офицерами, а также военнопленными, которых они должны были охранять. При этом, судя по «жалобам» военнопленных, горцы старались добросовестно выполнять возложенные на них обязанности. Член Особого комитета помощи военнопленным М. Горяинов, посетивший работавших на строительстве Мурманской железной дороги своих подопечных, отразил в отчете эти жалобы на своих охранников – черкесов, ингушей, других выходцев с Северного Кавказа, «недисциплинированных,

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ (проект № 12-01-00065а).

плохо понимавших русский язык, без нужды прибегавших к нагайке», а также занимавшихся вымогательством денежных средств [3].

Выходцы с юга, горцы-охранники не легче военнопленных переживали тяжелый северный климат и непривычную пищу. Возникали сложности и культурного характера. По свидетельству современника, «соблюдая свой летний пост (Рамазан), магометане не едят до захода солнца и оказываются в трагическом положении в тех широтах, где солнце летом не заходит совсем. Голодовка магометан во время поста из-за незаходящего солнца заставила администрацию переводить их несколько южнее, где солнце закрывалось на некоторое время лесом или горами» [4]. Затруднения создавали и другие различия на национальной и культурной почве. Так, «магометане... кавказцы отказываются есть мясо коров, убитых на обыкновенной бойне, и режут их по своему способу, не желая даже возить свое мясо на тех телегах, на которых перевозится мясо для русских рабочих» [5].

В бытовых очерках на страницах архангельских газет нередко присутствовал образ «бедного, больного» осетина или черкеса, зябко кутавшегося в свою бекешу. Впрочем, эта категория приезжих не вызывала у общественности Архангельской губернии такого же сочувствия, как военнопленные, а также китайские, корейские и бурятские рабочие, оказавшиеся на севере под влиянием военных обстоятельств. Возможно, потому, что у горцев не было принято демонстрировать свое положение с целью вызвать к себе жалость.

Выходцы с Северного Кавказа проявили себя и на последнем этапе Первой мировой войны, когда она уже переросла в гражданскую. Весной 1918 г. в Архангельск прибыл отряд под командованием офицера Кавказской туземной дивизии ротмистра А.А. Берса (видимо, из грузинских дворян). Берс сформировал свой отряд в Петрограде из горцев, которые не настроены были воевать, и пытались, воспользовавшись демобилизацией, уехать на родину. Расстреляв нескольких таких «дезертиров», Берс смог заставить остальных вступить в отряд в качестве добровольцев. Судя по всему, формируя отряд как составляющую часть Красной армии, Берс стремился создать боеспособную силу для антибольшевистской деятельности. Однако часть его отряда оказалась настроена пробольшевистски [6].

С этим отрядом Берс был направлен в Архангельск для организации обороны города. Беломорский конно-горский отряд (так он стал именоваться) жил в Архангельске обособленно и производил впечатление части, верной советской власти. Берс, по-видимому, решил вовлечь своих воинов в антибольшевистскую деятельность обещанием денег, который якобы англичане заплатят им за организацию переворота. Так, один из офицеров полка, «полковник Мелиа заявил, что бить большевиков он всегда готов, а за деньги, так с большим удовольствием» [7]. После переворота Берс объявил захваченные им деньги и ценности Архангельского казначейства «военным призом отряда, подлежащим разделу за оказанные при перевороте услуги». За такое самоуправство Берс и его офицеры были арестованы, отряд расформирован.

Какова судьба берсовских горцев, неизвестно. Но вскоре в рядах Красной армии, сражавшейся на Северном фронте, стали появляться отдельные горцы, а также целые подразделения. Наиболее известным стал отряд конной разведки Хаджи-Мурата Дзарохохова, уроженца Терской области. Хаджи-Мурат служил в Кавказской туземной дивизии и перешел на сторону большевиков летом 1917 г., во время Корниловского похода. На Северный фронт прибыл с кавалерийским отрядом, сформированным в Петрограде, в основном из черкесов, как добровольцев, так и мобилизованных. Бойцы отряда, «черноусые здоровенные молодцы» [8], производили неоднозначное впечатление на местное население: «Были у него черкесы... в тылу хуже их нет, безобразят, а на фронте только и думают, куда бы скрыться... [Хаджи-Мурат] их за это бил, 12 человек выгнал из отряда» [9]. Доставалось от Хаджи-Мурата и своим: накануне боя он «избил и столкнул с крыльца» командира гаубичной батареи, который не мог установить орудие в указанном ему месте. Коротким разговор был и с местным населением. Например, во время конной разведки допрашиваемый старик-крестьянин «запирался», отказываясь сообщать, где белые. «Тогда Хаджи-Мурат снимает плетку – сказывай, старый, а то запорю!» [10].

Вообще, Хаджи-Мурат с сплеткой в руках – наиболее распространенный образ в воспоминаниях бывших красноармейцев, участвовавших в Гражданской войне на Русском Севере. Так, во время наступления на Архангельск зимой 1919–1920 гг., «товарищи засыпали на морозе. Хаджи-Мурат кричит – не спать! – размахивал плеткой, не давал спать, чтобы не замерзли» [11].

Пленным белогвардейцам доставалось от его прославленной «плетки» особо. Захватив несколько английских пулеметов, которыми красноармейцы пользоваться не умели, Хаджи-Мурат посадил за них пленных англичан: «Они не хотели, заставил плетками».

Во время одного из налетов Хаджи-Мурату удалось захватить в плен своего «знакомца», белогвардейского офицера. Дело в том, что Гражданская война в малонаселенной и бездорожной Архангельской губернии имела свои особенности. Воюя, неприятели знали друг друга буквально «в лицо». Фураж и продовольствие брали в одних и тех же малолюдных и бедных деревнях, оставляя друг другу записки с угрозами. Один из белых командиров, Чубаш, оставлял подобные угрозы лично Хаджи-Мурату в особо резкой форме. Однако вскоре сам попал в плен к красным. Увидев его, Хаджи-Мурат захотел получить «расчет». Чубаш предложил честную дуэль или просто драку «один на один», на что Хаджи-Мурат заявил: «...мне о твою белогвардейскую кровь пачкаться не хочется!» и страшно, до смерти избил офицера плеткой [12].

Подобная «непримиримость к врагам», непривычная для спокойного населения Русского Севера, у одних вызывала ужас, у других, напротив, восхищение. В воспоминаниях местных участников Гражданской войны образ Хаджи-Мурата оставался едва ли не самым ярким, хотя и весьма противоречивым. По свидетельству современника, «на Северном фронте Хаджи-Мурата все боялись. В де-

ревнях его представляли каким-то разбойником. Боялись его командир дивизии и комиссар». Вид его, пожалуй, действительно был устрашающим. Он «гарцевал по деревне на превосходном белом коне», «обросший черной бородой, в просторной кавказской бурке с торчащим из-под нее маузером и лентой патронов через плечо... угрюмо сосредоточенный» [13].

Хаджи-Мурат во главе своего стремительного кавалерийского отряда всегда стремился наступать, не считаясь со стратегическими планами командования. При этом не только не просил помощи, но отказывался и от предложенной («Я кавказский орел, со своими орлятами справлюсь!»). Дело в том, что своих «орлят» он мотивировал трофеями, которые разрешал «разграблять» только на месте: «Для трофеев у него было правило – что добыли, то и наше. Но увозить с собой не давал; пользовались на месте; поэтому при захвате трофеев долго не наступали, даже нарушая приказы» [14]. В результате, захватив населенный пункт, отряд Хаджи-Мурата терял свою мобильность, вызывая тем самым нарекания со стороны командования.

В отношении местного населения поведение Хаджи-Мурата также было неровным. Например, он мог дать крестьянам лошадей из своего отряда для пахоты. С другой стороны, не возражал «переманиванию» своими конниками женщин, которые сопровождали его отряд, вызывая тем самым нарекания, как населения, так и командования.

Понимание Хаджи-Муратом революционной справедливости все же вызывало у некоторых очевидцев восхищение. Так, увидев, что пленных офицеров «охраняют оборванные рабочие», он «велел с офицеров одежду снять и в лохмотья одеть, а их форму отдал рабочим» [15]. За такое самоуправство он был отдан под суд, однако во время войны подобные полевые командиры ценились высоко, и его вскоре освободили. Показать свою «свирепость» отряду Хаджи-Мурата удалось еще и во время наступления Красной армии на Польском фронте летом 1920 г.

Даже те крупницы информации, которые сохранились о действовавших на Европейском Севере России в военно-революционную эпоху горцах, в основном являются воспоминаниями местных уроженцев, которым было свойственно напряженное отношение к «чужим». О том, каково было людям с Кавказа в условиях разворачивавшейся Гражданской войны, наиболее ярким признаком которой стал разрыв государственных связей и недоверие, доходившее до открытой неприязни к «чужим», оказаться по тем или иным, как правило, не зависевшим от них обстоятельствам, в чуждой им этнической и культурной среде, можно только догадываться. Непривычный облик и выдававший чужую речь акцент делали их объектом неприязни со стороны населения. Это заставляло горцев еще больше сплачиваться, в том числе вокруг своего полевого командира, облегчая возможность их использовать, например, для выполнения карательных функций, а также для производства таких видов деятельности, на которые местные уроженцы не соглашались. Например, для изъятия у населения продовольствия, транспортных средств и т.п.

«Черкесы» (как их принято было называть), выполняя распоряжения начальства и осуществляя реквизиции, настраивали население и против себя, и против Советской власти. Судя по воспоминаниям, присутствовали и злоупотребления. Так, некий Дыданов «брал взятки, отобрал у бедняка корову... устраивал пирушки, жарил отобранное у населения мясо». Возмущенные жители устроили сход, на котором потребовали от Дыданова заплатить за реквизированный скот «по справедливости», угрожая в противном случае сдать его белым. На что тот ответил: «...“а мне все равно – я служил Красная армия, а Белая армия тоже могу служить”. Сел на лошадь и уехал» [16].

Из этого небольшого эпизода видно, что для оказавшихся на Севере России горцев происходившее здесь гражданское противостояние было «не их войной». При этом присутствие здесь горцев придало Гражданской войне особую жестокость – как методами, привычными для кавказцев, но чуждыми для местного населения, так и самим фактом использования в местных «разборках» чужаков, что населением воспринималось особенно болезненно. Возможно, и сами кавказцы приобрели новые знания и навыки, приняв участие в военно-политических событиях на территории Архангельской губернии.

Примечания

1. Новикова И.Н. «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 57.
2. Там же.
3. Мурманская железная дорога: Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг., 1916. С. 71.
4. Там же. С. 71–72.
5. Там же. С. 72.
6. Вестник временного правительства Северной области. 1919. № 26; Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Отдел документов социально-политической истории (далее – ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 269.
7. ГААО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 8–14.
8. Карпов И.С. По волнам житейского моря: воспоминания. Онега, 2004. С. 69.
9. Воспоминания об отряде Хаджи-Мурата // ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 651.
10. Там же.
11. Воспоминания Окатова К.П., 1936 г. // ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 403.
12. Воспоминания об отряде Хаджи-Мурата.
13. Воспоминания Новикова И., 1929 г. // ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 398.
14. Воспоминания об отряде Хаджи-Мурата.
15. Там же.
16. Воспоминания Пирогова М.С. // ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 434.

В.И. Афанасенко

Теория и практика артиллерийского наступления в Брусиловском прорыве (июнь 1916 г.)¹

Талант фронтовых артиллерийских начальников российской армии в годы Первой мировой войны позволил к лету 1916 г. разработать теорию артиллерийского наступления. Практическая реализация этой теории дала стратегический успех в ходе Брусиловского прорыва в июне 1916 г. Опыт артиллерийского наступления был усвоен и успешно применен Советской армией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Следует отметить, что артиллерия сыграла решающую роль в сражениях на всех фронтах Первой мировой войны (1914–1918). На ее долю пришлось 75 % всех воинских потерь, остальные 25 % вызвали огонь стрелкового оружия, применение боевых отравляющих веществ, действия авиации и др. При этом как в начале, так и в конце войны Германия по количеству и по мощности артиллерии была значительно сильнее России и Франции. Все годы войны по численности орудий русская армия уступала своим главным противникам: Австро-Венгрии – в 1,35 раза, Германии – в 5,47 раза. К концу войны на вооружении германской армии состояло 19 810 орудий, в том числе 7862 тяжелых, на вооружении русской армии – лишь 10 178 орудий, в том числе 1430 тяжелых, на вооружении французской армии – 11 280 орудий, в том числе 5700 тяжелых [1]. Превосходство в артиллерии Германии и Австро-Венгрии не давало России шансов на победу, несмотря на большую численность личного состава, мужество и стойкость солдат, казаков и офицеров российской императорской армии, хорошую боевую подготовку русской артиллерии.

В 1914–1917 гг. русская артиллерия израсходовала не более 50 млн выстрелов всех калибров, включая химические снаряды. Франция в 1914–1918 гг. израсходовала около 192 млн артиллерийских выстрелов калибра 75–155 мм. Германия выпустила по противнику около 272 млн снарядов всех калибров, Англия – свыше 170 млн, Австро-Венгрия – около 70 млн выстрелов [2]. Даже Австро-Венгрия смогла сделать по противнику на 40 % орудийных выстрелов больше, чем царская Россия. Фактически, на три вражеских снаряда русская артиллерия отвечала лишь одним. Но и при таком «снарядном голоде» именно на Восточ-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

ном фронте Русская императорская армия в июне 1916 г. за счет рационального использования артиллерии добилась стратегического успеха в ходе летнего наступления армий Юго-Западного фронта, вошедшего в мировую историю как «Брусиловский прорыв».

В марте 1916 г. генерал от кавалерии А.А. Брусилов принял командование Юго-Западным фронтом, включавшим в себя четыре армии: 8-ю генерала А.М. Каледина, 11-ю генерала В.В. Сахарова, 7-ю генерала Д.Г. Щербачева, 9-ю генерала П.А. Лечицкого. Фронт занимал полосу в 480 км к югу от Пolesья и до границы с Румынией. Брусилову противостояли четыре австрийских и одна немецкая армия. Против войск Юго-Западного фронта противник создал глубоко эшелонированную оборону, подготовка которой продолжалась девять месяцев. Она состояла из трех оборонительных полос на расстоянии 5 км одна от другой. Самой мощной была первая, глубиной 1,5–2 км, с опорными узлами, дотами, отсечными позициями, заводившими противника в «огневой мешок» для истребления. На важнейших направлениях глубина заграждений из колючей проволоки доходили до 16 рядов, через нее пропускался ток, подвешивались бомбы, ставились мины. В траншеях первой линии русских солдат ждали огнеметы. За первой полосой находились еще две. Кайзер Вильгельм II, посетив фронт, восторгался, что таких оборудованных позиций он не видел даже на Западе. Уверенный в своей неуязвимости, враг демонстрировал на выставке в Вене макеты этих оборонительных сооружений как высшее достижение фортификации [3].

Но командование Юго-Западного фронта и входивших в него четырех армий сумело искусно сгруппировать свои войска. Силы Брусилова превосходили противника по пехоте в 1,3 и по кавалерии в 2 раза. По общему количеству орудий силы были равны, но тяжелой артиллерии противник имел в 3,2 раза больше. Однако на участках прорыва русское командование сумело создать значительное превосходство: по пехоте в 2–2,5 раза, по артиллерии – в 1,5–1,7 раза, по тяжелой артиллерии – в 2,5 раза [4].

19 апреля в войска поступила секретная директива № 1039 командующего Юго-Западным фронтом, в которой содержались указания командирам соединений и частей по подготовке и проведению прорыва эшелонированной обороны противника. В преамбуле этой директивы Брусилов приказал командующим четырех армий фронта принять к неукоснительному исполнению его указания по подготовке и проведению атаки по прорыву обороны противника, с оговоркой применять его указания не слепо, а в зависимости от конкретной обстановки на участках, намеченных для прорыва. Общие указания касались методики подготовки и проведения наступления. Атака должна была вестись на максимально широком фронте, всеми наличными силами, сковывая активными действиями противостоявшего противника и не позволяя ему перебрасывать войска и резервы с неатакованных участков к местам вклинения или наметившегося прорыва его оборонительной полосы. Для этого командующие армиями совместно с командирами подчиненных корпусов в ходе рекогносцировок долж-

ны определить конкретные участки для прорыва вражеской обороны в полосе каждого пехотного корпуса и всех дивизий первого эшелона.

Армейский план прорабатывался до мельчайших деталей не на карте, в тиши штабных кабинетов, а на местности, с привлечением к разработке всех задействованных в наступлении командиров пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей. Детализация атакующих действий заключалась не только в определении целей атаки, но и в том, кому и что конкретно атаковать, какие для этого выделять силы пехоты и артиллерии. В зависимости от условий местности и инженерно-технического оборудования вражеской обороны командиры родов войск определяли необходимое количество снарядов, типы орудий, последовательность в переносе огня после подавления одной цели на другую, предварительно разведанную конкретную цель. Приказывалось тщательно отрабатывать наблюдение, управление огнем, иметь устойчивую связь с пехотными и артиллерийскими частями. Командующий фронтом категорически потребовал от командиров частей и соединений ставить войскам конкретные боевые задачи, не допуская общих выражений, а также полного подчинения всех родов войск тому военачальнику, на участке ответственности которого осуществлялся главный удар. В заключение основных указаний по подготовке к наступлению и проведению решительной атаки по прорыву оборонительных позиций противника А.А. Брусилов выделил раздел для командующего 8-й армией генерала А.М. Каледина, чьи войска наносили главный удар: «Ниже я даю данные для ведения главной атаки на фронте армии, действиям коей придается первенствующее значение в намеченной операции и для каких действий в район ее моим распоряжением будут сосредоточены резервы за счет других армий фронта. Для остальных армий и корпусов основные принципы, дух главной атаки остаются те же; видоизменяются лишь размеры ее и средства» [5].

Особое внимание командующий фронтом уделил использованию артиллерии, опираясь на предложения и наработки талантливого практика – полковника В.Ф. Кирея – автора теории артиллерийского наступления. Кирей справедливо считал, что артиллерия является основным средством поражения живой силы и боевой техники противника. Эффективность ее использования напрямую зависит от качества управления огнем и точности стрельбы по заранее разведанным целям. Каждое орудие должно иметь конкретные объекты поражения, управление огнем следовало согласовывать с командиром пехотной части. Артиллерийские корректировщики должны были находиться при командирах атаковавших пехотных батальонов, а легкая артиллерия сопровождать атаку пехоты «огнем и колесами», подавляя «ожившие» после артподготовки пулеметные и бомбометные огневые точки противника. Суть артиллерийского наступления четко выражена во второй части директивы Брусилова, обозначенной как «Артиллерийская атака». Основные его положения заключались в том, что управление артиллерийским огнем осуществляется путем непосредственного и личного наблюдения за полем боя с наблюдательного пункта командира пехотной

части, руководившего атакой пехоты. Общее управление артиллерийскими группами организовывалось при командире пехотного соединения, прорывающего оборону противника на конкретном участке. Чтобы атакующая пехота имела своевременную огневую поддержку артиллерии, часть батарей полевых орудий непосредственно подчинялась командирам пехотных полков. Артиллерийские наблюдатели-корректировщики должны были находиться при командирах атакующих батальонов и быть готовыми для немедленного переноса огня на неподавленные и обнаружившие себя цели, мешавшие успеху атаки пехоты.

Особое внимание уделялось разрушению минных полей и проволочных заграждений в предполье главной оборонительной полосы противника. Из-за ограниченного количества тяжелой и мортирной артиллерии и боеприпасов к ней задача разрушения заграждений возлагалась на полевые «трехдюймовки» (76,2 мм). Предписывалось легкой артиллерии с дистанции не более 2 верст 350 фугасными снарядами пробить сквозной проход шириной не менее 2 сажень (4,3 м) для атаки пехоты, причем таких проходов предполагалось несколько, чтобы не допустить сгущивания пехоты, по которой неминуемо сосредоточился бы вражеский огонь. Уничтожение пулеметных ДЗОТов и ДОТов, блиндажей и бункеров первой и второй оборонительной полосы противника возлагалась на мортирную, гаубичную и полевую артиллерию. Каждое орудие должно было иметь заранее пристрелянную цель. Расход боеприпасов тяжелой артиллерии следовало минимизировать за счет меткой стрельбы.

Брусилов приказал «совершенно забыть об ураганном огне тяжелой артиллерии». При переходе пехоты в атаку предусматривался перенос огня гаубичной и мортирной артиллерии по участкам скопления резервов противника, по огневым позициям вражеской тяжелой артиллерии, отсечный огонь по флангам «коридора прорыва» нашей пехоты. Полевая артиллерия частью батарей должна была сопровождать атаку пехоты, перемещаясь вслед за атакующими батальонами, подавляя огнем уцелевшие при артподготовке огневые средства противника. После захвата пехотой первой и второй линий вражеской обороны часть тяжелой и мортирной артиллерии должна была максимально быстро переместиться вперед для обстрела укреплений, расположенных в глубине обороны врага. Чтобы максимально сократить время, необходимое для перемещения на новые позиции, гаубичная и мортирная артиллерия должна была оборудовать исходные огневые позиции не далее 3–4 верст от передовых вражеских траншей. Это позволяло вести действительный огонь на максимальной дистанции по вражеским батареям, располагавшимся вне доступности снарядов нашей полевой артиллерии. Брусилов обращал внимание артиллерийских начальников на то, что батареи должны занимать огневые позиции после получения конкретных боевых задач и в зависимости от условий их выполнения, а не наоборот. Расположение артиллерии должно было позволить массировать ее огонь по важнейшим узлам вражеской обороны, причем часть гаубичной и мортирной артиллерии предусматривалось использовать для подавления и разрушения укреплений противника на флангах участка про-

рыва. В заключительной части директивы Брусилов еще раз повторял: «Обращаю усиленное внимание на крепкую, непрерывную связь и взаимодействие пехоты с артиллерией и на целесообразный с обстановкой огонь артиллерии. Твердо уверен, что продолжительный боевой опыт будет нами использован полностью и что при предстоящем наступлении он будет нами применен в полной мере» [6].

На основе этой директивы и под неусыпным контролем командиров всех рангов в течение полутора месяцев была проведена гигантская по масштабам работа по сближению окопов и траншей с противником, выявлению всеми видами разведки, включая воздушную и агентурную, позиций огневых средств и резервов противника, проведена пристрелка не только батарей, но и отдельных орудий. Особое внимание было уделено налаживанию четкого взаимодействия между пехотой и артиллерией на всех уровнях – от батальона и батареи до ударного корпуса и всей штатной и приданной на усиление артиллерии. Строгие меры по маскировке, перемещению войск и техники, дисциплина военнослужащих позволили скрыть от противника подготовку к решительному наступлению всех четырех армий Юго-Западного фронта.

4 июня в 3 часа ночи началась артподготовка. Ее мощность рассчитали индивидуально, огонь длился от 6 до 45 часов. Так, на Луцком направлении, где вражеская оборона имела очень мощные укрепления, снаряды рвали все в клочья в течение 29 часов. Атака пехоты имела полный успех. За три недели июньского наступления армии Юго-Западного фронта разбили 4-ю и 7-ю австро-венгерские армии, а остальные австрийские и немецкие войска понесли большие потери. Всего потери противника составили 1 325 000 чел., в том числе Австро-Венгрии – 975 000 (416 924 пленных) и Германии – 350 000 убитых, раненых, пленных. Юго-Западный фронт захватил 580 пушек, 448 бомбометов и минометов, 1795 пулеметов; продвинулся на глубину до 120 км, освободил почти всю Вольну, Буковину, часть Галиции и закончил активные действия в конце октября [7]. Соотношение сил изменилось в пользу Антанты, к ней перешла стратегическая инициатива. Русский опыт артиллерийского наступления был использован затем союзниками по Антанте на Западном фронте в операциях 1918 г.

Этот опыт вновь стал востребованным в годы Великой Отечественной войны. 10 января 1942 г. Военным советам армий и фронтов из Москвы поступило директивное письмо № 03 Ставки Верховного Главнокомандования о действиях ударными группами и организации артиллерийского наступления. В письме отмечалась необходимость развития у советских войск умений и навыков по взламыванию оборонительных рубежей противника на всю их глубину, создания условий для ввода в прорыв танков, кавалерии и мотострелков. Как подчеркивалось в письме, для обеспечения прорыва оборонительных рубежей противника на всю их глубину требовалось соблюсти два условия: во-первых, заменить практику наших армий и фронтов действовать в наступлении линейно расположенными отдельными дивизиями на действия ударных групп, сосредоточенных на главном направлении, и, во-вторых, заменить артиллерийскую под-

готовку артиллерийским наступлением. Далее в письме давалось разъяснение, что такое артиллерийское наступление и что такое действия ударных групп на практике. Артиллерия не должна ограничивать свое участие в наступлении огневой подготовкой и обстрелом позиций противника, а должна наступать вместе с пехотой, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину. Пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это было на практике при артиллерийской подготовке, а «под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской “музыки”». Обязательным условием артиллерийского наступления должна была стать концентрация максимального количества орудий и минометов в полосе действий ударной группы. Подписали это директивное письмо И.В. Сталин и А.М. Василевский [8].

В по-сталински четких и понятных фразах письма легко просматриваются основные положения приведенной выше апрельской директивы Брусилова. Во-первых, создание ударных группировок в полосе прорыва глубокоэшелонированной обороны противника, тесное взаимодействие пехоты и артиллерии на всех этапах наступления. Во-вторых, концентрация артиллерии, в том числе тяжелой, на участках прорыва ударных корпусов, подавление артиллерийским огнем ранее выявленных целей (ДОТов, ДЗОТов, огневых позиций минометных и артиллерийских батарей, блиндажей, пунктов управления и связи). В-третьих, сосредоточенный огонь по резервам, пробитие проходов в проволочных заграждениях и в минных полях. В-четвертых, артиллерийское сопровождение пехоты при «атаке перекатами» огнем и колесами, ложный перенос или ложное прекращение артиллерийско-минометного огня с имитацией начала атаки пехоты. Все это стало тем «ноу-хау», которое позволило армиям Юго-Западного фронта в июне 1916 г. взломать многополосную оборону и добиться стратегического успеха.

В наступательных операциях советских войск в 1943–1945 гг. методы артиллерийского наступления дали блестящий результат при прорыве блокады Ленинграда в 1943 г.; при сокрушении немецкой обороны на Миус-фронте в августе 1943 г.; при освобождении Киева в ноябре 1943 г.; при штурме Кенигсберга и Берлина весной 1945 г.

Примечания

1. Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 290.
2. Барсуков Е.З. Русская артиллерия в Мировую войну. М., 1938. Т. 1. С. 203.
3. Денисов А. Брусиловский прорыв // Братишка. 2012. № 7. С. 9.
4. Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914–1918. М., 1954. С. 71.
5. Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв. М., 1940. С. 157–160.
6. Там же. С. 159–160.
7. Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 1. С. 605–606.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 103. Л. 75–81.

С.А. Манукян

Эрзинджанский полк на Кавказском фронте (1918 г.)

В начале 1918 г. русская армия оставила свои позиции на Кавказском фронте. Ее последние эшелоны уже проходили Эрзерум, Эривань, Джульфу и концентрировались в Трапезунде, чтобы вернуться в Россию по железной дороге либо морским путем. Кавказский фронт больше не существовал и, с этого момента до конца мая 1918 г., в течение шести месяцев, армянская армия в одиночку должна была вести борьбу против турецких войск, обороняясь на обширном фронте в 400 км от Калкита до Эрзинджана и от Хныса до Вана [1]. В таких условиях встал вопрос о формировании национальных армянских частей для удержания областей, занятых русскими войсками на Кавказском фронте. 19 ноября 1917 г. главнокомандующий Кавказским фронтом генерал-майор Е.В. Лебединский издал приказ о формировании Отдельного армянского корпуса под командованием генерал-майора Ф.И. Назарбекова [2]. Основу корпуса составили полки, сформированные из 6 армянских стрелковых батальонов, созданных в 1916 г. В корпус также призывались солдаты-армяне с других фронтов, из которых формировались отдельные полки и батальоны. Одним из них стал Эрзинджанский полк, сформированный из солдат-армян 2-го Туркестанского корпуса.

Приказом по 2-му Туркестанскому корпусу от 18 декабря 1917 г. из его частей был сформирован Отдельный армянский батальон под командованием капитана 18-го Туркестанского стрелкового полка К.Н. Гасанпашяна. Уже выделенные армянские роты 5-й Туркестанской стрелковой дивизии должны были собраться в Калките, а 4-й Туркестанской стрелковой дивизии – в Эрзинджане. 21 декабря 6 рот, выделенных из частей 5-й Туркестанской дивизии, собрались в штабе корпуса в местечке Калкит в составе 16 офицеров и около 1,2 тыс. солдат [3]. Ротам были приданы 4 пулемета «Максим», походные кухни, несколько подвод и патронных двуколки. В Калките они получили приказ двигаться в г. Эрзинджан в распоряжение командира 1-го Кавказского армейского корпуса генерала В.П. Ляхова на соединение с армянскими ротами 4-й Туркестанской стрелковой дивизии, после чего направиться в г. Эрзерум на формирование. 22 декабря 6 рот направились в Эрзинджан через Селимский перевал. С большими трудностями они дошли до пункта назначения 25 декабря ввиду обильного снега и закрытия дорог (сообщение по шоссе Трапезунд – Эрзинджан прекратилось еще 15 декабря из-за оставления частями своих позиций).

К 26 декабря в Эрзинджане и на позициях к западу и югу от него находился 16-й Туркестанский стрелковый полк, несколько сотен казаков и штаб 1-го Кавказского армейского корпуса, остальные части ушли на Эрзерум. Армяне из 4-й Туркестанской стрелковой дивизии также ушли в тыл, за исключением 1-й армянской роты 16-го Туркестанского стрелкового полка, состоявшей из 4 офицеров и до 200 солдат [4]. Прибывшие армянские роты, сформированные в отдельный батальон, остались охранять оставленные русскими войсками позиции. Командир 1-го Кавказского корпуса генерал Ляхов уехал из Эрзинджана 27–28 декабря с последними русскими частями, сдав командование и дела полковнику Морелю – бывшему начальнику штаба 7-й Кавказской стрелковой дивизии, назначенному начальником Эрзинджанского отряда. Он включал 7 армянских рот Туркестанского корпуса (до 1400 штыков), 4 роты (500 штыков) и 1 сотню (60 сабель) добровольцев из турецких армян, 2 полевых и 2 горных орудия. Кроме того, в Эрзинджанский отряд входил Фамский батальон (командир – штабс-капитан Каджиев) в составе 3 рот (350 штыков) большей частью из добровольцев – турецких армян и частично солдат 6-й Кавказской стрелковой дивизии. Туркестанскими ротами командовал капитан Гасанпашян, всеми добровольцами – Мурад Сивасский.

В конце декабря в Эрзинджан приехали члены Армянского национального совета (епископ Завен, Торком и др.), убедившие солдат остаться в Эрзинджане до 6 января 1918 г., после чего их должны были отвести в тыл на формирование. К этому времени им на смену в Эрзинджан должен был прибыть 1-й Армянский стрелковый полк и Эрзерумский полк под командой полковника Торкома. Солдаты согласились, но потребовали письменного обещания о смене до 6 января и получили данную бумагу за подписью указанных лиц [5]. Отряду было приказано держать позиции протяженностью 70 км по прямой линии от Эрзинджана до Фама. Нужно было выиграть время, чтобы дать возможность закончить формирование частей национального корпуса, главные силы которых находились в Эрзеруме. В случае наступления турецких частей было решено отступить на Эрзерум.

Вехиб-паша, командующий турецкой армией на Кавказском фронте, на рассвете 31 января, под предлогом защиты местного мусульманского населения, двинул части 36-й дивизии по Сивасскому и Кемахскому шоссе на Эрзинджан. В это время в штабе отряда шло совещание, на котором обсуждались вопросы: принять ли бой у Эрзинджана или отойти без боя и куда именно отступать – на Трапезунд или на Эрзерум. Ввиду того, что турецкими войсками шоссе на Трапезунд было уже отрезано, следовало либо сбить противника с шоссе, либо, бросив обозы, пройти по горам и за Селимским перевалом выйти на шоссе. По первому вопросу было решено принять бой и в случае превосходства сил неприятеля удерживать его до того момента, пока армянское население Эрзинджана (5 тыс. чел., в большинстве своем женщины, дети и старики), не будет готово к эвакуации. По второму вопросу было решено отступать на Эрзерум через

90-верстное ущелье от Эрзинджана до Биджана, так как в этом случае отряд мог встретить по пути армянские части, а при отступлении на Трапезунд такая надежда терялась.

К 5 часам от начальника отряда был получен приказ немедленно отступить, так как беженцы уже собрались на восточной окраине города на Эрзерумском шоссе, а турки из военного городка продвинулись вперед и заняли северную окраину. Получив приказ, 4 роты туркестанцев направились на Эрзерумское шоссе для соединения с остальными частями. 1-я рота осталась на западной окраине города и задержала продвижение турок, пока отряд, имея с собой до 5 тыс. беженцев, не менее 1 тыс. повозок и арб, смог вытянуться по Эрзерумскому шоссе. Под натиском турок эта рота к 5 часам вечера отошла на восточную окраину города, к продовольственному складу на Эрзерумском шоссе. Несколько тысяч вооруженных и невооруженных дерсимских курдов по ту сторону Евфрата ожидали отступления армян, чтобы ограбить продовольственный склад. Так и случилось: как только последняя рота отошла на полверсты от склада, курды перешли через мост на левый берег Евфрата. Через 10–15 минут со стороны Эрзинджана послышалась сильная оружейная стрельба, продолжавшаяся не менее 2 часов. Посланные конные разведчики донесли об ожесточенном бое между курдами и турками у продовольственных складов. Это дало возможность отряду в полном порядке отойти на этап Хан к 11–12 часам ночи. 15 февраля отряд, пройдя тяжелый путь через Хан, Чорс, Биджан, Мамахатун, Еникей, прибыл в Эрзерум.

Наиболее драматичным был переход из Чорса в Биджан. 3 февраля в 8 часов вечера авангард отряда в составе 1-й и 2-й рот туркестанцев выступил из Чорса. За ним следовали артиллерия и обозы под прикрытием 3, 4-й и 7-й рот, затем беженцы со своим скарбом. Арьергард в составе 5-й и 6-й рот под командой поручика Хуциева выступил из Чорса через час после ухода всей колонны. Авангард отряда спокойно дошел до первых курдских землянок, где никого не оказалось, только на самом повороте шоссе головной дозор заметил большой костер на мосту. Подошедшая из авангарда 1-я рота выяснила, что большой деревянный мост над пропастью почти догорел. Поэтому авангардные роты бросились искать удобный спуск, но скаты оказались круты и покрыты льдом. С большими трудностями авангард смог спуститься в пропасть и начать подъем по такому же крутому склону на другой берег.

К этому времени вся колонна подошла к пропасти и смешалась. Беженцы не хотели оставить свои арбы, некоторые в темноте бросились в пропасть и разбились вдребезги. К 4 часам утра, когда даже $\frac{1}{4}$ колонны не переправилась на другую сторону, курды сверху открыли ружейный и пулеметный огонь. Поднялась страшная паника, началась давка. Задние ряды напирали на передние с такой силой, что те падали в пропасть. Женщины сами бросали грудных детей в пропасть и в Евфрат, чтобы перебраться на другую сторону. Солдаты смешались с беженцами, каждый старался поскорее пройти пропасть. Пришлось двинуть 2 роты авангарда, чтобы сбить курдов с высот, но темнота,

незнакомая местность, крутизна обледеневших скатов не давали возможности быстро продвигаться. Курды обстреливали колонну с правого берега Евфрата и с тыла. К рассвету почти все роты собрались на другой стороне пропасти, но еще не переправились не менее 2 тыс. беженцев и обозы. С рассветом потери отряда возросли. Выяснилось, что обозы и орудия оказалось невозможно вывезти. Тогда с полевых пушек сняли затворы, а их бросили в пропасть. Спасти удалось только горные орудия.

На помощь медленно продвигавшемуся на вершину авангарду были посланы 3-я и 7-я роты. Под пулеметным огнем курдов им пришлось засесть под камнями и отстреливаться. Тем не менее, солдаты отвлекли огонь с шоссе на себя, дав возможность пройти пропасть оставшимся беженцам. К 9 часам утра всей колонне удалось переправиться, но беженцы оставили большинство раненых. 6-я рота туркестанцев и артиллеристы несли своих раненых солдат и офицеров на руках. Шедшие впереди колонны 4-я и 5-я роты столкнулись с курдами, до 70 чел. которых засели в землянках у Понского моста и обстреливали беженцев, опередивших авангард. Когда 4-я и 5-я роты набросились на курдов, те от неожиданности не смогли выйти из землянок и были перебиты. 4 роты на высотах по склонам гор параллельно шоссе спустились к выходу из ущелья, где соединились с остальными частями отряда. Около выхода из ущелья отряд встретился с 2 ротами Эрзерумского полка, расположенного в Биджане, которые, согласно приказу начальника Эрзинджанского отряда, вышли навстречу ему. В 11 часов утра вся колонна собралась в Биджане. Потери туркестанцев составили: убитыми – 3 офицеров, до 80 солдат, ранеными – 5 офицеров, до 140 солдат. Они также потеряли 2 полевых орудия и все обозы, больше половины лошадей. Беженцы и добровольцы потеряли убитыми и ранеными не менее 700–800 чел. [6].

В Эрзеруме Эрзинджанский отряд был расформирован. Из 7 туркестанских рот, Фамского отряда (около 250 солдат с 6 офицерами), после небольшого боя прибывшего в Эрзерум 11 февраля, и около 200 добровольцев Эрзинджанского отряда был сформирован Эрзинджанский пехотный полк из 3 батальонов. Командиром полка стал капитан Гасанпашян. Позднее полк включили в 1-ю Армянскую пехотную бригаду дивизии Андраника, назначенного 20 февраля начальником Эрзерумского отряда и комендантом крепости Эрзерум.

Эрзинджанский полк сыграл немаловажную роль при обороне крепости Эрзерум. Именно его ротам 23 февраля было приказано занять все форты и ворота к югу и западу от Эрзерума, что и было выполнено к 7 часам вечера. В городе полк выставил караулы для предупреждения восстания [7]. Турки, к 26 февраля занявшие Илджу и селение Гез, с рассветом перешли в наступление на Эрзерум по Харпутскому шоссе на Харпутские ворота и форт Бюк-Кереметли и по Трапезундскому шоссе на Трапезундские ворота. Одновременно местные жители напали на артиллерийский склад, который охраняла 8-я рота Эрзинджанского полка. Но попытка захватить склад не удалась. В 8 часов утра шел ожесточенный бой от Харпутских до Трапезундских ворот. 2-я рота Эрзинджанского полка,

охранявшая Харпутские ворота, с большими потерями (в бою погиб командир роты поручик Хачатуров) отошла к Карсским воротам. Эрзерумская крепостная артиллерия молчала, а 4 турецких горных орудия обстреливали Эрзерумский форт Беюк-Кереметли. До оставления Эрзерума было произведено 3 выстрела из форта Меджидие у Карских ворот. К 12 часам турки через Харпутские и Трапезундские ворота вошли в Эрзерум. 4 марта Эрзерумский отряд, в который входил и Эрзинджанский полк, прибыл в Сарыкамыш. Командование отрядом было возложено на полковника Мореля.

6 марта Эрзинджанский полк получил приказ перейти в резерв в селение Ново-Селим. Одновременно образовался Селимский отряд под командой командира Эрзинджанского полка. Помимо Эрзинджанского полка, в него вошли 1-й Армянский особый конный полк под командованием подполковника Золотарева и 4 орудия 1-й батареи особого дивизиона сводного отряда. Селимский отряд получил задачу охранять проходы на шоссе и железнодорожные линии Сарыкамыш – Карс со стороны Бардусского перевала через Башкей и со стороны Ольты. До 20 марта Эрзинджанский полк, орудия и 1-я сотня Особого конного полка стояли в селе Ново-Селим. Остальные сотни занимали Базарган-Кечик, Енгиджа и еще одно селение в 20 верстах северо-восточнее Ново-Селима. 22 марта было получено донесение, что через перевал в селение Башкей спустилось не менее пехотного полка турок. Для проверки полученных сведений начальник отряда с 1-м батальоном пехоты и с одной сотней выступил ночью 23 марта в Базарган-Кечик, откуда с рассветом двинулся на Башкей. Не доходя 3–4 верст до Башкея, разведчики наткнулись на сторожевое охранение турок. После непродолжительного боя охранение отступило. Батальон продолжал наступать на турецкие позиции, располагавшиеся в версте от Башкея. Турки открыли сильный пулеметный и ружейный огонь, а затем сами перешли в наступление, но были отбиты. К часу дня со стороны Сарыкамыша послышались оглушительные взрывы. Турки решили обойти правый фланг батальона, но им помешала прибывшая на выстрелы полусотня 1-го Армянского особого конного полка. К 4 часам дня был получен приказ от полковника Мореля – командира 1-й бригады особой дивизии и начальника отряда – немедленно отойти в селение Ново-Селим, поскольку турки заняли Сарыкамыш [8].

25 марта в 7 часов утра турки начали наступление на Ново-Селим. Им удалось оттеснить роты Эрзинджанского полка до южной окраины селения, так как они имели 6 орудий и превосходили армян в численности. Из имевшихся при Селимском отряде орудий два были отправлены в Карс на исправление, а два оставшихся не могли справиться с огнем турецких орудий. К 10 часам утра, когда турки заняли южную окраину села, а 3 роты эрзинджанцев отошли к центру Ново-Селима, прибыли 2 сотни 1-го конного особого полка. Вместе с ними Эрзинджанский полк перешел в контрнаступление и оттеснил турок на 2 версты на свои прежние позиции. К 2 часам дня в селение Ново-Селим из Сарыкамыша прибыли 2 батальона 7-го Армянского стрелкового полка, батальон

4-го Армянского стрелкового полка, 3 батареи в составе 14 орудий и 1-й Армянский конный полк. Этой колонной командовал полковник Бей-Мамиконян.

Прибывшая артиллерия заняла позицию у северной окраины Ново-Селима. Остальные части перешли с этого места в наступление, хотя командир Эрзинджанского полка заявил, что его роты стояли на три версты впереди. Но полковник Бей-Мамиконян отвечал, что впереди, кроме турок, никого нет, а эрзинджанские роты давно отступили и, наверное, уже дошли до Бегли-Ахмета. Но каково было его удивление, когда части 7-го и 4-го полков не пройдя и 2 верст, наткнулись на роты эрзинджанцев, которые бегом шли вперед. Как потом выяснилось, турки с высот, увидев подход больших сил и попав под непрерывный обстрел 14 орудий, снялись с занятой позиции и стали отходить в сторону Сарыкамыша.

27 марта турки перешли в наступление по всему фронту от Селима до Енгиджи, больше всего нападая на правый фланг – вероятно, с целью отбросить отряд от Карса. Правый фланг прикрывали роты Эрзинджанского полка, в 8 верстах от этого селения была расположена сотня 1-го особого конного полка. 2 роты, стоявшие в Енгидже, хорошо защищались, но ввиду превосходства сил противника долго держаться не могли. Еще до подхода высланных на подкрепление 2 рот из Базарган-Кечика они отошли на высоты к западу от селения Селим. Селение еще не было занято турками, когда подошли другие 2 роты, после чего 2-я и 4-я роты перешли в наступление и заставили турок, оставив раненых, поспешно отойти на свои исходные позиции в сторону селения Башкей. У селения Базарган-Кечик также были отбиты атаки турок и только 2 ротам, стоявшим в Башкалу, пришлось отойти на 1–2 версты, чтоб выровнять фронт с Эрзинджанским полком, занимавшим позицию к востоку от Селима. В это время полком командовал капитан Алабян [9].

С 7 апреля вся линия обороны отодвинулась назад к Карсу. Эрзинджанскому полку было приказано занять высоты южнее селения Карахач. 9 апреля утром турки перешли в наступление. Их главное усилие было направлено на правый фланг, вероятно, чтобы захватить форты Гарам-Вартан. Эрзинджанский и Эрзерумский полки занимали очень удобные и хорошие позиции, поэтому до часу дня все усилия турок сбить их не увенчались успехом. После этого турецкая колонна в составе не менее 2 батальонов начала обходить правый фланг, направляясь в тыл Эрзинджанскому и Эрзерумскому полкам. Только лишь тогда полкам пришлось сняться со своих позиций. Ввиду того, что тыл был уже занят турками, пришлось отвести в сторону и 2-й Армянский стрелковый полк, направлявшийся в то время в сторону Карса. К вечеру 2-й Армянский, Эрзинджанский и Эрзерумский полки отошли на высоты в верстах 8–9 от Карса у армянского селения Кыги, где и заняли позиции [10]. Несмотря на неоднократные попытки турок сбить полк с занятых позиций, задача ими выполнена не была. Лишь 12 апреля с получением приказа о занятии линии Мазра – Ягни он их оставил.

В ходе Сардарабадской битвы солдаты Эрзинджанского полка в очередной раз проявили мужество и отвагу. К 20 числам мая 1918 г. полк находился в резерве

в селении Хизнаузе между Сардарабадом и Эчмиадзином. Против Сардарабадского отряда, которым командовали генерал М. Силиков и полковник Даниэл-бек Пирумов, действовала 36-я турецкая дивизия. По приказу командования полку предстояло с 22 на 23 мая под покровом ночи быстро и тихо проникнуть глубоко в тыл левого фланга дивизионного авангарда турок и на утро атаковать противника. Правый фланг турок должна была атаковать кавалерия хмбагета (руководителя добровольческой дружины) Мурада. Однако отряд выступил поздно и не атаковал правый фланг, как это было задумано. В то же время главные силы полковника Даниэл-бек Пирумова должны были вступить в бой с турками на центральном направлении, легким ружейным огнем отвлекая турецкое командование от флангов. Лишь после успешных атак против флангов турецкого авангарда должны были ввести в бой все силы Сардарабадского отряда. Свою задачу полк выполнил блестяще: к 2 часам дня, несмотря на упорное сопротивление турок, Хизнаузский фронт был прорван [11]. Когда же Хизнаузскому отряду удалось справиться с поставленной задачей, главные силы Даниэл-бека двинулись вперед. В турецких линиях возникла паника, потому что отряд с фланга открыл огонь по их транспортам снабжения. Через некоторое время турки побежали, оставив снаряжение, припасы и даже раненых и убитых. Битва была выиграна [12].

11 августа приказом по Армянскому корпусу все его полки были расформированы и сформированы новые. Эрзинджанский полк к этому времени насчитывал до 680 штыков, а с пулеметами и нестроевыми до 900 штыков. В него были влиты отдельный Макинский батальон и Эриванский караульный полк. Полк был переименован в 6-й Армянский пехотный полк [13].

Примечания

1. Корганов Г.Г. Участие армян в мировой войне на Кавказском фронте (1914–1918). М., 2011. С. 80.
2. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 45. Оп. 1. Д. 16. Л. 15об.
3. Там же. Л. 24.
4. Там же. Д. 32. Л. 21.
5. Там же. Д. 16. Л. 36, 36об.
6. Там же. Д. 32. Л. 28.
7. Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 38. Л. 62.
8. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 20. Л. 8об.
9. Там же. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 98. Л. 5.
10. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 20. Л. 46.
11. Пирумян Ю.Л. На обрывках лет и дней: жизнь Даниэл-бека Пирумяна. М., 2013. С. 364, 366.
12. Там же. С. 370.
13. НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 43об.

Д.Н. Санин

Казачи станицы Егорлыкской в Первой мировой войне: воспоминания, фотографии и другие источники

Первая мировая война (28 июля 1914 г. – 11 ноября 1918 г.) была одним из самых широкомасштабных конфликтов в истории человечества. Президент Российской Федерации В.В. Путин напомнил: «Наши предки называли ее Великой войной, но она была незаслуженно забыта» [1]. Только за первый год в войне Россия потеряла 3,5 млн чел. убитыми и ранеными. А за весь период война унесла 10 млн жизней [2].

Сегодня мало кому известны имена героев, погибших в годы Первой мировой войны. Информацию о них в настоящее время восстанавливают по документам, воспоминаниям и фотографиям. В советский период о Первой мировой войне и ее героях не принято было говорить в силу политических и идеологических соображений. После свержения царя в 1917 г. в России наступила совсем другая эпоха, пришли иные культурно-исторические ценности. На смену военному девизу «За веру, царя и Отечество», в котором воплощались традиционные для Российской империи ценности, пришел большевистский лозунг «Вперед, к победе коммунизма». И вместе с царской Россией незаслуженно оказались преданы забвению подвиги русского солдата в войне 1914–1918 гг. Перед современными исследователями сегодня стоит важная задача: вернуть доброе имя и славу тем воинам, кто, не щадя живота своего, защищал Россию в Первой мировой войне.

Кроме нашей державы, много других стран и народов были втянуты в Великую войну. 28 июля 1914 г. на австрийско-сербской границе начались военные действия. 30 июля российский император Николай II утвердил решение о всеобщей мобилизации [3]. Русский народ в большинстве своем поддержал действия царя. Известие о начале войны прокатилось и по всем станицам Дона. В станицу Егорлыкскую (в документах того времени станица называлась Егорлыцкой) ворвалось оно «колокольным звоном и топотом конских копыт» [4]. Атаману станицы была передана телеграфная лента с новостью о начале войны. Казачи, не дожидаясь приказа свыше, стали сами готовить снаряжение и лошадей для дальней дороги.

Известие о начале войны в станице приняли по-разному. Мужское население, в основном казаки, ругали кайзера, кто-то грозился добраться до столицы Германии – Берлина и «навести там порядок, после которого «басурмане» никогда

не посмеют посягнуть на царя и веру православную» [5]. А женщины-казачки с переполненными от слез глазами понимали, что наступила настоящая беда, и многие их близкие уже не вернутся с войны. Но их настроения в этот момент никто не замечал.

Жители станицы собрались на площади возле церкви Святого Николая Чудотворца. Станичный атаман урядник Артем Прохорович Ткачев зачитал приказ о всеобщей мобилизации. Он говорил о том, что казаки всегда были опорой царя и Отечества; вспомнил и о вольнице, и о казачьей славе. Атаман выразил уверенность в том, что каждый егорлыкский казак будет достойно защищать свое Отечество. Все речи были встречены громким «ура». Так же казаки приветствовали и обращение священника отца Ефремия, который выступил после атамана и призвал не жалеть своей жизни за веру православную [6]. Эти призывы встать на защиту своего Отечества казаки восприняли как должное, но многие понимали, что война принесет не только славу, но и горе.

С вступлением России 1 августа 1914 г. в войну Дон выставил 125 тыс. казаков-воинов [7]. Когда первая группа казаков отправлялась в поход, провожать их по устоявшейся традиции вышло все население станицы к «пьяному кургану». Именно с этого места станичников всегда отправляли на службу. Казаки в лихо сдвинутых набок фуражках двинулись в поход. После были мобилизованы казаки и крестьяне ближайших хуторов. Колонны всадников с пиками, шашками и повозки с будущими пехотинцами выдвинулись из Войнова, Старченкова, Грязнухи и других населенных пунктов. Трое суток они простояли на разъезде Прощальном в ожидании вагонов для отправки: «Егорлыцкий юрт отправлял своих сыновей на мировую бойню» [8].

Воины влились в ряды отдельных сотен, полков, а кто-то из казаков попал служить в артиллерию. Станичные казаки, как и другие российские воины, сражались на разных фронтах Великой войны. Бои на огромном фронте велись с переменным успехом. Егорлыкские конники, измотанные в трудных походах и непрерывных боях, пропитали своей кровью поля Галиции и Бессарабии. Повсюду остались могилы станичников. Погибли в боях Сергей Кадацков, Кузьма Пометалкин [9]; умер на фронте от ран Трофим Павлов [10]. Много станичников было ранено, среди них казаки Ефим Матвеевич Шульгин, Иосиф Никифорович Чеботарев [11], младший урядник Трофим Григорьевич Харламов, Трофим Васильевич Ткачев, Алексей Иванович Самарсков [12], Иван Пономарев [13], Федор Куричев [14], Еремей Курносов, Кузьма Гриценков, Павел Беседин [15]. «Погиб как герой на империалистической войне твой прадед, казак, мой отец, Константин Борисов», – так говорила правнуку Владимиру его бабушка [16].

Война требовала дополнительных сил. На фронт отправляли новых казаков из станицы. Ушел служить Савелий Гордиенко. Был мобилизован и направлен командиром сотни в 29-й Донской казачий полк казак станицы Егорлыкской Федор Васильевич Токарев, впоследствии ставший знаменитым оружейником [17].

На второй год войны славные сыны Войска Донского продолжали громить австрийцев и немцев. 21 июня 1915 г. казаки 16-го и 17-го донских казачьих полков (в них воевали и казаки станицы Егорлыкской) вели бои у посада Савинь. Был дан приказ одной из сотен развернуться в лаву и двигаться «на германца». Сотня ринулась в атаку. В темноте казаки, не заметив неприятельских окопов, перемахнули через них. Германские солдаты открыли огонь в спину по казакам. Пять лошадей были подбиты, казаки остались пешими за линией германских окопов. «Легко раненый в ногу казак сотни, увидев в нескольких шагах шеренгу германцев, крикнул: “Братцы, все одно погибать!” – выхватив кинжал, бросился в окоп противника. Произошла страшная свалка пяти казаков с целой ротой немцев. И когда германцы готовы были расправиться с казаками, на подмогу подоспела другая сотня, и началась страшная рубка» [18]. Немецкие военнослужащие подняли руки: хотели сдаваться. Но выполняя приказ «пленных не брать», казаки зарубили часть из них, а остальные бросились бежать, кто куда. За этот ночной подвиг и другие контратаки казаки 16-го Донского казачьего генерала Грекова 8-го полка получили 36 Георгиевских крестов, 17-го Донского казачьего полка – 15 Георгиевских крестов, а 1-й Волгский казачий полк за ночную атаку получил 160 крестов [19]. Вообще в ходе военных действий за Первую мировую войну георгиевскими кавалерами стали 193 донских офицера и более 37 тыс. рядовых казаков [20].

Многие станичники за свои подвиги в борьбе с германцами были отмечены наградами – Георгиевскими крестами и медалями. Фельдфебель лейб-гвардии Измайловского полка Павел Шатохин был награжден Георгиевскими крестами 2, 3, 4-й степени и Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степени с надписью «За храбрость» [21]. Георгиевским крестом был награжден урядник Федот Пономарев [22]. «Казак-партизан» Семен Шеповалов был награжден Георгиевским крестом 4-й степени [23]. Важно отметить, что награждались казаки не только призывного возраста. Так, казак Иван Васильевич Ковалев в возрасте 63 лет был зачислен добровольцем в 16-й Донской казачий полк. За атаку с сотней на австрийском фронте был произведен из звания вахмистра в подхорунжего, а 4 февраля 1915 г. получил крест [24].

За проявленную храбрость в боях обладателем двух Георгиевских крестов и одной медали (установлено по фотографии) стал станичный казак Филипп Ютин. По словам его дочери Раисы Филипповны Гриценко, ее отцу – офицеру русской армии было подарено также оружие и шашка [25]. Но дальнейшая судьба Ютина сложилась трагически. В 1920 г., когда в станице стала налаживаться новая жизнь, он стал первым милиционером. А в 1937 г. был арестован. Основным обвинением стало его участие в Белой армии. Имя героя Первой мировой ему вернулось только в середине 1960-х гг. Также Георгиевским крестом и медалями (установлено по фотографии) был награжден казак Александр Широков. Правнук Константин Воронин – обладатель фотографии прадеда – рассказал, что его судьба после Первой мировой войны также оказалась трагичной.

Перейдя на сторону белых, он отступал до Новороссийска. Более о нем ничего не было известно [26]. Полным Георгиевским кавалером стал Григорий Басенко. Будучи разведчиком, он не раз приводил «языков». Когда вернулся с фронта, то был встречен станичным атаманом, как герой. По обычаю прадедов, атаман трижды его расцеловал и подарил именную шашку. Такая церемония встречи проводилась только для особо отличившихся казаков. Однако и у этого воина оказалась трагическая судьба. Став членом ревкома, он в марте 1918 г. был застрелен корниловцами [27].

Интересна и по-своему трагична история жизни еще одного Георгиевского кавалера Всеволода Потаповича Пащенко. После Первой мировой, во время Гражданской войны в 1918 г. он был связан с красными партизанами. За это его арестовали белые и приговорили к повешению. Его жена Агафья бросилась выручать мужа, взяв в руки один из Георгиевских крестов. Передав награду тому, кто отдал распоряжение о казни, она выкупила мужа и спасла его от смерти. Так георгиевская награда, полученная за храбрость на германском фронте, спасла жизнь защитнику Отечества [28].

Немного известно о казаке Иларионе Павловиче Гурьеве. По рассказам местных жителей, он был родом из хутора Грязнухинского (ныне – Московского), носил шикарные усы. Несколько раз ребятне показывал два Георгиевских креста 3-й и 4-й степени. Умер в 1975 г. О другом казаке, участнике Великой войны, родственники знают только то, что звали его Василий Белоусов, даже отчество неизвестно. После войны Белоусов служил в Белой армии, а затем пропал без вести. А его дети трудились в местных органах советской власти и боялись преследования [29].

Так, после революции и Гражданской войны станичники оказались по разные стороны баррикад. У тех, кто вместе, плечом к плечу, сидел в одном грязном окопе и сражался с германцами в лихой схватке, судьба после войны сложилась по-разному, но в основном у всех трагически. Тем не менее, истории военных подвигов жителей станицы Егорлыкской, как и других населенных пунктов Дона, обязывают нас гордиться своей историей и прославлять тех, кто отдал жизнь за Отечество в Великой войне, ведь подвиг героев не имеет срока давности.

Примечания

1. Методические рекомендации по реализации Всероссийского молодежного проекта «Великая забытая война». М., 2014. С. 3.
2. Сухарев Ю. Лазоревый цвет. Страница казачьей истории. Чапаевск, 2001. С. 124.
3. Всемирная история. Эпоха мировых войн. Минск, 2007. С. 353.
4. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война 1917–1922 гг. Ч. 2. Ростов н/Д, 1990. С. 3
5. Там же. С. 3, 5.
6. Там же. С. 5.

7. Сухарев Ю. Указ. соч. С. 124.
8. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война 1917–1922 гг. С. 5.
9. Скорбный список // Донские областные ведомости. 1914. 14 октября № 234.
10. Донские областные ведомости. 1915. 17 апреля. № 86.
11. Там же. 1914. 20 декабря. № 290.
12. Там же. 14 июня. № 134.
13. Там же. 1915. 15 февраля. № 37.
14. Там же. 1915. 6 февраля. № 29.
15. Там же. 1915. 17 февраля. № 38.
16. Информатор Бескоровайный Владимир Филиппович, 1957 г.р., записан в станице Егорлыкской Д.Н. Саниным 20.03.2014. В.Ф. Бескоровайный опирался на воспоминания матери; личность установлена по фотографии.
17. Нагаев Г. Конструктор Токарев. М., 1953. С. 100.
18. Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3803. Л 2(об).
19. Там же. Л. 4.
20. Наше время. 2014. 23 мая. № 183–185.
21. Архивная справка Центрального государственного военно-исторического архива. 1956. 9 сентября. № Ш-87 // Егорлыкский историко-краеведческий музей. Экспозиция.
22. Донские областные ведомости. Приложение № 21. 1915. 22 мая.
23. Донские областные ведомости. Приложение № 24. 1916. 12 июня.
24. Донские областные ведомости. Приложение № 20. 1916. 26 июля.
25. Информатор Гриценко Раиса Филипповна (дочь), 1926 г.р., записана в станице Егорлыкской Д.Н. Саниным 20.04.2014.
26. Информатор Воронин Константин Владимирович, 1977 г.р., записан в станице Егорлыкской Д.Н. Саниным 01.03.2014. Воронин опирался на воспоминания матери.
27. Первая мировая война 1914–1917 гг. Великая Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война 1917–1922 гг. С. 15, 26.
28. Воспоминания участников Гражданской войны // Егорлыкский историко-краеведческий музей.
29. Информатор Гурковская Зинаида Григорьевна (внучка В. Белоусова), 1952 г.р., записана в станице Егорлыкской Д.Н. Саниным 28.04.2014.

А.Ф. Роменский

Жители села Куйбышево – участники Первой мировой войны

Я отношусь к поколению, рожденному в первой половине прошлого века, которое еще помнит непосредственных участников Первой мировой войны. В настоящее время в Куйбышевском районе около 50 памятников и братских могил Великой Отечественной войны и ни одного памятника Первой мировой войны, хотя в ней принимало участие немало моих земляков.

Вплоть до 1907 г. нашим селом, которое тогда называлось слободой Голодаевкой, владел генерал от кавалерии Андрей Дмитриевич Мартынов. Но, испугавшись событий революции 1905–1907 гг., в которых голодаевцы приняли самое активное участие, Мартынов заложил земли в Новочеркасский поземельный банк и отбыл в Санкт-Петербург. В 1907 г. он продал имение Крестьянскому поземельному банку, а у того его приобрел для своей семьи Иван Борисович Скасырский. Постоянно с матерью в Голодаевке проживал один его сын – Ардальон Иванович Скасырский, а два других – Константин и Иван – в свободное время часто навещали мать.

А.И. Скасырский окончил Александровский лицей в 1915 г. Участвовал в Первой мировой войне в звании капитана Лейб-гвардии Преображенского полка. Затем эмигрировал во Францию [1]. К.И. Скасырский также учился в Александровском лицее, но не окончил его. По окончании Николаевского кавалерийского училища служил поручиком, затем штабс-ротмистром Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. С ноября 1917 г. оказался в рядах Добровольческой армии, командовал ротой в Юнкерском батальоне. Участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе 1-го конного полка, завершил службу в звании ротмистра [2].

И.И. Скасырский получил высшее техническое образование. Учился в Петрограде, затем в США, хорошо говорил по-французски и по-английски. По делам службы был за границей 8 раз, преимущественно во Франции и Англии, являлся автором нескольких технических трудов. На фронт пошел добровольцем 28 июня 1915 г. Был награжден Георгиевскими медалями 4-й и 3-й степеней «За храбрость» (27 июля 1915 г. и 4 ноября 1916 г.), Георгиевскими крестами 4, 3, 2, 1-й степеней (27 апреля, 4 ноября 1916 г., 25 февраля 1917 г.), серебряной медалью на Станиславской ленте «За усердие» (24 января 1917 г.). 26 февраля 1916 г. произведен в урядники, 25 февраля 1917 г. – в подхорунжие, 22 апреля – в прапорщики.

Наблюдая за работой неприятельских аэропланов над русскими позициями, инженер И.И. Скасыйрский пришел к убеждению, что, обладая быстроходным аэропланом-боевиком с первоклассным двигателем, мог бы принести Родине большую пользу. Поэтому решил отправиться во Францию в одну из авиационных школ на 2–3 месяца. Следует отметить, что в Российской империи к началу войны насчитывалось всего 300 летчиков. Примерно половина из них были выходцами из двух крупнейших школ: Севастопольской и Гатчинской, которая имела отделение в Варшаве. Дополнительные авиашколы в 1913–1915 гг. пришлось открывать в Москве, Петрограде, Одессе и Киеве. Резерва обученных летчиков в России не было и, в отличие от других воевавших стран, отсутствовал план по мобилизации летчиков гражданской авиации.

Между тем, на фронте летчики несли большие потери. Поэтому командование пошло на подчинение военному ведомству частных школ, расширило существовавшие школы и создало новые – в Тифлисе и Феодосии. Ежегодная потребность в летчиках составляла 1 тыс. чел., но вся российская система обучения могла готовить лишь 500 специалистов в год. В связи с этим в 1916 г. с Англией и Францией были заключены соглашения, в соответствии с которыми русских летчиков стали готовить и в этих странах. После февраля 1917 г. поток командированных летчиков на Запад резко увеличился, а число возвращавшихся постоянно сокращалось. Наиболее дальновидные предпочитали спокойно пережить смутное время вне родины. Так попал во Францию и полный Георгиевский кавалер И.И. Скасыйрский – талантливый инженер, отказавшийся в дни войны от мирной технической карьеры. К сожалению, его дальнейшая судьба не известна.

Одним из малоизученных вопросов истории Первой мировой войны остается участие русской армии в боях на территории Франции. Вторжение через Бельгию германской армии создало смертельную опасность для обойденных с севера французских вооруженных сил, враг стал вскоре угрожать самому Парижу. Для спасения Франции Россия двинула 2-ю армию в Восточную Пруссию. Недостаточно подготовленное наступление закончилось катастрофой и гибелью двух корпусов. Но Франция была спасена, германский генеральный штаб для успешного отражения русского наступления в Восточной Пруссии снял со своего западного фронта два полевых корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Это позволило французам выиграть сражение, получившее наименование «чуда на Марне».

Обеспокоенное критическим положением на французском фронте, английское правительство стало зондировать почву о возможности отправки через Архангельск 3 или 4 русских корпусов. Выполнить эту просьбу союзников в тот момент было невозможно. Тем не менее, она свидетельствует о стремлении союзников уже в первые месяцы войны привлечь русские войска к участию в действиях на западном фронте. Подобные просьбы неоднократно повторялись.

Осенью 1915 г. в Петербург прибыл П. Думер – помощник по гражданской части военного губернатора Парижа, чтобы получить согласие русского правительства на отправку во Францию 300 тыс. русских солдат в обмен на вооружение. Россия согласилась сформировать и отправить 4 бригады 2-полкового состава. Штат каждой бригады включал 180 офицеров и около 10 тыс. нижних чинов. Общая численность русских экспедиционных войск составила 745 офицеров и около 44 тыс. нижних чинов. 1-я и 3-я бригады были направлены на Французский фронт, 2-я и 4-я – на Салоникский.

Наш земляк, учитель Афанасий Наумович Филоненко был участником Русского экспедиционного корпуса и впоследствии вспоминал: «Нас везли в теплушках через всю Сибирь, к морю, в Маньчжурию – порт Дальний. О чем говорили они в дороге? Многим не хотелось уезжать так далеко от дома. Лучше уж погибнуть на родине, чем в какой-то “Хранции”... В Дальнем нас ждали пароходы».

1-я особая русская бригада 16 июня 1916 г. вошла в 17-й корпус в составе 4-й французской армии, который занимал сектор восточнее Реймса, от Мурмелона до села Обрива. Участок фронта перед Обривом был занят 1-й особой бригадой. Проведя 4 месяца на фронте, она стяжала себе прочную боевую репутацию. Боевыми поисками, разведками, короткими ударами держала противника в постоянном напряжении. 16 октября 1916 г. ее сменила 3-й особая бригада, остававшаяся там бессменно до 12 марта 1917 г.

В феврале 1917 г. в России произошла революция. Воевать за чужую страну русские солдаты не хотели. Отказавшись присягнуть Временному правительству, они потребовали отправки домой. После трех месяцев уговоров последовал приказ о разоружении мятежников. Не выполнивших приказа солдат и унтер-офицеров после трех суток артиллерийского обстрела вынудили сдаться. Оставшихся в живых отправили в Алжир, на каторжные работы. Из Алжира Филоненко попал на Мадагаскар. С контрабандистами нелегально вернулся в Одессу, а затем в Голодаевку.

Мой собственный дед, Григорий Гаврилович Мищенко участвовал в Первой мировой войне на Кавказском фронте с 1915 г. После смерти бабушки мы нашли на чердаке его фотографию на Кавказском фронте. Сам дед вспоминал, что в Ростове и Тифлисе их провожали и встречали маршем «Прощание славянки». Дед участвовал в боях в составе 4-го Кавказского армейского корпуса, сражавшегося против турецких войск. Приход русских войск спас от неминуемой гибели тысячи армян. В декабре 1915 г. – феврале 1916 г. русская армия осуществила Эрзерумскую наступательную операцию, турецкая армия отступила, потеряв до 50 % личного состава и почти всю артиллерию. Преследование отступавших турецких войск продолжалось, пока линия фронта не стабилизировалась в 70–100 км западнее Эрзерума. Но февральская революция 1917 г. вызвала хаос и брожение в войсках Кавказского фронта. Солдаты стали массово дезертировать домой, и к концу

года Кавказский фронт оказался развален полностью. 5 (18) декабря 1917 г. между русскими и турецкими войсками было заключено Эрзинджанское перемирие. Это привело к массовому отходу русских войск из Западной (Турецкой) Армении на территорию России. К началу 1918 г. турецким силам в Закавказье фактически противостояли лишь несколько тысяч кавказских (в основном армянских) добровольцев под командой 200 офицеров. В 1918 г. и мой дед вернулся на Родину.

Примечания

1. Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.
2. Там же.

Ш.М. Батчаев

К 120-летию Георгиевского кавалера Д.К. Байрамукова (1894–1922)

Первая мировая война, столетие которой мы отмечаем в этом году, началась 19 июля 1914 г. и вызвала в Российском государстве всплеск подлинного патриотизма. По всей стране проходили массовые собрания граждан, на которых выражалась безоговорочная поддержка царя и правительства, желание вести войну до победного конца. Не являлись исключением в этой ситуации и национальные регионы империи. Горцы Кавказа уже через несколько дней после известия о начале войны провели съезды, на которых выразили свою безоговорочную поддержку правительству и желание сформировать за свой счет воинские формирования для борьбы с врагом. Инициатива горцев была поддержана на самом высоком уровне, и 9 августа по всему Кавказу началось формирование добровольческих полков. 23 августа был объявлен Высочайший приказ Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии (заслужившей за свою храбрость и своеобразное обмундирование прозвище «Дикой») 3-бригадного состава из шести полков: 2-го Дагестанского, Ингушского, Кабардинского, Татарского, Черкесского и Чеченского. Начальником дивизии был назначен брат императора великий князь Михаил Александрович [1].

Патриотический подъем, охвативший горцев, ярко выражало сочинение неизвестного автора, появившееся в газете «Кубанские областные ведомости» в те дни:

«Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу, Августейшему Начальнику дивизии Кавказских горцев.

Песня

*То не вихри там бушуют,
И не беркуты летят,
А кавказцы торжествуют –
На войну они спешат.*

*Полк Черкесский, Дагестанский,
Кабардинский и Чечня,
Ингуши и полк Татарский –
Все за Белого Царя.*

*Шапки дедов отточены,
Грозной лавою пойдут,
К рубке с детства приучены,
Мигом немца разнесут.*

*Заграждения, пулеметы –
Все кавказцу нипочем.
Он разрушит все расчеты
Своим дедовским мечом.*

*Их «волчек» кален в Дамаске,
А «гурду» дал Прометей,
Что им дряблый немец в каске
Иль австрийский ротозей.*

*Их не сломит вражья сила
В сердце верностью горя –
Там прославить Михаила –
Брата Белого Царя» [2].*

В последующие три года Кавказская туземная конная дивизия успешно вела боевые действия на разных фронтах, став одним из самых прославленных кавалерийских соединений русской армии. За это время через ряды дивизии прошло около 7 тыс. всадников и офицеров горцев, многие из которых за мужество и отвагу в боях были награждены Георгиевскими медалями и Георгиевскими крестами, а офицеры – орденами [3]. Среди героев «Дикой дивизии» был и представитель Карачая – Джатдай Каитбиевич Байрамуков.

Родился Джатдай Байрамуков в 1894 г. в селении Хурзук, в многодетной горской семье [4]. Получив начальное образование в местной школе, он занимался скотоводством, помогая родителям. После известия о начале войны Байрамуков в августе 1914 г. в числе первых вступил в ряды 3-й Баталпашинской сотни (ее основу составили карачаевцы) Черкесского конного полка, формировавшегося из горцев Кубани и Абхазии [5]. Пройдя курс подготовки на Кавказе и Украине, 8 декабря всадники дивизии в Карпатских горах вступили в бой (первыми были бойцы 3-й сотни Черкесского полка) [6].

В течение двух месяцев горцы вели непрерывные бои с неприятелем, проявляя храбрость и героизм. В числе героев зимних боев был и всадник Д. Байрамуков. Уже в январе 1915 г. он заслужил свою первую награду – Георгиевскую медаль «За храбрость» 4-й степени (№ 214 323) за следующий подвиг: «8 января под огнем противника вынес раненого всадника Лиева» [7]. Всадник сотни абазин Мухаджир Лиев был послан в разведку, однако при возвращении был тяжело ранен в голову снарядом и упал на территории, обстреливавшейся ав-

стрийскими частями. Рискуя собственной жизнью, Джатдай передал раненого товарища в руки санитаров, чем, несомненно, спас ему жизнь.

15 февраля всадники полка атаковали деревню Цу-Бабино, сильно укрепленную неприятелем. В этом бою Д. Байрамуков заслужил Георгиевский крест 4-й степени (№ 273 522). В его представлении говорилось: «При деревне Цу-Бабино на плечах, под сильным огнем противника, вынес раненого товарища, и при возвращении поднес патроны» [8].

В начале мая 1915 г. 3-я сотня несла службу по охране завоеванных позиций по реке Прут. Об одном из боевых эпизодов, в котором вновь проявили себя всадники-карачаевцы, сообщал 20 мая 1915 г. в своем рапорте командиру полка временный командир 3-й сотни штаб-ротмистр Сааков: «6 мая, во время занятия сторожевого охранения у деревни Видинове для занятия линии по полотну железной дороги необходимо было выставить секрет около 150 сажень за полотном железной дороги, у отдельного домика, который находился под непрерывным прямым и перекрестным ружейным огнем противника. Вызвалось 6 человек охотников, а именно: урядники Леон Дудов и Хаджи-Мурат Чомаев, всадники Хызыр Узденов, Джатдай Байрамуков, Азрет Биджиев, Даут Акачиев, которые при ночной темноте заняли вышеуказанный домик и, несмотря на явную опасность, продержались там целые сутки, чем дали возможность удержать за собой линию сторожевого охранения, как на полотне железной дороги, так и за полотном оной.

Донося о вышеизложенном, прошу ходатайства о награждении наименованных прилагаемом при сем списке Георгиевскими медалями» [9]. Однако награждение всадников не состоялось, возможно, из-за того, что они награждались совсем недавно.

В конце мая противник перешел в крупное наступление. Горцам пришлось ожесточенно обороняться, особенно в районе г. Залещики. В числе героев тех боев был и Д. Байрамуков. В его наградном листе говорилось: «29 мая в бою, вызвавшись охотником, под сильным и действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника доставил патроны сотне в то время, когда в сотне кончились патроны, чем дал возможность остановить атаку противника; после этого, вызвавшись охотником, под убийственным огнем противника прорвался сквозь цепи неприятеля, отправившись в местечко Залещики, занятое противником, поджег интендантские склады с фуражом и провиантом и только утром 30 мая возвратился в свою сотню». За этот подвиг он был награжден Георгиевским крестом 3-й степени (№ 44 648) [10].

В течение лета и осени 1915 г. кавказские полки вели упорные бои с неприятелем, проявляя присущие им беззаветную храбрость и воинское умение, врожденное у горцев. Д. Байрамуков, как награжденный двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью, был произведен в чин приказного, а затем младшего урядника [11].

Надо отметить, что при начальнике дивизии постоянно находился конвойный эскадрон, в который входило по пять всадников из каждого полка. 1 мая 1916 г. в конвой был послан младший урядник Д. Байрамуков [12]. В конвое он прослужил более полутора месяцев. В конце мая – начале июне русские войска перешли в наступление по всей линии фронта, которое вошло в историю как Брусиловский прорыв. А уже 23 июня командир конвоя сообщал командиру Черкесского конного полка, что «всадник вверенного Вам полка младший урядник Джатой (Джатдай. – Ш.Б.) Байрамуков, состоящий в конвойном эскадроне, откомандировывается в полк по собственному желанию. Взамен его прошу прислать другого» [13].

Наступление русских частей продолжалось все лето и принесло ощутимые плоды – были освобождены многие регионы страны. Горские полки 1-й и 3-й бригад Кавказской конной дивизии и внесли свой весомый вклад в успех общего дела. За храбрость и мужество, проявленные в боях с 15 по 30 июля 1916 г., Д. Байрамуков был награжден Георгиевским крестом 2-й степени (№ 31 193) [14]. По итогам боев командир сотни штаб-ротмистр Делли Альбицци представил всадников к производству в следующие чины. И вскоре «за боевые отличия в делах против неприятеля, прилежное поведение и усердие на службе» Джатдай Байрамуков был произведен в старшие урядники [15].

Отметим, что в памяти народа он остался как полный Георгиевский кавалер. К сожалению, отсутствие документов Черкесского полка за 1916 и 1917 гг. не позволяет нам со стопроцентной уверенностью утверждать это. Однако свидетельства современников Джатдая дают право на мнение, что Джатдай все же стал полным Георгиевским кавалером. Документированы же только четыре его награды к августу 1916 г. (одна медаль и три креста).

Сохранив верность присяге, Кавказская конная дивизия и в 1917 г., после падения монархии, оставалась одной из немногих боеспособных частей русской армии. Горцы приняли активное участие в последнем крупном наступлении русской армии летом 1917 г. Отказавшись принять участие в заговоре генерала Л.Г. Корнилова, они осенью 1917 г. вернулись на Кавказ. А уже 25 октября власть в столице перешла в руки большевиков. Начавшаяся Гражданская война развела бывших боевых товарищей по разным сторонам баррикад. Часть горцев с энтузиазмом поддержали новую власть, другая отстаивала старую Россию.

Подобное происходило и в Карачае. Всадников «Дикой дивизии», имевших большой боевой опыт, пытались привлечь к себе обе противоборствовавшие стороны. Особое место в их планах занимал Джатдай Байрамуков – герой войны, человек, пользовавшийся авторитетом среди боевых товарищей и всего населения Карачая. Осенью 1918 г. он присоединился к Белому движению, принимал активное участие в боях с Красной армией на Северном Кавказе и в Поволжье. За мужество и отвагу, умелое руководство подчиненными был произведен в офицерский чин – хорунжего [16].

После победы советской власти весной 1920 г. Д. Байрамуков возглавил отряд, охранявший границы Карачая от вторжения многочисленных банд грабителей и разбойников. Вскоре новой власти удалось привлечь его на свою сторону, а его деятельность получила официальное оформление в качестве начальника Хурзукской милиции [17].

В конце 1921 – начале 1922 гг. своего апогея достиг кабардино-карачаевский земельный конфликт. Вторгшиеся в Карачай отряды кабардинских милиционеров разорили карачаевские коши, убили нескольких кошевиков, угнали более 10 тыс. голов скота. Руководство Карачаевского округа – председатель ревкома А. Хасанов и начальник милиции М. Айбазов организовали народное ополчение, которое и возглавил Д. Байрамуков. В результате ответного рейда на территорию Кабарды ополчение не только вернуло украденный скот, но и в качестве контрибуции забрало столько же скота [18]. Победоносное возмездие агрессорам придало еще большую популярность Джатдаю Байрамукову среди населения, и, в то же время, привело к росту числа его завистников и недругов.

Части Северо-Кавказского военного округа прибыли к месту конфликта уже после того, как основные события произошли. В процессе урегулирования руководством Кабарды удалось убедить Центр в своей невиновности, в результате чего в конце февраля 1922 г. в Карачай были введены воинские части для так называемой «борьбы с бандитизмом». В результате «наведения порядка» без суда и следствия были расстреляны более 30 чел., население подверглось массовым реквизициям [19]. Получив явный карт-бланш от военного командования, местные противники Д. Байрамукова перешли к активным действиям. Организовав преследование, они настигли его в высокогорном коше, где тот скрывался с женой. Именно спасая ее, Джатдай был убит. Произошло это 23–24 февраля 1922 г. [20]. Были расстреляны и погибли в лагерях два его брата и две сестры [21].

В последующие семь десятилетий имя героя Первой мировой войны и защитника рубежей родного края в официальной историографии сопровождалось лишь определениями «бандит» и «белогвардейский офицер». Историческая справедливость в отношении Джатдая Байрамукова, личности настолько же трагической, насколько и героической, восторжествовала лишь в новой России. В 1994 г., к столетнему юбилею героя, усилиями общественной организации «Джамагъат» и родственников он был официально реабилитирован [22]. Уже в XXI в. его имя было присвоено средней школе № 1 г. Карачаевска, а перед зданием школы была установлена монументальная скульптура (автор – член Союза художников Российской Федерации Б. Акбаев).

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 3644. Оп. 1. Д. 36. Л. 24, 54.
2. Кубанские областные ведомости. 1914. № 75. С. 3.

3. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917: возвращение из забвения. Нальчик, 1999.
4. Батчаев Ш.М. Джатдай. Ставрополь, 2006. С. 16.
5. РГВИА. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–56.
6. Там же. Л. 581.
7. Там же. Л. 118–119. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 120. Л. 128–128об.
8. Там же. Д. 127. Л. 141–141об. Д. 120. Л. 250. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 14. Л. 134–135, 137.
9. Там же. Л. 369–369об.
10. Там же. Л. 323–323об., 366–371.
11. Там же. Д. 35. Л. 8–10.
12. Там же. Д. 30. Л. 138.
13. Там же. Л. 184.
14. Там же. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 116. Л. 235–240.
15. Там же. Ф. 3644. Оп. 1. Д. 35. Л. 41.
16. Респондент: профессор Кази Танаевич Лайпанов, записан Ш.М. Батчаевым в г. Черкесске, 09.08.2005.
17. Батчаев Ш.М. Указ. соч. С. 172.
18. Архив Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея – заповедника (далее – АКЧИКПМЗ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 56.
19. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
20. АКЧИКПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
21. Батчаев Ш.М. Указ. соч. С. 175, 195.
22. Хубийлени А-Х. Ёлсе да... кьулагьыма келеди тауушу // Къарачай. 1994. № 95. С. 4.

РАЗДЕЛ 3

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ДИНАМИКУ КАЗАЧЬИХ И ГОРСКИХ СООБЩЕСТВ

С.В. Беспалов

Социально-экономическое развитие имперской России в годы Первой мировой войны: современная историография

История России периода Первой мировой войны, которую в свое время еще М.Н. Покровский назвал «забытой войной», на протяжении многих десятилетий находилось для советских историков как бы в тени революции 1917 г. и Гражданской войны, хотя именно она их и породила. В постсоветский период, особенно в последнее десятилетие, отношение российских историков к Великой войне стало меняться. Приближающийся же вековой юбилей ее начала способствовал беспрецедентному росту количества исследований. Для современной историографии, по справедливой оценке В.М. Шевырина, характерно приращение источниковой базы, небывалое расширение тематики работ и последнее, но, пожалуй, наиболее значимое, обращение историков к новым идеям и методам исследования [1]. Этому способствует и активизация контактов российских и западных историков – как в западноевропейской, так и в американской историографии изучение Первой мировой войны давно является одним из приоритетных направлений. Хотя большинство работ последних лет посвящено истории военных действий, немало исследователей рассматривают и проблемы социально-экономического развития России этого периода. Акцент в исследованиях все более определенно делается на изучении изменений, происходивших в годы войны в регионах.

По мнению некоторых специалистов, прежде всего западных историков, русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., при этом анализировать ее как длительный процесс и учитывать те серьезные институциональные, политические и идеологические

изменения, которые произошли в стране в эпоху всеобщей мобилизации военного времени. Такой подход отстаивает, в частности, П. Холквист (университет Пенсильвании). По мнению американского историка, поворотным пунктом в истории России следует считать именно 1914 г., а не 1917 г. Он отмечает, что все воевавшие державы применяли сходные меры для мобилизации населения в эпоху тотальной войны и выявляет российские особенности. Холквист указывает, что мобилизация военного времени привела к возникновению в России так называемых «парагосударственных структур» – полуобщественных, полугосударственных институтов, в которых и государство, и общество были тесно переплетены между собой, и где общество наконец-то смогло играть политическую роль, ранее недоступную ему. Однако создавались эти организации в ускоренном порядке, в отличие от Европы, где они формировались на протяжении столетий и были лишь реорганизованы таким образом, чтобы отвечать нуждам военной мобилизации [2].

Во многом сходных взглядов придерживается профессор Манчестерского университета П. Гэтрелл. По его словам, Первая мировая война в силу своей продолжительности, масштаба, колоссальных запросов со стороны вооруженных сил оказалась чудовищно дорогим делом: «совокупные расходы, связанные с войной, составили для России 38 650 млн руб.; при этом на Русско-японскую войну в свое время было потрачено 2295 млн руб. Иначе говоря, расходы на войну были эквивалентны всем правительственным расходам за 12,4 мирных года», исходя из показателей госбюджета на 1913 г. Около 62 % этих средств были покрыты внутренними и иностранными ссудами (последние покрыли примерно 20 % всех расходов России на войну). «Остальное было профинансировано за счет свободного баланса (7 %) и налогообложения» [3]. Крайне важным представляется следующее замечание Гэтрелла: большинство европейских держав изначально не имело адекватного представления о том чудовищном напряжении, которым ляжет война на социальную и политическую ткань общества; правительства, как и военные стратеги, не рассчитывали на затяжную войну. Российская империя не была исключением. К тому же размеры страны и колоссальные запасы трудовых ресурсов давали основание части элиты рассчитывать на то, что, даже если кампания примет затяжной характер, Россия все равно сможет ее выдержать. Характерной Гэтреллу представляется позиция выдающегося экономиста М. Туган-Барановского, который утверждал, что более развитые в промышленном отношении державы типа Германии сильнее пострадают от затяжной войны, чем остававшаяся преимущественно аграрной страной Россия. Но гиперинфляция и продовольственный кризис продемонстрировали, что этот оптимизм был не вполне оправданным.

В то же время ряд историков и экономистов считают недопустимым говорить о социально-экономическом положении России в годы войны лишь в контексте неуклонно углублявшегося кризиса. Безусловно, вступление России в гло-

бальное военное противостояние летом 1914 г. сразу поставило ее экономику в сложнейшие условия, угрожая общенациональным хозяйственным кризисом. Однако, по справедливому замечанию Д.В. Ковалёва, влияние обстоятельств, связанных с участием в мировой войне, было далеко не однозначным: «Объективный, свободный от прежних исторических стереотипов анализ ситуации в российском государстве 1914–1916 гг., показывает, что разрушение его экономических основ еще не стало фактом» [4].

Исследовав динамику хозяйственного развития в годы Первой мировой войны, А.В.Полетаев утверждает, руководствуясь наиболее надежными расчетами Госплана, что «объем сельскохозяйственного производства в 1913–1916 гг. оставался стабильным и лишь в 1917 г. сократился примерно на 8 %. Объем сбора зерновых в 1914–1916 гг. хотя и снизился по сравнению с рекордным урожаем 1913 г., тем не менее, примерно соответствовал сбору зерновых в 1910–1912 гг. Что касается промышленного производства, то его общий объем, согласно большинству расчетов, в 1914–1916 гг. возрастал, а не уменьшался. Наконец, объем грузовых железнодорожных перевозок также увеличивался вплоть до 1916 г. Несмотря на то, что промышленность росла «прежде всего за счет увеличения производств, работавших на войну», а рост объема железнодорожных перевозок также был обусловлен, главным образом, транспортировкой военных грузов, Полетаев полагает, что начало экономического кризиса в России следует датировать не 1914 г., «а, по крайней мере, 1916 г., считая годом предкризисного максимума 1915 г.» Лишь в 1916 г. экономика стала испытывать реальные трудности: например, со второй половины 1916 г. началось снижение реальной заработной платы промышленных рабочих, до этого остававшейся сравнительно стабильной [5].

Одним из ключевых вопросов является исследование механизмов и результатов функционирования мобилизационной модели экономики в России периода Первой мировой войны. По словам В.В.Седова, мобилизационную экономику отличают следующие признаки: наличие угрозы существованию общества, как целостной системы, ее осознание руководителями государства; постановка ими цели, заключающейся в устранении этой угрозы; разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели; организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы [6]. Сравнивая две мобилизационные модели экономики Первой мировой – российскую и германскую, Ю.П. Бокарёв приходит к выводам о том, что первая была с самого начала радикальнее и глубже: «С одной стороны, это было связано с менее развитой военной промышленностью России, необходимостью налаживания ряда производств; а с другой стороны – с более активным участием государства в экономике в России, чем в Германии». Несмотря на это, российская модель, по мнению Бокарёва, в меньшей степени деформировала экономику страны, чем германская [7].

Более критично оценивает политику экономической мобилизации, проводившуюся властями, Е.Ю. Галынина. По ее словам, «процесс мобилизации российской промышленности принял тяжелый и затяжной характер. Милитаризация экономики для нужд многомиллионной армии была проведена бессистемно, в спешном порядке и с огромными материальными затратами. Свертывание гражданских отраслей производства, инфляция, безудержная спекуляция и, как результат, рост цен привели страну на грань экономического кризиса середины 1916–1917 гг.» [8].

Проблема продовольственного кризиса, с которым столкнулась Россия в годы войны, поднимается в работах Т.М. Китаниной. Пересматривая традиционные представления, она утверждает, что говорить о начале этого кризиса следует не с самого начала войны, а со второй половины 1915 г. [9]. При этом по мнению Китаниной, если города испытывали трудности с продовольственным снабжением, то «в аграрном секторе России происходили явления, не только нами еще не изученные, но даже и не понятые. В 1916 г., когда, казалось бы, все рушится, разразился страшный экономический и продовольственный кризис, происходит возрождение русской деревни». Этот феномен исследовательница объясняет последствиями столыпинской реформы, тремя основными идеями которой были разрушение общины, ликвидация чересполосицы, упор не на кулака, а на середняка. И, несмотря на то, что большая часть крестьянства не приняла столыпинскую реформу, последствия ее начали сказываться. Кроме того, к 1916 г. на юге России возникло движение производственных кооперативов. Крестьянская кооперация шла на союз с земствами, появилась поддержка Московского народного банка – центрального банка кооперации: «И вот этот треугольник (земство – крестьянская кооперация – поддержка государства)» выходил на принципиально новую ступень своего развития: производственные кооперативы и земства стали приобретать промышленные предприятия – «заводы сельскохозяйственного машиностроения, искусственных удобрений, транспортные средства, суда, элеваторы», что вело к преобразованию хозяйственной жизни в стране. По мнению Китаниной, прослеживался потенциально возможный для России кооперативный путь развития [10].

По словам М.Д. Карпачёва, парадоксом военного времени являлось наличие в стране значительных материальных, в том числе продовольственных ресурсов, исключавших, казалось бы, угрозу голода. В советской историографии проблема продовольственного кризиса долгое время использовалась для доказательства полной неспособности царских властей обеспечить нужды народа. Однако ситуация была гораздо сложнее. Рост дороговизны, считает Карпачёв, был крайне обременительным для горожан, «особенно для интеллигенции и даже чиновников, у которых заработки тоже подрастали, но не так заметно, как у работников, трудившихся по вольному найму». Но большинство общинного крестьянства вплоть до столыпинских преобразований было заинтересовано

в сохранении низких цен на хлеб: «Такое внешне противоестественное отношение самых массовых производителей зерна к ценообразованию объяснялось элементарной бедностью пореформенной деревни. Это означало, что хозяйственная деятельность крестьян ориентировалась, главным образом, не на рынок, а на внутреннее потребление. Низкие цены позволяли крестьянам реализовать главную цель их трудовых усилий – обеспечить жизнедеятельность собственных семей».

Во время войны отношение крестьян к ценообразованию радикально изменилось: «Целевые установки крестьянской экономики стали все прочнее связываться с рыночной конъюнктурой. Главной задачей крестьянина становилось повышение доходности хозяйства». Укрепление материальных возможностей крестьян сопровождалось резким повышением спроса на их продукцию, в ней нуждались горожане, армия, многочисленные беженцы. В таких условиях у крестьян быстро укоренялась рыночная психология. Кроме того, колоссальные средства крестьяне сэкономили из-за введения в России с августа 1914 г. запрета на продажу крепких спиртных напитков. «Деревня, по многочисленным свидетельствам современников, в те месяцы войны отрезвела, что, естественно, не могло не улучшить ее финансового благополучия». Для многих крестьянок военное лихолетье обернулось еще одним парадоксом: «в их семьях наступил покой, а возросшие денежные остатки порождали чувство небывалой прежде комфортности».

Современники, по мнению Карпачёва, видели, что торговцы и предприниматели нередко создавали искусственный дефицит и, пользуясь этим, получали чрезмерные барыши. Это обстоятельство не могло не вызывать острого социального протеста. Однако государство во время войны так и не решилось существенно ограничить владельческие права всех слоев русского общества, в том числе крестьянства как главного производителя и держателя продовольственных ресурсов. «Общество, в свою очередь, не проявило готовности пойти на ограничение таких прав. В решающий момент войны самую пагубную роль в судьбе Российской империи сыграла давняя разобщенность интересов, а у верховной власти не хватило готовности ввести совершенно необходимый в тех условиях особый режим производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных ресурсов. В итоге именно кризис снабжения стал мощным детонатором социального взрыва, приведшего Российскую империю к бесславному концу» [11].

Тяготы военного времени не могли не отразиться на положении промышленных предприятий и политике предпринимателей, столкнувшихся и с производственными, и с социальными проблемами. Вопрос о том, какие коррективы внесла война в жизнедеятельность фабрики и в систему взаимоотношений фабричной администрации с рабочими, рассмотрен О.В. Ковтуновой на примере товарищества Даниловской мануфактуры Москвы. По ее мнению, основное воздействие на социальную политику

правления мануфактуры оказывала возраставшая дороговизна жизни и связанная с этим борьба рабочих за улучшение своего положения. Рабочие использовали как пассивные способы борьбы (невыход на работу, либо выход в недостаточном количестве), так и активные – от подачи ходатайств и требований до устройства митингов и забастовок. Ковтунова утверждает, что основной формой мотивации труда на Даниловской мануфактуре являлось поощрение работников: кроме выплаты заработной платы и наград, с 1915 г. стала практиковаться выдача пособия на военное время, размер которого постоянно увеличивался. Ключевым являлся вопрос об эффективности стимулировавших мер в условиях росшей дороговизны ключевых товаров: заработки рабочих отставали от темпа роста цен в стране, хотя номинально доходы постоянно увеличивались [12].

Ряд важных аспектов функционирования в условиях Первой мировой войны одного из крупнейших текстильных предприятий России – Ярославской Большой мануфактуры – рассмотрен И.В. Шильниковой. По ее мнению, существенное позитивное влияние на жизнедеятельность мануфактуры, как и других предприятий, оказало принятое 2 августа 1914 г. правительственное постановление о прекращении продажи спиртных напитков на период войны. Сократились и суммы штрафов за ряд нарушений трудовой и производственной дисциплины. Указывая, что через систему военных заказов государство имело возможность регулировать виды выпускаемой предприятием продукции, Шильникова отмечает, что на положении мануфактуры это позитивно сказалось: «Начало Первой мировой войны Ярославская Большая мануфактура встретила в кризисном состоянии... Война резко изменила положение со сбытом продукции». Администрация фабрики получила военный заказ и сумела в короткий срок произвести необходимую перестройку производства. Кроме того, предприятие поставляло пряжу для частных фирм, также выполнявших военный заказ. В 1916 г. удалось заключить выгодный заказ с уполномоченным Главного артиллерийского управления. Поэтому, в то время как на многих предприятиях численность рабочих уменьшилась из-за простоев и сокращения производства, на Ярославской Большой мануфактуре количество рабочих увеличилось. При этом их половозрастной состав изменился, что объяснялось призывом в армию военнообязанных работников. Положение Совета министров от 19 октября 1915 г. разрешало широкое применение труда женщин, подростков на всех предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, работавших на оборону [13].

Роль военно-промышленных комитетов в годы войны проанализировал П.А. Кюнг. Первая мировая война, по его мнению, поставила перед страной совершенно новые экономические задачи. Чрезвычайный рост потребления боеприпасов и военного снаряжения потребовал полной перестройки хозяйственной жизни страны. Достаточно быстро выявились ошибки в

мобилизационной подготовке страны, дезорганизация железнодорожных перевозок, санитарного обеспечения, неспособность казенных заводов справиться с обеспечением армии всем необходимым, особенно снарядами и предметами интендантского снабжения. Ответом общества на эти проблемы стало создание вначале Земского и Городского союзов, а после Военно-промышленных комитетов». С самого начала эти комитеты сочетали в себе две, во многом противоречивые функции. Первая – мобилизация частной промышленности на нужды государственной обороны. Вторая – объединение промышленников и предпринимателей для защиты своих политических и экономических интересов, а в перспективе и прямого их участия в государственном управлении [14].

Как видим, в работах последних лет рассматривается степень подготовленности России к войне, ее военный потенциал, положение промышленности, аграрного сектора и финансов в годы войны, а также процессы в социальной сфере. Безусловно, разработка указанных проблем будет продолжена в дальнейшем.

Примечания

1. Шевырин В.М. Россия в Первой мировой войне (Новейшая отечественная историография). (Обзор) // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: Сб. обзоров и рефератов. М., 2013. С. 36.
2. Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002. P. 1–4.
3. Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. L., 2005. P. 148–149.
4. Ковалев Д.В. Особенности развития крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны (по материалам Московской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы. М.; Брянск, 2012. С. 283.
5. Полетаев А.В. Экономические кризисы в России в XX веке // Истоки. Вып. 3. М., 2001. С. 212–215.
6. Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 7.
7. Бокарёв Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. С. 21.
8. Галынина Е.Ю. Попытки решения продовольственного вопроса в период Первой мировой войны // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства: Материалы Международ. науч. конф. СПб., 2006. С. 40.
9. Китанина Т.М. Муниципальные структуры городов и продовольственный кризис в России в годы первой мировой войны: продовольственные операции // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. М., 2009. С. 147–148.

10. Китанина Т.М. Выступление // Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума) СПб., 1999. С. 533–534.
11. Карпачев М.Д. О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2012 г.: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы, X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 263–267.
12. Ковтунова О.В. Первая мировая война и социальная политика предприятия (на примере товарищества Даниловской мануфактуры Москвы) // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства. СПб., 2006. С. 86–88.
13. Шильникова И.В. Текстильное предприятие и государственное регулирование в условиях войны: Ярославская Большая Мануфактура в 1914–1916 годах // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства. С. 244–246.
14. Кюнг П.А. Военно-промышленные комитеты как представительские организации российской буржуазии (1914–1918 годы) // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства. С. 100–101.

А.М. Бугаев

Северный Кавказ в годы Первой мировой войны: территория, население, экономика

Северный Кавказ в рассматриваемое время – один из крупнейших социально-экономических регионов Российской империи, расположившийся между Каспийским, Черным и Азовским морями. В его состав входили: губернии – Ставропольская и Черноморская; области – Дагестанская, Войска Донского, Кубанская и Терская. Общая площадь их территории составляла 424,7 тыс. кв. км или 373,2 тыс. кв. верст (1 кв. верста составляла 1,13804 км²; 1 км² равнялся 0,88 кв. версты) (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Распределение территории, городов и населенных пунктов
по административным единицам Российской империи
на Северном Кавказе на 1 января 1914 г. [1]**

№№ п/п	Области и губернии	Территория (кв. верст)	Число городов	Число посадов	Число других поселений	Число сельских обществ
1	Донская	144586,1	5	1	7331	2371
2	Дагестанская	26105,7	3	–	1222	546
3	Кубанская	83394,4	5	–	428	419
4	Ставропольская	47723,0	2	–	833	158
5	Терская	64069,9	6	–	1206	325
6	Черноморская	7327,3	3	2	59	69
	Итого	373206,4	24	3	11079	3888

Все административно-территориальные образования, кроме Ставропольской губернии и области Войска Донского, входили в состав Кавказского наместничества. Определенные особенности управления имела и Черноморская губерния.

Численность населения Северного Кавказа составляла чуть более 10 млн чел. (см. таблицу 2).

Таблица 2

Численность населения Северного Кавказа [2]

Области и губернии	Численность населения, тыс. чел.		
	по уездам	по городам	итого
Донская	3458,8	417,2	3876,0
Дагестанская	633,2	91,0	724,2
Кубанская	2739,0	245,5	2984,5
Ставропольская	1247,0	82,0	1329,0
Терская	1026,6	234,6	1261,2
Черноморская	78,5	74,2	152,7

По данным на 1 января 1914 г. численность населения России составляла чуть более 175 млн чел. (без Финляндии) [3]. Таким образом, доля северокавказского населения составляла 5,7 % населения страны.

Северный Кавказ был наиболее многонациональным российским регионом (см. таблицу 3), хотя в целом здесь заметно преобладало русское население, доля которого по официальным данным за 1914 г. составляла свыше 75 % [4].

Таблица 3

Национальный состав населения Северного Кавказа [5]

Области, губернии	Русское население (%)	Горское население(%)
Донская область	95,2	–
Дагестанская область	2,8	79,1
Кубанская область	90,6	3,5
Ставропольская губерния	92,0	–
Терская область	33,7	40,2
Черноморская губерния	60,1	3,5

Будучи достаточно развитым аграрно-промышленным центром юга России, Северный Кавказ играл заметно важную роль и в экономической жизни страны. Он являлся одним из ключевых производителей и поставщиков на внутренний и международный рынок ценнейших полевых культур и продукции животноводства. Годовая валовая продукция северокавказского региона по данным за 1913 г. в суммарном исчислении составляла 1,4 млрд руб. Из них 1,1 млрд руб. – доля сельского хозяйства, 0,3 млрд руб. – продукция ценовой промышленности [6].

Хлебное поле Северного Кавказа составляло 17 % посевной площади Европейской России и равнялось 11,2 млн десятин. Объем собираемого урожая составлял в рассматриваемое время около 700 млн пудов хлеба, что в четыре раза превы-

шало аналогичные показатели всей Центральной России [7]. На долю Северного Кавказа приходилось 90 % всех подсолнечных семян, свыше половины табака и винограда в Европейской России. Подсчеты свидетельствуют, что годовой валовой доход региона от реализации овощей составлял 150 млн руб. золотом [8].

Перед Первой мировой войной аграрии Северного Кавказа ежегодно собирали в среднем 225,7 млн пудов отборного зерна, в том числе 137,8 млн пудов пшеницы и 78,1 млн пудов ячменя. Более 80 % собранного зерна отправляли на заграничный рынок, что составляло 41 % от общероссийского хлебного экспорта и 80 % – экспорта всей Европейской России [9].

В степной зоне Северного Кавказа, на горных альпийских лугах достаточно успешно развивалось животноводство. По данным за 1914 г. поголовье крупного рогатого скота в регионе составляло 5,3 млн голов, мелкого скота – 8,9 млн голов, лошадей – 2,6 млн., свиней – 1,3 млн [10]. Половина общероссийского стада мериносовых овец – 2,5 млн голов – находилась в хозяйствах Северного Кавказа [11].

Значительная часть населения занималась промысловым рыболовством. В 1913 г. только на Дону, Тереке и Кубани было выловлено 50 тыс. пудов осетровых пород рыбы, 3,3 млрд штук сельди, добыто свыше 4 тыс. пудов икры [12].

Промышленность Северного Кавказа была многоотраслевой: нефтяная, угольная, цементная, металлургическая, дерево- и металлообрабатывающая, пищевая и др. К началу XX в. в России завершилось формирование системы крупнокапиталистического производства. Ее экономика заметными темпами вступала в стадию монополистического капитализма. Постепенно монополии занимали главенствующие позиции и в промышленности северокавказского региона. Так, под контролем гигантской монополии «Продамет» находились Таганрогский, Сулинский, Макеевский и другие металлургические заводы. В Грозном добычей нефти занимались 12 компаний, в Майкопе – 11, на Тамани – 9 [13]. Полностью монополизированным оказалось цементное производство, добыча цветных металлов в Алагирском ущелье. Постепенно монополии проникали в курортное дело. В Кисловодске, Пятигорске, Минеральных Водах, Сочи, Туапсе и других санаторно-лечебных зонах начиналось активное освоение минеральных источников, строительство современных лечебниц, роскошных апартаментов.

Объемы финансовых вложений монополий постоянно росли. В грозненском нефтяном районе их капитал составлял 42,6 млн руб., в Майкопском – 21,6 млн руб. [14]. В деятельности отечественных монополистических объединений активное участие принимал иностранный капитал. В 1914 г. 72,4 % акций Таганрогского металлургического общества принадлежало франко-бельгийскому капиталу [15]. 94 % нефтедобычи Кубани и 60 % – Грозного контролировал английский капитал.

Первая мировая война потребовала колоссальной мобилизации экономического потенциала Российской империи. В связи с этим она не могла не оказать серьезного воздействия на экономику регионов, в том числе не в последнюю

очередь и Северного Кавказа. Во-первых, в ряды действующей армии была призвана наиболее дееспособная часть населения. В результате мобилизации только в горной и горно-заводской промышленности численность рабочих сократилась на 30 %, в грозненском нефтяном районе – на 25 %, на ведущих предприятиях Терской и Дагестанской областей – на 48,2 % [16].

За годы Первой мировой войны произошли заметные изменения в структуре промышленности, особенно, по понятным причинам, в наиболее трудо- и энергоемких отраслях [17]. Можно сказать, что в соответствии с требованиями текущего момента произошла милитаризация промышленности, которая практически целиком переключилась на обслуживание нужд войны. Ее потребности вызвали небывалое наращивание темпов и объемов производства военного профиля, добычи и переработки нефти и иных видов топлива, сельскохозяйственной и пищевой продукции, масштабов транспортных перевозок и др. Особенность этого очевидного роста в северокавказском регионе состояла в том, что он прежде всего происходил в отраслях легкой промышленности. В 2 раза возросло мукомольное, крупяное, табачное производство, в 3 – кожевенное, сапожное, седельное, текстильное, в 6 – консервное и плодоовощное, в 7 раз – мыловаренное [18]. Заметно возросла добыча нефти в Грозненском районе: с 1,2 млн т. до 1,8 млн т [19].

В годы войны высокими темпами происходила концентрация промышленности, что способствовало дальнейшему усилению процессов монополизации. Эти тенденции наблюдались и в ведущих, в частности, стратегических отраслях промышленности Северного Кавказа. Принято считать, что в результате такой трансформации происходил процесс формирования государственно-монополистического капитализма, иначе говоря, государственного капитализма. Олицетворением этих новых явлений стали особые совещания – «высшие государственные установления», наделенные чрезвычайно широкими полномочиями практически во всех отраслях экономической сферы, прежде всего в тех, которые являлись стратегически важными. В регионах создавались территориальные (местные) структуры. Так, в Грозном было создано Грозненское подрайонное совещание по топливу, в задачи которого входило обеспечение бесперебойной добычи нефти, ее переработки и транспортировки конечной продукции до первоочередного потребителя.

Как бы это парадоксально ни звучало, но потребности войны со всей очевидностью активизировали экономическую жизнь и в стране в целом, и в ее регионах в частности. Однако происходило это не везде равномерно, что в значительной степени объясняется отраслевой специализацией (профилем) конкретного экономического района. Так, по официальным данным валовая продукция промышленности Кубани сократилась в 1,2 раза, Черноморской губернии – в 2 раза. А в Терской области, наоборот, отмечена положительная динамика. Здесь валовая промышленная продукция возросла 2,5 раза. И произошло это главным образом за счет увеличения производства нефтепродуктов.

За годы войны масштабное развитие получило кустарно-ремесленное производство региона. Только на Кубани за это время появились 8 тыс. фабрик и заводов [20], 2831 – в Терской области [21]. Как правило, это были мелкие мастерские, в основном семейные. Отдельные владельцы использовали и наемный труд. Продукция, производимая на этих предприятиях, была ориентирована на удовлетворение спроса широкого потребителя. Наглядно, хотя, может быть, и в недостаточном объеме, судить об основных тенденциях в социально-экономической жизни северокавказского региона, во всяком случае, в тех ее территориальных границах, в которых нами изначально были обозначены, можно на основе данных таблицы 4.

Таблица 4

Промышленность Северного Кавказа в 1917 г.

Области, губернии	Количество предприятий		Количество рабочих		Среднее число рабочих на 1 предприятие	
	1914	1917	1914	1917	1914	1917
Дагестанская	12	16	939	1314	78,2	82,1
Донская	273	317	20499	34359	75,0	108,3
Кубанская	144	137	7543	11513	52,3	84,0
Ставропольская	40	44	1105	2440	27,6	55,4
Терская	62	94	3903	5231	62,9	55,6
Черноморская	13	22	4131	2929	317,7	133,1
Итого по Северному Кавказу	444	620	38120	57786	82,3	87,8
Итого по России	17879	12492	2139517	2093902	129,7	167,6

Приводимые данные свидетельствуют, что за три военных года в регионе на 40 % возросло число предприятий, в том числе в Дагестане – на 30 %, на Дону – на 16 %, в Ставрополье – на 10 %, в Терской области – на 51 %, в Черноморье – на 69 %. На Кубани, наоборот, произошло сокращение на 5 %. Такая же тенденция проявлялась и по стране в целом, общее сокращение составило 31 %. Мы считаем, что на основе данной статистики можно говорить о неравномерности темпов концентрации промышленных предприятий на разных региональных уровнях, что было связано с совокупностью причин, главным образом, объективных.

За годы Первой мировой войны заметно пострадало сельское хозяйство. В Европейской части России, где в основном, находился театр военных действий, посевной клин сократился на 11 %. На Северном Кавказе этот показатель равнялся 19 %.[22]. В первую очередь, это коснулось ценных культур – пшеницы и ячменя. Вместе с тем, возросли посевы технических культур, особенно кукурузы. То же самое можно сказать и о виноградниках. Рост спроса на шерсть и мясо

способствовал заметному развитию овцеводства. На Ставрополье, например, поголовье овец выросло с 1,6 млн до 2,3 млн голов [23]. Но какие бы позитивные изменения не произошли в экономической или иной сфере жизнедеятельности, бесспорно, что они не способны компенсировать человеческие жертвы от войны, которые исчисляются миллионами.

Примечания

1. Статистический ежегодник России. 1914 г. (год одиннадцатый). Петроград, 1915. С. 4, 19–21
2. Там же. С. 51–53
3. Там же. С. 58
4. Там же. С. 68
5. Там же. С. 63–64
6. Константинов О. А. Северный Кавказ. М.; Л., 1930. С. 12.
7. Пономарев А. А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года). Ростов н/Д, 1924. С. 19.
8. См.: Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб., 1914. Отдел VII. С. 9–12.
9. Юго-Восток. Справочник. Ростов н/Д, 1924. С. 447–450; Донская летопись. 1923. № 1. С. 289.
10. Статистический ежегодник России. 1914 г. Отдел VII. С. 45–47.
11. Юго-Восток. Справочник. Ростов н/Д, 1922. № 2. С. 187–188.
12. Ляшенко П.И. Экономические районы Юго-Востока Европейской России. Ростов н/Д, 1918. С. 81.
13. Эвентов Л. Иностраный капитал в нефтяной промышленности России. 1874–1917. М.–Л., 1925. С. 60, 77, 124.
14. Там же.
15. Панченко В.С. Состояние промышленности Дона в предвоенные годы (1912–1914 гг.) // Очерки экономического развития Дона (1861–1917 гг.). Ростов н/Д, 1960. С. 125–126.
16. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 20.
17. См.: Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 74–75.
18. Юго-Восток. Справочник. Ростов н/Д, 1923. № 5–6. С. 34.
19. Эвентов Л. Указ. соч. С. 119.
20. Труды совета обследования и изучения Кубанского края. Т. VI. Вып. 2. Екатеринодар, 1920. С. 44.
21. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. Владикавказ, 1924. Ч. II.
22. Юго-Восток. Справочник. Ростов н/Д, 1923. № 1. С. 407
23. Там же. С. 227.

Т.А. Невская, Т.В. Корчагина

Влияние Первой мировой войны на экономику и социальные отношения на Северном Кавказе

Накануне Первой мировой войны Северный Кавказ был одной из наиболее динамично развивавшихся провинций Российской империи, важной сырьевой базой для экономики всей страны. В Чечне и на Кубани активно развивалась нефтяная промышленность, в Новороссийске – цементная, на побережье строились новые порты, вдоль железнодорожных линий – элеваторы. Ставрополье и Кубань являлись поставщиками высококачественных хлебов не только на российский, но и на мировой рынки. Накануне войны по производству зерновых на душу населения Кубанская область занимала первое место в стране (69 пудов), Ставропольская губерния – второе (62 пуда). Высокими темпами развивалось железнодорожное строительство. Однако наряду с высокоразвитым аграрным производством в степном Предкавказье, в горных районах сохранялся архаичный хозяйственный уклад, который поддерживался традиционными социальными институтами и обычным правом.

Главной отраслью экономики Северного Кавказа во время Первой мировой войны было сельское хозяйство. В годы войны регион продолжал оставаться крупнейшим в стране поставщиком продовольствия, основными производителями которого были крестьянские и казачьи хозяйства. Земледелие пострадало в связи с отправкой крестьян и казаков на фронт и образовавшейся нехваткой рабочих рук. Острую нехватку пришлых и местных наемных рабочих испытывали все славянские районы Предкавказья. Особенно пострадали казачьи хозяйства, так как процент казаков, призванных на военную службу, был выше, чем крестьян. К концу войны более 35 % кубанских хозяйств остались без своих работников. Для компенсации недостатка рабочих рук в крестьянских хозяйствах туда направлялись военнопленные. Например, в 1915 г. на Ставрополье было отправлено 10 тыс. военнопленных. Однако использование военнопленных создавало немалые проблемы. Так, весной 1916 г. военнопленные турки занесли на Ставрополье тиф и дизентерию, что привело к вспышке эпидемии.

Серьезно сократилась посевная площадь. Так, в 1914 г. на Северном Кавказе было засеяно 10 млн десятин, а в 1916 г. – 7,1 млн десятин [1]. На Кубани и в Черноморской губернии посевные площади в 1916 г. сократились по сравнению с 1913 г. на 23,9 %, в Терской области в 1917 г. по сравнению с 1914 г. – на 34 %. Меньше пострадала Ставропольская губерния, где посевные площади

уменьшились на 18 %. Одновременно упала урожайность. Так, средний урожай пшеницы на Кубани сократился с 92 до 39,9 пуда с десятины [2]. За годы войны из-за мобилизации снизилась товарность хозяйства, упала роль аренды, так как не находилось желающих арендовать запасные казачьи земли. Ущерб зерновому производству был нанесен также закрытием черноморских проливов, что вело к прекращению экспортной торговли хлебом.

В годы войны стала меняться структура посевов, возделывались те культуры, которые находили повышенный спрос – пшеница, подсолнечник, кукуруза, табак. На Кубани с 1913 по 1917 гг. выросли посевные площади под подсолнечник, из-за прекращения импорта турецкого табака подъем переживало табаководство [3].

Произошло значительное сокращение поголовья скота. Особенно пострадало животноводство горских народов. Так, количество овец и коз сократилось в Дагестане почти на 35 %, лошадей – на 32 % [4]. В Северной Осетии поголовье лошадей уменьшилось к концу 1916 г. на 20 %, крупного рогатого скота на 26,7, а овец и коз – на 47 %. В Чечне и Ингушетии только за первый год войны поголовье скота сократилось на 14,3 %. В Карачае и Черкесии поголовье скота уменьшилось почти наполовину [5]. В Кабарде и Балкарии количество овец сократилось к 1916 г. на 20,1 %. Северный Кавказ являлся поставщиком шерсти, на которую увеличился спрос в годы войны, что привело к расширению степного тонкорунного овцеводства. Вырос и спрос на лошадей. Так, коней кабардинской верховой породы было продано около 48 тыс. на более чем 7 млн руб.

С началом Первой мировой войны серьезные осложнения возникли в деятельности Крестьянского банка, наблюдалось много уклонений заемщиков от уплаты взносов. Учитывая трудности военного времени, со второй половины 1914 г. Крестьянский банк расширил применение льгот по взиманию платежей, не прибегал к принудительной продаже имений, если задолженность образовалась по причине недорода, убыли рабочей силы в хозяйстве за призывом в армию. В 1915 г. в распоряжение банка поступили земли, принадлежавшие ранее немецким колонистам. Военное ведомство предлагало за счет этих земель увеличить казачьи наделы, однако банк с этим не согласился [6].

В годы войны наиболее устойчивое в регионе положение в сельском хозяйстве отмечалось в Ставропольской губернии. Это давало возможность в 1915 г. губернскому начальству считать, что «на благосостоянии крестьян Ставропольской губернии война пока можно сказать совсем не отразилась», площадь посева не уменьшилась, урожаи оставались хорошими, хлеба убирались вовремя. Однако и здесь наблюдался рост недоимок. Так с 1912 до 1915 гг. они выросли более чем в пять раз (с 312,4 тыс. руб. до 1,6 млн руб.) [7].

Положение горского населения в годы войны также значительно ухудшилось. Этому способствовало общее расстройство хозяйственной жизни. Жители Дагестана издавна занимались отходничеством. Так, в 1915 г. 80 тыс. чел. уходили на заработки в Баку и Грозный [8]. Военные действия нередко затрудняли

перемещение рабочих между Северным и Южным Кавказом. Падение рубля в 1916 г. также сказалось на доходах отходников. Непомерно возросли в период войны прямые налоги с населения края. Вводились новые повинности и налоги. Все это вело к быстрому росту недоимок.

Война отразилась и на состоянии промышленности Северного Кавказа. Стоимость промышленной продукции за 1913–1915 гг. в Черноморской губернии упала на 40,6 %, в Кубанской – на 17,6 %, в Дагестанской – на 12,5 % [9]. На выпуск продукции для армии перешло 26 % предприятий, поднадзорных фабричной инспекции, и 55 горнозаводских предприятий Северного Кавказа. Ведущее место продолжала сохранять нефтяная промышленность, причем она занимала в годы войны одно из ведущих мест в экономике страны.

В нефтеобрабатывающей промышленности наиболее крупными были заводы «Русский стандарт» в Новороссийске, а также заводы, принадлежавшие обществам «Ахвердов и Ко» и Владикавказской железной дороги в Грозном. В Терской области в 1914 г. действовало 43 нефтяных общества. В том числе Баку-Грозненское нефтепромышленное общество, Северо-Кавказское нефтепромышленное общество, Нефтепромышленное общество «Шпис», Челекено-Дагестанское общество, Англо-Русское Максимовское общество, Русско-Азиатское общество, Англо-Терское общество и многие другие. В Дагестане добычей и переработкой нефти занимались Товарищество братьев Нобель, Каспийско-Черноморское общество, Нефтепромышленное торговое общество «Арамазд» и др. На Кубани наиболее крупными были Майкопское нефтепромышленное общество «Победа», общество Черноморской нефтяной промышленности.

Добыча нефти в Терской области с 1913 по 1916 гг. увеличилась на 40,2 % (с 73,6 млн пудов в 1913 г. до 109,6 млн пудов в 1917 г.), однако на Кубани нефтедобыча падала, так как уже к 1914 г. скважины истощились. В 1916 г. в Новогрозненском районе начался очередной «нефтяной бум». Накануне войны заработал нефтепровод от Грозного до Порт-Петровска (в настоящее время – Махачкала), где был построен нефтеперерабатывающий завод. В 1917 г. в связи с революционными событиями осложнилась обстановка в нефтяной отрасли. Из-за угрозы нападений на нефтеперегонные заводы Грозного было принято решение о несении караульной службы силами местного гарнизона. Осенью 1917 г. участились стычки казаков и чеченцев. Чеченцы и ингуши совершали нападения не только на села, но и на нефтепромыслы, станции и линии железной дороги. Участок железной дороги Грозный – Гудермес был выведен из строя.

На Тереке и Кубани развивалось также производство цветных металлов, которые шли на изготовление снарядов. Правительство предпринимало меры для развития этой отрасли, однако из-за отсутствия квалифицированных рабочих и нехватки топлива на Владикавказском заводе за 1914–1916 гг. значительно упала выплавка цинка, свинца и серебра. Снизилась в Северной Осетии и добыча цветных руд. В Карачаево-Черкесии, наоборот, добыча цветных руд значительно увеличилась (с 20,7 тыс. пудов в 1913 г. до 51,4 тыс. пудов в 1916 г.). Число

горняков Северного Кавказа выросло, однако квалифицированных рабочих не хватало. Из-за этого, например, серобро-свинцовый рудник «Эльбрус» не мог выполнять военные заказы. Поэтому в 1916 г. генерал-губернатор Кубанской области поставил вопрос о передаче рудника государству.

Промышленность Северного Кавказа страдала из-за расстройств железнодорожного транспорта, уменьшения его пропускной способности. По Ростово-Владикавказской дороге шли военные грузы для Кавказского фронта, из-за чего страдала перевозка грузов для населения и невоенных предприятий. В годы войны было решено построить железную дорогу от станции Невинномысской до Теберды. Курорт предполагалось использовать для лечения воинов. Дорога также могла содействовать развитию серебро-свинцовых рудников, заготовке леса. Начатое в 1915 г. строительство велось до 1917 г. [10].

В годы войны в промышленности возрос удельный вес отечественного капитала. Заметную роль в нефтяной промышленности стали играть горские предприниматели: Арсамирзоевы, Эльмурзаевы, Мациевы. Т. Чермоев выступал с обоснованием прав чеченского населения на недра. Его поддерживал концерн «Братья Нобель», которому выгоднее было арендовать нефтеносные участки у сельских обществ, чем у государства.

Съезды терских нефтепромышленников разработали программу помощи фронту. На предприятиях региона производили транспортные средства, бомбометы, саперные лопаты, взрывчатые вещества. Негативными факторами в промышленности являлись нехватка металла, что затрудняло бурение новых скважин, а также снижение производительности труда из-за истощения нефтяных пластов и нехватки квалифицированных рабочих. В связи с мобилизацией число рабочих сократилось в крае с 21,2 тыс. чел. в 1914 г. до 20,6 тыс. чел. в 1915 г. [11].

С мобилизацией русских рабочих на производство стали приходить горцы. На некоторых нефтепромыслах количество горцев, по свидетельствам паспортных книг, доходило до 18 % [12]. Среди чеченских и ингушских рабочих текучесть кадров была очень велика. Большая часть из них (до 80 %) увольнялась, проработав на промыслах меньше года. Тем не менее, основной массой рабочих во время войны продолжали оставаться русские, украинцы, армяне. Фирма «Ахвердов и Ко» в 1915 г. приняла на работу 166 казаков, что составило 5 % по отношению ко всему принятому на работу количеству рабочих [13].

Война повлияла не только на экономику, но и на общественную и политическую жизнь казаков и горцев. С началом войны в городах края прошли манифестации в поддержку войны. Казачество считало войну справедливой и вынужденной для России. Представители горских народов Кубанской области выразили желание сформировать воинскую часть из горцев Баталпащинского отдела, о чем они просили разрешения у наказного атамана генерал-майора М.П. Бабыча. Патриотический подъем затронул все слои населения. Так, Х. Каракетов на сельском сходе Джегутинского аула объявил, что ради победы в войне он готов пожертвовать единственным сыном [14].

12 августа Ставропольская губерния, а также Дагестан были объявлены на военном положении, что было связано с беспорядками в ряде сел. С самого начала войны военное положение было введено в Черноморской губернии и на Тамани, а с 21 августа – во всей Кубанской области.

В годы войны с территории Северного Кавказа было мобилизовано большое число воинов. Казачьи войска сражались на всех фронтах Первой мировой. Так, в 1916 г. на военной службе находилось до 100 тыс. донских, более 90 тыс. кубанских и 18 тыс. терских казаков. Мусульманское население Северного Кавказа было освобождено от обязательной военной службы и взамен ее платило специальный налог. Из горского населения формировались добровольческие полки, где создавались условия для соблюдения религиозных обрядов. Кавказские добровольцы служили в Кавказской конной туземной дивизии, воевавшей на Западном фронте. В 1916 г. был принят закон «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи», который разрешал принудительные реквизиции подвод, мобилизации на тыловые работы мужчин. Это вызвало протесты со стороны горцев, в ряде случаев переросшие в вооруженные выступления.

Северный Кавказ благодаря наличию курортных объектов и развитию сети железных дорог стал госпитальной базой Первой мировой войны. Общественные организации и земства организовывали сбор средств для семей мобилизованных, создавали комитеты помощи больным и раненым воинам. На Кавказских Минеральных водах была создана система госпиталей, налажена подготовка медицинского персонала. В Ставрополе открылся эвакуационный пункт, из которого раненые направлялись по всей губернии, а также в Кубанскую и Терскую области. Госпитали оборудовались не только в больших городах края, но и в селениях на железнодорожных линиях. Население жертвовало для госпиталей деньги, вещи, инвентарь. Сельские общества, общественные организации, дамские комитеты, а также купцы и духовенство оборудовали и содержали за свой счет палаты в госпиталях. Для выздоравливавших больных была организована патронажная служба. Многие семьи в городах и селах принимали на свое иждивение выздоравливающих воинов.

В сентябре 1914 г. по распоряжению наместника на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова был создан Кавказский союз городов для организации работы по оказанию помощи больным и раненым воинам. На съезде было сформировано бюро союза под покровительством Красного Креста. Организацией помощи раненым на Северном Кавказе, в первую очередь на Кавказских Минеральных водах, занимался также Всероссийский земский союз. Распоряжением наместника на Кавказе на устройство лазаретов в городах Тифлисе (в настоящее время – Тбилиси), Елизаветполе (в настоящее время – Гянджа), Баку, Владикавказе, на Кавказских Минеральных водах, Екатеринодаре (в настоящее время – Краснодаре) и Ставрополе был выделен 1 млн руб. Общественность городов устраивала в госпиталях музыкальные вечера, чтения, постановки пьес, распространяла

литературу, особенно религиозную. Большой вклад в организацию помощи раненым внесли национальные общины. Из туркменского и калмыцкого общественных капиталов было внесено в фонд Красного Креста, а также семьям раненых и павших воинов по 100 тыс. руб.

На заседании бюро союза кавказских городов решались вопросы организации ускоренного выпуска учеников фельдшерских школ, училищ сестер милосердия, санитаров и др. Выпускники курсов работали как в тыловых госпиталях, так и на фронте. Сестра милосердия Римма Иванова (1894–1915) стала единственной женщиной за всю историю Российского государства, удостоенной ордена Святого Георгия IV степени, которым награждались только офицеры. Несмотря на принятые меры, медицинского персонала не хватало как в госпиталях, так и в селениях края, что вызывало недовольство населения.

Все слои населения испытывали тяготы войны. На предприятиях в фабрично-заводской промышленности Северного Кавказа рабочий день увеличился с 9–10 часов в 1913 г. до 12–15 часов к 1917 г. Рост зарплат рабочих не покрывал роста цен. В 1916 г. по сравнению с довоенным периодом цены на хлеб выросли вдвое, на мясо в 1,5 раза, на масло – в 6 раз. Поэтому реальная заработная плата грозненских нефтяников снизилась к весне 1916 г. на 25–30 %, а майкопских – до 40 %, в других отраслях промышленности – еще более.

Большой размах в 1916 г. на Северном Кавказе приобрели стихийные продовольственные «бунты», направленные против дороговизны. В 29 станицах и железнодорожных станциях на Кубани было разгромлено 66 лавок. Больших размеров погромы приняли в Геленджике, Екатеринодаре и Ейске, где было разгромлено более 73 лавок и магазинов. В Ставропольской губернии только с 9 по 17 июня 1916 г. были разгромлены 32 лавки, в Ставрополе – разграблено 90 магазинов. Казачи и солдаты на Кубани и Ставрополье отказывались стрелять в толпу во время беспорядков.

Таким образом, Первая мировая война стала причиной кризисных явлений в экономике Кавказа, привела к ухудшению материального положения казаков, крестьян, горцев и кочевых народов, вызвала обострение социальных противоречий и подтолкнула страну к революции.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 543.
2. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1978. С. 44.
3. Ратушняк В.Н., Кумпан В.А. Северо-Западный Кавказ в условиях рыночной экономики. Краснодар, 2007. С. 64.
4. История Дагестана. Т. 2. М., 1967. С. 285.
5. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь, 1967. С. 536.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 592. Оп. 1. Д. 292. Л. 61.
7. Невская Т.А. Аграрные реформы на Ставрополье в годы Первой мировой войны //

- Российское общество и войны XX века. Материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2004. С. 96.
8. Алиева С. Азербайджан и народы Северного Кавказа. Баку, 2010. С. 265.
 9. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 541.
 10. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 13. Оп. 12. Д. 375. Л. 5–7.
 11. Шигабуудинов М.Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и первой мировой войны. Махачкала, 1970. С. 139.
 12. Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917 гг.). Грозный, 1962. С. 148.
 13. Подмогильная И.А. Торгово-промышленное развитие Ставрополя и Терека в XIX – начале XX века. Георгиевск, 2012. С. 151.
 14. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 530.

А.Н. Деордиева

Деятельность Ростовского военно-промышленного комитета по оказанию помощи фронту в годы Первой мировой войны

100 лет назад произошло событие, которое перевернуло всю мировую историю, привело к развалу могущественных империй, к волне революций – Первая мировая или, как называли ее современники, Великая война. Эта война существенно повлияла на судьбу России, она стала для нее подлинной катастрофой. Начиная войну, ни правительство, ни военное руководство не предполагали, что она будет столь продолжительной. По ходу войны становилась все более очевидной неспособность власти не только успешно ее вести, но и наладить четкую работу тыла. Общего мобилизационного плана не существовало. Боевые запасы, имевшиеся на фронте, были израсходованы в течение первых 4 месяцев войны. К концу 1914 г. численность действующей армии составляла около 6,5 млн чел., тогда как винтовок хватало только на 4,5 млн чел. [1]. Требовалась перестройка российской экономики, привлечение к работе на оборону и частных предприятий, и общественных сил.

Российское общество демонстрировало активность и желание взять дело укрепления тыла и устройства всей экономической жизни страны в свои руки, но правительство не собиралось допускать его к решению важных государственных задач. И только поражение русских войск на фронте весной 1915 г. заставило власть принять предложения российских предпринимателей о совместном сотрудничестве. На открывшемся 27 мая 1915 г. IX съезде представителей промышленности и торговли прозвучало предложение о создании буржуазной общественной организации, призванной помочь правительству в снабжении армии. Съезд большинством голосов поддержал инициативу создания военно-промышленных комитетов.

Процесс образования военно-промышленных комитетов по всей стране прошел достаточно быстро: к сентябрю 1915 г. в стране насчитывалось 140 комитетов, к февралю 1916 г. – 200, к середине 1917 г. – уже 242, из них 36 областных и 206 местных [2]. Инициаторами создания военно-промышленных комитетов выступали наиболее влиятельные в данном регионе общественные деятели или организации.

2 июня 1915 г. было организовано общее собрание Ростовского биржевого комитета. В ходе заседания председатель комитета, известный донской предприниматель П.Е.Парамонов обратился к присутствовавшим: «Ростовский

биржевой комитет в сознании долга содействовать победоносному для нашей Родины исходу настоящей великой войны предлагает организовать военно-промышленный комитет» [3]. Предложение было принято единогласно. Присутствовавшие выразили надежду, что военно-промышленный комитет станет центром объединения патриотически настроенных сил области Войска Донского, и к его работе будут привлечены представители всех общественных организаций и промышленных предприятий.

Идея создания организованного тыла оказалась востребованной и привлекла к сотрудничеству с военно-промышленными комитетами различные организации. В работе Ростовского военно-промышленного комитета приняли участие: Биржевой комитет, отделения Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, Императорское русское техническое общество, Императорское сельскохозяйственное общество, железнодорожные учреждения, Купеческое общество, Ростовская городская управа.

14 июня 1915 г. состоялось первое заседание Ростовского областного военно-промышленного комитета, на котором был избран его руководящий состав. Председателем стал известный промышленник и общественный деятель Н.Е. Парамонов, старшим товарищем председателя – П.Е. Парамонов, товарищами председателя – А.И. Дунин, Н.И. Сергеев. Всего Ростовский военно-промышленный комитет насчитывал 71 члена и 109 служащих (из них 49 технического состава). В качестве представителей Всероссийского земского союза в Ростовский военно-промышленный комитет вошли депутаты Государственной думы от области Войска Донского В.А. Харламов и Ю.М. Лебедев.

В течение последующих двух месяцев на Дону и Северном Кавказе шел процесс образования самостоятельных местных военно-промышленных комитетов. 26 июня 1915 года был создан Новочеркасский военно-промышленный комитет, 30 июня – Миллеровский, 1 июля – Кубанский, 14 июля – Армавирский, 27 июля – Александровск-Грушевский, 30 июля – Сочинский, 14 августа – Георгиевский и т.д. [4]. Ростовскому областному военно-промышленному комитету удалось объединить не только комитеты области Войска Донского, но и Северного Кавказа. К 1 августа 1916 г. в Ростовский областной военно-промышленный комитет входило 20 местных комитетов: Александровск-Грушевский, Армавирский, Владикавказский, Георгиевский, Ейский, Кубанский, Керченский, Майкопский, Миллеровский, Моздокский, Новороссийский, Новочеркасский, Пятигорский, Ростовский (городской), Сочинский, Ставропольский, Туапсинский, Таганрогский, Хоперский, Царицынский.

В деятельности военно-промышленных комитетов принимали участие самые широкие слои общества. Социальный портрет этих организаций многолик. Так, в Новочеркасский военно-промышленный комитет к 1 августа 1916 г. входило 128 чел., из них 46 профессоров и преподавателей политехникумов, 17 юристов, 16 чиновников, 12 лиц судебных ведомств, 5 представителей банков, 5 препо-

давателей различных заведений, 5 военных, 4 торговца, 3 врача, 3 представителя рабочих [5].

Партийная принадлежность членов военно-промышленных комитетов в целом по стране достаточно разнообразна. В области Войска Донского активное участие в организации и работе комитетов принимали кадеты: они занимали в них руководящие посты председателей, товарищей председателя, начальников отделов. Кадетами были члены Ростовского областного комитета: председатель – Н.Е. Парамонов, старший товарищ председателя – П.Е. Парамонов, начальник юридического отдела – В.Ф. Зеелер, начальник отдела сырья – С.Я. Каялов, председатель контрольной комиссии – С.В. Брыкин. Как уже отмечалось, депутаты IV Государственной думы от области Войска Донского, члены конституционно-демократической партии Ю.М. Лебедев и В.А. Харламов также являлись членами Ростовского военно-промышленного комитета. Подобная картина наблюдалась и в целом ряде местных комитетов области Войска Донского.

Основной деятельностью Ростовского военно-промышленного комитета являлась работа по снабжению фронта всем необходимым, включая военное снаряжение, амуницию и продовольствие. Это отразилось на его структуре. Комитет имел следующие отделы: обозный, вещевого, кузнечных изделий, химический, счетный, санитарно-технический, орудийных снарядов, холодного оружия, жестяных изделий, станков, калибров, проволоки, бомбометов, чугунных снарядов, трубочный, деревообделочный, материальный, рабочий, а также приемочную и контрольную комиссии [6]. По количеству полученных военных заказов на первом месте был обозный отдел, за ним следовал вещевого отдел, третье место занимал отдел чугунных снарядов.

Военные заказы, полученные военно-промышленными комитетами области Войска Донского, можно разделить на три основные группы: предметы обозного довольствия (повозки, двуколки, кухни, кипятильники, седла, упряжь, подковы и т.д.); предметы окопно-строительного снабжения (топоры, кирки, мотыги, грабли, лопаты, ножницы); предметы артиллерийского снабжения (гранаты, снаряды, бомбы, бомбометы и т.д.) [7].

По мере расширения сферы деятельности местных военно-промышленных комитетов появлялись новые отделы. В Ростовском комитете возникли коженный и технико-консультационный отделы. По соглашению с Всероссийским земским союзом для скорейшей перевозки готовых изделий к местам назначения было создано транспортное бюро. Угроза угольного кризиса в регионе привела к учреждению угольной секции для снабжения малообеспеченного населения области углем, причем уголь для населения был предоставлен фирмой «Наследников Е. Парамонова» по заниженным ценам.

Следует отметить, что военно-промышленные комитеты области Войска Донского сталкивались с проблемой нехватки рабочих рук на промышленных предприятиях, особенно профессиональных рабочих, так как значительная их часть была призвана в действующую армию. Нехватка рабочих рук на пред-

приятных области существенно тормозила дело исполнения военных заказов. В связи с этим были организованы краткосрочные курсы по подготовке профессиональных кадров из чернорабочих и женщин. Так, при Ростовском техническом училище были организованы 6–8-недельные курсы токарей. Училище предоставило для обучения 17 токарных станков [8].

При создании военно-промышленных комитетов предполагалось, что они займутся простым распределением военных заказов между предприятиями. В реальности деятельность военно-промышленных комитетов не ограничивалась лишь этим. Они взяли на себя организацию целого ряда новых производств и перестройку уже существовавших, снабжение предприятий металлом, сырьем, транспортом, обеспечение рабочей силой и другие проблемы, связанные с налаживанием нормальной работы на оборону.

Из отчетов Новочеркасского военно-промышленного комитета можно проследить, как он функционировал. Основные задачи решались на еженедельных заседаниях комитета. На 1 мая 1916 г. было проведено 48 заседаний и рассмотрено 727 вопросов. Исполнительным органом комитета было бюро, в его состав входили: председатель комитета, его заместитель, два товарища председателя, казначей, три секретаря, представитель военного ведомства и председатели отделов комитета. Заседания бюро проходили также раз в неделю. За указанный период состоялось 82 заседания бюро, было рассмотрено 2086 вопросов [9].

Главными заказчиками Ростовского областного военно-промышленного комитета были Центральный военно-промышленный комитет, Земско-городской союз и Тифлисское окружное интендантство [10]. Кроме перечисленных заказчиков, Ростовский военно-промышленный комитет выполнял заказы этапнотранспортного отдела Главного начальника военных сообщений Кавказской армии, отдельных войсковых частей и учреждений.

К исполнению военных заказов Ростовский областной военно-промышленный комитет привлекал не только промышленные предприятия. Не осталась без внимания и местная кустарная промышленность, деятельность которой значительно оживилась с началом войны. Активными союзниками военно-промышленных комитетов в исполнении военных заказов были и местные учебные заведения. Практически все реальные и технические училища области были привлечены к военному производству.

Участие военно-промышленных комитетов области Войска Донского в промышленной мобилизации и вовлечение частных предприятий в процесс исполнения военных заказов внесло значительный вклад в дело снабжения армии. Они выполнили государственный оборонный заказ на 60–70 %, что являлось высоким показателем среди военно-промышленных комитетов страны. С лета 1915 г. по январь 1917 г. Ростовский областной военно-промышленный комитет изготовил и сдал готовой продукции на сумму в 11 млн руб. С другой стороны, деятельность военно-промышленных комитетов способствовала экономическому развитию региона: проводилась модернизация действующих предприятий

и строительство новых объектов, создавались дополнительные рабочие места. Военно-промышленные комитеты явились подлинно общественными организациями: в них работали представители различных сословий, лица самых разных политических воззрений, стремившиеся оказать посильное содействие военным усилиям страны. Помощь военно-промышленных комитетов в целом по стране и Ростовского военно-промышленного комитета в частности оказалась своевременной и эффективной формой поддержки российской армии в годы Первой мировой войны.

Примечания

1. Леонова С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы первой мировой войны. М., 1996. С. 4.
2. Юрий М.Ф. Буржуазные общественные организации в период первой мировой войны. 1914–1918 гг. (Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, ЦВПК). Дисс... д-ра ист. наук. Черновцы, 1990. С. 151.
3. Отчет о деятельности Ростовского областного ВПК. Вып.3. Ростов н/Д, 1916. С. 38.
4. Отчет о деятельности Ростовского-на-Дону областного ВПК. Вып. 5. Ростов н/Д, 1917. С. 7.
5. Отчет о деятельности Новочеркасского ВПК. Новочеркасск, 1916. С. 3.
6. Отчет о деятельности Ростовского-на-Дону областного ВПК. Вып. 4. Ростов н/Д, 1916. С. 8–9.
7. Там же. С. 12.
8. Там же. С. 36.
9. Обзор деятельности Новочеркасского военно-промышленного комитета. Новочеркасск, 1916. С. 4–5.
10. Отчет о деятельности Ростовского областного ВПК. Вып. 6. Ростов н/Д, 1917. С. 38.

В.Н. Мальцев

Кубанский военно-промышленный комитет: образование и деятельность

Важная роль в организации народного хозяйства России для работы на оборону в годы Первой мировой войны принадлежала военно-промышленным комитетам, возникшим как общественные органы для мобилизации экономических возможностей страны на обслуживание нужд фронта. Создание и деятельность этих организаций способствовали усилению взаимодействию армии и тыла, координации работы промышленности, вовлечению в военное производство больших групп предприятий различных отраслей, ранее находившихся в стороне от выполнения заказов на оборону, несмотря на противоречивое отношение к военно-промышленным комитетам со стороны правительства. IX съезд представителей промышленности и торговли России, состоявшийся в конце мая 1915 г., а затем I съезд военно-промышленных комитетов, прошедший в июле того же года, положили начало созданию этих общественных объединений и в Кубанской области. В июне Совет съездов представителей промышленности и торговли обратился в Екатеринодарский биржевой комитет с просьбой образовать военно-промышленный комитет. Биржевой комитет направил в связи с этим специальное воззвание всем промышленным и ремесленным заведениям области, в котором сообщал о данном решении [1].

На совместном совещании биржевого комитета с представителями промышленности и ремесленного производства, состоявшемся в середине июня, был определен состав Кубанского военно-промышленного комитета. В него вошел 41 чел., в том числе: 3 представителя биржевого комитета, 2 – от городского управления, 6 – от технического общества, 2 – от областного управления и казачьего войска, 4 – от железнодорожного общества, 20 от промышленников и торговцев, по 1 – от сельскохозяйственного общества, нефтепромышленности, кооперативного союза, садоводов и огородников [2]. Председателем Кубанского военно-промышленного комитета был избран И.Н. Дицман, а в дальнейшем эту должность занимали Б.Н. Бибииков и А.А. Баскаков [3]. 1 июля 1915 г. под председательством И.Н. Дицмана состоялось организационное собрание Кубанского военно-промышленного комитета. В составе комитета были образованы 5 комиссий: продовольственная, технико-механическая, обмундировочная, технико-химическая и комиссия по снабжению топливом [4].

Параллельно шло формирование Ростовского-на Дону военно-промышленного комитета, объявившего сферой своей деятельности Дон и Северный Кавказ. Кубанский военно-промышленный комитет установил с ним отношения. В октябре 1915 г. представитель Кубанского военно-промышленного комитета А.В. Карпов участвовал в работе областного съезда военно-промышленных комитетов в Ростове-на Дону [5]. К сотрудничеству с Ростовским-на Дону военно-промышленным комитетом тяготели промышленники Армавира и Ейска в надежде на получение от него более крупных заказов. С целью координации действий в Ростове-на Дону 5 мая 1915 г. открылся съезд представителей области Войска Донского и Северного Кавказа, в котором от Кубани участвовали делегации Екатеринодара, Армавира и Ейска [6]. На съезде рассматривался вопрос о координации промышленного производства всех городов края под началом Ростовского-на Дону военно-промышленного комитета. Однако представители промышленников Екатеринодара и ряда других городов (Новороссийска, Таганрога) отказались от данного предложения из-за нежелания оказаться в зависимости от этого комитета. В то же время армавирский и ейский комитеты поддержали ростовский [7].

Одновременно создавались местные военно-промышленные комитеты. 30 июня 1915 г. был образован Майкопский военно-промышленный комитет, председателем которого стал Д.И. Рудаков. Первоначально комитет состоял из 10 гласных думы и 2 посторонних лиц, а позже его состав был увеличен до 25 чел. Комитет имел четыре секции: механико-химическую, обмундировочную, продовольственную и финансовую [8]. 29 июля 1915 г. на совместном заседании членов Ейского биржевого комитета и представителей торговли и промышленности был образован Ейский военно-промышленный комитет [9].

Кубанский областной и местные военно-промышленные комитеты налаживали производство необходимого для армии снаряжения и боеприпасов. В Екатеринодаре заказы военно-промышленных комитетов выполняли крупные и средние предприятия, такие, как заводы «Саломас», «Кубаноль», П.В. Буковского, В.В. Петрова, И.В. Сушкина, а также мелкие производства (Екатеринодарская строительно-техническая артель, товарищество «Кустарь», товарищество I-го гвоздильного завода и др.). Ассортимент выпускавшейся под контролем военно-промышленного комитета продукции был достаточно разнообразен.

Организуя работу на оборону, Кубанский военно-промышленный комитет столкнулся с препятствиями, причиной которых являлись, с одной стороны, неразвитость структуры кубанской экономики, а с другой – неоднозначное отношение центральных и местных властей к попыткам комитетов координировать и контролировать военное производство. Практически все предприятия, работавшие в рамках военно-промышленных комитетов, испытывали недостаток в оборудовании и финансах. Организация новых производств, особенно в обрабатывающих отраслях, требовала новых станков и наличия

квалифицированных рабочих. Отсутствие того и другого затрудняло перевод кубанской промышленности на производство военной продукции. Кроме того, сдерживавшими факторами являлись перебои в обеспечении предприятий сырьем и неритмичная работа железной дороги.

Все эти вопросы поднимались уже на первой встрече начальника Кубанской области с представителями промышленников, работавших на оборону, состоявшейся 16 октября 1915 г. [10]. Кубанский военно-промышленный комитет, особенно в первые месяцы после создания, не обеспечивал в полной мере контроль над выполнением военных заказов, в результате чего происходили срывы поставок для интендантства. О пассивной позиции Кубанского военно-промышленного комитета начальник областного жандармского управления в 1915 г. информировал временного генерал-губернатора области и Министерство внутренних дел. По его сведениям, областной военно-промышленный комитет не поставил вовремя материалы для производства ручных бомб заводу «Гусник» в Екатеринодаре, не контролировал выполнение заказа на изготовление станков для шрапнелей заводом «Саломас», который между тем получал предназначенные для этих целей вагоны с углем, но использовал их не по назначению. В то же время предприятия, по его сведениям, интенсивно работавшие на оборону (заводы Буковского и Петрова в Екатеринодаре), не могли своевременно отправлять продукцию по причине отсутствия вагонов или нарушения сроков производства из-за неритмичной поставки угля [11].

Состоявший из видных представителей промышленно-торговых кругов Кубани областной военно-промышленный комитет отдавал предпочтение группе ведущих предприятий края, получавших наиболее выгодные предложения. Недовольство политикой Кубанского военно-промышленного комитета в отношении массы мелких предпринимателей было высказано на заседании его президиума 31 марта 1917 г. Председатель комитета Б.Н. Бибиков был обвинен в том, что с его стороны «не раз замечалось особое предпочтение и внимание к крупным промышленникам и фабрикантам, граничащее с угодливиостью и полное игнорирование, а порой и пренебрежение в общении с мелкими кустарями и ремесленниками» [12]. Объективности ради следует отметить, что ставка военно-промышленного комитета на экономически сильные предприятия объяснялась и другой причиной: именно они имели возможность в сжатые сроки организовать выполнение военных заказов.

Роль Кубанского военно-промышленного комитета в мобилизации промышленности проявилась в деле о секвестре завода «Кубаноль». Все началось с того, что еще в январе 1915 г. правление завода обратилось в Главное артиллерийское управление с просьбой о наряде на выпуск артиллерийских снарядов, обязуясь наладить их производство за два месяца. Завод заключил договор о кредите на 500 тыс. руб. с Одесским купеческим банком, но по ряду причин не получил его полностью. Нехватка средств для переоборудования явилась

главной причиной срыва заказа. После рассмотрения дела о «Кубаноле» в Военном совете последовало постановление о расторжении договора и взыскании с завода неустойки. В августе 1915 г. Кубанский военно-промышленный комитет предложил начальнику области организовать особую комиссию для постоянного контроля над своевременностью исполнения военных заказов на заводе «Кубаноль». На заседании Кубанского военно-промышленного комитета 29 сентября 1915 г. комиссия, обследовавшая завод, представила выводы о том, что главной причиной срыва военных заказов стал неудачно заключенный администрацией предприятия договор с коммерческим банком [13]. 16 октября 1915 г. вопрос о судьбе предприятия рассматривался на первом заводском совещании в Ростове-на-Дону [14]. Выступивший на нем председатель Екатеринодарского биржевого комитета И.Н. Дицман поддержал ходатайство Кубанского военно-промышленного комитета о передаче завода новому руководству, сформированному при участии военно-промышленного комитета. Совещание приняло решение о переходе завода под руководство особого правления, в состав которого должны были войти директор-распорядитель и представители военного ведомства Кубанского военно-промышленного комитета [15]. В последующий период войны на «Кубаноле» было налажено военное производство [16].

Из многих общественных организаций, возникших на Кубани в годы Первой мировой войны, военно-промышленные комитеты, несмотря на сложности в их организации и деятельности, за короткий срок выделились в число ведущих. Их главной целью стало регулирование системы военных заказов, выполнявшихся предприятиями области. Переход к системе распределения военных заказов через Кубанский и местные военно-промышленные комитеты способствовал преодолению разобщенности в деятельности предприятий и привлечению новых заказов для армии, вводил элементы централизации в снабжении материалами, в кредитовании и стабильной организации поставок. Несмотря на несовершенство в организации работы, деятельность Кубанского военно-промышленного комитета способствовала становлению в экономике области элементов военной экономики.

Примечания

1. Кубанский край. 1915. 17 июня.
2. Там же. 1915. 21 июня.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 556. Оп. 1. Д. 36. Л. 233.
4. Кубанский край. 1915. 3 июля.
5. Там же. 8 июля.
6. Там же. 4 июля.
7. Там же.

8. Кубанская мысль. 1916. 4 февраля.
9. Годовой отчет о деятельности Ейского военно-промышленного комитета. Ейск, 1916. С. 2.
10. Кубанский край. 1915. 18 октября.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 145. Д. 176. Л. 7.
12. ГАКК. Ф. 4234. Оп. I. Д. 102. Л. 161.
13. Кубанский край. 1915. 16 августа.
14. ГАКК. Ф. 556. Оп. I. Д. 29. Л. 26.
15. Кубанский край. 1915. 13 октября.
16. См.: Андреев: А.О. «Флагман кубанского машиностроения “Кубаноль – Седин”». URL: <http://www.myeкатериnodar.ru/ekaterinodar/articles/ekaterinodar-flagman-kubanskogo-mashinostroeniya-kubanol-sedin/> (дата обращения 30.05.2014).

С.Я. Суцкий

Становление высшей школы юга России в условиях Первой мировой войны

XX в. юг России встречал, не имея в своих пределах высших учебных заведений. Между тем, быстрое социально-экономическое развитие пореформенных десятилетий требовало все большего числа квалифицированных специалистов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, медицины, права. Соответственно, росло и число уроженцев региона, выезжавших на учебу в столицы и другие крупнейшие имперские центры. Если в первой половине – середине XIX в. такие молодые люди исчислялись десятками, то к началу XX в. – уже сотнями. В 1915 г. в различных вузах России обучалось более 1 тыс. выходцев из одной только области Войска Донского (из них 59 – войсковые стипендиаты, и порядка 570 чел. из войскового сословия) [1].

Конечно, представительство донской молодежи в российской высшей школе была максимальным из всех южнороссийских регионов. Что, в частности, подтверждается и сравнительным анализом размеров прослойки образованного населения – если в области Войска Донского она в начале XX в. составляла 15,5 тыс. чел., то в Кубанской области только 7 тыс., а в Ставропольской губернии – 2,9 тыс. чел. Тем не менее, число выходцев с Кубани или из Астраханской губернии и Ставрополя в вузах России к середине второго десятилетия XX в. могло достигать многих сотен. И в общей сложности южнороссийский студенческий контингент начала XX в. составлял 2–3 тыс. чел., что в принципе было совсем немного – порядка 1,5–2 % от всего российского студенческого корпуса, притом, что на регион приходилось почти 7 % жителей империи.

Полный курс обучения составлял четыре года, но немалое число студентов в это время ограничивалось двумя-тремя годами учебы. И юг России ежегодно мог рассчитывать примерно на 700–800 квалифицированных профессионалов. Двойственность этих цифр очевидна. С одной стороны, никогда ранее местная экономика, социальная сфера и культура не получали в свое распоряжение такого числа образованных людей. Достаточно сказать, что по переписи 1897 г. в крупнейшем городском центре регионе – Ростове – было только 494 чел. с высшим образованием, в Астрахани – 357 (соответственно – 0,4 % и 0,3 % городского населения). А на всем юге России специалистов с вузовскими дипломами в это время едва ли больше 4–5 тыс. чел. К началу Первой мировой войны это число могло возрасти до 7–8 тыс. чел. (ежегодно число дипломированных специалистов на юге России пополнялось на несколько сотен человек – небывалый рост

в сравнении с XIX в. Но необходимо учитывать параллельную естественную убыль людей с высшим образованием).

Однако потребность в профессионалах высшей квалификации росла быстрее, чем их число. И кадровый дефицит на юге России становился все ощутимей. Организация региональной высшей школы становилась потребностью первой необходимости. Это понимала и центральная власть. И потому, если выбор места для вуза мог варьировать (городов-претендентов было несколько), то само появление высшей школы на юге России становилось все более близкой перспективой.

Первым южнороссийским вузом стал открытый в 1907 г. в Новочеркасске политехнический институт. Его созданию в известной мере способствовала общественно-политическая нестабильность в стране. «В конце 1905 г. в Варшаве из-за студенческих волнений был закрыт политехнический институт. Министерство торговли и промышленности внесло в Совет министров России предложение временно воспользоваться учебным персоналом и денежными средствами бездействующего учебного заведения для организации нового политехнического института в одном из городов Юга России – с его плодородными черноземами и недрами, богатыми каменным углем и другими рудами. Правительство приняло это предложение и, таким образом, был избран Новочеркасск» [2].

Институт был открыт в составе четырех факультетов – горного, химического, механического и инженерно-мелиоративного. При этом предпочтение, отданное Новочеркаску, можно было считать победой городской власти и всей области Войска Донского (впрочем, заслуженной, учитывая уровень ее экономического и культурного развития, а следовательно, и ее кадровые потребности), учитывая, что правительство в эти годы забрасывалось десятками аналогичных предложений и ходатайств от других крупных провинциальных центров, в том числе и южнороссийских (только от Екатеринодара за 1905–1914 гг. было четыре ходатайства).

Однако открытие Донского политехникума не снимало полностью проблемы обеспечения области (да и всего макрорегиона) образованными специалистами. Возможностей одного вуза для этого было явно недостаточно. Тем более, такого небольшого, каким до самой революции оставался Донской политехникум, численность учащихся в котором в год открытия (1907 г.) недотягивало до 170 чел. Скорее, наоборот, успех Новочеркасска заметно усилил желание других крупных южнороссийских центров обзавестись собственной высшей школой. Их городские власти неоднократно обращаются с соответствующими ходатайствами к центральной власти. Причем содержание таких ходатайств зачастую свидетельствуют, что претендуя на открытие у себя университета, городские власти и местная общественность, в принципе, были согласны и на любой «специализированный» вуз – сельскохозяйственный, медицинский, технический.

От Донской области в борьбу за обладание университетом включились сразу три ее ведущих центра – Новочеркасск, Ростов-на-Дону и Таганрог. Основное соперничество развернулось между Ростовом (в совокупности с Нахичеванью-на-Дону он являлся крупнейшим социально-экономическим и культурным центром юга России) и Новочеркасском, компенсировавшим свое экономическое отставание административным ресурсом, весьма значимым в условиях России.

Противостояние было острым. Оба города, начиная с 1910 г., обращались со сходными ходатайствами в Министерство народного просвещения. В качестве иллюстрации приведем одно из них, адресованное ростовскими властями Министерству народного просвещения с просьбой рассмотреть возможность открытия в городе университета с медицинским факультетом. В документе указывается, что Ростов, «как в географическом, так и в культурно-экономическом отношении является естественным центром обширного, тяготеющего к нему района, охватывающего кроме области Войска Донского и части Екатеринославской губернии, весь Северный Кавказ, а также, особенно впредь до учреждения вуза в Тифлисе, – и остальные области Кавказа и Закавказья. Весь этот обширный регион с населением свыше 17 000 000 жителей и 96 мужскими средними учебными заведениями только по ведомству министерства народного просвещения вынужден посылать свою молодежь по всем университетским центрам империи, отрывая ее от родной обстановки и привычных для нее климатических условий» [3].

В такого рода заочной борьбе не обходилось и без «подковерных» приемов. Известно, что правительственная межведомственная комиссия, ответственная за организацию новых вузов, на протяжении всего 1911 г. склонялась к кандидатуре Ростова, в котором, в частности, планировалось открыть медицинский факультет. Документация по этому проекту была одобрена, но сам он по ряду причин не был реализован. И далеко не последнюю роль в этом сыграла позиция новочеркасской администрации, все это время продолжавшей добиваться открытия университета в своем городе.

Первая мировая война, связанные с ней социально-экономические и финансовые тяготы, казалось, должны были отодвинуть планы создания новых вузов в регионе на неопределенную перспективу. Однако случилось обратное. Как и в случае с Донским политехникумом, именно социальные потрясения работали на развитие южнороссийской высшей школы. И снова «имплантантом» стал варшавский вуз. На этот раз местный «русский» университет, в спешном порядке эвакуированный из польской столицы в Москву в июне 1915 г.

Из различных вариантов нового размещения вуза, в конце концов, был выбран Ростов-на-Дону, в пользу которого нашлось множество аргументов: «а) большая потребность региона в квалифицированных кадрах; б) многолетние, в том числе и летом 1915 г., активные хлопоты общественности об открытии своего университета; в) выгодное географическое положение – “ворота Кавказа”; г) богатый город, у которого есть средства на высшее учебное заведение – это

был немаловажный для правительства аргумент при сравнении с другими претендентами; д) достаточное количество потенциальных абитуриентов» [4].

В сентябре 1915 г. университет (профессорско-преподавательский состав вместе с семьями; часть студентов, материально-техническая база и оборудование, научная библиотека) был перемещен в Ростов. К сожалению, эвакуация вуза из Варшавы осуществлялась в авральном режиме. Несколькими месяцами ранее указом Варшавского генерал-губернатора руководству всех государственных организаций польской столицы было приказано сохранять привычный режим деятельности, чтобы эвакуационными сборами не провоцировать панику у населения. Как результат, резкое ухудшение ситуации на фронте оставило на сборы университетского имущества только 11 часов (ночь с 22 на 23 июня 1915 г.). Жесточайший цейтнот, в котором оказалось руководство вуза, не позволил вывезти значительную часть университетского имущества, что в дальнейшем не могло не отразиться на материально-техническом обеспечении учебного и научно-исследовательского процесса. Достаточно сказать, что из 608 тыс. библиотечных томов в Ростов попало не более 1,5 тыс. (около 1 % всего книжного фонда). Самые значительные потери при переезде понесли научные лаборатории, клиники, научные кабинеты, астрономическая обсерватория.

И, тем не менее, Ростов получил университет, который с момента открытия на юге превратился в крупнейший очаг исследовательской деятельности не только в пределах города или Донской области, но всего региона. Университетские студенты и преподаватели являлись той средой, которая не только «потребляла» и концентрировала знание, но и являлась его активным производителем. Как свидетельствовала история всех российских императорских университетов, они в самом скором времени непременно «обрастали» различными обществами, комиссиями и другими организациями, ориентированными на научную, экспертную деятельность, а зачастую и литературное, художественное, музыкальное, сценическое творчество своих членов. Таким образом, российский университет оказывался в эпицентре не только исследовательской, но и городской культурной жизни, сам становился источником многих ее масштабных начинаний. Донской университет не был исключением.

Однако функционально-ролевая системная общность российских университетов не отменяла определенной специфики каждого из них, накладываемой региональным расположением вузов. Показательны существенные изменения, происшедшие в соотношении базовых образовательных специализаций Варшавского университета при его перемещении на юг России. Если в «польский» период в вузе отчетливо доминировали учащиеся общественно-гуманитарных специальностей (на них еще в 1915 г. приходилось 56,4 % всех студентов), то уже спустя два года учебная ориентация вуза приобрела противоположное направление (в 1917 г. уже 57,6 % студентов – «естественники»). Иными словами, сохраняя общую структуру классического университета, вуз в соответствии со спецификой и потребностями нового региона своего расположения заметно

усилился в «прикладном» направлении. Еще более существенно поменялся за два года социальный и национальный состав студенчества, что со своей стороны не могло не отразиться на учебном процессе и всей жизнедеятельности университета.

Однако и открытие второго вуза проблему кадров полностью не решало даже в области Войска Донского, не говоря о юге России в целом. Общественность и власти других южных центров (Екатеринодара, Астрахани, Владикавказа, Ставрополя) по-прежнему были заинтересованы в «приобретении» высшего учебного заведения. Показательна активная деятельность городской думы Екатеринодара. Множественные безуспешные ходатайства первого десятилетия XX в. (подобные попытки предпринимались в 1903, 1905, 1906, 1908 гг.) не были прекращены и после начала мировой войны. В период войны городские власти неоднократно обращались с просьбами в соответствующие имперские инстанции о переводе в кубанскую столицу самых разных вузов, эвакуированных в это время из западных районов России (Ново-Александровского сельскохозяйственного и Варшавского политехнического институтов, Юрьевского (Дерптского) университета и ветеринарного института) [5].

Не оставляла таких попыток и общественность Дона. Тем более что наличие в области двух вузов облегчало реализацию новых инфраструктурных проектов, поскольку при организации новых учебных заведений могли хотя бы частично использоваться специалисты и материально-техническая база уже существующих вузов. Имея это в виду, в 1908 г. и было организовано Донское общество содействия высшему женскому образованию, результатом деятельности которого стало открытие в 1910 г. в Новочеркасске Высших женских курсов. Второе аналогичное учебное заведение появилось на Дону в 1915 г., когда вместе с университетом переместились в Ростов существовавшие с 1909 г. при университете Варшавские высшие женские курсы (в составе трех факультетов – историко-филологического, физико-математического и юридического). На Дону это учебное заведение стремительно пошло в рост. Если в первый год пребывания в Ростове на курсах было около 700 слушательниц, то в 1916 г. это число выросло до 1,2 тыс. чел., а в 1917 г. превысило 2 тыс. чел. Наконец, в 1916 г. в Ростове открылся женский медицинский институт – последний факультет Донского университета, не имевший своего женского «дубликата», обзавелся им.

Тем самым, в считанные годы область Войска Донского приобрела сразу несколько вузов. Причем быстрый подъем местной высшей школы пришелся именно на период Первой мировой войны. Общее число студентов и слушательниц высших курсов донских вузов в 1917 г. составил около 5 тыс. чел. Остальные регионы юга России вплоть до 1917 г. оставались без высшей школы.

Однако сама множественность и нарастающая частота попыток добиться от власти открытия в своих центрах высших учебных заведений – свидетельство достигнутой социокультурной зрелости местных сообществ. В этом отношении юг России не был уникален. Аналогичным образом и в те же временные

сроки экономически и культурно «дозрели» другие крупные макрорегионы империи. Общественный спрос на высшую школу очевидным образом превышал государственное предложение – а правительство хотя и «ускорилось» в своих образовательных начинаниях, по-прежнему старалось действовать по возможному минимуму.

Причин такой политики было множество, но основных – две. Они хорошо известны. В-первых, это подозрительное (и вполне обоснованно) отношение российской власти к высшей школе как рассаднику свободомыслия. Во-вторых, системная инерция, низкая разворотливость имперской бюрократии, из-за которой десятилетиями могли «буксовать» многие важные социально-экономические и культурные новации, необходимые Российскому государству и обществу. Свою роль играл и хронический недостаток финансовых средств, похоронивший много культурегерских проектов власти (например, подготовленный накануне Первой мировой войны проект открытия в империи 15 новых университетов).

Но возможен вывод и более широкого уровня. История развития основных сфер культурной и учебно-образовательной инфраструктуры в Российской империи XIX – начала XX в. обнаруживает два условия, сопряженное наличие которых являлось необходимым (и достаточным) для ускоренного роста инфраструктурных начинаний. Речь об их общественной востребованности (инициативе снизу) и политической воле (решимости сверху).

Далеко не всегда они совпадали во времени. А отсутствие одного из данных условий автоматически становилось серьезным тормозом на пути развития той или иной социокультурной области. Так, инфраструктурные начинания Александра I в сфере народного образования в самом начале XIX в. существенно опередили общественную потребность. А спустя ряд десятилетий, в конце правления Николая I, уже существенно выросшая общественная востребованность тормозилась консервативно-охранительной политикой власти в сфере народного образования. А совпадение данной востребованности с государственными реформами в 1860–1870-е гг. дало мощный толчок к развитию системы школьного и профессионального обучения в России [6]. Начало XX в. – период быстрого количественного и пространственного роста системы начального и среднего образования, в развитии которой общественная и государственная инициативы в целом соответствовали друг другу. В области высшего образования, как уже отмечалось, ситуация была иной, и центральная власть отчасти сознательно тормозила рост вузовской системы страны. Но делать это становилось все сложнее.

История становления высшей школы юга России дает тому наглядную иллюстрацию. Социально-экономический и культурный уровень развития региона (как и многих других крупных провинциальных районов империи) в начале XX в. был таков, что создание и достаточно быстрое развитие вузовской системы являлось объективной необходимостью, должно было произойти в считанные

годы и при любом политическом режиме, сколько-нибудь заинтересованном в развитии своей страны. И хотя к 1915–1916 гг. вузы имелись только в области Войска Донского, было очевидно, что их появление в других южнороссийских центрах – дело самого скорого будущего. Так оно и произошло, но уже в период Гражданской войны, «сменившей» Первую мировую. Не дожидаясь возвращения мирной жизни и восстановления экономики, многие южнороссийские города уже в 1918–1920 гг. открыли вузы.

Подводя итог, заметим, что Первая мировая война не столько затормозила процесс становления высшей школы на юге России, сколько определенным образом «отформатировала» его. Очевидно, что в условиях мирного времени первые шаги региональной высшей школы могли быть несколько другими. Появление в пределах юга Варшавского университета – вуза со сложившимся коллективом, определенной учебной и научной традицией, известным образом структурировало нарождавшуюся систему донского высшего образования, придало ей определенное направление. Однако, определяющую роль в становлении региональной вузовской системы все же играли факторы более высокого системного уровня, связанные с политической, социально-экономической, социокультурной динамикой всей Российской империи и ее крупного самобытного южного региона.

Примечания

1. Данилов А.Г. Интеллигенция Юга России в конце XIX – начала XX века. Ростов н/Д, 2000. С. 111.
2. Там же. С. 115.
3. Там же. С. 124–125.
4. Там же. С. 126.
5. Куценко И.Я. Кубанский государственный технологический университет 1918–2008. Краснодар. 2008. С. 21.
6. Суций С.Я. Образование и наука Юга России. Ч. I. Ростов н/Д, 2009. С. 218–220.

З.А. Монтеро

Развитие высшего образования на Дону в годы Первой мировой войны

Область Войска Донского к началу XX в. была центром хозяйственной и культурной жизни всего Юго-Востока России, а Ростов-на-Дону – крупным промышленным и торговым городом, центром донского региона. В Донском крае проживало около 20 млн чел. и имелось только одно высшее учебное заведение – Донской политехнический институт, основанный в 1907 г. в Новочеркасске в составе 4 факультетов: механического, горного, химического и инженерно-мелиоративного. Новочеркасск считался административным центром области Войска Донского, поэтому неслучайно, что первое высшее учебное заведение открылось именно там. В 1907 г. в Донской политехнический институт было принято: на механический факультет – 60 чел., на инженерно-мелиоративный, химический и горный факультеты – по 30 чел. [1].

Бурное развитие региона требовало создания на Юго-Востоке России системы высших учебных заведений для подготовки специалистов разного профиля и квалификации. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1910 г. Ростовская городская дума, Ростовский биржевой комитет, местное купечество, а также депутаты Государственной думы Российской империи от области Войска Донского М.С. Аджемов и М.И. Кирьянов ходатайствовали перед правительством об открытии в Ростове-на-Дону университета с медицинским факультетом. В апреле 1910 г. Ростовская городская дума приняла решение о выделении 1 млн руб. на строительство университетского здания, предоставлении для этих целей земельного участка и лучшей в городе Николаевской больницы под медицинский факультет. Однако Министерство просвещения отклонило ходатайство ростовской общественности.

Вопрос об открытии в Ростове университета вновь был поднят перед министром просвещения Л.А. Кассо в 1911 г. Войсковое правительство также ходатайствовало перед министром просвещения, но о том, чтобы университет был открыт в Новочеркасске – административном, образовательном и культурном центре области Войска Донского. Однако все попытки открытия на Дону университета терпели неудачу.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России в ответ на отказ отменить мобилизацию в приграничных округах. Начался военный конфликт глобальной величины – Первая мировая война, ставшая для России второй Отечественной. В этот конфликт было втянуто 38 государств. В результате крупных Галиций-

ской, Варшавско-Ивангородской, Лодзинской операций в 1914 г. война приняла затяжной характер. Германское командование перебросило часть войск с французского фронта на Восточный. Этим был спасен Париж. Однако в 1915 г., в ходе боевых действий на Восточном фронте русские войска понесли огромные потери и были вынуждены оставить Галицию, Польшу и часть Прибалтики.

Перед Варшавским императорским университетом и Варшавским ветеринарным институтом летом 1915 г. остро встал вопрос об эвакуации. Стоит отметить, что Варшавский университет был открыт 12 октября 1869 г. на базе Главной школы, основанной в Варшаве 8 мая 1862 г., и педагогической семинарии. В Главную школу в качестве медицинского отделения вошла Варшавская медико-хирургическая академия. Кроме этого, в Главной школе имелись физико-математическое, юридическое и историко-филологическое отделения [2]. Варшавский ветеринарный институт зародился еще в 1840 г. Тогда в Варшаве была учреждена школа ветеринаров, которую в 1889 г. переименовали в ветеринарный институт. Летом 1915 г. Варшавский ветеринарный институт был эвакуирован первоначально в Москву, а затем переехал в Новочеркасск. Это решение Министерства просвещения было с радостью воспринято донским казачеством.

Первоначально оба высших учебных заведения были эвакуированы в Москву. При переезде почти все университетское имущество было оставлено в Варшаве, так как требовалось 300 вагонов для его вывоза [3]. Переезд в Москву не означал, что Варшавский университет начнет новый 1915/1916 учебный год в этом городе. Министерство народного просвещения считало возможным организовать занятия в Москве только историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов. Естественный и медицинский факультеты предполагалось направить в Саратов или Казань [4]. Это решение не устраивало многих и, в первую очередь, Совет Варшавского университета.

В городе Ростове-на-Дону знали об эвакуации из Польши Варшавского университета и вновь, как в 1910 и 1911 гг., настойчиво ходатайствовали в Москве о его переезде к себе. Инициаторами перевода Варшавского университета в Ростов выступали депутаты Государственной думы от области Войска Донского и гласные Ростовской городской думы. Среди них был видный общественный деятель, главный врач Ростовской Николаевской больницы Николай Васильевич Парийский (1858–1923), бывший приват-доцент медицинской академии в Петербурге [5].

10 августа 1915 г. члены правления Варшавского университета прибыли в Ростов и участвовали в заседании городской думы. На этом заседании руководство думы гарантировало обеспечение университета всем необходимым: «выбирайте любые здания, в которых вы бы хотели разместить университет, они будут ваши» [6]. Члены Совета Варшавского университета единогласно при одном воздержавшемся признали возможным и желательным переезд университета в Ростов-на-Дону. 1 сентября 1915 г. министр просвещения дал согласие

на переезд Варшавского императорского университета со всеми факультетами и Высшими женскими курсами в Ростов-на-Дону на условиях, предложенных городом. Так, в области Войска Донского появился свой первый университет.

В сентябре-октябре 1915 г., несмотря на трудности военного времени, осложнившие железнодорожные перевозки и недостаток рабочих рук, развернулась работа по устройству и подготовке университета к началу учебных занятий. Учебные занятия начались 1 декабря 1915 г. Варшавский университет начал свою работу в составе всех факультетов, которые функционировали в Варшаве: историко-филологического, юридического, физико-математического и медицинского. Преподавание вели по тем же кафедрам и в том же полном объеме, как в Варшаве в 1914/1915 учебном году.

На основании правил приема, утвержденных правлением университета, жители Ростова и Нахичевани-на-Дону пользовались преимущественным правом поступления в университет. Кроме этого, действовали и установленные положением Совета министров Российской империи от 10 августа 1915 г. льготы для детей лиц, несших службу в рядах действующей армии, а равно и самих участников военных действий, уволенных из армии по причине ранения или болезни [7]. В 1915/1916 учебном году в университете обучалось 2205 студентов, переехавших из Варшавы и принятых на 1 курс в Ростове [8]. Среди 4 факультетов Варшавского университета, начавших занятия в Ростове, наиболее крупным был медицинский. На нем обучалось около 700 чел. Медицинскому факультету, как отмечалось выше, было предоставлено здание Николаевской больницы.

Учитывая, что шла война и остро ощущалась нехватка медицинских кадров, по ходатайству Ростовской городской думы в 1916 г. в городе был открыт женский медицинский институт [9]. Его директором был избран профессор Варшавского университета А.А. Колосков, а заместителем – главный врач Николаевской больницы, известный ростовский общественный деятель Н.В. Парийский.

Как и прежде, в Варшаве, главной задачей в работе университета в Ростове являлось обеспечение единства исследовательского вуза, науки и образования. И это не случайно, поскольку в Ростов приехал почти весь штатный профессорско-преподавательский состав Варшавского университета. Возглавил университет в Ростове профессор С.И. Вехов. Многие профессора и преподаватели университета в Ростове занимались не только преподавательской и научной деятельностью, но и проводили большую организаторскую работу по созданию новых высших учебных заведений для приобщения молодежи города и области к знаниям и достижениям культуры.

В мае 1916 г. в Ростове были открыты одногодичные педагогические курсы для лиц с высшим образованием с целью подготовки учителей средней школы. На курсах было пять отделений: словесное, историческое, классическое, физико-математическое и естественно-химическое. Во главе отделений находились деканы-профессора Варшавского университета. Профессора и

преподаватели университета участвовали в работе «Общества истории, филологии и права», «Ростовского общества истории, древностей и природы». На базе последнего в начале 1916 г. возник Археологический институт. Он имел два отделения: истории искусств и археологии, которые стали готовить квалифицированных специалистов для работы в музеях, архивах и библиотеках области Войска Донского. Велась работа и по организации в Ростове коммерческого института.

Однако положение университета в Ростове и ветеринарного института в Новочеркасске было нестабильно. Вопрос об их переводе в другие города обсуждался в Петрограде вплоть до начала 1917 г. Только в феврале 1917 г. было принято окончательное решение об оставлении Варшавского университета в Ростове, а Варшавского ветеринарного института – в Новочеркасске. 5 мая того же года Временное правительство объявило об упразднении Варшавского университета и учреждении с 1 июля 1917 г. Донского университета. Варшавский ветеринарный институт в Новочеркасске также был переименован в Донской ветеринарный институт.

Преподавательский состав университета и всех новых вузов Ростова в связи со сложной политической обстановкой в стране и прекращением учебных занятий обратился к студентам с призывом возобновить занятия. В частности, в обращении говорилось: «Обновленный государственный строй Великой России требует напряжения всех культурных сил страны и возможно большего числа просвещенных и сознательных работников. Для укрепления начал правового государства и насаждения в России высокой духовной и материальной культуры предстоит всем интеллигентным русским людям принести много самостоятельного труда и глубоких научных познаний, для обретения которых нужно время. Поэтому каждый потерянный час является невозвратимой угрозой для Родины» [10].

С весны 1917 г. в работе донских вузов появились нововведения: допуск в число абитуриентов лиц, окончивших реальные училища, учителей семинарий. Но накал политических страстей летом-осенью 1917 г. и разрушительные последствия Первой мировой войны не позволили реализовать планы по демократизации высшего образования в новом 1917/1918 учебном году.

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. Дон оказался втянутым в долгую и кровавую Гражданскую войну. Но работа всех высших учебных заведений, как в Ростове, так и в Новочеркасске, продолжалась. В этот период помощь высшим учебным заведениям Донской области оказывали и небольшие правительства, сформированные на юге России.

Сегодня ясно, что важность для общества развития науки, просвещения и необходимость поддержки вузов понимали все, в том числе и непримиримые противники того времени – красные и белые. Профессорско-преподавательские кадры, трудившиеся в эти годы в вузах донского региона, приобрели опыт работы в экстремальных условиях неоднократной смены власти. Революционные

события воспринимались ими как время для активного творчества на благо России и ее народа.

Именно Первая мировая война ускорила создание университета в Ростове-на-Дону. В формировании системы высшего образования в донском регионе важную роль сыграла вузовская интеллигенция, прибывшая с Варшавским университетом. Именно она сделала Ростов не только культурным, но и научно-педагогическим центром всего Юго-Востока России. Однако без помощи Ростовской городской думы и местной общественности, без их огромной организаторской и материальной поддержки не могла появиться столь значительная сеть донских высших учебных заведений.

Многие вузы, возникшие в сложные военные годы, существуют и сегодня. Это Южный федеральный университет, Ростовский государственный экономический университет, Донской государственный аграрный университет. Именно эти высшие учебные заведения внесли огромный вклад в создание стройной системы подготовки кадров высшей квалификации для народного хозяйства не только донского региона, но и всей страны.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5252а. Л. 13.
2. Есипов В.В. Материалы к истории Варшавского университета // Варшавские университетские известия. 1914. № 9. С. 10.
3. XX лет Ростовского-на-Дону государственного университета. Ученые записки. Ростов н/Д, 1935. С. 38.
4. Белозеров С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов н/Д, 1959. С. 45.
5. XX лет Ростовского-на-Дону государственного университета. С. 39.
6. Белоконь А.В. Ростовский государственный университет: история и современность. Ростов н/Д, 2002. С. 8.
7. Летопись университетской жизни. Ч. 1. (1915–1920 гг.). Ростов н/Д, 2003. С. 43.
8. Белозеров С.Е. Указ. соч. С. 50.
9. Женский медицинский институт просуществовал до 1921 г. В годы НЭПа в связи с сокращением государственного финансирования он был слит с медицинским факультетом Донского университета.
10. Летопись университетской жизни. Ч. 1. (1915–1920 гг.). С. 33.

Г.В. Чочиев

Кавказская политика Османской империи и черкесская диаспора в период Первой мировой войны¹

Сразу после окончательного оформления альянса Османской империи с Центральными державами в начале августа 1914 г. Кавказ превратился в одну из приоритетных целей стамбульского военно-политического руководства. С точки зрения стоявшей в стране у власти младотурецкой администрации, регион имел чрезвычайно большое значение для решения двух геостратегических задач Стамбула в предстоящей войне – сдерживания российской угрозы Анатолии и продвижения туранистских проектов в Азии. Крайняя заинтересованность правящих кругов империи в достижении быстрого прорыва на кавказском направлении диктовала им, как это имело место при прошлых османо-российских конфликтах (в частности, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), необходимость использования фактора проживающей в стране северокавказской (черкесской) диаспоры. Для таких расчетов имелись основания. Лояльность Порте подавляющего большинства ее подданных из числа этнических северокавказцев не вызывала сомнений. Более того, для умонастроений немалой части османских черкесов не было чуждо стремление к этнонациональному реваншу, обусловленное воспоминаниями о трагических событиях Кавказской войны и вынужденного переселения горцев в османские пределы в XIX в. (так называемого мухаджирства).

Некоторые факты свидетельствуют о наличии у османского командования уже в начале войны установок на целенаправленную отправку черкесов на кавказский фронт. Неслучайно, например, то обстоятельство, что высшие кадры дислоцированной в Восточной Анатолии 3-й «Кавказской» армии состояли преимущественно из северокавказцев. Имеются данные и о попытках рекрутирования черкесов осенью 1914 г. в иррегулярные подразделения главной османской спецслужбы – Особой организации – для проведения разведывательных и диверсионных операций за линией фронта [1]. Несомненно, что, принимая подобные решения, власти уповали в первую очередь на патриотическое (этнореваншистское) усердие северокавказцев, а также знание ими местных языков, культурных, географических реалий и т.п.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макро-региона в условиях роста напряженности».

Гораздо более серьезные надежды, впрочем, Порты возлагала на привлечение северокавказцев к политико-пропагандистской работе, направленной на обеспечение развития событий на Кавказе в устраивавшем стамбульские власти русле, а также на создание благоприятного для осуществления их целей в регионе международно-политического фона. Примечательно, что многие представители черкесской политической элиты сами выдвигали аналогичные инициативы. Один из них, губернатор Бейрутского вилайета Бекир Сами-бей (Кундух) еще 30 июля 1914 г. направил военному министру Энвер-паше письмо, в котором указывал на необходимость и возможность организации на Кавказе восстаний местного населения против российской администрации и рекомендовал привлечь к выполнению этой задачи таких знаковых с точки зрения идеологии и традиций горского движения сопротивления XIX в. личностей, как генералы Мухаммед Кямиль-паша и Мухаммед Фазыл-паша [2] – соответственно, сын и шури́н сына имама Шамиля.

В первых числах августа 1914 г. состоялись прямые контакты между младотурецкими руководителями и группой влиятельных диаспорных политиков, на которых была достигнута договоренность о сотрудничестве в претворении в жизнь кавказской политики Порты. Тогда же в качестве формы политического устройства Кавказа после его «освобождения» была одобрена модель формально независимого конфедеративного государства в пределах «Большого Кавказа», которое должно было управляться одним из османских принцев и служить барьером, защищающим османские владения от «угрозы с севера» [3].

Вскоре после этого была учреждена так называемая Турецкая санитарная миссия, на деле представлявшая собой политический комитет и состоявшая из ряда известных в стране лиц кавказского происхождения во главе с маршалом и сенатором Фуад-пашой (Тхуго). Поскольку в начальный период войны османские власти делали ставку на инспирирование на Кавказе широкомасштабного восстания для поддержки своих наступательных операций, черкесские деятели также были сориентированы Энвер-пашой на решение в первую очередь этой задачи. Так, упомянутая организация должна была под прикрытием гуманитарной и благотворительной деятельности проводить на Кавказе работу по стимулированию антироссийских настроений среди местного населения [4].

Однако с провалом зимой 1914–1915 гг. «кавказской» (карсско-сарыкамышской) кампании османской армии шаги по провоцированию нестабильности непосредственно на Северном Кавказе на время утратили актуальность. Ввиду этого на передний план в стратегии диаспорных активистов и их младотурецких покровителей вышла деятельность по продвижению на международном уровне и прежде всего в странах – старших партнерах Порты по альянсу – ранее согласованных проектов создания «кавказской конфедерации» в случае поражения России в войне. В сентябре 1915 г. в Стамбуле был создан Комитет независимости Кавказа (КНК) во главе с Фуад-пашой, провозгласивший своей целью достижение «идеала свободного и единого Кавказа» [5]. В декабре того же года

КНК направил делегацию в Германию и Австро-Венгрию для лоббирования требования кавказской независимости. Помимо этнических северокавказцев, в ее состав вошли представители грузинских и азербайджанских антироссийских эмигрантских групп. Благодаря посредничеству младотурецких лидеров делегация была принята в Берлине и Вене на уровне министров иностранных дел и вручила меморандумы, в которых высказывалась просьба оказать КНК «как выразителю интересов коренных народов Кавказа и их политических эмиграций и диаспор» содействие в достижении поставленных целей. В ответах обоих правительств сдержанно выражались симпатии к чаяниям кавказцев. Кроме того, КНК было позволено осуществлять агитационную и вербовочную работу среди находившихся в лагерях для российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии выходцев с Кавказа с целью подготовки «кадрового ядра» военных, политических и прочих структур будущего независимого государства [6].

Не позднее июня 1916 г. КНК в связи с выходом из него закавказских активистов был преобразован в Комитет северокавказских политических эмигрантов в Турции (КСКПЭТ). Обновленному формированию принадлежала ведущая роль в подготовке самой заметной политико-пропагандистской акции диаспорных кругов на международной арене – участия выступавшей от имени северокавказских народов делегации в III Конгрессе угнетенных наций, прошедшем 27–29 июня 1916 г. в Лозанне под эгидой так называемого Союза национальностей и при закулисной поддержке германского МИД. Репрезентативность этого форума, собравшего представителей более двадцати зависимых и колониальных народов и этнических групп Европы, Азии и Африки, и его проведение в нейтральной Швейцарии обеспечили ему определенный резонанс в прессе и политических кругах стран обеих воюющих группировок. Посланцы КСКПЭТ, подобно делегатам из других регионов Российской империи, подвергли резкой критике политику царских властей в национальном вопросе и в очередной раз констатировали свою приверженность принципу независимого кавказского конфедеративного государства [7]. Интересно, что в период пребывания в Швейцарии руководитель делегации профессор стамбульского Высшего аграрного училища Азиз-бей (Мекер) несколько раз встречался с лидером большевиков В.И. Лениным [8], что свидетельствовало о стремлении к установлению контактов не только с российскими «инородческими» движениями, но и группами общероссийской радикальной оппозиции.

С целью активизации информационно-пропагандистской работы в Западной Европе в Женеве вслед за конгрессом было открыто представительство КСКПЭТ, которое возглавил корреспондент Османского национального телеграфного агентства в Швейцарии Мехмед Шамиль-бей (Шхапли), правнук имама Шамиля по материнской линии [9].

В целом, однако, первые три года войны были для вовлеченных в описываемую деятельность диаспорных политиков, дипломатов и военных периодом не слишком результативного ожидания благоприятных для них сдвигов в гло-

бальной и региональной конъюнктуре. Положение значительно изменилось после революции 1917 г. в России. Крах царизма и начавшиеся в стране дезинтеграционные процессы, в том числе учреждение группой горской либерально-демократической интеллигенции Союза объединенных горцев Кавказа (СОГК) и постановка им в повестку дня вопроса о самоопределении Северного Кавказа, породили среди активистов диаспорных организаций надежды на скорую реализацию вынашивавшихся ими проектов решения «кавказского вопроса». Сложившаяся обстановка побуждала и младотурок к активизации своей кавказской политики и подключению к ней представителей черкесской элиты, через которых предполагалось обеспечить османский контроль над молодым горским национальным движением. В конце 1917 – начале 1918 г. властями был инспирирован ряд воззваний от имени диаспоры к народам Северного Кавказа с призывом усилить борьбу за независимость, а также к различным европейским державам и организациям с требованием поддержать эти усилия (характерно, например, «Обращение Общества единения Кавказа к правительствам Османской империи, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Польши, центральному правительству России, Украинскому комитету, Стокгольмской и Бернской мирным конференциям» от 20 ноября 1917 г.) [10]. В этот же период главный редактор издававшейся перед войной в Стамбуле черкесской газеты «Гуазе» Юсуф Суад-бей (Негуч) и еще несколько молодых черкесских активистов (в основном офицеров) были переправлены Особой организацией на историческую родину для установления взаимодействия с местными национальными силами, однако большинство вскоре было вынуждено вернуться обратно [11].

В середине марта 1918 г. начальник штаба османского военно-морского флота и видный деятель диаспорных политических структур подполковник Хюсейин Рауф-бей (Ашхарува) встретился с «представителями Дагестана», находившимися в составе делегации Закавказского правительства на Трабзонской мирной конференции [12]. Эти контакты и не в последнюю очередь заинтересованная позиция Хюсейина Рауф-бея подготовили почву для визита в Турцию в начале апреля официальной делегации Центрального исполнительного комитета СОГК (так называемого Горского правительства) в составе Г. Бамматова, А.-М. Чермоева и М.-К. Дибирова. После детальных консультаций с Хюсейном Рауфом делегация была принята высшими лицами империи – премьер-министром Талат-пашой, военным министром Энвер-пашой и султаном Мехмедом V. В ходе этих переговоров горские делегаты, в полном соответствии с геополитическими планами младотурок, заявили о своей готовности добиваться отделения Северного Кавказа от России и его вступления в конфедеративный союз с закавказскими странами под османским протекторатом, прося предоставить возглавлявшемуся ими движению военную, экономическую и политическую помощь [13].

С целью координации действий властей, диаспорных деятелей и горских лидеров по проведению в жизнь в сущности согласованной кавказской стра-

тегии в апреле 1918 г. была создана новая организация – Общество Северного Кавказа (ОСК), председателем которого стал директор Османского национального телеграфного агентства полковник Хюсейин Тосун-бей (Шхапли). Важную роль в деятельности общества играли также упомянутые выше Фуад-паша, Хюсейин Рауф-бей (с октября 1918 г. министр флота), Бекир Сами-бей, Азиз-бей, а также министр внутренних дел (с июля 1918 г.) Исмаил Джанбулат-бей (Хатко), экс-губернатор Диярбекирского вилайета Мехмед Решид-бей (Ханахе), член центрального комитета младотурецкой партии «Единение и прогресс» Хюсейин Кадри-бей (Шхапли), генерал Юсуф Иззет-паша (Чунатуко), подполковник Исмаил Хаккы-бей (Беркук) и другие представители черкесской военно-бюрократической элиты [14]. ОСК выполняло посреднические функции между властями и прибывшими с Северного Кавказа делегатами, явно стараясь способствовать радикализации позиции и тактики тех и других. Отчасти результатом этих усилий стали провозглашение в Стамбуле 11 мая 1918 г. независимости Северо-Кавказской Республики (СКР) Г. Бамматовым и А.-М. Чермоевым (в качестве соответственно премьер-министра и министра иностранных дел Горского правительства) и ее немедленное признание Портой, которая 8 июня заключила с этим формированием также договор о дружбе и взаимопомощи [15].

Активность младотурецкого руководства и связанной с ним политизированной группировки диаспоры на Северном Кавказе достигла кульминации летом-осенью 1918 г., когда Порта предприняла в регионе вооруженную интервенцию, позволившую лидерам Горского правительства вернуться на родину и установить юрисдикцию СКР на части территории Дагестана. Обращает на себя внимание чрезвычайно высокая доля офицеров-черкесов в составе осуществившего эту операцию османского экспедиционного корпуса, командиром и начальником штаба которого являлись члены ОСК – Юсуф Иззет-паша и Исмаил Хаккы-бей соответственно. Одновременно Юсуф Иззет-паша стал официальным представителем османского государства в СКР, а Исмаил Хаккы-бей – главным военным советником Горского правительства, ведавшим формированием его вооруженных сил [16]. Эти назначения, несомненно, были обусловлены известными расчетами стамбульских властей по использованию фактора черкесской диаспоры в своей кавказской политике, на что указывал в своих воспоминаниях и сам Юсуф Иззет-паша [17].

За оккупацией Дагестана, согласно замыслу младотурок и их горских и диаспорных сателлитов, должно было последовать «освобождение» от «красных» и «белых» сил остальной части Северного Кавказа вплоть до исторической Черкесии и Абхазии [18]. Это означало бы фактическую реализацию проекта СКР в ее максимальных границах «от моря до моря» и завершение сооружения «кавказского барьера» против России. Отметим в этой связи, что в июле 1918 г. военный министр Энвер-паша по просьбе диаспорных активистов и горских эмиссаров негласно санкционировал высадку близ Сухума небольшого осман-

ского десанта, состоявшего в основном из этнических абхазов, под предлогом ограждения Абхазии от притязаний меньшевистской Грузии, но эта акция оказалась неудачной [19].

Вышеуказанным планам, однако, не суждено было осуществиться. Резкое ухудшение положения османских войск на других фронтах в октябре 1918 г. и падение младотурецкого режима не оставили даже теоретических шансов на разрешение «кавказского вопроса» по стамбульскому сценарию. Подписанное Портой 30 октября Мудросское перемирие с державами Антанты предусматривало немедленный вывод османских формирований с Кавказа. Несмотря на попытки находившихся в Дагестане военных-черкесов и прежде всего Юсуфа Иззет-паши максимально затянуть выполнение этого пункта, в конце ноября, после нескольких нот англичан, турецкие подразделения покинули занятые ими кавказские территории [20].

Если оценивать характер взаимоотношений между младотурецкой администрацией и черкесской диаспорной элитой в период Первой мировой войны, то необходимо констатировать, что власти довольно успешно эксплуатировали этнонациональные устремления своих подданных-северокавказцев в направлении собственных военно-политических целей. Со своей стороны, диаспорные политики также пытались использовать экспансионистские амбиции режима и специфику международной конъюнктуры для ускоренного продвижения в повестку дня Порты, ее союзников и в целом западного общественного мнения «(северо)кавказского вопроса». Созданные в эти годы османскими черкесами комитеты и общества, несомненно, играли определенную роль в конкретизации и, как правило, радикализации кавказской политики Стамбула и смогли привлечь на некоторое время внимание заинтересованных европейских кругов к положению Северного Кавказа и его диаспоры. Вместе с тем очевидно, что разрабатывавшиеся черкесскими деятелями проекты изменения статуса и политической судьбы исторической родины плохо соотносились с современной им ситуацией в регионе. Так, диаспорные лидеры и курировавшие их младотурки значительно переоценивали степень непримиримости и антагонизма отношений между северокавказскими народами и Российским государством и одновременно игнорировали социальные, идеологические, этнические и иные различия и противоречия внутри самого горского сообщества. Явно преувеличенными были и их предположения о бытовании среди северокавказских мусульман проосманских настроений. Наиболее зримым подтверждением неадекватности представлений этих кругов о реалиях Кавказа могут служить разделявшиеся ими в начале войны ожидания масштабного выступления горцев против российской власти. По существу, только с 1918 г. черкесским активистам удалось начать интенсивно взаимодействовать со своими единомышленниками на Кавказе. Однако и на этом этапе они, как и официальный Стамбул, недооценивали то обстоятельство, что выступавшее в качестве их партнера Горское правительство представляло лишь одно из течений раздробленного и

изменчивого идейно-политического спектра послереволюционного Северного Кавказа. Данные слабости программы черкесских диаспорных политиков могли серьезно затруднить реализацию их плана «освобождения родины» даже в случае благоприятного для Османской империи исхода войны. В силу ее хорошо известного финала, однако, дальнейшие проекты и действия диаспорной элиты по решению кавказских проблем утратили практический смысл.

Примечания

1. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Meclis-i Vükela. № 195/28, 195/116; Ünal M. Kurtuluş Savaşında Çerkeslerin Rolü. İstanbul, 1996. С. 34–35.
2. Budak M. Kafkasya ve Osmanlı Devleti (XVI–XX. Yüzyıllar) // Osmanlı. I. Ankara, 1999. С. 607.
3. Saydam A. Kafkasya’da Bağımsızlık Mücadeleleri ve Türkiye. Trabzon, 1993. С. 90.
4. Budak M. Op.cit. С. 607.
5. Turan M. Kafkasya Komitesi ve Türkiye’deki Kuzey Kafkasya Siyasi Göçmenleri Komitesi // Tarih ve Toplum. 1997. № 165. С. 14–15.
6. Jaeschke G. 1916 Lozan Kongresi’nde Rusya Mahkumu Milletler // Tarih ve Toplum. 1997. № 165. С. 17–18; Aydemir İ. Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara, 1991. С. 175.
7. Jaeschke G. Op.cit. С. 18–21.
8. Kurat A.N. Türkiye ve Rusya (1798–1919). Ankara, 1970. С. 329.
9. Turan M. Op.cit. С. 16.
10. Berzeg S. Kuzey Kafkasya Cumhuriyeti. I. İstanbul, 2003. С. 109–110.
11. Balcioğlu M. Teşkilat-ı Mahsusa’dan Cumhuriyet’e. Ankara, 2004. С. 142.
12. Şahin E. Trabzon ve Batum Konferansları ve Antlaşmaları (1917–1918). Ankara, 2001. С. 310, 428–429.
13. Ibidem. С. 386–391, 523–525.
14. Turan M. Şimali Kafkas Cemiyeti // Tarih ve Toplum. 1998. № 172. С. 51.
15. Şahin E. Op.cit. С. 622–627, 639–640.
16. Güsar V. Kuzey Kafkas Son Milli Mücadelesine Katılan Türkiye Çerkesleri // Kafkasya. 1970. № 28. С. 5–7.
17. Birinci Dünya Harbinde Türk Harbi. Kafkas Cephesi. Üçüncü Ordu Harekatı. II/2. Ankara, 1993. С. 596.
18. Bal H. Kuzey Kafkasya’nın İstiklali ve Türkiye’nin Askeri Yardımı (1917–1918) // Kafkas Araştırmaları. 1997. № 3. С. 86.
19. Berzeg S. Op.cit. С. 233–244, 283–287, 305.
20. Saydam A. Op.cit. С. 95–96; Bal H. Op.cit. С. 88–90.

Т.А. Корниенко

Криминогенная ситуация в годы Первой мировой войны (на материалах Северного Кавказа 1914–1917 гг.)

Криминогенная ситуация является важнейшим показателем состояния общества. Показатели преступности возрастают в тот период, когда социум испытывает серьезные изменения в культурных, социальных, политических ориентациях, какими были годы Первой мировой войны.

В первый год войны число преступлений в Российской империи существенно уменьшилось. Мобилизация сократила в тылу численность мужчин в возрасте от 18 до 30 лет, на долю которых приходилась основная часть совершавшихся преступлений, заставила правительство обеспечить семьи фронтовиков пособиями, подняла уровень занятости. Оздоровлению обстановки способствовало и введение сухого закона, что привело к снижению деревенской преступности. Пьянство до войны в деревне было распространенным явлением, которое влекло за собой порождение многих других пороков и противоправных действий: хулиганство, драки, насилия, воровство и т.д.

4 сентября 1914 г. губернии и области Северного Кавказа были объявлены на военном положении, что повлекло за собой более жесткую регламентацию повседневной жизни населения. Как следует из доклада особого отдела по политической части управления наместника Кавказа о происшествиях за апрель-июль 1915 г., адресованного Совету министров, «течение политической и общественной жизни в пределах Кавказского края никакими особыми случаями не нарушалось, настроение общественных кругов и крестьянского населения в общем спокойное» [1]. По краю в этот период времени фиксировалось уменьшение преступлений имущественного характера – грабежей. Значительную долю среди преступлений имущественного характера представляли случаи скотокрадства. Наиболее распространено было конокрадство в Кубанской области – 63 случая. За год увеличилось количество убийств: в Кубанской области насчитывалось 11 случаев, в Терской – 9 [2].

Начальники областей и губернаторы давали в Совет министров отчет о количестве зарегистрированных преступлений за каждый месяц. По этим сведениям можно приблизительно судить об уровне криминогенности северокавказского общества. Так, за март 1915 г. было совершено 2766 преступлений в Кавказском крае, в том числе в Кубанской области – 115, в Черноморской губернии – 19, в Терской области – 23. Динамика преступлений различалась.

В апреле количество преступлений увеличилось по сравнению с предыдущим месяцем в Кубанской области до 128 случаев, в Терской – до 33, в Черноморской губернии – до 22. В мае, напротив, наблюдалось снижение преступности в Кубанской области и Черноморской губернии – до 71 и 20 случаев соответственно. Причем в отчетах фиксируется рост числа разбоев (почти в два раза), грабежей, скотокрадства и убийств [3].

В конце 1915-1916 гг. вновь проявилась тенденция к росту преступности. Разруха и крушение сложившегося уклада жизни, в связи с военными потрясениями, способствовали обострению криминогенной ситуации в стране. Статистические данные свидетельствуют, что на Северном Кавказе, как и повсеместно, значительно возросло количество случаев хищения чужой собственности. Нехватка средств толкала людей на преступления. В военное время наиболее остро встал вопрос об участвовавших случаях краж со стороны детей и подростков, как со стороны беженцев, так и местного населения. Например, газета «Кавказский край» неоднократно писала о беженке-воровке 7 лет, которая обманым путем проникала в квартиры и выносила оттуда ценные вещи. «Последний улов» девочки составил 309 руб. Поймавшим ее жандармам она сказала, что деньги нужны были на лекарство для ее тяжело болевшей матери [4].

В жандармских рапортах и донесениях военного времени можно встретить сообщения о том, что преступления стали особо жестокими: почти каждая пятая кража чужой собственности сопровождалась убийством или нанесением телесных повреждений. Например, «31 декабря 1916 г. в ст. Костромской в своем доме неизвестные злоумышленники проникли через пролом крыши в стене, а потом, снявши с петель двери в комнату, задушили казачка 70 лет отроду. Причем было украдено 200 рублей» [5]. Или другая ситуация: «...в станице Геймановской был ограблен казак П.И. Лихачев. Часов в 11 ночи, когда Лихачев лежал в постели, послышался скрип в двери, а затем молниеносно навалился на него неизвестный человек, схватил его за горло, стащил на пол, где связал руки бечевкой и из кармана вытащил платок, в котором находилось 216 руб.» [6].

Характерным было то, что в качестве орудий убийства или запугивания при похищении чужого имущества преступники стали часто использовать огнестрельное оружие. Так, например, «в станице Верхнекабанской вооруженными людьми была ограблена мещанка г. Нахичевань Карапетова, проживающая с невесткой» [7]. Нередко грабеж сопровождался особой жестокостью и извращенностью. «Кубанские ведомости» сообщали в июле 1916 г., что в станице Ново-Донецкой через окно в дом местной казачки В.Г. забрались грабители. Злоумышленники, связав прислугу и работника, положили их в другой комнате, и под угрозой лишиться жизни приказали молчать, а старуху начали пытать и добиваться выдачи денег. Ее голову облили керосином и подожгли. Такую пытку грабители проделывали над несчастной два раза. Имевшая 200 руб., старая женщина указала, где они лежат, но негодяи и после этого продолжали издеваться над ней. По свидетельству потерпевшей, их было 4 человек. [8]. В докладах

особого отдела по политической части управления наместника Кавказа также фиксируются случаи с особо тяжелыми последствиями: в мае 1915 г. вооруженные злоумышленники совершили разбойное нападение на дом крестьянина Л. Пономаренко. Грабители убили гирей и острым оружием хозяина дома и его жену, тяжело ранили 11-летнего сына. Совершив преступления, злоумышленники захватили с собой на 5–10 руб. чаю и папирос и скрылись [9].

Увеличились случаи организованной преступности. Начальник жандармского отделения Армавирской железной дороги на станции Невинномысской раскрыл шайку воров, производивших систематические кражи ценных грузов из проезжавших на станции поездов. Преступники срывали пломбы с вагонов, производя хищения товаров, а затем снова надевали пломбы. Вагоны, как с пломбами, так и без них, отправлялись для дальнейшего следования. Было задержано 4 чел. При обыске полиция на квартире одного из грабителей обнаружила украденный товар на сумму в 200 000 руб. [10]. В начале 1917 г. в Екатеринодаре были арестованы участники преступной шайки, совершившие солидное для своего времени количество преступлений – 8 [11].

В жандармских сводках и донесениях генерал-губернаторов фиксируются участвовавшие случаи изнасилования. В 1914 г. было зарегистрировано 25 случаев изнасилования в Кубанской области, 20 – в Терской, 8 – в Черноморской губернии и 9 – в Ставропольской. В 1915 г. их общее число по Северному Кавказу возросло до 120 [12].

Большое количество преступлений не было раскрыто, что тревожило обывателей. Реакцией на это стали участвовавшие случаи самосуда над пойманными преступниками. Задача самосудов заключались в том, чтобы добиться прекращения краж как «своими», так и «чужими». Крестьянский суд был «формой защиты собственного правосудия перед лицом усиливающей свое влияние господствующей официальной культуры» [13]. Так, например, поступили жители станицы Староминской Кубанской области в апреле 1916 г. В жандармском донесении отмечалось, что за последнее время в названной станице «развелось значительное число всякого рода варварства и грабежей, сопровождавшихся убийствами. Только в период Пасхальной недели был зарезан человек, ограблена торговая лавка, зафиксирован случай изнасилования, драка среди местных парней, кража 3 лошадей». В карцере станицы находилось 12 чел., задержанных по вышеуказанным преступлениям. 17 апреля около правления собралась многочисленная толпа, которая затем начала ломать двери карцера. Атаман попытался успокоить бесновашую толпу, но его отстранили, раздался крик «бей полицию, если она защищает воров и грабителей». После этого толпа взломала замки у дверей карцеров и стала избивать заключенных. Не имея возможности прекратить беспорядки, атаман ожидал прибытия казаков, успокоивших станичников. В результате толпа убила 3 заключенных. Сообщалось также, что в станице Котляревской Терской губернии казаками были насмерть забиты конокрады, пытавшиеся увести 5 лошадей [14].

К тяжким преступлениям относили распространение слухов и оскорбления в адрес правительства, царственных особ. В годы войны подобных дел рассматривалось много, и за этот вид правонарушения открывались уголовные дела. Наиболее часто Николая II обвиняли в плохой подготовке страны к войне и неумении ее вести. В то время, когда социальная, экономическая, политическая ситуация в стране накалилась до предела, подобное распространение негативной для общества информации было крайне нежелательным. В качестве примера можно привести случай, произошедший в июне 1915 г. на станции Кавказской Владикавказской железной дороги. Шедшие домой железнодорожные рабочие предложили неизвестному человеку купить у них газету. Неизвестный согласился, при этом завел с ними разговор по поводу военных действий, сообщив им, что читал телеграмму относительно взятия Львова немцами, и что этому случаю он даже рад. После чего «он начал ругать площадной бранью Верховного Главнокомандующего и правительственную власть» [15]. По заявлению рабочих человек был задержан. «Хулителем» оказался крестьянин Калужской губернии М.Чугунов, проживавший в Кубанской области «без определенных занятий». Суд признал его виновным в распространении при разговоре с рабочими «слухов, вызывающих в населении враждебного отношения к правительственной власти и в оскорблении Верховного главнокомандующего и правительства». Наказанием в таких случаях назначался денежный штраф в размере от 1 тыс. руб., который при несостоятельности обвиняемого заменялся на 1 месяц заключения [16].

В 1916 г. значительно увеличилось число разгромов и грабежей лавок и магазинов. Во многом это объясняется тем, что население было измучено тяготами войны, ростом цен и дефицитом продуктов питания и товаров первой необходимости. Инициаторами погромов выступали преимущественно женщины. Большое количество следственных материалов по таким делам находится в фондах центральных и региональных архивов. Как правило, по положениям военного времени эти инциденты разбирались в военно-полевых судах. Как сообщается в материалах одного из таких дел, 5 и 6 июня 1916 г. в станице Плоской Кубанской области толпа женщин, преимущественно жен мобилизованных казаков, разгромила 3 торговые лавки местных торговцев. Потерпевшие продавцы – владельцы лавок показывали, что женщины заходили в лавки, разбрасывая и унося различные товары. Атаман станицы и его помощник объясняли следствию, что погром лавок возник на почве дороговизны и слухов о произошедших разгромах в соседних станицах, а также потому, что торговцы скрывали товары первой необходимости. Усмирить бушевавшую толпу атаман и его помощник не смогли. 11 женщин были привлечены к следствию в качестве обвиняемых. Согласно Положению о местностях, объявленных на военном положении, дело было передано Кавказскому военно-окружному суду на театре военных действий. Главный военный суд в городе Екатеринодаре 20 октября 1916 г. приговорил каждую из арестованных женщин к тюремному заключению на 4 месяца [17].

Как правило, в подобных делах на скамье подсудимых оказывалось немало людей. Так, по делу о разгроме лавок в станице Украинской Кубанской области было осуждено 29 женщин [18]. А за беспорядки в городе Ставрополе на скамье подсудимых оказалось более 200 чел. [19].

Уголовно наказуемы были и деяния, направленные против земских организаций, а также случаи неповиновения местным властям. Так, военно-окружной суд по делу о вооруженном сопротивлении крестьян села Александрия Ставропольской губернии в 1916 г. вынес следующий приговор: 4 участника выступления были приговорены к смертной казни, 20 – к каторжным работам на 15–20 лет, 1 – к бессрочной каторге, 22 – к арестантским ротам и 17 чел. оправданы. Наместник Кавказа смягчил приговор. Смертная казнь заменялась каторжными работами, другие сроки были сокращены на треть [20].

Еще одним проявлением преступности было хулиганство. В конце 1916 г. в церковной газете «Колокол» сообщалось, что, несмотря на уменьшение мужского населения, численность хулиганов в провинциях не сократилась по сравнению с довоенным временем, а «во многих местностях даже увеличилось и их последствия доводят до того, что тормозит даже учебно-воспитательное дело» [21]. В газете «Кавказские ведомости», писали, что «по городу [Пятигорску] разгуливают партии ребятишек от 6–10 лет с перочинными ножами. На днях эти “шалуны” чуть не поранили запротестовавшего против их насилия мальчика Н... Те же мальчики недавно выбили стекла в доме. Несмотря на жалобы на безобразия малышей, родители не принимают никаких мер, отговариваясь, что им некогда с ними возиться» [22]. Атаман Пятигорского отдела неоднократно предупреждал, что, поскольку за последнее время на Кавказских Минеральных водах молодежь «вечером начала проявлять наклонности к хулиганству, выражающемуся в драках, нарушениях тишины, оскорблении прохожих, им отданы приказы уличенного в преступлении, нарушении порядка, арестовывать и доставлять в управление по статье 23 Правил о военном положении. Не такое теперь время, – замечает атаман, – чтобы трудоспособная молодежь без ущерба для семьи и для общего благосостояния государства проводила время в тюрьмах: каждый способный к труду должен работать, обеспечивать благосостояние семьи, а не имеющий ее должен помогать другим, обеспечивая тем и себя» [23].

«В последнее время в станицах творится что-то невероятное, – замечала “Кубанская мысль”, – в праздники от парней-хулиганов нет ни проходу, ни проезду. На речке обычно собираются парни и подростки, устраивают целые войны. Бегают с ножницами, кинжалами, с камнями. На днях избивали в такой драке одного парня до полусмерти, а другого отправили на тот свет. В мае в центре станицы парни напали на фурщикова, везших табак, и стали грабить среди бела дня. На протест фурщика парни ответили побоями, в результате чего камнем ему пробивали голову. Следовало, – отмечает корреспондент, – нашей местной администрации принять энергичные меры по искоренению творимых хулиганскими безобразиями» [25].

Увеличивались случаи хулиганства малолетних детей. Так, утром 10 декабря 1915 г. на 136-й версте Черноморско-Кубанской железной дороги по линии Крымская – Куцевская были «наложены на рельсы 7 камней». Следствие установило, что это сделали местные мальчишки. Обнаруживший камни пристав по следам нашёл дом, где обнаружил несовершеннолетних казаков А.А. Набокова и А.Н. Шевелева. Мальчишки сознались «после недолгого запырательства, что положили камни на рельсы, желая узнать, раздавит их поезд или нет». На следствии виновными себя не признали. Дело было передано в военно-полевой суд в Екатеринодаре, который вынес строгий приговор – помещение ребят в исправительный приют или колонию для мальчиков-преступников сроком на 1 год каждого [24].

Беспрецедентный случай хулиганства – неповиновение властям со стороны мобилизованных, отправляемых на фронт, произошел в Екатеринодаре в мае 1916 г. толпа новобранцев в районе вокзала избила городских и оказывала полицейским сопротивление. Как отмечается в рапорте, новобранцы вели себя «крайне безобразно, ругались площадной бранью. На замечания новобранцам, сделанные городскими, чтобы они вели себя более прилично и не выражались нецензурными словами, устроили с городскими ссору, переросшую впоследствии в драку. Бесчинствующая толпа двинулась к 1-й части, разбивая по пути окна в магазинах. По прибытии к полицейской части, толпа пыталась выбить дверь». Однако полиция сопротивления не оказала. Постепенно с песнями толпа новобранцев стала расходиться. Никто из бесчинствующих лиц не был задержан. На следующий день, когда мобилизованных отправляли в станицу Уманскую, они разбили около 30 вагонных стекол [26].

Таким образом, война и связанные с ней проблемы создали благоприятную почву для усиленного развития аномального поведения – пьянства, преступности, проституции. На ухудшение ситуации повлияли провалы внешне- и внутриполитического курса правительства, которые подрывали веру в легитимность существующей власти, расшатывали общественный порядок и порождали, как следствие, рост криминального поведения. В повседневной практике укоренялось насилие, возводимое в ранг нормального явления.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 19. Д. 335. Л. 4.
2. Там же. Л. 5.
3. Там же. Д. 425. Л. 6.
4. Кавказский край. 1916. 15 июля. С.3; Там же. 12 августа. С. 3.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 1073. Л. 2.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 583. Оп. 1. Д. 1073. Л. 88.

7. Там же. Л. 6.
8. Там же. Л. 10.
9. Кубанские ведомости. 1915. 24 июля. С. 3.
10. Кубанская мысль. 1915. 6 марта. С. 3.
11. ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 409. Л.32.
12. РГИА. Ф. 1276. Оп.19. Д. 1425. Л. 8.
13. Оболенская С.В. С. Фрэнк. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства 1870–1900 гг.// История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 233–239.
14. Терские ведомости. 1915. 16 декабря. С. 3.
15. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1032. Л. 208.
16. Там же. Л. 197.
17. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1308. Оп. 1. Д. 21 719. Л. 98–98об.
18. Там же. Л. 129.
19. ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 366. Л. 43.
20. Там же. Л. 11.
21. Колокол. 1916. 24 декабря. С. 3.
22. Кавказский край. 1916. 4 мая. С. 3.
23. Там же.
24. РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 867. Л. 31–31об.
25. Кубанская мысль. 9 августа. С. 4.
26. ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1073. Л. 163.

С.А. Кислицын

Мировая империалистическая война как исключительное условие и предпосылка революции и Гражданской войны в России

Первая мировая война была первой великой тотальной войной, когда столкнулись не просто военные блоки стран, а десятки миллионов людей, часто не понимавших во имя чего они воюют. Для большинства современных «обычных» граждан Первая мировая война – геополитическая катастрофа, унесшая жизни 20 млн людей. Но некоторые историки пытаются найти в ней другой смысл. Отдельные немецкие авторы считают, что не имеет значения, кто виноват в развязывании мировой бойни, кто победил, а кто проиграл в войне. Порой они вообще отрицают роль Германии в развязывании войны и, более того, видят в ее итогах важный фактор для развития Европейского Союза. Другие авторы обосновывают тезис о том, что Германская империя в такой же степени ответственна за развязывание войны, как Франция, Англия или Россия. Британские и французские авторы считают, что многие люди воевали и верили в то, что понесенные жертвы стоят победы в войне. Российские историки считают, что Первая мировая война стала «жертвой коллективной амнезии», что связано с определенной инерцией советского периода, когда было принято рассматривать ее исключительно в качестве катализатора революционного процесса.

Память о Первой мировой войне для современных историков важна потому, что позволяет понять, какие цели и ценности национального бытия нужно отстаивать. Исследователи утверждают, что в начале XX в. Россия столкнулась с такими внутривосточными и геополитическими вызовами, которые повторились на рубеже XXI столетия. Исходя из этого, восстановление исторической памяти о войне 1914–1918 гг. якобы способно уберечь от повторения ошибок. Считается, что многие процессы сегодняшнего дня, например, расширение НАТО, легче понять, зная геополитические и идеологические подоплеку Первой мировой войны.

В современной российской литературе активно обсуждаются «позитивное» влияние Первой мировой войны на экономику и финансы страны, «позитивные» социальные и гендерные изменения, «позитивные» процессы в тылу, на оккупированных и прифронтовых территориях и т.п. На одной из недавно проходивших научно-практических конференций ряд авторов раскрывал позитивное значение Первой мировой войны для развития экономики России, значение войны для духовности, патриотизма, героическую роль казаков и

горцев в боевых действиях. Но никто не вспомнил о возникновении феномена фронтового казачества, которое стало проявлять разочарование и в командовании, и в целевых установках Великой войны. Пацифистские и революционные настроения не могли пройти мимо тяжелого на подъем, архаичного и консервативного казачества. М.А. Шолохов в романе «Тихий Дон» описывает, как у Григория Мелехова под влиянием массовых убийств во время войны и рассказов о подлинных ее причинах рушатся все его традиционные представления о царе, Родине и казачьем воинском долге.

Не только на фронте, но и на самом Дону постепенно зрело недовольство сложившейся ситуацией. Отвлечение наиболее работоспособной части казачьего населения от непосредственной хозяйственной деятельности тяжело отразилось на экономике Донской области. В итоге рядовое казачество вместе с основными солдатскими массами Петроградского гарнизона не выступило в защиту самодержавия в ходе Февральской революции. А на Дону именно фронтовое казачество в той или иной степени встало на сторону советской власти. Благодаря тотальной войне русское крестьянство, одетое в солдатские шинели, получило оружие и, устав от четырехлетней бойни, повернуло его против своего исторического противника – помещичьего дворянства. Без этого и других последствий империалистической войны революция закончилась бы приблизительно так же, как предшествующая революция в 1905–1907 гг.

Меньше внимания уделяется массовому применению насилия в годы войны против гражданского населения в России и других странах, национализму и идеологии в годы войны, оккупационной политике, проблемам военнопленных и концентрационных лагерей, истории дипломатии военного времени. Забыты прежние оценки политико-экономических разногласий ведущих стран Европы накануне Первой мировой войны, выводы о наличии империалистических целей в войне у ведущих держав, в том числе и Российской империи. Забыты выводы В.И. Ленина о крахе II Интернационала, члены которого поддерживали войну «своих» государств, и даже об особой агрессивности германского империализма. Часто искажается сам ход мировой войны, особенно на Восточном фронте. Стало модным акцентировать внимание на победах русского оружия и игнорировать его поражения. Недавно опубликованные фронтовые письма генерала А.М. Каледина к его жене проясняют ход войны. В частности, генерал так отзывался об установившихся настроениях: «...к стыду нашему, в обществе господствует чрезвычайное легкомыслие в отношении переживаемого периода. Это общая погоня за наживой, не стесняясь средствами, распущенность нравов, оргии и наряды – скверные признаки и знаменуют ничтожество и отсутствие глубокого патриотизма в обществе, в так называемой интеллигенции. Подлое время» [1].

Описывая ход войны, сражения и фронтовой быт, он отмечал у значительной части армии, «наряду с замечательным бесстрашием и самопожертвованием, случаи самого позорного поведения; что странно, это то, и другое повторяется

с одной и той же частью» [2]. Его письма свидетельствуют о крайней противоречивости военных действий, об их насыщенности самыми противоположными процессами, которые генерал воспринимал угрюмо и тревожно. А ведь он был горячим патриотом и активным сторонником войны до победного конца.

Практически перестала рассматриваться в новейшей литературе проблема взаимосвязи империалистической войны с великой Российской революцией 1917–1920 гг. А ведь эта связь, как бы ни относиться к революции, совершенно очевидна. Наконец, вспомним тезис о политической актуальности Первой мировой войны. Действительно, современные геополитические процессы напоминают положение в мире конца XIX – начала XX вв., когда, по сути, наблюдалась ситуация соперничества различных центров сил. Но погружение пласта истории Первой мировой войны в современный геополитический контекст – это явное искажение историзма как классического методологического подхода. Как бы ни были похожи условия начала XXI в. на события начала XX в., они совершенно иные. Прежде всего, совершенно иная роль США, выполняющих функцию мирового лидера-жандарма, иная роль европейских государств – Германии, Франции и Великобритании, ставших младшими партнерами США. Иная роль у современной России, перешедшей в новый геополитический разряд страны, борющейся за влияние на ушедших территориях бывшей Российской империи. Если в новых условиях с новыми ракетно-ядерными вооружениями мировая война исключена, то какой же опыт Россия должна извлечь из той тотально-глобальной войны? Да, в ней были значительны элементы классической отечественной войны, но не в меньшей степени она была империалистической войной – кануном социальной революции и не только в России. В конечном счете, именно мировая империалистическая война стала исключительным условием и предпосылкой революции и Гражданской войны в России. И поэтому историю Первой мировой войны следует изучать также, как и все остальные исторические события – без излишней политической актуализации и эмоционального пафоса.

Примечания

1. Генерал А.М. Каледин. Фронтовые письма 1915–1917 гг. Ростов н/Д, 2011. С. 78.
2. Там же. С. 24.

Р.Г. Тикиджьян

Революционно-демократические настроения и выступления в среде донского казачества накануне и в период Первой мировой войны

Проблемы отношения казачьего населения области Войска Донского к революционным событиям 1905–1907 гг., их участие в политической жизни России и «Тихого Дона» и затяжной мировой войне 1914–1918 гг., вылившейся в очередную революцию, всегда интересовали профессиональных историков и литераторов. Ухудшение социально-экономического состояния казачьих хозяйств в связи с российскими революционными кризисами активизировали демократические настроения у большей части рядового казачества Дона и всего юга России уже к 1910–1911 гг.

В историографии 1920–1930 гг. эти проблемы были обозначены как в местном, так и в общероссийском масштабе. В 1940–1970-е гг. в работах М.Н. Корчина, Я.Н. Раенко, Б.В. Лунина, П.В. Семернина, Л.И. Берза и К.А. Хмелевского на основе новых архивных документов были собраны и интерпретированы в контексте марксистско-ленинской парадигмы основные факты участия казачества в войнах и революциях, в том числе их партийно-политические пристрастия, позиция «стариков» и «молодых» [1]. В исследованиях Д.С. Бабичева на конкретном архивном материале были достаточно подробно освещены проблемы участия казаков Дона в событиях периода 1905–1918 гг., в том числе волнения казаков на ежегодных весенних войсковых сборах-лагерях в мае 1910 и 1911 гг., значимые выступления казаков-фронтовиков в период отправления в действующую армию, выступления женщин-казачек на Дону в 1915–1916 гг. [2].

Следует все же констатировать, что до настоящего времени в современной постсоветской историографии проблемы демографии, характеристика «лагерного быта» на военных сборах и учениях, «домашнего тыла» и быта казачьей семьи, участие женщин-казачек в событиях 1905–1920 гг. рассматривались недостаточно. В контексте актуализации современных научных подходов к изучению т.н. «истории повседневности» это значимое направление следует активно развивать для восстановления более полной и объективной картины событий периода войн и революций на юге России в начале XX в. [3]. Анализ историографии, опубликованных и архивных источников (материалы Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО), местная пресса и др.), позволяет констатировать, что социально-экономическая ситуация в донских хуторах и станицах в период 1907–1917 гг. была весьма сложной и запутанной. Сказывалось влияние

революционных событий, политических партий и организаций на различные слои казачьего населения. Это проявлялось и в изменении отношения казаков не только к полицейской, но и военной службе, прохождению ими традиционных военных сборов-лагерей, строевой подготовки казачьей молодежи.

Политические партии и организации различной направленности, их региональные группы и отделения стали создаваться на Дону уже с конца XIX в., накануне и, особенно, в период Первой российской революции 1905–1907 гг. Постепенно они развернули свою деятельность и в среде казачества. Казачьей интеллигенцией во главе с С. Арефиным была предпринята попытка создать и свою самостоятельную организацию – «Казачий союз» – еще осенью 1905 г. «Казачий союз» даже подготовил свою программу «Казачьи нужды» и начал ее пропаганду в станицах, однако просуществовал сравнительно недолго, не получив тогда массовой поддержки среди казаков. Часть казаков и крестьян, поддавшись верноподданническим чувствам и имея консервативные настроения, поддерживала созданные на Дону организации монархических партий «Союза русского народа», «Союза Михаила Архангела». Попытка создания в 1909 г. еще одной самостоятельной массовой общественно-политической казачьей организации – «Союза донских казаков» – не увенчалась успехом. Хотя его учредители (коллежский советник А. Ежов, войсковой старшина И. Поевов и потомственный почетный гражданин В. Марков) были известны как люди вполне благонадежные и в целом придерживавшиеся крайне правых взглядов, ему было отказано в регистрации.

Современные историки и политологи на широком историческом и документальном материале показали, что наибольшей популярностью в 1905–1920 гг. в среде донского казачества пользовались партии либерально-демократической ориентации и лишь отчасти, уже в 1916–1917 гг. – партии социал-революционной, анархистской и коммунистической направленности. Кадетские организации в Новочеркасске и ряде окружных станиц имели достаточно большую численность (около 3 тыс. чел.), проводили серьезную пропагандистскую работу среди казаков, в их рядах были представлены и авторитетные среди казачества лидеры: В. Харламов, М. Воронков, В. Петровский, А. Аджемов. Кадеты непосредственно включили в свою программу целый ряд важных положений, основанных на требованиях казаков: о сокращении срока службы и льготах, государственной поддержке, введении земств, восстановлении выборных должностей атаманов и традиций круговой демократии. Это способствовало популярности и достаточно весомой поддержке их партии в период всех думских избирательных компаний на Дону. Затем этот успех был развит и на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., когда был создан единый кадетско-казачий список № 4.

Нельзя переоценивать, как это было ранее, в литературе 1930–1970 гг., влияние радикальных политических партий (особенно РСДРП) на казачество области Войска Донского накануне Первой мировой войны и в ходе революционных

событий 1917 г. Надо реально понимать и учитывать аполитичность большой массы станичного казачества и его общий консервативно-патриотический настрой, наличие достаточно большой прослойки зажиточных казаков. Политизирована была лишь часть казачьей интеллигенции, атаманско-офицерской элиты и зажиточного кулачества, а также часть рядовых казаков-фронтовиков, участников событий Первой российской революции и казачьей бедноты.

Численность партии эсеров к 1917 г. достигала на Дону более 20 тыс. членов, эсеры возглавляли весьма популярные и массовые организации Крестьянского союза, входили в большинство советов крестьянских и казачьих депутатов. Они так же, как правило, получали высокие результаты на выборах в Государственную думу и, особенно, в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., уверенно заняв второе место после казачьего списка № 4. Однако следует отметить, что в сложных условиях казачьей области, жесткой системы политического сыска и контроля, у большинства местных партийных организаций и их лидеров фактически отсутствовал серьезный опыт постоянной работы в массах с 1908 по 1914 гг. Им не удавалось наладить повсеместную агитационно-пропагандистскую деятельность, не было четких отлаженных механизмов политического диалога и «блоковых» технологий.

Одним из значимых направлений политической деятельности казачьей элиты в этот период являлось участие выборных казачьих (в том числе донских) депутатов от различных политических партий и слоев населения в составе Государственной думы. Однако добиться реального рассмотрения казачьих проблем и принятия Государственной думой законодательных решений по проектам законов даже после создания единой казачьей фракции не удавалось. Были все же остро обозначены проблемы, волновавшие основную массу казаков и требовавшие разрешения: запрет на использование казачьих полков второй и третьей очереди для полицейской, внутренней службы и подавления народных выступлений, изменение порядка службы, увеличение льгот и снаряжение за счет государства, ограничение частновладельческого землевладения, использование свободных войсковых земель для нужд малоземельных казачьих общин, использование войсковых капиталов только на нужды войска и общин, введение органов самоуправления и земства, восстановления выборной власти атаманов, вывод казачьих гражданских нужд из под ведомства Военного министерства и ликвидации Главного управления казачьих войск.

Особое значение для разрешения казачьих проблем имело проведение аграрных преобразований, но правительство П.А. Столыпина не решилось на проведение радикальной реформы в казачьей общине, ибо это грозило ей дальнейшим реальным «расказачиванием». Большой вклад внесли донские казачьи депутаты в 1912–1914 гг. в обсуждение и подготовку проекта о введении самоуправления и земства в казачьих областях (по проекту донцов). Однако состав думы все меньше интересовали проблемы казачества, а с вступлением России в Первую мировую войну все вопросы и дискуссии практически были сопряжены лишь

с военными нуждами. В итоге так и не были реализованы требования казаков об изменении наряда на службу, снаряжения и льгот за счет государства. Неразрешенность казачьего вопроса при недостаточной поддержке Государственной думы также способствовала накоплению проблем, росту недовольства среди рядового казачества, усилению влияния идей сепаратизма и автономии казачьих областей, революционного нигилизма, а также внутреннему расколу в период начавшейся Первой мировой войны и революции 1914–1917 гг.

Различные документальные и устные источники показывают, что в среде донских казаков накануне и в период мировой войны существование революционно-демократических настроений и реальные массовые волнения были, бесспорно, связаны с социально-экономическими последствиями Русско-японской войны, последствиями революционного кризиса 1905–1907 гг., со слухами о новых аграрной реформе и войне с Китаем, волнениями казаков на сборах в лагерях в 1909, 1910 и 1911 гг. Именно в Усть-Медведицком, Хопёрском, 1-м и 2-м Донском округах сказывалось малоземелье большей части казаков (имевших реально 5–7 вместо 10–15 паевых десятин). Только от последствий стихийных бедствий, неурожая и эпидемий в этих же округах, а также в Сальском и Черкасском, по разным оценкам, от 800 тыс. до 1 млн казачьих семей. Казаки-старослужащие второй и третьей очереди были особенно недовольны новыми уставами лагерных сборов и ужесточением нормативов по полосе препятствий, джигитовке, плохим кормом для строевых лошадей и питанием, издевательствам и грубостью офицеров, а также тем, что их отрывали от семей и хозяйства в сложную пору.

Документы и сводки жандармского управления области Войска Донского свидетельствуют, что одной из причин волнений казаков на сборах в мае 1909 г. и в 1910 г. был и т.н. «хозяйственно-бытовой вопрос». «Старики» и женщины-казачки оставались наедине с трудностями начала хозяйственной весенне-летней компании. В этой ситуации «малолетки», а главное, опытные трудоспособные казаки второй и третьей очереди были оторваны от своих хозяйств и не могли активно участвовать в этом значимом процессе. Многие требовали материальной компенсации за участие в сборах [4]. Результатом массовых волнений стало следствие и суд над более чем 800 участниками «лагерных бунтов», более 300 из них получили реальные серьезные сроки и наказания (каторга и ссылка, заключение на 2 и более лет, лишение званий, административные взыскания и штрафы, отправка на службу вне очереди). Расправа над казаками и жестокость наказаний затронула их семьи, вызвала волну недовольства по всему «Тихому Дону». «Старые» казаки требовали от наказного атамана Донского казачьего войска генерал-лейтенанта Ф.Ф. фон Таубе (затем сменившего его генерала от артиллерии П.И. Мищенко) ходатайствовать перед государем императором об амнистии и смягчении наказаний. Участвовавшие слухи о возможной и непопулярной войне с Китаем, серьезный неурожай 1912 г., эпидемии скарлатины и холеры, от которых в

первую очередь страдали дети и старики, усиливали недовольство населения властями. Казаки уже открыто требовали увеличения земельного надела – пая, расширения льгот по службе, пособия для семей казаков срочной службы, сокращения срока лагерных военных сборов до трех недель [5].

Начало мировой войны (воспринятой среди российских патриотов как «германская») и вступление в нее Российской империи вызвали поначалу всплеск «ура-патриотизма» и среди казаков, с удовольствием полагавших традиционно выслужить на фронте новые высокие чины и звания, привезти трофеи из Европы. По подсчетам историков, в действующую армию с Дона было мобилизовано до 300 тыс. казаков (из них 152 тыс. чел. принимали активное участие на театрах боевых действий). На 3–4 года их семьи лишились рабочих рук. Однако и в 1914–1915 гг. были факты серьезных волнений в связи с опасениями за оставшихся без кормильцев семей при мобилизации и отправке казаков на фронт с участием провожавших их родных и жен, требовавших гарантированного обеспечения пособиями (на станциях в селах Михайловке, Бузановке, станице Голубинской, станциях Урюпинске, Филоново и др.) [6].

Обстановка в донских станицах и хуторах к середине 1916 г. постепенно накалилась, особенно в малоземельных северо-восточных округах Верхнего и Среднего Дона, а также в Черкасском и Таганрогском округах на Нижнем Дону. Последствия инфляции, рост дороговизны и спекуляция, отсутствие товаров первой необходимости достигли крупных казачьих окружных населенных пунктов и станиц. Это стало причинами серьезных массовых выступлений, погромов магазинов и лавок в ходе спонтанных «бабьих бунтов» с участием женщин-казачек. В основном, это были жены казаков, призванных в армию, опасавшиеся за сохранность здоровья детей и стариков, оставшихся на их попечение. К этим выступлениям все активнее и чаще присоединялось женское крестьянское и иногороднее население.

Так, 13 июня 1916 г. в станице Егорлыкской Черкасского округа на базарной площади собралось более 200 женщин, обратившихся с просьбами и требованиями к владельцам магазинов о продаже предметов и продуктов первой необходимости по сниженным ценам. После того, как они не были выполнены, толпа во главе с казачками М. Боровковой, Н. Баранцовой и В. Шаповаловой разгромила магазины и раздала все товары собравшимся. Полиции с трудом удалось прекратить погромы и навести порядок. За организацию этих выступлений и погромов к судебной ответственности были привлечены 22 казачки и 13 крестьянок [7].

Слухи о выступлениях прокатились по всей области и вызвали большой резонанс среди казачьего и крестьянского населения, демократической интеллигенции. Это практически подтолкнуло цепную реакцию т.н. «бабьих бунтов». Уже 20 июля 1916 г. произошло очередное выступление в станице Орловской Сальского округа. Здесь толпа из более 400 чел. выделила организованную группу во главе с казачками Е. Абашиной, Е. Кондауровой, А. Белогуровой,

Н. Крюковой, И. Рвачёвой, которые действовали по уже известному сценарию. За это выступление к суду и следствию было привлечено 53 казачки [8].

Вести об этих событиях вскоре дошли к их родным и близким казакам-фронтовикам, вызвав бурю неудовольствия. В сентябре-октябре 1916 г. усилились и антивоенные настроения в среде казаков-фронтовиков. Они отказывались от попыток в очередной раз навязать им полицейские функции по разоружению и аресту солдатских пехотных частей, вышедших из повиновения. Участились случаи отказов от выполнения приказов начальства и конфликты с офицерским составом. Обостряли настроения и письма из станиц от родных и близких о плачевном положении в хозяйствах, перебоях с продовольствием. Ухудшило и без того сложное положение в казачьих частях недостаточно продуманное решение Главного командования провести срочную реформу казачьих полков по их переформированию. Из 6 сотен казачьего конного полка 2 сотни переводилось «спешивание», т.е. на положение пехотных частей, что, по казачьим традициям, было просто нестерпимо, вызывало дополнительное раздражение и недовольство казаков [9]. Давала свои результаты политическая агитация и пропаганда либерально-демократических и революционных партий: кадетов, народных социалистов и эсеров, анархистов и социал-демократов, большевиков, популярных как на Дону, так и в казачьих фронтовых полках [10]. Так неизбежно приближался общенациональный кризис, революция и гражданская война, в которых приняло участие практически все казачье население, в том числе женщины-казачки.

С началом Февральской демократической революции в России казачество быстро отреагировало на политическую ситуацию. В новых условиях, несмотря на роспуск Государственной думы казачьи лидеры четко выстраивали политические позиции защиты интересов казачьих территорий и казачьего населения (в том числе, в вопросах землепользования), используя желание слабого Временного правительства укрепить «революционный порядок» и продолжать участие в войне, выполняя союзнический долг. Эта позиция приводила к углублению раскола и усилению нейтралистских и революционных настроений в среде рядовых казаков-фронтовиков в период июльского кризиса 1917 г. и событий «мятежа» генерала Л.Г. Корнилова.

Организовав и проведя представительские общероссийские казачьи съезды и съезды-круги в казачьих областях, избранные казачьи круги и рады периода весны 1917 – осени 1919 гг. так и не стали образцами общедемократического, многословного парламентаризма. Они представляли возрожденный в условиях «демократической анархии» обновленный вариант «казачьей корпоративной демократии» для меньшей части населения казачьих областей. Эта тенденция приводила к противоречию с другой, возникшей новой массовой формой широкого народного представительства в виде советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Данная ситуация уже к концу 1917 г. вызвала обострение этих противоречий и усилила противостояние между казачьим и не казачьим,

иногородним населением областей. Лидеры казачества, не приняв большевистские советы и «постыдный» Брестский мир, пошли на активное сотрудничество с лидерами «контрреволюции» и Белого движения, утверждая автономистские и даже сепаратистские идеи, что вылилась в ожесточенную Гражданскую войну.

Примечания

1. Корчин М.Н. Революционные выступления донского казачества (1905–1919 гг.). Ростов н/Д, 1941; Его же. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д, 1949; Семернин П.В., Корчин М.Н., Раенко Я.Н. Очерки истории большевистских организаций Дона. Ч. 1. Ростов н/Д, 1948; Лунин Б.В. Очерки истории Подонья – Приазовья. Ростов н/Д, 1951. С. 246–276; Революция 1905–1907 годов на Дону. Сб. документов. Ростов на/Д, 1955 и др.
2. Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д, 1969. С. 26–104.
3. Козлов А.И. Возрождение донского казачества: история и современность. Ростов н/Д, 1995; Трут В.П. Казачий излом. Ростов н/Д, 1997; Герман О.Б. Политико-правовой анализ положения казачества Юга России: история и современность. М., 2010. С. 43–214 и др.
4. ГАРО. Ф. 829. Оп. 1. Д. 216. Л. 4–11, 13–15, 23–24, 66–69, 154–168.
5. Там же. Д. 21. Л. 6–7, 192–194, 220–226.
6. Там же. Д. 342. Л. 17–18. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 2–4. Д. 683. Л. 2–3. Д. 682. Л. 2–3.
7. Там же. Ф. 856. Оп. 1. Д. 685. Л. 7–10.
8. Там же. Ф. 196. Оп. 2. Д. 682. Л. 1–15.
9. Рожкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д, 2003. С. 42–58, 60–62.
10. Сергеев В.Н. Многопартийность и государственная власть на Юге России в 1905–1920 гг. М., 2012. С. 52–123; Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX вв. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. С. 128–189.

А.Н. Чеботарев

Демобилизация донских частей и возвращение их на Дон (декабрь 1917 – январь 1918 гг.)

Первая партия донских полков возвратилась с фронта задолго до общей демобилизации армии – весной 1917 г. Это было связано с начавшимся процессом перегруппировки некоторых казачьих формирований. 9 марта 1917 г., на основе предписаний Генерального штаба его управлению по устройству и службе казачьих войск, был издан приказ о формировании из казачьих полков корпусной конницы трех новых донских казачьих дивизий – 7, 8-й и 9-й – для чего определенные полки выводились на Дон. Тогда же были выведены на Дон из Закавказья потрепанные в боях батальоны пешей казачьей бригады. Данная мера была направлена на радикальное укрепление Кавказского фронта [1]. Отводившиеся на отдых казачьи части прибывали в родные места и привычно обустраивались в новых пунктах дислокации. К концу июля 1917 г. вышперечисленные дивизии были уже готовы к предстоявшему выступлению на новый театр боевых действий, однако большевистский переворот и дальнейшее процесс «углубления революции» помешали этому.

После захвата Ставки Верховного Главнокомандующего большевиками представители А.М. Каледина добились от С.В. Петлюры беспрепятственного пропуска казачьих частей Юго-Западного фронта через Украину. Непростыми оказались переговоры со стачкомом железнодорожников, который все же дал согласие на предоставление для этого вагонов. Согласно генерал-майору И.П. Оприцу, для перевоза всех донских формирований из расчета 5 эшелонов на полк потребовалось бы более 400 поездных составов. 28 ноября на станции Дубно и Кременец были поданы эшелоны для погрузки Лейб-гвардии Казачьего полка. В тот же день происходила погрузка на станции Острог Лейб-гвардии Атаманского полка, Лейб-гвардии 6-й Донской казачьей батареи и штаба дивизии. Бригада следовала по пути: станции Здолбуново – Шепетовка – Казатин – Волноваха – Александровск – Раздельная – Иловайская – Таганрог [2]. По мнению А.В. Венкова, к концу ноября половина всех мобилизованных донцов была уже на Дону. «Не знавшие дезертирства казачьи части, – отмечает он в своей монографии, – оказались инородным телом в море разлагающейся солдатской массы. Их опасались, от них старались побыстрее избавиться» [3]. Одновременно усилился и поток покинувших действующую русскую армию нижних чинов неказачьих частей. Вот как описывал картину возвращения фронтовиков в те

дни один из провинциальных чиновников: «С тяжелым чувством наблюдал я, как тянулись, казалось, нескончаемой вереницей, словно стаи журавлей казаки, вызванные с фронта генералом Калединым на Дон, за ними прошли какие-то кавалерийские части без офицеров во главе, с красными лентами в петличках обмызганных шинелей, без погон, на изможденных, запущенных лошадях. За ними повалили стада пехотных солдат, пьяных, озлобленных, буйных и диких, потерявших всякое представление о воинской дисциплине, отчасти еще сохранившейся в кавалерии» [4].

Те казачьи части, маршрут которых пролегал через малороссийские земли, продвигались на Дон, как правило, не встречая противодействия. Большевики в это время были готовы «декларативно» идти на предоставление украинцам права на самоопределение вплоть до полного отделения, но при этом в качестве важнейшего условия выдвигалось требование, чтобы Рада воспрепятствовала возвращению с фронта донских полков и, наоборот, обеспечила беспрепятственный пропуск революционных сил. В порядке иллюстрации можно привести извлечение из текста одного из документов фонда Совета народных комиссаров в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), датированного 4 декабря 1917 г.: «Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, то они признаются нами, Советом Народных Комиссаров, в тот же час без ограничений и безусловно» [5]. Весьма показательны, что не прошло и двух дней, как Раде был предъявлен ультиматум, суть которого состояла в том, что если в течение 8 часов (!) Рада не исполнит вышеизложенных требований, Совнарком объявляет ей войну.

Следовавшие на Дон через великоросские земли казачьи части оказались в гораздо худшем положении. И виной тому были отнюдь не только железнодорожные пробки и отсутствие подвижного состава. Дело в том, что маршрут на Дон уже с ноября оказался под контролем местных ревкомов и центра. Одним из последних в направлении Новочеркасск – Ростов по этому пути проследовал эшелон с чинами и техникой 30-го броневое автомобильного дивизиона, пробившийся на Дон со стороны Москвы вместе с сотней кубанских казаков. Случилось это к 10 ноября 1917 г. [6]. В последующем продолжать движение в данном направлении все эшелоны могли только с санкции большевистских органов.

В период с середины декабря 1917 г. и почти до конца января 1918 г. завершилось возвращение «с фронта основной массы казачьих частей и подразделений». В.П. Трут справедливо характеризует этот период как «переломный в ходе всей политической и вооруженной борьбы советских и антисоветских сил в казачьих областях». Кроме этого, «в рассматриваемый период заканчивается окончательное сосредоточение советских войск и начало их решающего наступления против антисоветских плацдармов на Дону и в Оренбуржье» [7].

После заключения перемирия с Германией и начала переговоров о мире, со 2 декабря, подготовка и отправка фронтовых казачьих частей в свои области

вступила в наиболее активную фазу. Отметим, что этому предшествовало поступившее от Совнаркома и прозвучавшее из уст Верховного Главнокомандующего «формальное предложение о перемирии ко всем воюющим странам» [8]. Как отмечает В.П. Трут, «они [казацкие части. – А. Ч.] в силу существования особого порядка своей организации демобилизовывались в отличие от других армейских частей непосредственно на территории своих войск, где находились специальные пункты их формирования после мобилизации и расформирования при демобилизации... отправка их в свои области осуществлялась в соответствии с решениями Бюро по демобилизации при Ставке Верховного Главнокомандования» [9].

С 8 по 15 декабря 9 эшелонами была отправлена 8-я Туркестанская казачья дивизия с артиллерией 5-го и 8-го Оренбургских казачьих полков. 2-й Уральский казачий полк, 52-й Донской казачий полк, 11-й Донской казачий дивизион и стрелковый дивизион были отправлены 21 эшелонами из района Вилейки в район Ржевска, Вязьмы, Дорогобужа и Сычевки. Их отправка была начата 21 ноября и закончена 4 декабря [10]. Почти во всех делах о передвижении эшелонов с казачьими воинскими частями и отдельных вагонов фигурировало неизменное требование – сдать оружие! Так, например, 12 декабря 1917 г. 8-й полевой штаб при Ставке разрешил отставку в Саратовскую губернию 45-го Донского казачьего полка (полк третьей очереди, сформирован в начале августа 1914 г. в станице Каменской) с требованием «предварительно сдать оружие и все имущество, принадлежавшее государству». При этом отмечалось, что «личное имущество может остаться при них» [11]. 19 декабря на выезд с фронта со стороны Могилева соответствующее удостоверение получил 1-й Хоперский казачий полк. Вслед за ним из Смоленской в Кирсановский уезд Тамбовской губернии отправился эшелон 55-го Донского казачьего полка [12]. Следует отметить, что в данном 4-сотенном полку еще в мае 1917 г. наблюдался раскол в виде «двух непримиримых течений, примерно одинаковой силы: одно за сохранение всех особенностей казачьего быта; другое за уравнивание со всеми остальными гражданами России, причем в пропорции 152 голоса за первое к 263-м – за второе» [13].

17 декабря 1917 г., согласно приказу Верховного Главнокомандующего № 976 от 9 декабря того же года, общее собрание 52-го Донского казачьего полка «под председательством *товарища* Короткова, *товарища* Молчанова и секретаря Орлова» приняло постановление № 63 «О выборах командного состава» [14]. Это было лишь одним из условий отправки полка с фронта на Дон. Незадолго до отбытия члены полкового комитета вынуждены были просить и требовать от Верховного Главнокомандующего как можно скорее отправить их полк в Тамбовскую губернию «для избежания гибели людей и гибели наших строевых лошадей». Добиваясь выполнения их просьбы, в своем наказе они, в частности, писали: «Вы знаете, что наша лошадь есть последний оплот в хозяйстве казака. Теперь, квартируя в Смоленской губернии около города Ельня, мы теряем

их вследствие недостатка фуража, так как интендантство его не доставляет. Сено, которое местные жители могли нам дать, кончилось – овса мы совсем не видели, каждый день съедает по нескольку лошадей. Люди целыми днями не имеют хлеба и доедают с местными жителями последнюю овсянку и картошку. В подобном гибельном состоянии полк оставаться больше не может» [15]. Понятно, что на такой унижительный шаг казаки вынужден пошли лишь потому, что они были казаки.

А ведь еще в мае месяце казаки этого полка просили, чтобы их земляки дома «потрудились и засеяли поля», а их делегат заверял Большой войсковой круг, что «полк до последней капли крови будет драться с неприятелем и не положит оружия, пока враг не будет изгнан из России» [16]. Итогом рассмотрения наказа полкового комитета стала резолюция: «Разоружить!». 23 декабря полк сдал оружие в местный ревком и погрузился в эшелоны для отправки в Тамбовскую губернию.

8 января на имя начальника штаба Верховного Главнокомандующего было направлено ходатайство о предоставлении эшелонов представителям штабов 2-го Хоперского и 2-го Кавказского полков 2-й Кубанской казачьей дивизии. В канун их отправки со станций Витебск и Шклов начальник революционного полевого штаба Ставки направил военную телеграмму Главкому по обороне Антонову в Харьков, в которой сообщал следующее: «2-й Хоперский и 2-й Кавказский казачьи полки просят отправить их в Царицын с оружием. В полках произведены выборы начальства, имеется постановление полка о признании власти Народного Комиссариата и Совета. Идут против Каледина. Оставляют заложников. Со стороны Главковерха препятствий не встречается. Ждем Вашего решения» [17]. И решение не заставило себя ждать. В распоряжении начальника штаба Верховного Главнокомандующего содержалось общее для всех требование: «Означенные полки должны оставить заложников и следует сдать оружие» [18]. Однако «после прибытия в Царицын казаки этих полков сразу же отправились домой на Кубань» [19]. По мнению В.П. Трута, подобные факты были не единичны, и «прием этот в то время действовал почти безотказно, так как советские органы хватались за любую, пусть даже достаточно призрачную возможность использования казаков против антисоветских сил» [20].

Большинство казачьих эшелонов с Северо-Западного фронта прибывали на станцию Воронеж. Но здесь как раз и ожидали фронтовиков главные проблемы. Начатые в середине декабря на Чертковском фронте переговоры с большевиками продемонстрировали нежелание фронтового казачества пропускать на Дон части.

Вследствие недоверия к казакам, по указанию Ставки, полки на Дон отправляли круглыми путями, через Харьков либо Царицын, всячески стремясь задержать их в пути. Так, в распоряжении Военно-революционного комитета при Ставке и Полевого штаба по борьбе с контрреволюцией от

10 января 1918 г. было прописано: «Просим распоряжений дать составы на ст. Вязьма для погрузки и переезда 11-го Донского казачьего дивизиона. Ехать с промежутками 5 дней через Поворино – Царицын – Лихая. И составы для 5-го Оренбургского казачьего полка на ст. Сычевка. Ехать без офицеров, которых оставить заложниками с обязательством разойтись по домам, не заезжая в Оренбург. Маршрут – минуя Харьков» [21]. Одновременно эшелоны беспрепятственно предоставлялись разоруженным польским частям и латышским стрелкам [22]. А в телеграмме начальника Революционного полевого штаба на имя начальника Военного совета при Главковерхе содержалось требование подачи эшелонов для направлявшихся против Каледина и Рады без задержки: «Задержка в подаче эшелонов будет рассматриваться, как попытка прийти на помощь Каледину и Раде. Сделайте распоряжение по железной дороге, чтобы все эшелоны, идущие на юг, должны двигаться со скоростью экстренных поездов» [23].

Особое внимание уделялось также тому, чтобы ни один вагон с казаками не проследовал без набора агитационной литературы. А тот непременно включал в себя Декреты советской власти, в частности, об отбытии воинской повинности на общих основаниях (принят 10 декабря 1917 г.) и, обязательно, текст приложения № 3 к Декрету о мире «Трудовым казакам» от 21 декабря 1917 г. [24]. В данном обращении, в частности, было прописано: «Братья-казаки! Вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую землю, вашу казацкую “вольность”. Не верьте, казаки, вам лгут, вас преступно обманывают» [25]. Однако не прошло и месяца, как казачество стало убеждаться в обратном, и вынуждено было прибегнуть к испытанному средству – оружию.

25 января 1918 г. в оперативно-политической сводке Донского штаба отмечалось: «Казачество ясно поняло, что главная цель большевиков – захватить власть, лишить казачество земли и имущества» [26]. С последним выводом трудно не согласиться, так как его достоверность была подтверждена всем последующим ходом революционных событий на Дону.

Примечания

1. Рыжкова Н.В. За веру, Отечество и други своя. Донские казаки в Великой войне 1914–1917 гг. Ростов н/Д, 1998. С. 189.
2. Оприц И.Н. Лейб-Гвардии Казачий Е.В. полк в годы революции и гражданской войны 1917–1920 гг. Париж, 1939. С. 46–47.
3. Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008. С. 18, 20.
4. Плешко Н. Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Кн. 5. Т. 9. М., 1991. С. 206.
5. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

6. Государственной архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 864. Оп. 1. Д. 47. Л. 52–58.
7. Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 370–371.
8. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.
9. Трут В.П. Указ. соч. С. 349.
10. ГАРФ. Ф. 375. Оп. 1. Д. 18. Л. 255–255об.
11. Там же. Л. 40.
12. Там же. Л. 46.
13. ГАРО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 39. Л. 171.
14. ГАРФ. Ф. 375. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.
15. Там же.
16. ГАРО. Ф. 3690. Оп. 1. Д. 47. Л. 88.
17. Там же.
18. Там же. Л. 170.
19. Трут В.П. Указ. соч. С. 360.
20. Там же.
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Д. 35. Л. 177.
22. Там же.
23. Там же. Л. 225.
24. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 21.
25. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.
26. Российский государственный военный архив. Ф. 39 578. Оп. 1. Д. 9. Л. 10–11.
27. Там же. Д. 7. Л. 23–23 об.

РАЗДЕЛ 4

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Е.С. Сенявская

«...Главный враг не турки и курды, а природа»: повседневность Кавказского фронта в Первую мировую войну глазами офицеров Русской армии

Фронтальная повседневность представляет собой совокупность типичных и уникальных проявлений двух основных сторон существования человека на войне – опасности боя и специфики быта, которые неизбежно влияют на внутреннее состояние воина и его поведение в боевой обстановке, формируют особый тип психологии – психологию комбатанта.

Помимо ведения собственно боевых действий, уклад повседневной жизни на фронте включает выполнение целого ряда служебных обязанностей (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также отдых и досуг, т.е. все то, что составляет распорядок дня. Основными составляющими фронтового быта являются также боевое снабжение и техническое обеспечение войск (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), жилье, бытовое снабжение (продуктами питания, обмундированием и проч.), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом (переписка с родными, посылки, шефская помощь и др.).

Разумеется, все это самым тесным образом зависит от характера местности и природно-климатических условий, в которых приходится воевать. В этом отношении Кавказский фронт в период Первой мировой войны, по сравнению с другими российскими фронтами (Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским), являлся уникальным как по весьма специфическому театру боевых действий, так и по совокупной сложности условий, в которых

оказалась здесь Русская армия. Отделенный «от основных группировок..., расположенных на западе страны, тысячами верст расстояния», он «являлся фактически автономным образованием со своей особой жизнью». Его войска «вели боевые действия только на иностранных – османской и иранской – территориях, успешно участвуя в многочисленных боевых операциях и ни разу не потерпев сколько-нибудь крупного поражения» [1]. При этом «сама специфика горной, труднопроходимой местности, “дикости” населения и отдаленности района фронта от промышленных центров не позволяли активно задействовать в его условиях все достижения современных на тот период вооружений и техники». Война на Кавказе «избежала позиционного (окопного) характера противостояния с противником», сохранив многие традиционные черты войн прошлой эпохи (постоянные активные бои, использование конницы, тактика набегов и т.д.) [2]. Наконец, большинство воинских частей и соединений на Кавказском фронте являлись казачьими, включая все три основных рода оружия того времени – пехоту, кавалерию и артиллерию.

«Трудно представить, что такое был Кавказский фронт, – отмечал внук одного из участников событий, издавший впоследствии дневники однополчанина своего деда, П. Стрелянов (Кулабухов). – Обстановка, в которой просто существовал русский воин здесь, не шла ни в какое сравнение с другими фронтами. Зимой – дикая стужа, снег в три сажени высотой, каменные норы курдов без окон и дверей, топить нечем. Обозы стоят где-то, занесенные снегом. Тропа – в один конь. Лошади отгрызали хвосты друг другу. Весной, когда в долинах уже цвели абрикосы, казачьи полки рубили просеки в снежных заносах и с боями занимали перевалы. От бескормицы конский состав полков погибал на глазах. Летом – раскаленная жара: ни деревца, ни воды. Все это – на высоте 3000 метров. И казаки побеждали» [3].

Говоря о действиях русских войск в «необычайно сложных горных условиях», мемуаристы упоминали марш-броски по таким кручам, «где не только не было дорог в европейском понятии, но и было мало троп, и где расстояния... определялись не верстами, а часами» [4], и на каждом шагу встречались «чертовы мосты», под стать тому, что суворовцы преодолели в Альпах. Казачий офицер Ф.И. Елисеев, оставивший ценные воспоминания о событиях на «периферийном» фронте Первой мировой войны, писал в своих «Записках»: «Русские войска Кавказской армии вели борьбу не только с храброй турецкой пехотой и беспокойными курдами, но и с суровой природой и климатом полудикой Турции, не имеющей даже дорог... Много пройдено дорог, дорожек и козьих троп храбрыми казачьими полками по турецкому бездорожью, и пройдено не только в седле, но и пешком, порою в суровые зимние стужи, бураны и гололедицу. Держались за стремя своего коня или даже за хвост, когда полки шли на крутые подъемы, растянувшись колонной в один конь на многие версты» [5].

«Общий характер местности театра военных действий — сильно гористый, безлесый, суровый, необыкновенно дикий, с глубокими мрачными ущельями, крутыми спусками и подъемами» [6], — вспоминал в эмиграции бывший генерал-квартирмейстер штаба Кавказской армии Е.М. Масловский. Он же приводил сведения о том, как зимой отдельные сторожевые посты и целые подразделения заносились метелью; как отряды в полном составе проваливались в снежные ущелья и погибали под лавинами; а «во время штурма крепости Эрзерум один из батальонов донских пластунов, застигнутый снежной вьюгой, в одну ночь потерял около 500 казаков замерзшими и обмороженными» (всего же при взятии Эрзерума из общих потерь около 14,5 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести 6 тыс. составили обмороженные) [7]. «Трудно представить, что все это можно было переносить, — подытоживал он свой рассказ и добавлял, — И не было случая ропота» [8].

Об особых нагрузках, выпавших на долю солдат, воевавших «в горном захолустье», весьма подробно, с множеством бытовых деталей писал жене прапорщик М.М. Исаев, командир отдельной вьючной пулеметной команды:

18 августа 1915 г.: «Очевидно, нам суждено скитаться по азиатским трущобам, быть отрезанным от всего света... Будем пребывать на 5 000–6 000 футах высоты. Жару тропическую перетерпели, с жаждой хоть немного да познакомились. Полагаю, что не минует нас рано или поздно голод и холод. На этом фронте необходимо недюжинное здоровье и, слава богу, я приберегу его для войны» [9].

2 сентября 1915 г.: «Кавказский фронт — главный враг его не турки, и не курды, а природа. И когда покрутишь на этом фронте не одну сотню верст — поймешь, почему русский солдат прозвал его и “погибельным” и “проклятым”. Сколько маеты должен он был перенести и от жары и от холода — и от подъемов и от спусков. Когда я смотрел, как втаскивали двуколки — то от этого зрелища мне буквально жарко стало, в пот бросило, не в переносном, а в настоящем смысле слова» [10].

7 апреля 1916 г.: «Не мудрено, что Кавказские войска отличаются закаленностью, повоюешь так с природой, так по неволе закалишься» [11].

В его письмах мы находим описание тягот пути по горно-пустынной местности (с грузным обозом, колесными повозками, которые кое-где приходилось нести на руках [12]), испытаний палящей жарой («днем идти невозможно: зарежешь и людей и лошадей...» [13]), холодом («Высота 7000 футов, а только одна шинель. Это переносить труднее, чем когда тебя обстреливают курды. Вспоминаешь, что живут же теперь другие в изобилии, спят сладко, а у нас одна мечта — стакан горячего чаю» [14]) и ветром («Стоит только солнцу зайти за хребет гор... как поднимается сильнейший ветер и дует всю ночь без перерыва, изредка переходя в вихрь. Поднимается пыль, и нет от нее спасения, забираемся в палатку, под одеяло и подушку. К утру все занесено пылью... Так хотелось бы отдохнуть от дневной жары — ждешь прохладного вечера — и вместо этого ветер, потрясающий палатку, душащий тебя ночью» [15]). Рас-

сказывает он о голоде («Чему я не перестаю удивляться, это бесконечной терпеливости и выносливости рядового нашего солдата... Едят борщ, в котором от борща кроме названия ничего не осталось, так как два месяца не получается ни капусты ни картофеля. И не жалуются, “раз нет”. О белом хлебе нечего и мечтать: для офицеров это лакомство»; «Один день выдали вместо хлеба – по 15 золотников муки. Выходило – три галушки. Это вызвало остроты, шутки – но ни одной жалобы ... Солдаты отлично понимают, что “отпуск” всякого рода пищевого довольствия в эту войну более чем достаточен (“лучше едим, чем теперь в тылу”) – но могут возникнуть затруднения в доставке. “На то мы и на позициях”. “Это тебе не Тифлис» [16]) и жажде («Идем по безводной местности... 20 верст до первого родника»; «На берегу соленой реки... отыскивали источник пресной воды... Установлена строгая... очередь, чтобы не замутили воду, набросившись на нее. Вот где нужен офицер. Только он и сможет заставить терпеливо стоять сотни людей и дожидаться той блаженной минуты, когда можно зачерпнуть водицы»; «Когда проходили около арыков и вообще около нездоровой воды... мы всегда несли “караул”, и предупреждали, кто будет пить, того пристрелим...» [17]), о проблемах со снабжением войск, находящихся за сотни верст от железной дороги («Нам суждено скитаться по азиатским трупобам, быть отрезанным от всего света»; «Сюда к нам ни одна дама-патронисса, ни один уполномоченный с подарками не появился»; «Сидишь в сторожевке и думаешь: забытые мы Россией люди. Заброшены за 300 верст от железной дороги. Какой герой отыщется приехать на наши позиции! И так горько и обидно становится за солдат...») [18]. Повествует и о «прелестях» партизанской войны со стороны местного населения-курдов, всегда готовых нанести удар в спину, вырезать спящих или отставших солдат («Хорошо восторговаться партизанами – но совсем другое, когда партизанская война против тебя ведется. А война с курдами и есть такого рода. Это война не видная, не заметная, на ней не отличаются, но только проделывая ее, можно понять как от нее трещит шкура русского солдата и офицера») [19].

Содержат письма М.М. Исаева и интересные наблюдения, касающиеся психологического состояния человека в экстремальных условиях, его адаптации к тяготам и ужасам войны, «притупления чувств», изменения отношения к жизни и смерти. «Когда идешь или едешь по такой жаре, или вообще, когда устаешь – то совершенно не думаешь о предстоящем бое, смерти или дне, – записал он 1 августа 1915 г. – Эти “думы” выливаются в следующую форму. Может быть, завтра тебя и убьют – но это не важно. Главное же – это дойти сегодня – и так, через часик-другой, до привала и попить чайку. Я нарочно говорил с солдатами потом и выяснил, что у всех почти такие “психологические” переживания. Отсюда и вывод: накорми и напои солдата как следует и за благо тебе будет» [20].

24 апреля 1916 г., размышляя о пленных курдах, убитых казаками «при попытке к бегству», он признавался: «Я... не только не протестовал, напро-

тив, я с одобрением относился ко всему происходившему. Вместе с тем, я прекрасно сознавал, что ведь это же люди – что у них не меньше, чем у нас, стремление жить и наслаждаться жизнью, что у них есть семьи – но это меня совершенно не трогало... Что же это за равнодушие к чужой жизни? Ведь это не оттого, что, мол, собственной рискуешь, так что же жалеть чужую. Ведь, своих-то убитых мне жаль – а к этим полнейшее безразличие. Общего у нас с ним никогда ничего не было. Может быть, десятки тысяч лет тому назад мои предки дрались с предками курдов, и то удовольствие и радость, которую они испытывали, видя побежденного врага, переживаю до некоторой степени и я, их потомок. Но злобы к курдам у меня нет... К чему на войне “злоба” – она может ослепить, помешать, а при хладнокровии можно больше истребить своих противников...» [21]

25 июля 1916 г., вспоминая проявленное накануне безразличное отношение к раненым и убитым врагам, М.М. Исаев спрашивает себя: «До каких пределов дойду в равнодушии к человеческим страданиям?» Что заставляет «видеть в умирающем человеке – что-то вроде извивающегося червя»? И сам себе отвечает: «Думаю, что равнодушие к чужой жизни, к чужим страданиям, некоторое объяснение, а может быть, и оправдание находит в “равнодушии” к своей собственной жизни. Ведь я не закрываю глаза на то, что я, я лично, могу стать таким извивающимся червем. Я сознаю какое-то “равенство” – в возможности хотя бы. Я не зритель – я действующее лицо в драме, именуемой войной» [22].

Особым, в отличие от европейского театра военных действий, был на Кавказском фронте и противник, давний и хорошо знакомый недруг России – Турция, с которой она вела кровопролитные войны на протяжении нескольких столетий (в XVII–XIX вв.). Е.П. Масловский так характеризовал неприятеля: «Турки-османлисты, как боевой материал, были высокого качества: смелые, храбрые, чрезвычайно выносливые, нетребовательные и скромные и в то же время – дисциплинированные. По своей природе они были настоящими воинами, обладая и отличающим истинного воина благородством. Они храбро дрались, почти всегда принимали штыковой удар, хорошо применялись к местности, хорошо шли в атаку, отлично оборонялись» [23].

М.М. Исаев признавался в письме от 22 ноября 1915 г.: «Турецкие артиллеристы вызвали в нас искреннее восхищение. Какая тут ненависть к врагу. На Кавказе добрые старые времена. Сказать “аскер” – все равно, что “джентльмен”. Никакой злобы. Да, с большим уважением у нас относятся к противнику... По отношению к турецким пленным – в отличие от всех других – Высочайше разрешено оставить в силе прежний, гуманный режим – за то, что они относятся к нашим пленным также хорошо» [24].

Совершенно иным было отношение к курдам, воинственным племенам, с которыми русской армии также приходилось сражаться на Кавказском фронте. Интересную характеристику дал им в своих «Записках» Ф.И. Елисеев: «Стариннейший народ. Все кочевники», «мусульмане», однако «мечетей у них

нет, или они очень редки и примитивны – это просто сараи»; «Живут они древними своими обычаями. Турок недолюбливают». Оценивая воинственность этого народа, отмечает, что «молодой курд, не имеющий винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет замуж, как за недостойного»; «всякий курд счастлив и обязан иметь какое-либо ружье». И пришёл к неожиданному выводу, сравнивая себя с противником: «В общем, курды народ хороший, и мы их даже полюбили. Из них получились бы отличные конные полки, наподобие казачьих. Да таковыми они и были в Турецкой армии – как иррегулярные конные части» [25]. Жестокое сопротивление курдов он связывал с бесцеремонным поведением русских войск в отношении местного населения с первобытным еще сознанием и традиционным укладом: «При таком положении побежденного даже европеец взялся бы за нож для защиты своей семьи, чести. А ведь курд был самый настоящий полудикарь, разбойник, воинственный человек, к тому же мусульманин. Вот почему он и стрелял в русского солдата при удобном случае» [26].

«Курды – народ примитивный, дикий, стоящий на очень низкой ступени культуры, – утверждал Е.П. Масловский. – Они кочевники, хищники и не обладают рыцарскими чертами. Упорного боя не принимают, действуют в конном и пешем строю. Если они в большинстве – то делаются смелыми. Пленных не берут и раненых добивают, предварительно изуродовав» [27].

«К курдам опять закипела злоба... – писал М.М. Исаев. – Подлость курдов в том и заключается, что не знаешь, когда он мирный, когда нет. А оружие у них так запрятано, что не найдешь. Казаки так и рассуждают: курдов-мужчин надо убивать, потому что они разбойники, женщин, потому что они родят разбойников, детей, чтобы не вырастали разбойники» [28].

Ненависть к неприятелю добавили поступавшие со всех сторон известия о геноциде армянского населения в Турции весной 1915 г. Именно на турецком фронте русским войскам пришлось столкнуться с «азиатской войной» – невиданным масштабом жестокостей, в том числе по отношению к мирному населению. Типичным зрелищем, которое встречали на своем пути русские, было «армянское село с православной церковью, где навалены трупы женщин и детей, зарезанных в ней курдами. Картина страшная», и для казаков, «как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщения» [29]. Геноцид турок по отношению к мирному христианскому населению отягощающе влияли на моральное состояние русских войск, чувствовавших свою вину за невозможность оградить дружественный народ, его женщин, детей и стариков от преследований врага.

Несмотря на то, что Кавказский фронт в Первую мировую войну считался второстепенным и «захолустным», именно здесь за время боевых действий «российские войска практически не потерпели ни одного поражения и смогли выполнить все основные стратегические цели, ставившиеся перед ними. К 1917 г. они в ходе боевых операций полностью парализовали наступательную

активность противника на Кавказском и Персидском направлениях, а также спасли от разгрома союзные британские силы, действовавшие на Месопотамском фронте [30]. Однако разразившаяся революция привела к краху Российской империи и к полному разложению Русской армии, включая войска Кавказского фронта. «Плохо стало теперь воевать, – уже 28 марта 1917 г. сетовал в письме к дочери М.М. Исаев, – ...солдаты уже не те стали. Хотели сделать солдат гражданами, а они ими не сделались, и солдатами настоящими быть перестали... Ни за что не отвечает, начальства не боится. Какие это воины, каждый думает о своей шкуре, а об Отечестве, об России только на словах говорит» [31].

5 (18) декабря 1917 г. было подписано Эрзинджанское перемирие между образованным в ноябре 1917 г. Закавказским комиссариатом и Османской империей, завершившее боевые действия между русскими и турецкими войсками на Кавказе и в Персии и окончательно похоронившее все достигнутые огромной ценой героизма, жертв и лишений успехи русского оружия на этом сложнейшем театре военных действий.

Примечания

1. Евдокимов Р.Н. Казачьи войска в условиях Первой мировой войны: Кавказский фронт. Дисс... канд. ист. наук. М., 2005. URL: <http://www.dissercat.com/content/kazachi-voiska-v-usloviyakh-pervoi-mirovoi-voiny-kavkazskii-front> (дата обращения 27.05.2014).
2. Там же.
3. Елисеев Ф.И. Казачи на Кавказском фронте. 1915–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 3.
4. Там же.
5. Там же. С. 7.
6. Масловский Е.М. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933. С. 27.
7. Там же. С. 406.
8. Елисеев Ф.И. Указ. соч. С. 7–9.
9. Центр хранения документов личных собраний Центрального государственного архива города Москвы (далее – ЦХДЛС ЦГА Москвы). Ф. 69. М.М. Исаев (1880–1950). Оп. 1. Д. 81. Л. 12–14об.
10. Там же. Л. 17–19.
11. Там же. Д. 82. Л. 68–72.
12. Там же. Д. 81. Л. 17–19.
13. Там же. Д. 81. Л. 8–10.
14. Там же. Д. 82. Л. 68–72.
15. Там же. Д. 81. Л. 4–5.
16. Там же. Д. 81. Л. 35–40; Д. 83. Л. 93–97.

17. Там же. Д. 81. Л. 8–10.
18. Там же. Д. 81. Л. 17–19, 35–40.
19. Там же. Д. 82. Л. 68–72; Д. 83. Л. 26–28.
20. Там же. Д. 80. Л. 97.
21. Там же. Д. 82. Л. 80–83.
22. Там же. Д. 83. Л. 93–97.
23. Масловский Е.М. Указ. соч. С. 44.
24. ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 69. Оп. 1. Д. 83. Л. 60–67.
25. Елисеев Ф.И. Указ. соч. С. 106–107, 143–144.
26. Там же. С. 144.
27. Масловский Е.М. Указ. соч. С. 27.
28. ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 69. Оп. 1. Д. 82. Л. 52–55.
29. Елисеев Ф.И. Указ. соч. С. 90–91, 93.
30. Евдокимов Р.Н. Указ. соч.
31. ЦХДЛС ЦГА Москвы. Ф. 69. Оп. 1. Д. 87. Л. 34–35.

М.С. Оганнисян

Закавказье в годы Первой мировой войны глазами русского очевидца

Одна из самых трагических страниц в истории человечества – Великая или Первая мировая война 1914–1918 гг. на своем заключительном этапе получила наиболее разрушительный характер на Кавказском фронте [1]. Сформированное в результате Октябрьской революции 1917 г. советское правительство уже 8 ноября 1917 г. по Декрету о мире, принятом II Всероссийским съездом советов, фактически вышло из Первой мировой, а согласно Брест-Литовскому договору, заключенному 3 марта 1918 г., де-юре подтвердило этот шаг. В результате, один за другим исчезли русско-германский и русско-австро-венгерский фронты. Несмотря на это обстоятельство, на Кавказском фронте, занятом русскими войсками, военные действия продолжились с новой силой. Самая непредсказуемая из Центральных держав – Турция, не упустив открывшуюся возможность, уже 12 февраля 1918 г. нарушила Эрзинджанское перемирие, заключенное с российской стороной 18 декабря 1917 г., и начала широкомасштабную атаку по направлениям Эрзерум – Ван – Приморье [2].

Параллельно с возобновленными военными действиями в Закавказье стали происходить серьезные политические изменения, которые привели к нестабильности в регионе. С одной стороны Германия, а с другой – Турция, имея своей целью завоевание Закавказья, уже обозначили своих будущих союзников в регионе [3]. Таким союзником для Германии стала грузинская сторона [4], а для Турции – ряд общественно-политических сил, представлявших мусульманское, в большинстве татарское население Закавказья во главе с партией «Мусават» [5].

Из первоисточников, затрагивающих тему военно-политических событий, происходивших в эти годы в Закавказье, своим особым, беспристрастным подходом отличается свидетельство одного русского очевидца. Борис Львович Байков – человек, проживший около 30 лет в Закавказье, успел составить хорошее представление о формировании местного политического поля. Он находился на перекрестке бурных событий, происходивших в Закавказье в годы Первой мировой войны. Представитель Русского национального совета в городе Баку, член кадетской партии «Народная свобода» Байков обосновался в Баку еще в 1890-х гг. В 1922 г. написал мемуары, с максимальной подробностью передав бумаге свои наблюдения и воспоминания о военно-политических событиях в Закавказье в 1917–1920 гг. [6]

В рамках данной работы рассматривается первая часть мемуаров Байкова [7], охватывающая 1917–1918 гг. В ней рассказывается о военно-политических событиях, происходивших в Закавказье на заключительном этапе Первой мировой войны. На первых четырех страницах Байков кратко представляет основные подходы и задачи, которые решались в его воспоминаниях. Автор мемуаров подчеркивает то обстоятельство, что Закавказье, прежде всего, представляло собой ближайший тыл одного из русских фронтов в Великой войне 1914–1918 гг. Он отмечает, что в случае сотрудничества народов Закавказья и российских антибольшевистских сил была бы иная судьба не только у фронта, но и у России. В этом вопросе основную вину Борис Львович возлагает на Великобританию, отмечая, что последняя могла повлиять на закавказские народы, подтолкнув их тем самым к объединению с русскими антибольшевистскими силами [8]. Частично принимая точку зрения Байкова, следует не забывать о Центральных державах, в частности, об агрессивных шагах Германии и, в особенности, Турции на Кавказском фронте в начале 1918 г. Более того, армянская сторона предпринимала попытки сотрудничать с русскими антибольшевистскими силами, как на местах, на общинном уровне, так и на официальном уровне Первой Республики Армении, которые, однако, не привели к соответствующим результатам из-за недостаточной координации военных ресурсов сторон [9]. А компенсация этого со стороны грузинского и татарского населения Закавказья отсутствовала по той простой причине, что представители основных политических сил последних – меньшевистские и мусаватистские партии, соответственно, постепенно стали приобретать выгодных союзников в лице Германии и Турции. Переходя к периоду Февральской революции, Б.Л. Байков с присущей ему образностью говорит об Особом Закавказском комитете и пассивной роли его членов, а также о первых шагах местных сил, совершавшихся с целью овладения политической властью в Баку [10]. Затрагивая политические ориентации мусульман региона, в частности, Баку, Байков выделяет две основные политические силы – «социалистические подголоски» в лице партии «Гюмметь» и татарских политических деятелей, которые «впоследствии являлись видными вождями в партии “Мусават”...» [11]. В результате именно они своими очевидными протурецкими подходами и антироссийской настроенностью в Закавказском сейме (Байков называет его Кавказским сеймом) [12] должны были стать военно-политической опорой вторгшихся в 1918 г. в Закавказье турецких оккупантов.

Особого внимания заслуживает описанная Байковым с максимальной подробностью борьба между местными большевиками и мусаватистами за власть в Баку, а также воспоминания о пробольшевистских позициях большинства представителей политических сил армян города и прилегавших к нему районов. Он рассказывает вооруженном конфликте в конце марта 1918 г. между местными большевистскими и мусаватистскими силами с целью завоевания власти, который в дальнейшем был охарактеризован азербайджанской стороной как организация большевистскими и армянскими дашнакскими силами «массовых

погромов мусульманского, в большинстве татарского населения Баку» [13]. Интересные факты выявляются у Байкова о захвате Баку турецкой армией и мусаватскими вооруженными силами в сентябре 1918 г. и осуществлении массовых убийств армянского населения города [14].

Примечательным является тот факт, что Байков, не скрывая своих антибольшевистских взглядов, тем не менее, упоминал испытания, которые выпали на долю армян Баку, сотрудничавших в эти годы с большевиками. Проявляя беспристрастность, он четко объясняет причины пробольшевистской позиции армян Баку: «И чем больше проявлялся сепаратизм татар, тем более в широких армянских массах... преобладала чисто русская ориентация... В армянах властно говорил инстинкт самосохранения... Это именно психологическое состояние армян объясняет их склонность идти даже с большевиками» [15]. Байков отмечает, что армянская сторона пыталась сохранить нейтралитет: «Армянский национальный комитет со своей стороны принимал меры к тому, чтобы сдерживать армянские массы от участия в столкновении» [16]. Понятно, что в подобных условиях крайне сложно было долго сохранять нейтралитет и, в конце концов, армянская сторона втянулась в этот конфликт. После этого беспристрастность Байкова стала более выразительной – антибольшевик Байков мог бы очернить армян, присоединившись к обвинениям в их адрес азербайджанской стороны, касающихся вопроса участия в погромах татарского населения Баку. Но Борис Львович поступил по совести, а не по политическим убеждениям, отметив: «Мне не раз пришлось слышать впоследствии отзывы, что в “мартовские дни” 1918 года армяне беспощадно истребляли татар. Справедливость заставляет меня сказать, что это – далеко не верно. В результате уличных боев погибло не мало и армян... Около 3000 татар было спасено армянами... И даже такой явный армянофоб, как инженер Бейбутъ-Ханъ Джеваншир, один из организаторов и руководителей массового избиения армян в сентябрьские дни того же года, после взятия Баку турками и азербайджанцами» [17].

Воспоминания содержат также интересные аналитические подходы к вопросам международных отношений того времени. Автор воспоминаний пытается представить военные действия, происходящие в Закавказье на заключительном этапе Первой мировой войны, параллельно затрагивая региональные интересы воюющих стран. С точки зрения исследования других актуальных проблем того времени мемуары Б.Л. Байкова представляют собой источниковедческий интерес, давая возможность, в случае критического подхода, провести много исторических параллелей и сделать ценные наблюдения.

Примечания

1. Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. Стратегический очерк. Париж, 1933. См. также: Первая мировая война. URL: <http://первая-мировая.рф> (дата обращения 30.05.2014).

2. Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 155–291.
3. Հովհաննիսյան Ռ.Գ., Հայաստանի Հանրապետություն, հ. 1, Առաջին Տարին, 1918–1919, Երևան, Տիգրան Մեծ, 2005. էջ 1–40 (Оганнисян Р.Г. Республика Армения. Т. 1. Первый год, 1918–1919. Ереван, 2005. С. 1–40 (на арм.)).
4. Пипия Г. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 109–122. См. также: Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 138–139.
5. Раевский А. Партия Мусават и ее контрреволюционная работа. Баку, 1929. С. 6–8. См. также: Деникин А.И. Указ. соч. С. 139.
6. Байков Б.Л. Воспоминания о революции в Закавказье // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 91–194.
7. Бараненко Л. А. Любопытные воспоминания о революции в Закавказье // Свободная мысль. 2008. № 10. С. 181–186.
8. Байков Б.Л. Указ. соч. С. 91–94.
9. Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012.
10. Байков Б.Л. Указ. соч. С. 94–102.
11. Там же. С. 102–104.
12. Там же. С. 104.
13. Там же. С. 116–130.
14. Там же. С. 144–145. См. также: MacDonell R. And Nothing Long. L., 1938. P. 104–128.
15. Там же. С. 116.
16. Там же. С. 121.
17. Там же. С. 122.

Н.Б. Акоева

Трансформация традиционных ценностей в среде служилого казачества в годы Первой мировой войны

Картину мира и системы ценностей человека во второй половине XIX – начале XX в. формировала окружающая его социокультурная и политическая реальность. Многие характеристики личности служилого казака того времени определялись формами и способами повседневного существования. Они во многом повлияли на становление нового типа личности, для которого формирующееся модернизационное общественное состояние стало обыденным явлением, частью собственного существования. Оно проявлялось как во внешних действиях казака в его отношении к происходившим событиям и явлениям в период военной службы, труде, быте, так и в его внутреннем мире, его эмоциональных состояниях, ценностных установках, картине мира.

Становление нового модернизационного сознания ускорила война. Всего на фронтах Первой мировой войны сражалось по разным данным от 316 тыс. до 368 тыс. казаков [1]. Им приходилось участвовать в самых трудных боях, прикрывая отход регулярных частей, изматывая и ослабляя противника, сдерживая его натиск. Казачьи частями закрывали «бреши» на линии фронта. Они совершали рейды в тыл врага.

Фронтальная повседневность была суровой. Так, на Кавказском фронте казакам приходилось двигаться по горным, труднопроходимым дорогам, по глубокому снегу. Люди были изнурены, по нескольку дней голодали, не хватало боеприпасов [2].

Источники изобилуют примерами мужества, самоотверженности, доблести казаков, их верности своему воинскому долгу. В казачьих войсках было награждено 4750 офицеров и около 99 тыс. нижних чинов [3]. По данным Г.Л. Воскобойникова, Георгиевскими крестами и медалями были награждены свыше 120 тыс. казаков [4].

Однако из-за частых поражений, экономической неурядицы постепенно настроения в стране стали меняться. Сначала они отразились на армии. Чудом уцелев от немецких пуль, снарядов, ядовитых газов, фронтовики хотели вернуться домой, в станицу, к своей семье. М.Д. Бонч-Бруевич вспоминал об этом так: «Армия действительно не хотела воевать. Она начала утрачивать свою боеспособность еще в конце 1915 г., когда “патриотизм” первых месяцев войны сменился печальным раздумьем о целесообразности участия России в войне» [5]. Сходные процессы охватывали и казачество.

Огромная казачья масса на фронтах представляла собой слой наиболее дееспособных, энергичных казаков младших и средних возрастов, которые находились в особых боевых условиях. Они были на долгое время оторваны от дома, от традиционного казачьего быта. Старое и наиболее консервативное казачество с его верностью престолу не оказывало на них влияния. Этим казаков бросали в самые жаркие места, они несли большие потери. И у казаков-фронтовиков появляется свой собственный жизненный опыт, свои взгляды на общественный порядок, изменяются настроения. Они вдруг увидели, что современная техника и современная тактика ведения боя часто превращали их в мишень для артиллерийских орудий, проволочные заграждения и окопы сковывали их маневренность. Фронтальная повседневная жизнь влияла на взгляды казаков. У них обозначилась усталость от войны, уменьшился «ура-патриотизм». Видимые всем пороки в управлении обернулись неприятием старого политического устройства, падение нравов командного состава способствовало разрушению старой системы ценностей. Однако эти необычные настроения не обрели пока политической окраски.

Тем не менее, среди казаков стало меняться отношение к царской службе. Ярким проявлением этого служило стремление части казаков продать своих строевых коней. Наказной атаман Кубанского казачьего войска часто издавал приказы о дисциплинарных взысканиях для таких казаков. Были приказы о наказании казаков, продавших свое оружие [6]. Появились и редкие пока случаи членовредительства. 10 ноября 1915 г. пластун Артемий Соловьев совершил членовредительство на позиции и был приговорен к смертной казни, а до исполнения приговора находился в 329-м госпитале города Батума. Значительная часть казаков 18-го пластунского батальона, взяв винтовки, отправилась его освобождать. Они были остановлены – частично уговорами, частично угрозой оружия. На следующий день перед ними выступил комендант Ляхов, председатель суда генерал Потапов, объясняя «всю тяжесть их проступка». Слова председателя суда произвели впечатление, но, в общем, казаки вели себя сдержанно [7]. Николай II «соизволил объявить суровое порицание 18-му пластунскому батальону за его тяжкий дисциплинарный проступок» [8].

Затяжной, позиционно-окопный характер войны, тоска по дому и своей земле, состояние безысходности от нескончаемой войны привели к появлению совершенно нового, неизвестного ранее казакам явления – дезертирства. По подсчетам генерала Н.Н. Головина, число дезертиров из действующей армии составило около 2 млн чел. Среднемесячное число зарегистрированных дезертиров с начала революции увеличилось на 400 чел. [9]. В это число входили и кубанские казаки. «Лабинское уездное по воинской повинности присутствие разыскивает трех новобранцев 1916 г. призыва, не явившихся на призывной пункт», – сообщали Кубанские областные ведомости 4 июля 1917 г. «Съезд казаков и иногородних станицы Уманской 9 июня 1917 г. постановил вести серьезную борьбу с дезертирами», – писала «Свободная Кубань». Таких объявлений в газетах встречается очень много. Во 2-й Кавказской пластунской бригаде

только с 1 по 14 июля 1917 г. дезертировало 137 казаков [10]. И хотя казачьи части по-прежнему оставались наиболее крепкими и сплоченными, у казаков тоже стало размываться понятие долга, потеряла ореол святости идея служения.

После свержения монархии и создания Временного правительства казаки пытались понять свое будущее, ожидая от новой власти возможного улучшения своего положения. Понять, осмыслить происходившие события помогали постоянные контакты с солдатами, рабочими, крестьянами, большую роль играла антивоенная агитация большевиков. Особой инициативы в исполнении революционных призывов казаки не проявляли, но и от других отставать не хотели. Они создавали комитеты, прогоняли наиболее жестоких офицеров, отказывались выполнять карательные функции и иногда избирали новых командиров [11].

Так, 6 марта 1917 г. в Сарыкамышском гарнизоне в 6-м Заамурском железнодорожном полку начались очень сильные волнения. Солдат поддержали 19-й стрелковый Туркестанский, 263-й Гунибский полки и другие части гарнизона. Были арестованы многие офицеры. Комендант района решил вызвать на помощь казаков. В Сарыкамыш перебросили 1-й Кавказский казачий полк, а офицеры старались оградить казаков от влияния восставшего гарнизона. Однако казаки не желали седлать коней, чтобы идти на усмирение демонстрантов. 7 марта в гарнизоне прошли выборы временного гарнизонного комитета. От казаков были выбраны 5 нижних чинов и 3 офицера, но в целом комитет оказался в руках офицеров, а председателем стал начальник штаба 7-й казачьей стрелковой дивизии подполковник Караулов.

Комендант Сарыкамышского района генерал Крижевич интересовался у войскового старшины казачьего полка Маниловского, можно ли использовать казаков для «восстановления порядка». Маниловский заявил, что если «восстановление порядка» будет заключаться в усмирении манифестантов, то такое выступление казаков он считает «несоответствующим духу времени», и попытка заставить казаков выполнять полицейские функции в еще большей степени озлобит их по отношению к офицерам. Комендант отдал приказ вернуть 1-й Кавказский полк в места расположения – селения Владикарс и Ново-Михайловку.

Подобные выступления происходили и в Карской области. 6 марта 1917 г. здесь восстали солдаты. Для их подавления были направлены 1-й Таманский казачий полк 5-й Кавказской казачьей дивизии, 6-я Кубанская казачья батарея и 4 пулеметных расчета, планировалось привлечь и 1-й Кавказский казачий полк. 8 марта во Владикарс, где располагались казаки, прибыла делегация от Карского гарнизона во главе с фельдфебелем. Собрав казаков, он выступил против офицеров: «Довольно они пили нашу кровь... Мы управимся лучше всяких войсковых старшин». Войсковой старшина Беломестнов, командир полка, приказал арестовать фельдфебеля, но казаки отказались. В своем рапорте Беломестнов сообщал: «Полк с этой поры стал неузнаваем, после обеда состоялся общий митинг казаков, на котором было решено послать одного офицера и двух казаков в Карс за получением инструкций от Карского Исполнительного коми-

тета». Беломестнов, думая удержать полк в своих руках, издал приказ, 7-й пункт которого гласил: «Выдавать тех, кто будет мутить, сеять вражду в полку, кто бы он ни был. Не допускать к себе никаких делегатов, не уполномоченных новым правительством». Но этот приказ выполнен не был. 9 марта казаки составили список «неудобных» им офицеров, в него вошли все старшие и несколько младших. Они были арестованы и отправлены в Карскую крепость. 10 марта казаки сместили Беломестного и избрали нового командира полка. Беломестному предложили срочно уехать во избежание дальнейших неприятностей.

Части 6-го Кавказского армейского корпуса также заявили отвод своему командиру Абадиеву, так как он не утвердил новый состав корпусного комитета и даже приказал распустить все солдатские и казачьи комитеты. Первыми удаления Абадиева потребовали 19-й Кавказский стрелковый полк, его поддерживали другие части, в том числе казаки 7, 8, 9-го и 12-го Кубанских пластунских батальонов. Подчиняясь требованиям, Абадиев покинул корпус.

Возмутились поведением своего командира – войскового старшины Сарычева – и казаки Кубанского казачьего стрелкового дивизиона 4-й Кубанской дивизии. Когда они потребовали ответа, какому же правительству он служит, новому или старому, Сарычев отказался отвечать. Его тут же арестовали и под конвоем отправили в Тифлис в распоряжение Совета солдатских депутатов [12].

На бурных митингах, на заседаниях комитетов казаки получали уроки политического воспитания. Многие из них стали сочувствовать рабочим и крестьянам. Казак И. Ульянов подметил: «Уже потому что фронтовые казаки жили одними желаниями с солдатской массой – они уходили дальше своих тыловых станичников» [13]. Казаки 7-го пластунского батальона через газету «Кавказский рабочий» благодарили солдат мастерской интендантского управления за доставку им газет [14].

И хотя в отношении воюющих казаков Временное правительство проводило политику, улучшавшую их материальное положение, позволяло создавать свои политические объединения в масштабе всей страны, чем казачество, в основной своей массе, было пока довольно [15], по-прежнему очень остро на повестке дня в 1917 г. стоял вопрос о продолжении войны или ее окончании. Солдаты устали воевать, казаки тоже хотели вернуться в свои станицы.

Неслучайно весной 1917 г. в войсках получил распространение отказ от исполнения боевых приказов. Такая форма протеста впервые появилась в 1915 г., факты отказа участились в 1916 г. Не миновало это и кубанских казаков. 17 мая 1916 г. отказалась идти в разведку команда разведчиков 14-го кубанского пластунского батальона. Инициаторами отказа были пластуны И. Лахин и К. Дзюба. В ответ на требования прапорщика Безина пластуны кричали: «Пора мириться, нужно идти на отдых, так как мы без отдыха воюем уже 2 года... Если нас не сменят, то нужно бросить позицию, и они пускай сами воюют». После этого заявления волнения охватили весь батальон. Он был укомплектован казаками третьей очереди, которые служили еще в 1905 г. Некоторые из

них в свое время участвовали в революционном выступлении 2-го Урупского полка во главе с урядником С. Кургановым. 30 июня 1916 г. казаки отказались идти в наступление и потребовали отвести их на отдых, заявляя: «Довольно воевать, там дома наших жен бьют, а здесь нас бьют, пора мириться и кончать войну». На требование командира встать в строй, казаки ответили отказом: «Пусть лучше свои расстреляют – все одно смерть». Один из казаков явился в соседний 16-й пластунский батальон, собрал две сотни и объявил им о решении своего батальона не идти в наступление, а требовать мира. Военно-полевой суд рассмотрел дела 735 казаков. Казаки Чернов, Воронин, Сытников, Кононенко, Бондарев, Фитилев, Коктев, Собалев, Шевцов были приговорены к расстрелу.

В начале 1917 г. антивоенные выступления охватили целые соединения. В апреле волновались казаки 1-го и 3-го Запорожских и 1-го Полтавского полков [16]. Многие кубанские казачьи части не соглашались с планом постепенного их вывода с фронта и требовали немедленной отправки в тыл. Казаки 2-й пластунской бригады в Эрзеруме при уходе с фронта 18 сентября избили своего командира войскового старшину Кучапова, пытавшегося их задержать, освободили с гауптвахты более 30 «арестованных преступников». Казаки 1-й пластунской бригады также бросили фронт. Их отход «послужил» сигналом к такому же самовольному отходу и прочих частей 1-го Кавказского корпуса [17].

4-я Кубанская пластунская бригада, узнав, что ее должны отвести на отдых в район Баку – Елизаветполя в октябре 1917 г., самовольно ушла с позиций в Сарыкамьш [18]. Большое недовольство выражали и казаки 1-й Кавказской дивизии, узнав об отказе их вывода из Персии. В ноябре 1917 г. 1-й Запорожский полк, расквартированный в Казвине, созвал полковой круг и вызвал на него генерала Раддца. Казаки постановили уйти с фронта в станицы 7 января 1918 г., если их не выведут сейчас. К решению запорожцев присоединились Кубанский полк и 2-я Кубанская батарея. Генерал Н. Баратов, понимая сложность ситуации, дал согласие на уход дивизии с позиций, а в своем объяснении генералу М. Пржевальскому сообщил, что отвод войск он растянет месяца на три, «а за это время и в России, и в армии вся военно-политическая обстановка может совершенно радикально измениться» [19].

Таким образом, затяжной характер войны, значительное количество погибших и раненых, ухудшение экономического положения казачьих хозяйств меняли отношение казаков к выполнению своего профессионального долга, своих служебных обязанностей. Некоторые из них продавали своих коней, оружие, покидали свои полки.

После отречения императора и создания Временного правительства казаки надеялись на улучшение своего положения. Как и в других воинских частях, у них возникали полковые комитеты, иногда избирались новые командиры. Казаки отказывались выполнять полицейские функции. Все это являлось свидетельством появления в казачьих частях демократических настроений, смены прежних политических ориентаций. Однако Временное правительство

не оправдало надежды казаков. Потери на фронтах продолжались, материальное состояние казачьих частей, как и всей российской армии, ухудшалось, что вызывало законное возмущение среди казаков. Особенно недовольна была молодежь. Казачьи части стали требовать вывода с фронта.

Нарастающие с конца XIX в. модернизационные процессы, войны начала XX в. вызвали глубокие перемены в образе жизни, поведении казачества юга России. В системе ценностей казаков развивались кризисные явления. Безнравственные с точки зрения традиционного сознания поступки, противоправные действия стали вполне приемлемыми в новую историческую эпоху, не вызывая у современников особого удивления, воспринимаясь скорее как норма. На смену стабильности и устойчивости пришли трансформации нравственных установок, культурных традиций, ценностных ориентаций.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–48; Воскобойников Г.Л. Казачьи формирования в Первой мировой войне // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ч. 2. Ростов н/Д, 1996. С. 50; Трут В. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 177.
2. Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте 1914–1915 гг. М., 1937. С. 61, 83, 91, 99; Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. М., 2001. С. 58–59.
3. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–48.
4. Воскобойников Г.Л. Указ. соч. С. 50.
5. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 221.
6. Куценко И. Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 256.
7. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 808. Л. 23, 23об.
8. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 – февраль 1917. М., 1966. С. 146.
9. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 191.
10. Стеклов А.П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914–1917 годов. Тбилиси, 1969. С. 111.
11. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 300; Листок войны. 1917. 16 марта.
12. Стеклов А.П. Указ. соч. С. 55–56, 64, 104.
13. Ульянов И. Казачество в первые дни революции. [Б.м.], 1918. С. 26.
14. Кавказский рабочий. 1917. 12 марта.
15. РГВИА. Ф. 5189. Оп. 1. Д. 29. Л. 20. Д. 51. Л. 8. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 135. Л. 553, 605.
16. Стеклов А.П. Указ. соч. С. 44, 46–47.
17. Там же. С. 251.
18. ГАКК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 45. Л. 96.
19. Стеклов А.П. Указ. соч. С. 252.

А.П. Скорик

Повседневность казачьих воинских формирований в годы Великой войны 1914–1917 гг. (на примере 36-го Донского казачьего полка)

В исторических исследованиях о казачьих воинских формированиях гораздо чаще повествуется о боевых делах, чем о повседневности. Мы решили устранить этот перекося, хотя архивных материалов сохранилось немного. Проследим избранный сюжет на примере 36-го Донского казачьего полка, который считался полком третьей очереди, по мобилизационному плану комплектовался в 1-м Донском округе области Войска Донского и предназначался для кавалерийской поддержки боевых действий 2-й русской армии. С началом Великой войны 36-й Донской казачий полк мобилизовался 4 августа 1914 г. в штатном составе в станице Константиновской. Его укомплектованием занимался войсковой старшина Николай Васильевич Кочетов, который стал командиром полка и прошел с ним все годы войны. При изначальном боевом развертывании полк включал 26 офицеров, 875 строевых казаков и 85 нестроевых казаков [1].

8 августа 1914 г. 36-й полк выдвинулся походным порядком в направлении Новочеркасска, а уже оттуда по железной дороге отправился на театр военных действий. 18 августа полк прибыл в польский городок Остроленка Ломжинской губернии, где вошел в состав 2-й русской армии Северо-Западного фронта. Это произошло в трагический момент поражения 2-й русской армии в Восточно-Прусской операции. Казаки полка выполняли разнообразные боевые задачи по несению сторожевой и разведывательной службы во фронтовой полосе действий 2-й армии по линии рек Шква – Омудев, являющихся притоками реки Нарев, а также по обустройству оборонительных позиций в районе городка Остроленка. Они помогали отступавшим из Восточной Пруссии пешим и конным подразделениям армии и «одиночным воинским чинам других разных частей» отойти для последующего переформирования в тыл, где те поступали под общую команду «состоявшего при штабе армии» генерал-майора А.Г. Ушакова [2].

Уже в первых боях проявились некоторые недочеты мобилизации. Так, в бою 5 ноября 1914 г. донцов подвели «казачьи маштаки, принятые при мобилизации полка, по военно-конской повинности». В архивных документах за 1916 г. сохранилось детальное описание маштак: «Лошади из Отдельного конского запаса полученные 1-го февраля в числе 30 шт. и 27 октября в числе 54 штук, хотя признаны годными к службе в строю, но мелки и слабосильны, имеющие рост от 2 ар. ½ вер. [т.е. 1,44 м] до 1 ар. 14 ½ вер. [т.е. 1,36 м], недомерки, мон-

гольских и туркестанских степей, для рослых и тяжелых казаков 3 очереди не вполне подходящие» [3].

В боях с противником 36-й полк нес, хотя и незначительные потери в личном составе. Базовым подразделением для восполнения потерь служила 2-я Донская казачья запасная сотня, сформировавшаяся в 1-м Донском округе. Наиболее подготовленной оказалась первая партия пополнения в количестве 84 чел. и 84 лошадей, прибывшая в полк 8 июня 1915 г., в чем была личная заслуга окружного атамана полковника Якова Петровича Араканцева. Прибывшие «казаки молодые переписи 1913 года и 1914-го обучены хорошо, обмундированы хорошо, с шашками, пиками и винтовками (последние возвращены в войско за излишним) вполне исправными, лошади хорошие, в возрасте 4–5 лет». Позже пополнение поступало мелкими партиями по 5–15 чел. «преимущественно из числа эвакуированных из этого полка и других частей пешими, без лошадей и седел», что создавало «тяжелое положение в виду невозможности... приобрести лошадей и седла покупкою на театре военных действий» [4].

8 июля 1915 г. в 11 часов утра в 36-м Донском казачьем полку «было отслужено молебствование о даровании нам победы». После чего командир полка Кочетов и полковой священник выступили с торжественными речами, а казаки по принятому обыкновению целовали крест и полковой Георгиевский штандарт. Затем полк прошел церемониальным маршем, и казаки разошлись с песнями по местам расквартирования [5].

С 1 декабря 1915 г. и в течение всего 1916 г. 36-й Донской казачий полк «исполняет службу связи, ординарческую и военно-полицейскую», и его сотни распределяются по разным войсковым соединениям, а с освобождением от обязанностей военно-полицейской службы полк входит в корпусной резерв. С 8 сентября 1916 г. казачья часть перешла по штату на 5-сотенный состав. На базе полка были сформированы 4 казачьих конвоя для нужд армейских соединений, полковая команда связи, и в нем даже появился свой «один легко-грузовой $\frac{3}{4}$ тонный автомобиль, для обслуживания которого назначены один шофер и один помощник его». 36-й полк также выделил и отправил в более чем годичную командировку с 28 ноября 1915 г. 10 нижних чинов в особый партизанский отряд поручика Кузьмина [6] для действий в ближнем тылу противника.

Занимался комплектованием партизанских отрядов штаб Походного атамана казачьих войск во главе с великим князем генерал-майором Борисом Владимировичем Романовым. Он побывал в 36-м Донском казачьем полку 8 февраля 1916 г. Отмечая бравый вид донских казаков, Походный атаман зафиксировал в рапорте императору Николаю II следующие недостатки: нехватку шинелей, наличие маштаков среди конского состава, необходимость замены до 10 % ленчиков (арчаков, основы для конского седла) и части подкидок (подложки под казачье седло), почти полное отсутствие попон, щеток, скребниц, потребность в ремонте уздечек и недоуздков [7].

Характерная деталь: офицеры и нижние чины 36-го Донского казачьего полка за период его участия в военных операциях не совершили никаких противоправных деяний, никто из казаков не был предан военно-полевному и корпусному судам. «Жалоб и претензий на полк и отдельно на чинов его не предъявлялось» [8]. За первые полтора года участия в военной кампании донцы сэкономили по хозяйственной части 84 312 руб. и потратили часть сэкономленных средств весьма разумно: 1291,5 руб. на фуражки для нижних чинов, 3679 руб. «на покупку подков и шипов», до 600 руб. на брезенты для обозных повозок и походных кухонь [9]. Это объяснялось тем, что в боевых столкновениях с противником часть имущества, обмундирования и снаряжения, конского состава неизбежно утрачивалась, поэтому периодически приходилось пополнять существующие резервы, или полностью возобновлять утраченное. Так, подьесаул Николай Васильев получил в январе 1917 г. «пособие на приобретение строевой лошади» в размере 333 руб. 50 коп. [10] Правда, иногда компенсация понесенных убытков и выдача жалования в условиях войны задерживались по времени сроком до года [11].

На момент подведения первых итогов участия казаков в войне, на 1 января 1917 г. 36-й Донской казачий полк понес относительно незначительные боевые потери. В числе убитых насчитывалось 2 офицера (сотник Усков и прапорщик Демидов) и 18 нижних чинов. В списке раненых и контуженых значились 4 офицера: подьесаул Ермаков, сотник Александр Суворов, хорунжий Наследышев (находившийся в плену), хорунжий Георгий Сохранов, а также 23 казака из числа нижних чинов. Еще 4 нижних чина пропали без вести. Кроме того, за указанный период было убито 38 лошадей, 42 боевых спутника казаков получили ранения и контузии, из них 24 впоследствии пало. В результате в полку иногда возникала нехватка строевых коней, поэтому, например, на 18 января 1917 г. в части насчитывалось 38 вынужденно пеших казаков [12].

С декабря 1916 г. по февраль 1917 г. казаки 36-го Донского казачьего полка выполняли обязанности конвойной службы в 176-й пехотной дивизии. В феврале 1917 г. целый взвод 3-й сотни 36-го полка в составе 5 урядников и 26 казаков нес конвойную службу в 176-й пехотной дивизии [13]. Кроме того, с сентября 1916 г., как уже упоминалось, были организованы сразу 4 казачьих конвоя из личного состава 36-го Донского казачьего полка: 1 корпусной конвой в распоряжение командира 2-го Кавказского армейского корпуса в составе 1 офицера и 68 нижних чинов, 3 дивизионных конвоя в составе 1 офицера и 51 нижнего чина каждый для нужд 2-й и 51-й пехотных дивизий и Кавказской гренадерской дивизии, а всего 4 офицера и 221 нижний чин [14].

С 1 января 1917 г. «для несения службы при штабе 20 армейского корпуса» направились 4-я и 5-я сотни 36-го Донского казачьего полка «под командой дивизионера, войскового старшины Ивана Малюгина». В общей сложности в этой военно-служебной командировке находилось из состава 4-й сотни 4 офицера, 108 строевых нижних чинов, 8 нестроевых нижних чинов, за которыми закрепля-

лось 8 офицерских строевых лошадей, 127 лошадей нижних чинов и 3 обозных упряжных лошади. Из состава 5-й сотни 36-го полка в военно-служебную командировку отправились 5 офицеров, 106 строевых нижних чинов, 9 нестроевых нижних чинов, при которых находились 10 офицерских строевых лошадей, 118 строевых лошадей нижних чинов и 3 обозных упряжных лошади [15].

Боевые успехи 36-го Донского казачьего полка ковались с помощью хорошо организованного и крепкого тыла, где необязательных мелочей не бывает, где повседневное и четкое исполнение своих обязанностей значит многое. Командир 36-го полка эту непреложную истину хорошо понимал. Поэтому согласно приказу по полку № 3 от 3 января 1917 г. была выдана в награду нижним чинам «хозяйственная сумма» в размере 145 руб. «за усердную службу» [16]. Она распределялась по всем тыловым службам полка.

В списке поощряемой группы писарей мы видим: полкового писаря Анатолия Басова, старшего писаря Пимена Дурноусова, младшего писаря Власа Еремина, младшего писаря Михаила Герасимова. В этой же группе награжденных писарей значатся прикомандированные: Федор Журавлев, Николай Даржинов, Шалвур Даржинов, Кирилл Устинов, Цаган Хуряинов, Иван Родимов, Василий Поздняков, Александр Панков, Анисим Лыткин. Любопытно, что в приказе для Анисима Лыткина обозначена еще дополнительная сумма 1 руб. Очевидно, его наградили, помимо обычно отмечаемого общего усердия в службе, за какие-то иные отличия. Группу награжденных обозных казаков, как сказали бы сегодня, тыловиков, составили: урядник Афанасий Родимов, урядник Григорий Моисеев, казак Василий Чухряев, казак Илья Давидов, казак Павел Кузнецов, казак Иван Кузнецов.

Поощрительное денежное содержание получили седельники (т.е. специалисты, следившие за исправностью конского снаряжения): нестроевой казак Демьян Ермаков, приказный Тимофей Уваров, казак Аким Крюков, казак Михаил Романов, казак Алексей Самохин, казак Тимофей Попов. В полку имелась своя шорно-седельная мастерская, где непрерывно чинили седла, сбрую и прочую амуницию, которая сильно изнашивалась в результате непрерывного использования. Седельники находили возможность изготавливать даже новое снаряжение, в частности, ленчики (арчаки, основы для конского седла), что в походных условиях можно считать настоящим проявлением их высокого мастерства [17].

В приказе № 3 от 3 января 1917 г. отмечается также целая группа кузнецов: полковой кузнец Яков Ермаков, кузнец Никандр Щеглов, кузнец Иван Чуприков, кузнец Андрей Дорохов, кузнец Владимир Пименов, кузнец Петр Февралев, кузнец Сергей Попов, кузнец Илья Лавренов, кузнец Семен Мануков, оружейный подмастерье Алексей Предков. Особое поощрение назначили полковому кузнецу Якову Ермакову, который получил 5 руб. Кузнецы в основном занимались подковыванием лошадей, поскольку подковы быстро изнашивались в боевых условиях, а также брали на себя массу другой, очень нужной текущей

хозяйственной работы по содержанию в исправности разнообразного военного имущества.

Кроме того, в рапорте № 13 от 18 января 1917 г. начальнику штаба Походного атамана командир полка Кочетов отмечал, что «в большинстве случаев фураж получается от интендантства, в тех же случаях, когда интендантство не в состоянии бывает поставить достаточного количества, овес, сено и кормовая солома покупались хозяйственным способом – овес от 1 руб. 25 коп., сено от 60 коп. до 1 руб.50 коп. за пуд, солома от 40 коп. до 1 р. 30 коп.» [18]. Заведовал полковым хозяйством тогда Алексей Михайлович Туроверов [19], троюродный брат поэта казачьей эмиграции Н.Н. Туроверова. За боевые заслуги есаул Туроверов уже 5 марта 1915 г. получает чин войскового старшины [20], а 17 апреля 1917 г. – чин полковника.

Надо отдать должное войсковому старшине А.М. Туроверову в его неустанных заботах о полковом конном хозяйстве. Результаты его хлопот отражены в ветеринарно-санитарном отчете от 9 ноября 1916 г., который приводится в приказе № 275 от 18 декабря 1916 г. по 2-му Кавказскому армейского корпусу, подписанному генералом от артиллерии Самедбеком Садыхбек оглы Мехмандаровым. В этом документе подчеркивается, что в деревне Заскевичи Минской губернии «осмотрены 1, 3, 4 и 5 сотни, лошади обоза и ветеринарного лазарета. Все лошади в хороших телах и отлично содержатся. Лошади размещаются частью в обывательских сараях, частью в пристроенных к ним плетеных сарайчиках. В конюшнях, помещениях, также и на коновязях поддерживается образцовый порядок и чистота. Кованы лошади вполне удовлетворительно. В настоящее время производится перековка на зимние подковы. В подковах недостатка нет. Имеются щетки, скребницы, кормовые торбы, попоны и противогазные мешки. Водопой хороший из протекающей неподалеку речки. Фураж – ячмень и сено. Интендантский – удовлетворительного качества. В ветеринарном лазарете 50 больных лошадей с механическими повреждениями. Заразных болезней не обнаружено. Лазарет снабжен необходимыми медикаментами и перевязочными средствами достаточно» [21].

В январе 1917 г. 29 казаков 5-й сотни выполняли возложенные на них военно-служебные обязанности на постах «летучей почты» во 2-м Кавказском армейском корпусе Западного фронта [22]. «Летучая почта» представляла собой несколько последовательно размещенных на определенном расстоянии постоянных постов, обслуживавшихся группой казаков, и обеспечивала быструю передачу распоряжений и донесений командования в боевых порядках воинского соединения, к которому в этих целях прикомандировывалась для выполнения названных военно-служебных обязанностей необходимая группа казаков.

В 36-м Донском казачьем полку наличествовала своя собственная команда связи. Для нее централизованно выделили 4 телефонных аппарата, 10 668 м телефонного кабеля, 2 специальных конных двуколки (одноконные двухколесные повозки с пассажирским сидением на 2 чел.), приспособленных для телефонно-

монтажных работ, 1 хозяйственную двуколку и 6 обозных лошадей [23]. На начало января 1917 г. в полковую команду связи всего входило 38 чел. [24].

В 36-м полку свято поддерживалась казачьи традиции воинской службы, в том числе односумства и призыва из одного хутора, одной станицы. В качестве «удобных и полезных» их называл в своем рапорте № 13 от 18 января 1917 г. командир полка Николай Васильевич Кочетов [25].

В марте 1917 г. 36-й Донской казачий полк направился на формирование 8-й Донской казачьей дивизии, укомплектование которой происходило на территории области Войска Донского. Штаб 8-й Донской казачьей дивизии размещался на станции Миллерово. К концу июля 1917 г. дивизия в основном завершила подготовку к предстоящему своему выступлению на новый театр боевых действий. Задержка полной готовности для намеченной отправки на Кавказский фронт обуславливалась исключительно недоукомплектованием конно-пулеметными, конно-саперными командами, телефонно-телеграфными станциями, походными кухнями.

Примечательно, что подготовка конно-саперной команды в 36-м Донском казачьем полку началась еще в январе 1917 г. В полковом приказе № 6 от 6 января 1917 г. говорилось, что в казачью часть прибыла группа нижних чинов «специально подготовленных в первоочередных частях по конно-саперному делу». Командир полка Н.В. Кочетов требовал от сотенных командиров «людей этих содержать на особом учете, а для доведения саперной команды до положенного числа в каждой сотне к числу имеющихся обученных нижних чинов назначить еще из числа урядников и грамотных казаков, с таким расчетом, чтобы в каждой сотне имелось на лицо саперов по одному уряднику и 5 казаков и, кроме того, по одному запасному». Список отобранных кандидатов в саперную команду готовился к 15 января 1917 г. Подъесаулу Н.А. Чекину командиром полка давалось поручение «теперь же приступить к обучению конно-саперному делу вновь назначенных нижних чинов и не менее одного раза в неделю собирать старый состав конно-саперов для повторного курса обучения». В приказе персонально называется группа подготовленных специалистов по конно-саперному делу, обученная в первоочередных частях (где казаки проходили первый срок службы). В привилегированную команду входили: 1) приказный Прокофий Панфилов (1-я сотня); 2) приказный Тимофей Медведев (1-я сотня); 3) приказный Григорий Куприянов (1-я сотня); 4) урядник Иван Фролов (2-я сотня) [26].

Таким образом, в ходе Великой войны 1914–1917 гг. 36-й Донской казачий полк выполнял различные боевые задачи (арьергардные бои, фланговое прикрытие, разведка и др.) и военно-служебные обязанности («летучая почта», конвойное сопровождение, охрана и др.) по обеспечению русской армии. Его успехи основывались на крепком тылу и умелой организации хозяйственно-бытовой деятельности, что составляло боевую повседневность. Полк был одной из коренных частей русской армии, на плечах которой Россия вынесла все тяготы Великой войны 1914–1917 гг.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 91.
2. Там же. Л. 73.
3. Там же. Л. 89об.
4. Там же. Л. 74, 74об.
5. Там же. Л. 84.
6. Там же. Л. 88.
7. Там же. Д. 11. Л. 18, 18об.
8. Там же. Д. 52. Ч. 2. Л. 74.
9. Там же. Л. 75.
10. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 57. Л. 8.
11. Там же. Л. 8об.
12. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 74, 74об.
13. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 57. Л. 25об.
14. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 88об.
15. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.
16. Там же. Л. 9об, 10.
17. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 75об.
18. Там же.
19. Там же. Л. 91.
20. Россия. Военное ведомство. «Высочайшие приказы о чинах военных». Март 1915 г. РГБ, № В-39-77-832. С. 4
21. РГВИА. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 48. Л. 129-129об
22. Там же. Д. 57. Л. 7об-8.
23. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 88об.
24. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 57. Л. 15об.
25. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 74об.
26. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 57. Л. 15об.

В.Л. Кожевин

К истории одного «сражения» на Русском фронте Первой мировой

Среди многочисленных случаев братания между солдатами враждовавших армий времен Первой мировой войны события марта 1915 г., произошедшие в немецком городе Мемеле (современная Клайпеда), с точки зрения их масштаба и последствий нельзя не признать исключительными. Одновременно они как в фокусе отобразили типические черты фронтовой повседневности и основное содержание процессов, характерных для этого периода истории русской армии.

Этот казус случился в начале весны 1915 г., когда русская армия еще не испытала горечи оставления больших пространств своей территории под натиском превосходивших сил противника, а ее вожди не теряли надежды на новое вторжение в Восточную Пруссию. Командование Северо-Западного фронта подготовило операцию по захвату немецкого города Мемеля (нынешняя Клайпеда). Казалось, все было предусмотрено штабными работниками, однако они никак не могли представить себе, что первоначальный успех обернется почти поголовным разложением наступавших на город частей.

Поход начался успешно. Вступив 4 марта в соприкосновение с противником, русские части быстро заставили его отойти к Мемелю. 5 марта около 10 часов вечера передовые подразделения сводного отряда генерал-майора А.С. Потапова ворвались в город. На улицах открылась интенсивная стрельба (стреляли даже из окон домов); завязались жестокие рукопашные схватки [1]. Начальник отряда приказал оставить город и подвергнуть его артиллерийскому обстрелу. За ночь немецкие войска покинули Мемель, а утром депутация горожан вышла навстречу русским, изъявляя покорность.

Отряд генерала Потапова, насчитывавший до 10 тыс. чел., отличался довольно пестрым составом. В него входили: батальон 270-го Гатчинского пехотного полка, семь сотен казаков и пограничников, артиллеристы при восьми орудиях, морской батальон и солдаты дружин ополчения [2]. Окрыленные успехом, русские части вступили в Мемель, а уже вечером были «потревожены» германскими ландштурмистами. В форме, но без оружия группами по 10–15 чел. немцы стали просачиваться в расположение русских, подходили к победителям и угощали их спиртным. Такой прием со стороны противника пришелся по душе ополченцам, которые составляли большую часть отряда – около 6 тыс. ратников. Не отказался от угощения и строевой батальон, сформированный из моряков 1-го Балтийского флотского экипажа. Согласно информации, полученной высо-

копоставленным офицером, капитаном 2-го ранга В.М. Альтфатером, батальон «в боях участвовал и вел себя хорошо до второго вступления в Мемель, где перепился и стал невозможным» [3].

Начальник сводного отряда приказал брать в плен незваных гостей, но русские и немецкие солдаты уже были крайне пьяны. Ландштурмисты буквально наводнили город – по оценкам очевидцев их собралось здесь около 3 тыс. чел. – и выполнить приказ командира русским оказалось не под силу. Тогда обескураженный подобным поворотом событий генерал Потапов вывел на ночь свои войска из Мемеля. 7 марта русский отряд вновь занял город, однако все повторилось сначала: немцы драться не хотели, и пьяная вакханалия продолжалась. Вечером генерал сообщал в штаб Двинского военного округа: «Противник напаивает мои части, которые и так твердостью не отличаются, и для восстановления порядка мне лично впервые в жизни пришлось расстрелять ополченца» [4]. Потапову в третий раз пришлось распорядиться об оставлении Мемеля.

На другой день в городе наблюдалась та же картина. До предела расстроенные и деморализованные русские войска окончательно покинули Мемель 10 марта, когда обозначилось обходное движение частей германской 10-й армии, создававшее угрозу окружения. Причем, как сообщал в Ставку командующий Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковский, при отступлении «было потеряно четыре пулемета и оставлено в городе без вести пропавшими и пьяными 200 людей» [5].

История бесславно завершившейся операции на границе с Восточной Пруссией предоставляет достаточно ценный материал для размышлений по поводу характера отношений нижних чинов и офицерства русской армии в условиях мировой войны. Первый аспект непосредственно отображает механизм функционирования патерналистской модели взаимодействия командного состава и солдатских масс. Дело в том, что данная модель предполагала осуществление серьезного социального контроля старших над младшими, «опекунов» над «опекаемыми». Снижение требований, подкрепленных угрозой наказания, либо, напротив, усиление контроля, вплоть до надзора за последними мелочами быта и поведения, влекли за собой разбалансировку традиционной системы отношений между командирами и подчиненными. В данном случае имел место вариант, когда контроль начальства был заведомо недостаточен. Генерал Потапов в ходе расследования причин неудачно завершившейся операции был вынужден признать: «Части не дисциплинированы, офицеров мало, и авторитетом не пользуются прапорщики, конечно; всё это вызвало мародерство и пьянство. Дисциплина заметно каждый час падала» [6].

Среди офицеров особенно отличился командир батальона моряков капитан 2-го ранга Пекарский. По информации того же Джунковского, он допустил повальное пьянство среди подчиненных еще при следовании батальона из Петрограда в Либаву. Сам же при взятии Мемеля, сказавшись больным, передал командование матросами капитану по адмиралтейству Никулину. При

отступлении из города командир моряков, следовавший с походной кухней, в результате «аварии» был обрызган содержимым походного котла. Наутро, «облитый капустой и жиром, капитан Пекарский... в нетрезвом виде являлся начальнику отряда, коим и был отчислен от командования батальоном» [7].

Другим важным аспектом данной проблемы оказывается вопрос об отношении к противнику, вопрос об образе врага, существовавшем в сознании солдатских масс. Общий взгляд на проблему восприятия противника довольно убедительно обосновала Е.С. Сенявская. Она пишет о наличии двух вариантов этого образа. «Первый, “глобальный”, сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя, – отмечает исследовательница, – представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, “бытовой”, возникал в результате непосредственного общения с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем более мобильным был второй образ» [8].

Конечно, сама по себе жестокость войны, массированная антигерманская пропаганда оставляли глубокий след в сознании воинов. И все же «бытовой» образ врага не был наделен столь одиозными чертами, чтобы препятствовать вначале спорадическому (братание в Мемеле, праздничные братания на фронте 1914–1916 гг., а позднее в 1917 г.) и массовому возникновению ситуаций «замирения» русских солдат с противником. Впрочем, доброжелательность поведения в отношении немцев во время братания имела свои пределы. Например, распивая спиртное вместе с германскими ландштурмистами, русские солдаты были не прочь и пограбить горожан в богатом Мемеле.

В данном контексте особенно проблематичным оказывается однозначное решение проблемы причин, вызывавших братания на Русском фронте до весны 1917 г. В современной историографии выводы о том, что братания в первую очередь были следствием усталости солдат от войны, либо по большей части выступали результатом происков германского командования, стремившегося разложить дисциплину в войсках противника или осуществить разведку его позиций, представляются недостаточно убедительными, поскольку не могут служить объяснением многих фактов и обстоятельств фронтовой повседневности. В данной связи оказывается довольно плодотворным поворот исследователей к анализу особенностей праздничной культуры русского крестьянства, которая и воплотилась в поведении солдат на войне. В частности, А.Б. Асташов, справедливо подчеркивая по преимуществу стихийный характер братаний до революции 1917 г. и совпадение этой практики с Пасхой и Рождеством во временном отношении, обращает внимание на сходство ритуальных действий и эмоциональных проявлений у русских солдат в моменты братаний с характером поведения православных, отмечавших главные религиозные праздники в мирных условиях [9].

Мемельский казус, однако, открывает перед нами более сложную картину. Ведь по существу русские солдаты «отпраздновали» протестантскую Пасху, нарушив при этом сорокадневный православный пост. Дело в том, что лютеранская Пасха пришлась в 1915 г. на 9 марта по юлианскому летоисчислению, а православная Пасха на 22 марта. Возникает вопрос: почему же немцы начали спаивать русских несколько ранее – начиная с 6 марта? Думается, что ситуация объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, возвратившиеся в Мемель уже после его сдачи немецкие солдаты, судя по историческим документам, принадлежали к категории ландштурмистов второго призыва [10]. А это означало, что их возраст составлял 39 лет и выше. Солдаты, относившиеся к данной категории запасных, в военное время предназначались лишь для службы в тылу, а также для охраны границ. Очевидно, что желание отпраздновать Пасху в родном городе переселило у людей, довольно условно считавшихся военными, и требования воинской дисциплины, и страх перед врагом. Что же касается сорокадневного поста, то у лютеран его соблюдение является делом добровольным.

Если действия немецких ландштурмистов в данном случае представляется более или менее понятными, то этого с абсолютной уверенностью нельзя сказать о поведении русских солдат. Таким образом, принимая во внимание особенности событий марта 1915 г. в Мемеле, можно заключить, что исследователям еще предстоит, как минимум, скорректировать свои объяснительные конструкции применительно к феномену братаний на Русском фронте Первой мировой войны.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1932. Оп. 3. Д. 129. Л. 250–255.
2. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 94.
3. Там же.
4. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 129. Л. 233–234.
5. Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. С. 571.
6. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 129. Л. 236.
7. Лемке М. Указ. соч. С. 571.
8. Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 145.
9. Асташов А.Б. Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 8.
10. РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 91.

В.В. Смеюха

Роль женщины в Первой мировой войне (по материалам ростовской прессы 1914–1916 гг.)

В связи с началом Первой мировой войны произошла реорганизация отечественной периодической печати: в изданиях появились новые разделы и рубрики, освещавшие ход войны, возросла значимость военной периодики. В прессе военная тематика стала одной из главных. Однако, несмотря на то, что военные события, а также изменения условий жизни населения находили непосредственное отображение в информационном пространстве СМИ, пропагандистская функция изданиями реализовывалась не в полном объеме, что происходило, во-первых, по причине нехватки опыта ведения военной пропаганды, во-вторых, из-за отсутствия единой информационной политики в освещении военных событий [1]. В начале XX в. только начались разработки пропагандистских технологий с использованием средств массовых коммуникаций, которые будут широко применяться в период Второй мировой войны. В 1914–1918 гг. частные издатели, формируя информационную картину, руководствовались собственными представлениями о формах и характере описания военной действительности. В результате на страницах СМИ могла публиковаться информация, которая способствовала дезорганизации населения (например, издания размещали многочисленные публикации о повышении цен, дефиците продовольствия, жизни беженцев и т.д.).

Женское население сыграло значительную роль в период Первой мировой войны. Необходимо отметить, что события 1914–1918 гг. привели к изменению положения женщин: трансформации подверглись общественные, профессиональные и семейные стороны жизни. Начало XX в. характеризовалось модификацией гендерных моделей поведения и гендерных интересов, в частности, в России активно развивалось феминистское движение, представители которого выступали за расширение политических и гражданских прав женского населения, а также за распространение женского профессионального труда и женского образования. Военные события способствовали массовому вовлечению женщин в общественно-политическую и экономическую деятельность: они участвовали в благотворительных акциях, осваивали новые профессии и занимали освобождавшиеся в ходе военной мобилизации рабочие места, работали в лазаретах и госпиталях и даже участвовали в боевых сражениях. Пресса описывала преобразования жизненных условий и интересов женщин, акцентировала внимание на их роли в военных событиях,

инициировала благотворительные акции, в которых соотечественницы принимали посильное участие.

В начале XX в. в г. Ростове-на-Дону выходило несколько газетных изданий: «Донские областные ведомости», «Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы», «Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской думы», «Донские епархиальные ведомости», «Донская жизнь», «Приазовский край», «Южный телеграф» и т.д. Как отмечалось выше, в связи с началом войны в прессе произошли тематические и типологические изменения. Так, например, в издании «Приазовский край» появились разделы и рубрики: «Отклики войны», «Война, телеграммы наших корреспондентов», «На театре войны», «Письма войны» и др. Местная периодика, в частности, официальные и коммерческие издания следили за развитием хода войны и представляли информацию, описывавшую события международного, общероссийского и регионального уровней.

Что касается гендерной тематики, то ростовские газеты также уделяли ей внимание. В данной связи обращают на себя внимание две публикации, вышедшие в местных изданиях через несколько дней после вступления России в войну. В материале «К женщине», опубликованном в «Приазовском крае», было обозначено представление о роли женского населения, которую ему предстоит выполнять в период войны: «... в тяжелую годину испытания твоя помощь, русская женщина, особо необходима. Женщины-врачи, фельдшерицы, сестры-милосердия, служащие до самопожертвования святому делу, и вы, скромные обывательницы, настал ваш час!» [2]. Данное обращение относилось ко всем жительницам страны. «Донские областные ведомости» опубликовали рассказ «На войну», в котором в художественной форме было передано эмоциональное настроение казачки в преддверии трудного для нее и для всей страны периода. Автор А. Гончаров акцентировал внимание на том, что женщина не узнала о начале войны, а почувствовала ее: «Мирно спит станица в тихую летнюю ночь... расположившись на разбросанной соломе среди двора и вдыхая полную грудью чистый воздух, спит небольшая казачья семья... Но вдруг произошло что-то необычное... из груди ее вырвался отчаянный вопль: «Не покидай меня. Не покидай меня с детками малыми» [3]. Женщина поняла, что военные события приведут к значительным переменам в ее личной, семейной, бытовой и хозяйственной сферах жизни. Ростовский писатель и журналист показал, что с тяготами и лишениями войны казачка столкнется уже в ближайшее время: после того, как проводит на фронт мужа, сына, она будет в одиночку растить детей, вести хозяйство. Между тем, массовая пресса в это же время публиковала материалы, передававшие героическое восприятие широкой аудиторией военных действий. Например, В.Д. Давыдов в сборнике «Славное казачество во вторую Отечественную войну» поместил рассказ И. Курмоярова, который вышел в газете «Русский инвалид»: «– Что это такое? – любопытствовали казаки.

– Мобилизация, братцы! Война!

– Война? Ура! Ура-а!..» [4].

Тему ухудшения условий жизни женщины-казачки продолжил автор рассказа «На войну», опубликованного в этой же газете: «А рожь еще не сжата. Как-то управится Марья одна? Не плачь, Марья, не плачь! Не в саван одеваешь. Бог милостив, – торопливо обнимая жену, говорил Петька» [5].

Уже в начале августа 1914 г. наказной атаман Войска Донского генерал от кавалерии В.И. Покотило отдал приказ об организации помощи семьям казаков: «Озаботившись судьбой оставшихся и остающихся семей мобилизованных казаков и запасных, организовать... в Новочеркасске комитет для сбора пожертвований» [6]. Издания регулярно публиковали списки тех, кто передавал средства в помощь семьям казаков. Среди оказывавших финансовую помощь было немало женщин, например: «Варвара Виссарионовна Черевкова 25 р., Евгения Александровна Нагибина 500 р., Дамский кружок Евангелического общества 50 р.» [7]. По опубликованным в прессе сведениям, к окончанию первого месяца войны силами горожан было собрано 12 477 руб., предназначенных для поддержки семей казаков. Были и другие формы помощи, например, «Донские областные ведомости» сообщили, что «проживающий в хуторе Упорниковом, Акишевской станицы, мещанин Федор Михайлович Воронин, владелец мельницы, изъявил согласие выдавать на каждую семью... проживающую в Акишевской станице, по одному пуду муки со дня объявления мобилизации до окончания войны» [8]. Данное информационное сообщение наглядно показывает, что не только горожане, но и станичники участвовали в благотворительной деятельности. В заметке интересен следующий факт: хозяин мельницы обязался поддерживать станичников до окончания войны, т.е. он предполагал, что война не продлится долго.

Публикации изданий передают первоначальное восприятие местными жителями военных событий: «14 сентября... через Новочеркасск проследовал новый транспорт наших раненых воинов. Подошедший поезд был встречен громадной толпой народа, с нетерпением бросившегося к раненым с расспросами. Местным кружком дамского железнодорожного комитета для раненых был приготовлен чай и закуска» [9]. Горожанами приезд раненых был воспринят как массовое мероприятие встречи героев. Однако вскоре восторженное и героическое настроение стало сменяться разочарованием – издания стали публиковать «Скорбные листки о выбывших за смертью и за ранами, а также пропавших без вести воинских чинах Донского казачьего войска», информацию о повышении цен на продукты, прибытии беженцев и т.д.

Анализ тематики местных изданий позволяет определить несколько направлений в деятельности женщин, обусловленных военными событиями. Во-первых, как уже отмечалось выше, жительницы области Войска Донского поддерживали благотворительные акции, оказывали не только финансовую помощь фронту, семьям, оставшимся без кормильца, беженцам, госпиталям, но и собирали для них необходимые вещи, продукты: «Дамское попечительское общество о бедных доводит до всеобщего сведения, что с 1-го сентября 1914 г. в мастерских Мариинского детского приюта будет приниматься безвозмезд-

но кройки и шитье для раненых и больных воинов» [10], «Дамским кружком комитета созданы 4 отправки теплых вещей из разных предметов (перчатки, кисеты и пр.)... Дамский комитет 136 пех. Таганрогского полка, открыв свой лазарет, собрал пожертвованных деньгами свыше 5 тыс. руб.» [11], «Азовским дамским кружком составлен отчет о своей деятельности за период от 24 сентября до 24 ноября. За эти два месяца изготовлено 2 430 штук белья, теплых вещей, кисетов и т.п.» [12].

Во-вторых, женщины организовывали переписку с участниками войны. Местные издания практиковали публикацию военных писем, чаще всего они носили благодарственный характер и были откликом на полученную помощь. Например, был опубликован ряд писем, адресованных супруге наказного атамана Е.Н. Покотило: «Ваше высокопревосходительство, глубокоуважаемая Екатерина Николаевна! Прошу принять и передать городской комиссии по сбору пожертвований в пользу воинов и пострадавших от войн мою сердечную благодарность...» (от командира 6-й лейб-гвардии Донской казачьей батареи), «Какую радость доставила сотне ваша любезная посылка» (от казаков 27-го Донского казачьего полка) [13]. Читатели могли ознакомиться с письмами, адресованными и другим женщинам: «Глубокоуважаемая Тамара Иосифовна! Сегодня в полку праздник – раздача присланных вещей» [14]. Ученицы ростовских гимназий организовывали массовую отправку подарков, писем, ответы на которые также размещались на страницах газет. Данные письма могли носить сентиментальный, шуточный, романтический тон: «Перед рождественскими праздниками группа учащихся одного из женских учебных заведений в Ростове послала в действующую армию... разные подарки солдатам. На днях одна из учениц получила от старшего унтер-офицера 15 роты Дорофея Горбатнова письмо... “Из глаз воинов ручьем полились горячие слезы... слезы благодарности, слезы радости, слезы веры в то, что нас там, далеко, не забывают...”», «Вы пишете: “Курийте посланные папиросы и пусть от дыма их гибнут наши противники...”. Курим, дорогая, но варварские немцы от дыма недохнут. Они умирают от наших пуль и русских штыков» [15], «Зиночка Чуева, ученица торговой школы общества приказчиков, послала в действующую армию свой рождественский подарок и получила на днях от С.В. Орловского из армии письмо такого содержания: “Дорогая сестрица! Пишу по просьбе моих нижних чинов, которые умоляют и просят вас прислать им на память вашу фотографическую карточку... Надеюсь, не откажите в просьбе и старых и милых... наших солдатиков, ибо карточка будет храниться как реликвия, в свою очередь постараясь при удобном случае выслать нашу карточку”» [16].

В-третьих, за счет женщин увеличивалась численность медицинского персонала, нехватка которого обнаружилась уже в первые месяцы войны. «Приазовский край» писал, что в январе 1915 г. в местные лазареты должны были поступить около 7 тыс. раненых, 5 тыс. прибывших с фронта – пройти лечение амбулаторно [17]. Издания публиковали информацию о женщинах, выбиравших в качестве профессиональной деятельности медицину: «Из числа городских

учительниц поступили в сестры милосердия М. Огнева, К. Нечогина и А. Таратутина» [18], печатали фотографии местных сестер-милосердия.

В области не было женского медицинского факультета, который бы осуществлял подготовку женщин-врачей. Высшие женские курсы, работавшие в Ростове, объединяли три факультета (историко-филологический, физико-математический, юридический). Еще до начала войны стала обсуждаться перспектива учреждения женского медицинского факультета, в военный период «вследствие значительной убыли медицинского персонала» вопрос о его открытии стал особенно актуальным [19]. Выходили публикации, доказывавшие целесообразность обучения на местном уровне женщин-врачей, отчеты комиссий, занимавшихся проведением подготовительных работ, предшествовавших открытию нового женского учебного заведения. Ростовский женский медицинский институт появился в 1916 г.

В период Первой мировой войны личное участие женщин в боевых событиях было редким явлением. Но среди отличившихся на фронтовых позициях были и местные жительницы. Так, в феврале 1915 г. местная газета писала: «Ростовская уроженка врач санитарного поезда Государственной Думы Е.Я. Каялова, обратившая всеобщее внимание своей энергией и бесстрашием в деле оказания помощи раненым на передовых позициях, заболела тифом... она выздоровела и поехала в Батуми поправляться. Е.Я. Каялова награждена Георгиевской медалью» [20].

В начале 1916 г. в «Приазовском крае» была опубликована статья, автор которой обозначил изменения, произошедшие в донском регионе: «Год, прошедший целиком под знаком великой войны, в жизни нашего, как и всякого другого города, оставил глубокий отпечаток... всплыл новый острый вопрос о беженцах... о помощи деревне ликвидировать урожай... о дороговизне жизненных продуктов, об их недостатке и снабжении ими населения. Высокий подъем гражданских и патриотических чувств сменился упадком» [21]. Все названные процессы коснулись женщины, ее семьи, которые должны были самостоятельно преодолевать трудности, связанные с военным положением, однако подробности жизни донских женщин (бытовые, хозяйственные) прессой не рассматривались. В работе местных средств массовой информации гендерный аспект слабо учитывался.

Ростовские периодические издания ограничивались освещением жизни населения. В хронологической последовательности описывались события местного масштаба, в поле зрения журналистов попадали преимущественно мероприятия, проходившие в городах Ростове, Таганроге, Новочеркасске, Азове. Жизнь женщин, проживавших в сельских районах, практически не описывалась.

Таким образом, можно заключить, что региональная пресса, выходящая в Ростове-на-Дону во время Первой мировой войны, помогает воссоздать исторический фон обозначенного периода, определить характерные особенности жизни и деятельности как всего населения в целом, так и отдельных его групп, рассмотреть их функции и обязанности, определяемые социумом в связи с на-

чалом военных действий. В периодике освещались основные направления деятельности женщин. Характер отражения роли женщины в войне обуславливался уровнем развития системы средств массовой информации. Пресса практически не использовала технологии информационно-психологического воздействия на аудиторию, ограничивалась фактографической подачей информации. В информационных заметках сообщалось о мероприятиях, организованных женщинами в донском регионе, а также о выдающихся поступках отдельных жительниц. Художественные произведения, основывавшиеся на реальных исторических событиях (начало войны, проводы казаков на фронт, изменение уклада жизни казачьей семьи, вовлечение казачек в общественно-политические процессы и т.д.), знакомили аудиторию с духовным миром женщины в период войны, что способствовало эмоционализации происходивших преобразований.

Примечания

1. Иванов А.А. «Если газеты будут продолжать мутить народ... закройте все газеты до последней»: правые Государственной думы и Государственного совета о свободе слова (1914–1917) // Научный диалог. 2012. № 9. С. 17–27.
2. Эпизод из мобилизации на Дону // Давыдов В.Д. Славное казачество во вторую Отечественную войну. Вып. I. Новочеркасск, 1915. С. 17.
3. Игнатъев. К женщине! // Приазовский край. 1914. 31 августа. С. 6.
4. А.Г. На войну. Рассказ из Донской казачьей жизни // Донские областные ведомости. 1914. 5 августа. С. 3.
5. Н.Г. На войну // Там же. 2 сентября. С. 2.
6. Воззвание // Там же. 6 августа. С. 1.
7. Список лиц, коими сделано пожертвование в пользу семей казаков... // Там же. 26 августа. С. 3.
8. Помощь семьям запасных // Там же. 2 сентября. С. 4.
9. Поезд и прибытие раненых // Там же. 16 сентября. С. 3.
10. Донские областные ведомости. 1914. 31 августа. С. 1.
11. Наикрупнейшая организация – общественный комитет помощи больным и раненым воинам гг. Ростова и Нахичевани // Приазовский край. 1915. 4 января. С. 6
12. Азов. Отчет дамского кружка // Там же. 21 января. С. 4.
13. Письма из армии // Там же. 3 января. С. 3
14. Благодарность // Там же. 4 января. С. 5.
15. Письма войны // Там же. 6 января. С. 3.
16. Благодарность за подарки // Там же. 14 января. С. 4.
17. С театра войны // Донские областные ведомости. 1914. 6 августа. С. 1.
18. Учительницы-сестры милосердия // Приазовский край. 1915. 20 января. С. 3.
19. О женском медицинском образовании // Там же. 1916. 11 января. С. 4.
20. Хроника. Е.Я. Каялова // Там же. 1915. 26 февраля. С. 4.
21. 1915 год // Там же. 1916. 5 января. С. 4.

С.М. Сивков

Положение военнопленных Первой мировой войны в казачьих областях России (на материалах Кубанской области)

В августе этого года мировая общественность отметила трагическую дату – 100-летие со дня начала Первой мировой войны, которая стала трагедией для жителей 38 стран. Первая мировая война завершила собой целую историческую эпоху, привела к крушению Российской, Германской, Османской и Австро-Венгерской империй. На карте мира появились Польша, Чехословакия, Югославия и другие новые государства, произошел радикальный передел мира. Возник новый мировой порядок, во главе которого стала международная организация – Лига Наций [1].

По оценке большинства специалистов, в годы Первой мировой войны около 8 млн чел. стали военнопленными. При этом все страны-участницы войны взяли на себя обязательства соблюдать статьи Гаагской конвенции по проблеме военнопленных. Центральные державы в ходе кровопролитной войны потеряли пленными 3 470 138 чел., Антанта – 4 007 090 чел.

В последние годы данной проблеме посвящены многочисленные исследования, в том числе работы А.И. Гергилёвой [1], Н.Е. Журбиной [2], Б.И. Ниманова [3], И.Н. Канаева, А.В. Кондратьева, П.П. Щербина [4], В.В. Познахирева [5], И.Б. Беловой [6], А.И. Остроухова [7], И.В. Крючкова [8] и многих других. Как отмечала Гергилёва: «За прошедшие многие годы после ее завершения появились исследования, освещающие войну с разных сторон. На наш взгляд, еще немало проблем, связанных с ее изучением, требуют к себе внимания ученых: историков, социологов, демографов и других, тем более что совсем недавно для всеобщего обозрения открылись ранее засекреченные архивные фонды, спецхраны публичных библиотек» [9]. По мнению Ниманова: «Мировая война впервые так резко обозначила проблему военного плена. Великие державы, участвовавшие в войне, оказались не готовы к принятию и размещению на своих территориях огромной массы военнопленных» [10]. По оценке Журбиной: «Одной из главных особенностей Первой мировой войны является то, что ввиду огромного значения для победы экономической мощи воюющих государств, широко использовался дешевый труд военнопленных. При этом запрещалось привлекать пленных для изнурительных работ, имеющих отношения к боевым действиям и направленных против их государств. Но при использовании труда военнопленных нужно было учитывать два фактора: во-первых, многие

подорвали свое здоровье до пленения, и таких работников невозможно было использовать в полную силу, хотя были случаи привлечения на работы раненых и больных; во-вторых, нужно было учитывать риск побега пленных от своих хозяев». [11]. К сожалению, кубанские исследователи за последние годы не проявили интереса к данной проблематике. Это и определило актуальность настоящего исследования.

Кубань почувствовала экономические проблемы еще до начала Первой мировой войны. Турция – союзница Германии – предпринимала меры по ограничению российского экспорта. В 1912 г. турецкое правительство повысило таможенные пошлины, а затем закрыло Дарданеллы для экспорта российского зерна при значительном урожае на Кубани [12], чем поставило производство хлеба в критическое положение. В 1915 г. дестабилизирующим фактором для социально-политической обстановки в регионе стала волна беженцев. По оценке Н.Д. Судавцова: «Мощное наступление, начатое Германией в мае 1915 года, сорвало с мест миллионы людей. На Северный Кавказ прибывали беженцы их 24 губерний. Северного Кавказа они достигли в среднем на 69 день и массовое прибытие их началось в конце августа – начале сентября» [13].

В межреволюционный период 1917 г. остро встал вопрос о катастрофической нехватке рабочих рук. Впервые он обсуждался на организационном собрании общекавказского краевого продовольственного комитета в Тифлисе 24–28 апреля 1917 г., где присутствовала и кубанская делегация. Ряд ораторов указывал на недостаток рабочих рук. Кубанская область предъявила требование на 48 тыс. чел. Подчеркивалась необходимость пополнения сельского хозяйства солдатами [14]. Не исключалась и возможность использования труда военнопленных. В эти же дни Екатеринодарский городской продовольственный комитет обратился с просьбой к областному продовольственному комитету об отпуске в его распоряжение до 500 военнопленных для проведения сельскохозяйственных работ [15].

Следует отметить, что не все военнопленные желали выполнять тяжелые работы, чтобы облегчить свое существование. В июне 1917 г. в столице Кубани прошла забастовка пленных турок. Как сообщила газета «Листок войны»: «...забастовавшие военнопленные турки отказались работать только на баржах по выгрузке дров. Турки должны были увеличить число рабочих на баржах для увеличения интенсивности выгрузки» [16]. В этом же месяце Кубанской областной комитет, «ввиду острого недостатка рабочих рук, обратился в Министерство с мотивированным ходатайством о присылке военнопленных. На днях командирован в Персию, с целью найма рабочих гражданин Хатаев» [17].

Кубанское правительство на своем заседании в ноябре 1917 г. слушало «вопрос, возбужденный Паша-Бек Султановым по поводу дошедших до него слухов о бедственном положении военнопленных турок». По данному вопросу было принято постановление: «Предложить члену Правительства по делам военным командировать офицеров для производства ревизии» [18].

В конце декабря 1917 г. участились случаи побегов военнопленных на Дону и Кубани. На заседании 26 декабря председатель Кубанского краевого правительства сообщил, что военнопленные бегут и около Нахичевани группируются и вооружаются. По мнению председателя, необходимо было организовать бюро для учета и наблюдения за военнопленными. Состоять бюро должно было из 10 офицеров, а его задача заключалась в том, чтобы следить, что военнопленные делают и вообще держать их на учете, не вмешиваясь пока в функции, предоставленные продовольственному комитету. По данному выступлению было принято постановление: «Принять предложение Председателя. Исполнение поручить члену правительства по военным делам в возможно скорейшем времени» [19].

После захвата власти на Кубани большевиками весной 1918 г. положение военнопленных ухудшилось. Пиком накала страстей следует считать лето 1918 г., когда в Цемессую бухту Новороссийска вошел немецкий крейсер «Гебен». Г. Лорей так описывал в своей работе эти события: «Во время входа германских кораблей за молом наблюдался взрыв: в дальнейшем выяснилось, что это уничтожился своею командою английский пароход “Тревориэн” (“Trevorian”).

В полдень 5 эскадренных миноносцев прошли через проход в сетевом ограждении между молами и ошвартовались, не встречая сопротивления, вдоль мола.

Из опроса местных советских властей выяснилось, что оставшиеся военные корабли дотоплены 24 июня, а личный состав увезен из Новороссийска. Из торговых судов были взорваны “Эльбрус” и 5 пароходов, принадлежавших державам Антанты. В порту находилось еще 27 крупных и мелких торговых судов под красным флагом. Так завершилось полное крушение бывшего русского Черноморского флота» [20].

С прибывшими немецкими офицерами вступили в переговоры представители Черноморского совета народных комиссаров [21]. В состав советской делегации входили председатель Новороссийского совета М. Лучин, представители ЦИК Кубано-Черноморской советской республики Монахов и Лехно, а также «представитель водного транспорта» Г. Ачканов [22]. Немецкое командование заявило о том, что прибыло с целью вывоза своих военнопленных и урегулирования вопросов о свободном торговом и пассажирском мореплавании. Они потребовали предоставления воды, угля и нефти [23].

И.Т. Сирченко в своей монографии приводит следующие требования контр-адмирала Х. фон Ребейр-Пашвица: обмен военнопленными, выдача ему германских и австрийских судов, захваченных во время объявления войны, охрана интересов иностранных подданных, скорейшее открытие торгового мореплавания, а также снабжение эскадры топливом и провиантом. Представители советской делегации резонно заявили, что обмен военнопленными имеет государственное значение и в соответствии с Брестским договором подлежит рассмотрению русско-германской комиссии, без директив которой не может

быть решен. По поводу о судах немцам было сказано, что они будут переданы на условиях взаимного обмена. Советские власти согласятся на открытие торгового мореплавания, когда будут гарантии, что советские суда не подвергнутся захвату немцами или украинцами [24]. Следует отметить, что командование германского флота имело основания предъявить претензии по содержанию военнопленных. Находясь в чужой стране, охваченной пожаром Гражданской войны, они оказались в ужасном положении [25].

К моменту ведения переговоров на территории Кубани находилось около 15 тыс. зарегистрированных пленных [26]. Если в начальный период существования советской власти они привлекались для выполнения сельскохозяйственных работ, то в конце апреля, в связи с запрещением использования наемного труда, оказались не у дел. Комиссия ЦИК, обследовавшая бедственное положение пленных, доложила результаты, но ситуация от этого не изменилась. Многие из них вынуждены были продавать казенное имущество [27], совершали уголовные преступления [28].

На следующий день после начала мятежа чехословацкого корпуса последовало грозное постановление Екатеринодарского исполкома: «Находящихся в Красной Армии военнопленных удалить и отправить в лагерь военнопленных» [29]. В связи с осложнением отношений по Черноморскому флоту Кубано-Черноморские власти предприняли в начале июня 1918 г. меры по ограничению передвижения пленных, разослав телеграммы во все населенные пункты [30]. Возможность прибытия судов Четверного союза в Новороссийск вызвала волнения среди военнопленных. По сообщению Черноморского губернского военного отдела, 19 июня в город прибыло 18 чел. из Екатеринодара, 20 июня – 64 чел. из Туапсе [31].

По сообщению газеты «Проблеск», часть военнопленных, прибывших в Новороссийск, была вывезена германской эскадрой. Именно в этот момент власти спохватились о финансовой стороне вопроса. Ведь в соответствии с п. 5 ст. 17 гл. 5 дополнительного договора стороны обязались возместить издержки на содержание попавших в плен граждан, а обмен в случае с немецкой эскадрой не проводился. Плата за каждого лишнего военнопленного составляла около 10 тыс. руб. золотом [32].

Получив горячее, провиант, произведя тщательное описание местоположения судов, затопленных на внешнем рейде Цемесской бухты, и фактически насильно захватив немецких военнопленных, германо-турецкая эскадра 30 июня 1918 г. покинула Новороссийск. В бухте остался только пришедший с эскадрой под германским флагом миноносец «Зоркий» под командованием русского белогвардейского офицера князя Ливена [33].

Приказом Военного комиссара Северо-Кавказской социалистической республики от 18 июля 1918 г. всем комендантам железнодорожных станций предписывалось военнопленных, направлявшихся в Новороссийский укрепрайон, отправлять в концентрационный лагерь около Армавира [34].

Но не только с Кубани рвались в Новороссийск пленные. Большое их количество бежало из соседней Донской области. В адрес Кубано-Черноморского ЦИК оттуда направили список из 103 военнопленных, сбежавших с 23 июля по 12 августа (подсчет автора) [35].

Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод, что казачье и иногороднее население Кубани столкнулось с теми же проблемами, что и в других регионах России:

- привлечение военнопленных для выполнения работ, в основном сельскохозяйственных;
- отсутствие нормальных бытовых условий для пребывания военнопленных и попытки местного руководства решать эти проблемы;
- массовое дезертирство военнопленных из мест содержания на завершающем этапе Первой мировой войны.

Отношение Кубанского краевого правительства и населения к военнопленным можно считать лояльным. В период установления власти большевиков проблема военнопленных загонялась внутрь, вызывая тревогу у представителей государств Четверного союза. Это привело к вывозу части пленных под угрозой оружейного обстрела Новороссийска.

Примечания

1. Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. С. 3.; Её же «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // Военно-исторический журнал. 2013. № 2. С. 54–60.
2. Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 229–235.
3. Ниманов Б.И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 53–61.
4. Канаев И.Н., Кондратьев А.В., Щербинин П.П. Русская контрразведка и военнопленные в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12. С. 349–353; Кондратьев А.В., Щербинин П.П. Военнопленные и провинциальное общество в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12. С. 354–357.
5. Познахирев В.В. Особенности положения турецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 175–184; Его же. К вопросу о смертности турецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Клио. 2012. № 3 (63). С. 108–109.

6. Белова И.Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 42–45.
7. Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки периода Первой мировой войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2011.
8. Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германской и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2006.
9. Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. С. 3.
10. Ниманов Б.И. Указ. соч. С. 53.
11. Журбина Н.Е. Указ. соч. С. 231.
12. Сельское хозяйство на Кубани. Екатеринодар, 1913. С. 1.
13. Судацков Н.Д. Война и проблема беженцев // Историко-культурное наследие и современность. Краснодар, 1995. С. 80.
14. Труды организационного собрания Общекавказского краевого продовольственного комитета 24–28 апреля 1917 г. Тифлис, 1917. С. 4, 8.
15. Листок войны. 1917. 25 апреля.
16. Там же. 1 июня.
17. Там же. 7 июня.
18. Протоколы заседаний Кубанского Краевого правительства 1917–1920. Т. 1. Ноябрь 1917 – декабрь 1918. Краснодар, 2008. С. 24.
19. Там же. С. 31.
20. Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. / пер. с нем. М., 2003. С. 469.
21. Прикубанская правда, 1918. 19 (2 июля) июня.
22. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946. С. 247.
23. Прикубанская правда. 1918. 19 (2 июля) июня.
24. Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 147.
25. Прикубанская правда. 1918. 19 (2 июля) июня.
26. Проблеск. 1918. 19 (2 июля) июня.
27. Там же. 18 мая.
28. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1364. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
29. Там же. Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.
30. Там же. Ф. Р-1364. Оп. 1. Д. 14, 16.
31. Там же.
32. Там же.
33. Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 147–148.
34. Известия ЦИК Кубанской области. 1918. 27 июля.
35. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 2. Д. 733. Ч. 2. Л. 187.

П.Г. Култышев

Атмосфера тыловой жизни на фоне Первой мировой войны в сознании солдат и офицеров Русской армии в 1914–1917 гг.

В период войны в сознании человека отношение к себе подобным довольно быстро выстраивается на основе элементарных категорий «свой-чужой». Время делится на довоенное и послевоенное. Даже само внутренне пространство воюющих государств может быть поделено на две противоположных, но взаимозависимых зоны: фронт и тыл. И как состояние фронта зависит от жизнедеятельности и продуктивности тыла, так и надежность тыла зависима от крепости фронта. Особенно четко эта взаимозависимость прослеживается на примере участия России в двух мировых войнах. Однако в данном сообщении я хотел бы остановиться на несколько иной грани взаимозависимости фронта и тыла.

Как известно, в основе функционирования фронта и тыла находится деятельность соответствующих административных органов и массовые настроения людей. Именно последняя компонента является, на наш взгляд, одной из самых интересных и наименее исследованных в отечественной историографии. Тем не менее, отечественная историческая наука знает уже достаточное количество общих работ по исследованию массовых настроений в период Первой мировой войны. Однако проблема взаимовосприятия «людей тыла» «людьми фронта» все еще не имеет четкой историографической традиции.

Начало Первой мировой войны было встречено российской общественностью обилием патриотических манифестаций по всей Российской империи. Особенно массовыми были мероприятия в Москве и Санкт-Петербурге. Вот как их описывает в своих мемуарах Н. Реден: «Но наиболее впечатляющие сцены происходили вокруг Зимнего дворца. Огромная площадь перед ним была забита людьми, стекавшими туда со всех концов города. В этих людских потоках шли плечом к плечу крестьянки, студенты университета, торговцы, школьники, заводские рабочие, лавочники» [1]. На какое-то время образ человека, облаченного в военный мундир, стал самым популярным. Офицеров и солдат, отправлявшихся на фронт, встречали и провожали с цветами и песнями. «Какая громадная разница с прошлой войной! – записал 20 июля в своем дневнике казачий офицер В.Л. Саянский, – Офицеров на улицах встречают с восторгом. Качают и носят на руках» [2]. Находясь под впечатлением этой атмосферы, князь О.К. Романов писал: «Настроение всех было восторженное: гусары пели песни, на станциях толпы народа встречали нас криками “ура” и горячими пожеланиями успеха» [3]. Осознание офицерами

предстоящей войны в качестве «второй Отечественной» отвечало тем настроением, что охватили русское общество. Газетную статью, где употребляется данное определение войны, поручик А.В. Орлов называет не иначе как «отличной» [4]. Поддержка всей страны была значима для офицеров как никогда раньше. Наблюдая за взрывом патриотических чувств, они приобретали глубокую «уверенность в грядущем благополучии и величии... родины» [5]. Благодаря такой атмосфере в сознании офицеров складывалось ощущение того, что «никогда не была обстановка так благополучна... никогда события не складывались так счастливо, удачно» [6].

Восторженное отношение к военным, отправлявшимся на фронт, автоматически переносилось и на раненых солдат и офицеров, поступавших в столичные госпитали и лазареты. Прибытие эшелона с ранеными становилось настоящим событием для любого города. Их встречали многочисленные толпы городских обывателей и служащих различных ведомств и учреждений. Иногда забота о раненых приобретала абсурдный характер. Барон Н.Н. Врангель описывает в своем дневнике поистине комичные случаи подобного отношения: «На этих днях, вопреки распоряжению эвакуационной комиссии, какие-то дамы в автомобиле налетели на поезд с ранеными и на глазах опешивших распорядителей буквально похитили солдат» [7]. Соперничество за возможность излечения раненных начиналась еще на уровне эвакуационных пунктов, куда с линии фронта свозили раненных солдат и офицеров. В воспоминаниях князя С.Е. Трубецкого фигурирует описание того, как привилегированные санитарные поезда императрицы, принца Ольденбургского и иных великосветских особ соперничали за честь вывезти раненных в столичные лазареты и госпитали. «Особо усложнял работу властям – пишет С.Е. Трубецкой – поезд императрицы, “выбиравший” раненых, а не бравший их подряд и часто провозивший их прямо в Петербург» [8]. Более того, усиленное внимание к раненым и участие в создании госпитальных учреждений после инициативы монарших дочерей стало почитаться за проявление хорошего тона. Каждая великосветская дама и состоятельная семья считала необходимым открыть в своем особняке или в арендуемом доме небольшой лазарет. Многие из открытых лазаретов оказали неоценимую помощь в деле восстановления здоровья раненых солдат и офицеров, но нередко подобная забота носила откровенно показной характер, как впрочем, и соперничество за раненных солдат и офицеров.

С течением времени усилившийся поток раненых и санитарные эшелоны стали горькой обыденностью, уже не вызывавшей былого энтузиазма и воодушевления. Офицеры, побывавшие в увольнении, не узнавали некогда шумно-патриотический и внимательный к интересам армии тыл. Штабс-капитан К.С. Попов в своих воспоминаниях писал: «Энтузиазма уже не было. Затянувшаяся война с ее сражениями, ранеными, инвалидами, беженцами и всевозможными болезнями и ужасами давно наскучила обывателям. Мимо раненых теперь проходили уже равнодушно» [9]. Н.Н. Врангель делает в своих дневниках и более поразительное признание: «А в других местах раненые валяются неделями без призора» [10]. Тыл адаптировался к «будничным» ужасам

войны и не воспринимал ее как неминуемое зло, которое может ворваться в каждый город и дом. Война без громких побед, приносящих долговременный успех, и роковых поражений, угрожавших всему государству, тянулась более двух лет и не вызывала ничего кроме апатии и разочарования.

Затянувшаяся война оказалась тем испытанием, которое не ждали ни в армии, ни в правительственных кругах, ни в тылу. Генерал А.И. Верховский в своем дневнике 31 декабря 1915 г. подвел весьма горький итог этому испытанию: «Еще одно болезненно, оскорбительно тяжело чувствуем мы сейчас в армии. После первого впечатления войны, когда вся жизнь как бы сосредоточилась в одном усилии, теперь нас забыли. Люди, приезжающие из России, оправившись от ран, говорят, что в России идет сплошной праздник, рестораны и театры полны. Никогда не было столько элегантных туалетов. Армию забыли» [11]. Представление об эмоциональной и моральной оторванности тыла от фронта, зародившееся в массовом сознании офицеров русской армии явилось закономерным следствием объективных просчетов властей. Перебои с поставками вооружения и боеприпасов, десакрализация и падение авторитета верховной власти, внутривластное соперничество и нестабильное экономическое положение формировали отчетливое представление о том, что от армии постепенно отворачивается не только власть и государство, но и народ, общество, тыл. Среди офицеров складывалось мнение о том, что только армия является последним оплотом в отстаивании национальных интересов России. Убежденность офицеров в оторванности интересов тыла от нужд фронта с каждым месяцем приобретала все более четкую и конкретную форму. Более того, данная тема становилась порой для офицеров и темой для поэтических упражнений. Прапорщик А.Н. Жилинский в конце 1916 г. весьма красноречиво высказался на эту тему в своем стихотворении: «Здесь газы и огонь – там золото, бриллианты, / Тут деревянные, безвестные кресты – / Там гордо властвуют купцы и спекулянты, / А рядом – голод и хвосты» [12]».

Сведения о жизни тыла поступали в армейскую среду в основном из писем родственников и знакомых и от отпускников, возвращавшихся на фронт. Первое, на что обращали внимание офицеры, ехавшие в очередной отпуск, так это поразительная неорганизованность железнодорожного ведомства. В дневниках генерала А.Е. Снесарева и воспоминаниях М.Н. Герасимова имеется яркое описание хозяйственной и административной разрухи поглотившей железнодорожную сеть Российской империи [13]. Вторым моментом, который также производил сильное впечатление на прибывших офицеров, был поразительный контраст дороговизны, дефицита и спекуляции. Тот же М.Н. Герасимов приводит в своих воспоминаниях сцену, когда официант в привокзальном ресторане подбирает за автором мемуаров остатки недоеденной курицы [14]. Не ускользало бедственное положение тыла и от внимания рядовых солдат и нижних чинов. Вернувшись в сентябре 1916 г. из отпуска, Д. Оськин рассказывал сослуживцам следующее: «Жизнь в тылу становится чрезвычайно дорога... Десяток яиц в деревне стоит семьдесят копеек, белой муки нет, масла тоже, сахар добывается с трудом. По-

говаривают, что в городе скоро перейдут на отпуск хлеба по карточкам. В городе Козельске, где мне пришлось часто бывать, магазины пусты, товаров нет. В поездах множество спекулянтов, разъезжающих из города в город, в одном месте подешевле купить, в другом дороже продать» [15]. Оставаясь на фронте, солдаты получали письма, в которых описание жизни в тылу приобретало с каждым месяцем всё более мрачные тона. Бурный рост цен, перебои с поставками продовольствия и сложная внутривойсковая ситуация вели к росту напряженности не только в армии, но и в мирных городах. Вот как Александра Карлова в письме к своему мужу, находившемуся в плену, описывала обстановку в Ростове-на-Дону в октябре 1916 г.: «... жизнь в России очень тяжелая по улицам так и видно что люди все ждут чего-то небывало страшного, струны так натянуты, что стоит только ветерку прикоснуться и они все лопнут» [16].

Но более серьезное разочарование солдат и офицеров ждало при близком знакомстве с тыловой жизнью. Оказавшись в тылу, офицеры остро ощущали свою ненужность среди общества, живущего иными задачами. К исходу 1916 г. проблема оторванности интересов тыла от нужд фронта приобрела в сознании офицеров ярко выраженный характер. Офицер А.А. Упорников, побывавший в тылу, с горечью писал в своем письме: «Сейчас, в то время как мы иногда теряем последние силы, теряем здоровье и очень часто саму жизнь, в то время, когда у нас бывают недели, в которых нет времени даже умыться, на нас подчас смотрят чуть-чуть лучше, чем на обыкновенных разбойников. С такими взглядами мне пришлось встретиться в последнюю поездку, и просто диву даешься, как много людей так думают» [17].

Изменение в настроениях общественности по отношению к армии испытали на себе и рядовые солдаты. Отношение к солдатам в гражданской среде всегда было предубежденным и носило снисходительный характер, общество как бы терпело солдат. В годы войны это отношение к солдатам, проливавшим свою кровь, стало кощунственным проявлением снобизма и чванливости. Побывавшие в тылу солдаты писали: «... в одном саду были вывески, солдатам и собакам вход воспрещен » [18]. Другие с негодованием замечали, что солдат «не имеет права зайти в столовую, чайную или в харчевню, не должен ходить по тротуару» [19]. Постепенно война «За Веру, Царя и Отечество» потеряла для рядовых солдат всякий смысл. С не меньшим негодованием относились солдаты и офицеры к обилию в тылу большого количества здоровых мужчин призывного возраста, сумевших различными путями получить место в тыловых частях. Еще большее раздражение вызывала стилизованная под военную форму одежда представителей Земского и Городского союзов. Именно «земгусары» становились главной объектом многочисленных карикатур, сатирических фельетонов и праведного гнева армейских офицеров. Помимо этого, солдаты и офицеры подмечали и общее падение нравственности среди жителей тыла. Один из солдат с негодованием написал в своем письме: «Города – это какие-то громадные публичные дома» [20].

Особая роль в восприятии тылового города как обители всевозможных пороков принадлежала сестрам милосердия. Если же в начале войны они вос-

принимались не иначе как образец женского самопожертвования, сострадания и верности долгу, то на исходе 1916 г. их образ претерпел существенные перемены. Из-за притока некомпетентных и легкомысленных выпускниц различных ускоренных курсов, состав сестер милосердия быстро терял свой образ святости и чистоты. В итоге солдаты о сестрах милосердия отзывались в своих письмах не самым лучшим образом [21]. Красноречивей всего выглядит цитата из писем Ф.А. Степуна про будни тылового населения: «По главной, хорошо сохранившейся улице, где расположены тыловые учреждения, красно-крестные и земские организации, все время “фланируют” земгусары, чиновники, тыловое офицерство и так называемые “кузины милосердия»» [22]. В следующих строках Ф.А. Степун дает яркую зарисовку тому, что собой представляют тыловые «земгусары» и «кузины милосердия»: «“Земгусар” – интеллигент, либерал и защитник войны до конца; внешность под офицера, душа под героя. Звенит шпорами и языком, а на самом деле всего только дезертир, скрывающийся от воинской повинности в общественной организации. “Кузина” – сестра милосердия военного времени. Из-под черного платка выбиваются кудряшки, глаза и губы непомерно подкрашены, лицо напудрено, как у Пьерро. За ранеными и больными солдатами ухаживает между прочим» [23]. П.Н. Врангель, посетивший тыловую Россию незадолго до революции, позже вспоминал: «...широкие слои населения проявляли обычную инертность, погрязши всецело в мелких заботах повседневной жизни» [24]. При этом наряду с «усталостью от войны» тыл впадал и в то крайнее состояние, когда «естественное и здоровое веселье уступало место необузданным эмоциям» [25]. Казалось, русское общество и государство лихорадило в преддверии скорой смерти, либо мучительно долгого перерождения. Чем дольше шла война, тем глубже пролегал пропасть между фронтом и тылом. Пройдет немного времени, и в письмах в 1917 г. солдаты начнут высматривать «внутреннего врага» в тылу, а офицеры, уцелевшие после Гражданской войны, найдут для себя причины разложения армии среди тыловых организаций и служб.

Любая полномасштабная война требует от государства и общества полноценной самоотдачи на благо национальных интересов. Без напряженной работы тыловых служб не будет успеха на фронте. Более того, в случае затянувшейся войны данная взаимосвязь приобретает особое значение и может оказать прямое влияние на исход войны. В 1914 г. начавшаяся Первая мировая война привела к недолгому единению чуть ли не всех социальных слоев и институтов власти. Образовавшиеся фронтовые и тыловые службы и организации призваны были в кратчайшие сроки наладить свое взаимодействие и облегчить испытание войной. Однако российское тыловое население не имея четких и логически верных представлений о целях и результатах войны, довольно быстро охладело к событиям на далеком фронте. Более того, власти, не позаботившиеся в должной мере о соблюдении политической стабильности внутри государства и снабжении армии обмундированием и боеприпасами, рисковали породить в умах солдат и офицеров идею о противопоставлении фронта тылу. В итоге, данная установка,

укоренившаяся в сознании фронтовиков, оказала значительное влияние и на формирование образа «внутреннего врага», одним из мест обитания которого был однозначно признан тыл.

Примечания

1. Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914–1919. М., 2006. С. 11.
2. Саянский Л.В. Три месяца в бою: Дневник казачьего офицера. М., 2014. С. 8.
3. Гавриил Константинович, великий князь. В мраморном дворце. Мемуары. М., 2001. С. 221–222.
4. «Хочется верить, но нечему...». Странички из дневника Первой мировой // Родина. 2006. № 7. С. 71.
5. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М., 2007. С. 25.
6. «Стон мешался с криками «ура». На германской войне. Год первый (публикацию подготовили Афанасьев А., Петров Ф.) // Источник. 2002. № 1. С. 79.
7. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб., 2001. С. 55.
8. Трубецкой С.Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 182. О подобной избирательности в отношении раненых упоминает в своем дневнике и барон Н.Н. Врангель. См.: Врангель Н.Н. Указ. соч. С. 74.
9. Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 129.
10. Врангель Н.Н. Указ. соч. С. 82.
11. Верховский А.И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 66.
12. «Я горд тем, что могу быть полезен России». Письма русского офицера с войны // Источник. 1996. № 3. С. 29.
13. Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 35; Герасимов М.Н. Пробуждение. М., 1965. С. 230–231.
14. Герасимов М.Н. Указ. соч. С. 231.
15. Оськин Д. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 256.
16. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 826. Оп. 1. Д. 405. Л. 238.
17. Фронтовые письма есаула А.А. Упорникова периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 43.
18. ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 405. Л. 190.
19. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С. 67.
20. Там же. С. 36.
21. Там же. С. 36, 42, 43, 44.
22. Степун Ф.А. (Лугин Н.) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 158.
23. Там же. С. 159–160.
24. Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920. Т. 1. Минск, 2003. С. 11.
25. Реден Н. Указ. соч. С. 39.

М.В. Таскаев, И.Л. Жеребцов

**Российская тыловая провинция накануне
и в годы Первой мировой войны
(по материалам Коми края):
социально-политические
и социально-экономические процессы¹**

Европейский северо-восток Российской империи накануне Первой мировой войны – это Печорский уезд Архангельской губернии, Усть-Сысольский и Яренский уезды Вологодской губернии, населенные в основном коми (зырянами), русскими и ненцами и условно называемые в региональной историографии Коми (Зырянским) краем (современные территории Ненецкого автономного округа Архангельской области, южной части Архангельской области и Республики Коми). Наиболее обширным по территории был Печорский уезд, его территория составляла 256 000,0 кв. верст (вся площадь Архангельской губернии из 9 уездов насчитывала 748 050,7 кв. верст). Площади Усть-Сысольского и Яренского уездов составляли соответственно 148 775,3 и 51 004,6 кв. верст – это были самые большие по территории уезды Вологодской губернии.

По данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 г., в Печорском уезде проживало 35 296 чел., плотность населения составляла 0,1 чел. на кв. версту. В Усть-Сысольском уезде численность населения составляла 95 380 чел. (из них городского – 4 463 чел.), плотность населения составляла 0,6 чел. на кв. версту. В Яренском уезде проживало 47 038 чел. (из них городского – 991 чел.), плотность населения составляла 0,9 чел. на кв. версту. В Печорском уезде городов не было, в уездном центре селе Усть-Цильме на момент переписи проживало 2100 чел. (в обиходе село называлось городом, поскольку по численности населения не уступало некоторым уездным городам Архангельской и Вологодской губерний). В 1912 г. численность населения Печорского уезда достигла 48 648 чел. Самой населенной являлась Усть-Цилемская волость, здесь в 1912 г. обитало 9919 чел. В уездных центрах Усть-Сысольске и Яренске обитало 4 463 и 991 чел. соответственно. В 1912 г. в Усть-Сысольске проживало 6268 чел., в Яренске – 1427 чел. [1]. В национальном отношении коми (зыряне) составляли большинство населения европейского северо-востока. На рубеже XIX–XX

¹ Статья подготовлена по Программе инициативных проектов фундаментальных исследований, выполняемых в учреждениях УрО РАН (проект №12-У-6-1001 «История и культура европейского Севера России в XVII – середине XX (новые источники)»).

вв. в Печорском уезде 62,79 % составляло комиязычное население, русских насчитывалось 29,25 %, ненцев – 7,9 % (кочевники-ненцы были приписаны к Пустозерскому, Усть-Цилемскому и Ижемскому обществам). В Усть-Сысольском уезде 92,32 % сельского населения признавали родным коми (зырянский) язык. В Яренском уезде было 68,9 % комиязычного и 30,9% русскоязычного населения [2]. Абсолютное большинство населения (93 %) составляли крестьяне, принадлежавшие российскому императору (государственные крестьяне). Из других сословий в конце XIX – начале XX в. в Усть-Сысольском и Яренском уездах можно выделить мещан (4067 чел.), духовенство (1855 чел.), дворян (539 чел.), купцов (315 чел.) и др. Местная интеллигенция была крайне малочисленной, в основном русскоязычной, не интересовалась национальными проблемами коренных народов региона. В целом, европейский северо-восток России условно можно назвать крестьянским краем [3].

В экономическом отношении здесь довлело мелкое крестьянское хозяйство. Основным землевладельцем выступало государство. В 1905 г. в Усть-Сысольском уезде 99,2 % всей земли принадлежало казне и церкви, 0,5 % – частным владельцам, 0,3 % составляли крестьянские наделы. В Яренском уезде казенные и церковные земли насчитывали 98,7 % всей земельной площади, 0,1 % находился в частном владении и 1,2 % составляли крестьянские наделы. В Печорском уезде наблюдалась примерно такая же картина [4]. Накануне войны капитализация сельского хозяйства ускорила; усилилось расслоение крестьянства. Все большую роль приобретали неземледельческие промышленно-ремесленные отхожие промыслы (лесозаготовки, отход на уральские горные заводы, извоз, мелкие кустарные мастерские и т.д.), благодаря которым крестьянство активней втягивалось в рыночные отношения. Соответственно, менялась мировоззренческая природа северного крестьянина, в частности, он все больше интересовался общественно-политической жизнью страны, вовлекался в социально-политические процессы.

Промышленность на европейском северо-востоке России накануне и в годы войны представляли Кажымские горно-металлургические (Кажымский, Ньючимский и Ньюпасский) заводы в Усть-Сысольском уезде, Сереговский солеваренный завод в Яренском уезде, лесозавод «Стелла Поларе» (ныне на территории современного г. Нарьян-Мар Ненецкого АО) и Ухтинский нефтеприиск в Печорском уезде. Заводская промышленность была оснащена устаревшим оборудованием, являлась маломощной и неконкурентоспособной на российском рынке. В 1902 г. на Кажымских горно-металлургических заводах работали 1366 чел., большая часть которых была занята на вспомогательных работах. В 1905 г. на Сереговском сользаводе работали 80 чел. В начале XX в. на лесозаводе «Стелла Поларе» имелось около 100 рабочих постоянного состава, в 1913 г. здесь работали 1040 крестьян-отходников [5]. Разработка полезных ископаемых на Севере до революции велась слабо. В 1905 г. возникло «Северное нефтепромышленное товарищество на вере А.Г. Гансберг, А.П. Корнилов и К°»,

юридически оформленное в 1909 г. и начавшее нефтеразработки на реке Ухте. В 1906 г. началось строительство небольшого Ухтинского керосинового завода, первая продукция которого появилась в военном 1915 г. Тяжелые условия труда и мизерная заработная плата автоматически выводили немногочисленный пролетариат в наиболее активный социально-политический элемент трудящихся масс европейского северо-востока России. Несмотря на малочисленность рабочих, именно в их среде в годы Первой российской революции сложилась самая мощная партийная организация Коми края (эсеровская).

В административно-управленческом отношении европейский северо-восток России был разделен между двумя губернскими центрами (Архангельском и Вологодой), что не способствовало национальной консолидации коми народа. В начале XX в. Российское государство полностью игнорировало национальные проблемы северных «инородцев» (коми и ненцев), что создавало дополнительный импульс социально-политическим процессам в регионе. В итоге европейская северо-восточная периферия России, по площади не уступающая Франции, накануне Первой мировой войны являлась слабозаселенной территорией, слабообразованной в экономическом и культурном отношении и представляла собой типичную национальную окраину империи.

Благодаря политической ссылке и деятельности политических ссыльных в регионе накануне войны активизировалась общественно-политическая жизнь: появились первые нелегальные организации общероссийских партий (эсеров, социал-демократов, Польской социалистической партии, кадетов и др.). Партийные организации и колонии политических ссыльных развернули в регионе активную пропаганду: печатали и распространяли прокламации, литературу, наладили даже производство первого в регионе нелегального журнала, получившего губернский резонанс. Партийная пропаганда имела незначительный успех в среде малочисленной интеллигенции, однако основная часть населения европейского северо-востока оставалась равнодушной к идеям и программам любой партии. Имевшиеся в регионе формы крестьянского и рабочего движений не выходили за пределы экономических требований, а кочевое ненецкое население вообще не интересовалось политикой.

Ликвидация политической ссылки накануне Первой мировой войны привела к полной «политической тишине» в регионе, как писали в рапортах полицейские исправники: Наиболее характерным для оценки политической ситуации непосредственно по уездам европейского северо-востока России является рапорт яренского уездного исправника за военный 1916 г. (надо заметить, что Яренск, как наиболее близкий к губернским центрам, был наиболее политизированным уездным центром региона): «... настроение населения вверенного мне уезда... было спокойное и никаких проявлений враждебного характера по отношению к царствующему дому, правительству, государственному и общественному строю не было. Массовых беспорядков и выступлений со стороны крестьян, равно как и волновавших крестьянские массы ложных

и неосновательных слухов, выдающихся случаев забастовочного движения, преступной пропаганды или агитации в среде и со стороны интеллигентских слоев общества, прессы, лиц свободной профессии и учащейся молодежи не замечалось. Случаев проявления недовольства действиями властей... не было. Среди интеллигентного общества нет никаких проявлений левого направления. Самовольные лесные порубки крестьян не выходят из разряда обыкновенных и при этом никаких насилий со стороны крестьян произведено не было» [6]. Исчез источник революционного протеста, а местное население интересовало прежде всего улучшение быта, чем борьба с самодержавием. Имевшиеся в годы войны стихийные формы недовольства носили исключительно экономический характер. Бытовавшее в советской историографии мнение о непрерывном росте революционного протеста в регионе накануне 1917 г. не соответствует истине.

Мобилизация на фронт оставляла сельскохозяйственный регион, каким являлся европейский северо-восток России, без значительной массы рабочих рук. Из деревни ушла наиболее социально мобильная часть населения – военнообязанные мужчины в возрасте до 40 лет. По деревням начались реквизиции лошадей и крупного рогатого скота в пользу фронта, что, вызывало напряженность в отношениях крестьянства с администрацией уездов и военных ведомств. Экономика региона стала ориентироваться на фронт. Особенно это было заметно на немногочисленных металлургических заводах края. Появились в годы войны и новые промышленные объекты. В Айкино, например, в 1916 г. разместилась мастерская, изготавливавшая части корпуса для автомобилей – весьма передовое производство в лошадином крае.

Нювчимский завод с началом войны перешел на производство корпусов и крышек мин. Однако почти вся продукция выходила бракованной, поскольку сами чертежи (шаблоны) мин, имевшиеся на заводе, изначально содержали брак. Поставки мин военному ведомству были сорваны. В 1916 г. механический цех завода, в котором изготавливались мины, сгорел. Сами рабочие, в частности, П.М. Анисимов, утверждали, что был поджог. Накануне пожара в цех был выписан пуд керосина, а в ходе следствия по пожару выяснилось, что огонь начал распространяться с чердака цеха, облитого керосином. После пожара управляющие заводом братья Гостунские избежали выплаты неустойки военным и, кроме того, получили страховку. Подобная история служит яркой иллюстрацией отношения уездных промышленников к нуждам страны. Война выступала здесь прежде всего, как источник обогащения, и провинциальные заводовладельцы ничем не отличались от российской олигархии в центре, значительно разбогатевшей на поставках в армию.

В годы войны продовольственное снабжение в тылу резко ухудшилось. Так, на 1 февраля 1916 г. по всем северо-восточным уездам Вологодской губернии не имелось ни одного запасного пуда хлеба. Голод вынуждал людей идти на обострение отношений с властью и местными промышленниками. При этом не

выдвигались политические требования. Каких-либо политических организаций в Коми крае накануне и во время войны (до 1917 г.) не было (за исключением, социал-демократической «артели оселочников»).

Политическую напряженность на европейском северо-востоке внесла ссылка в регион массы подданных Тройственного союза. В годы Первой мировой войны европейский северо-восток России стал местом массового содержания подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших до войны на территории Российской империи. На 1 мая 1916 г. в Яренском уезде Вологодской губернии насчитывалось 554 ссыльных иностранца, из них 472 чел. являлись военнообязанными Германии, а 27 чел. – австрийскими подданными [7]. Кроме того, согласно Яренскому полицейскому управлению, 25 женщин германского и австрийского подданства прибыли в Яренский уезд добровольно. Ссылные иностранцы размещались в Яренске и по волостям: в Усть-Выми, например, проживало 12, в Айкино – 60, в Ертоме – 8, в Турье – 21, в Часово – 53, в Серегово – 39, в Коквицах – 67, в Жешарте – 55, в Палевицах – 36 чел. [8]. Все ссыльные иностранцы были представителями мирных профессий – рабочими, купцами, садовниками, конторскими служащими, инженерами-механиками, банковскими работниками, капитанами торгового флота и др. Ссылные работали в основном на лесоповале, заготавливая лес и дрова для вычегодского пароходства, но привлекались и по своим профессиям.

Весной 1916 г. в Коми край стали прибывать военнопленные австро-венгерской армии. На 15 июля 1916 г. в Усть-Сысольске находилось 16 офицеров-военнопленных: один румын, три чеха, пятеро русинов, шестеро поляков и один западный украинец [9]. На 15 февраля 1917 г., согласно рапорту усть-сысольского уездного воинского начальника подполковника С.Д. Колпакова в штаб Московского военного округа, в «столице Зырянского края» находилось 78 военнопленных, из них 63 офицера [10]. Все военнопленные проживали в Усть-Сысольске на квартирах, свободно передвигались по улицам города и даже имели возможность заниматься издательским делом. Военнопленные получали продовольственный паек и вещевое довольствие от уездной администрации, имели контакты с местным населением.

В 1916–1917 гг. большое количество военнопленных (в основном, австро-венгерской армии) использовалось на строительстве Камско-Печорской железной дороги, призванной соединить верховья Печоры (Троицко-Печорск) с Камой через Чердынь. Эта дорога не была построена, но велись подготовительные работы по прорубке просек, строительству опор для мостов, прокладке телеграфа и т.д. Военнопленные привлекались также для очистки Екатеринбургского канала, связывающего бассейн реки Вычегда с Камой.

В феврале 1917 г. в Усть-Сысольск прибыла большая колонна военнопленных. 11 апреля 1917 г. подполковник С.Д. Колпаков докладывал в Вологодский распорядительный комитет: «...в течение февраля месяца 1917 г. было расквартировано в городских помещениях военнопленных нижних чинов Австрийской

Армии... четыреста тридцать человек. Кроме помещения, военнопленные нижние чины отоплением, освещением и дровами на варку пищи и хлебопечение удовлетворены не были...» [11]. Из Вологды пришло распоряжение устроить весной для военнопленных лагерь и вывести их из города. Предположительно, в мае 1917 г. усть-сысольский лагерь для военнопленных был устроен. Его командантом (а точнее, заведующим военнопленными Усть-Сысольского пункта размещения) был назначен заурядный чиновник военного времени Соколов. Караульную службу («окарауливающие военнопленных») в лагере несли около 30 солдат усть-сысольского гарнизона. Численность военнопленных в первой половине 1917 г. в районе Усть-Сысольска возросла до 962 чел. [12].

По всей видимости, до конца 1917 г. усть-сысольский концлагерь военнопленных все же прекратил существование, а военнопленные были вывезены. Часть их перевели в Яренск. Здесь они содержались еще 1,5 года. Из документов яренской уездной коллегии пленных и беженцев видно, что в апреле 1919 г. в Яренском уезде находилось 64 военнопленных бывших австро-венгерской, германской и турецкой армий.

Наличие массы военнопленных активизировало общественно-политическую жизнь в регионе. Здесь в годы войны даже появился гектографический журнал на одном из европейских языков. Нельзя не признать факта определенного общественно-культурного влияния иностранцев на жителей региона, общение с иностранцами значительно расширило мировоззренческие горизонты коми народа. Наличие массы иностранцев в регионе автоматически вело к политическим дискуссиям на уездном уровне в земстве и городской думе, депутаты которых добивались от военных властей вывода контингента иностранных военнопленных и ссыльных за пределы края.

Подводя итоги развития глубокого тылового региона, каким являлся Коми край, в годы Первой мировой войны, надо заметить, что, несмотря на «политическую тишину» (вызванную отсутствием какой бы то ни было общественно-политической организации), здесь нарастала напряженность, связанная с ухудшением экономического положения (в первую очередь, плохим уровнем продовольственного снабжения). Реквизиции в пользу фронта, низкая заработная плата, массовый уход на непопулярную войну мужского работоспособного населения, постоянный рост цен и общая дороговизна жизни – все это вело к обострению социально-политической ситуации в регионе, политизировало население.

Примечания

1. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 9. Т. 1. Д. 647. Л. 60об.; Энциклопедический словарь «Россия» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1898. С. 106, 127–128; Сурина Л.И. На далекой окраине. Сыктывкар, 1973. С. 6; Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 202; Хабаров В.П.

- Октябрь и гражданская война на Печоре. Нарьян-Мар, 1999. С. 4.
2. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1. С. 387.
 3. Очерки по истории Коми АССР. С. 204.
 4. Там же. С. 290.
 5. Там же. С. 293; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 83, 89–90.
 6. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 7. Оп. 1. Д. 673. Л. 5–5об.
 7. ГАО. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.
 8. НАРК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.
 9. НАРК (архивохранилище № 2). Ф. 520. Оп. 1. Д. 56. Л. 36–38об.
 10. Установление советской власти и гражданская война в Коми крае (1917–1920). Сб. документов и материалов. Сыктывкар, 1966. С. 22.
 11. НАРК. Ф. 120. Оп. 3. Д. 127. Л. 20.
 12. НАРК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 13. Л. 120.

Г.А. Нагаева

Трансформация повседневной жизни г. Новороссийска в годы Первой мировой войны

Первая мировая война не только изменила политическое устройство России, но и способствовала трансформации общественного сознания и складыванию новых стандартов поведения людей в повседневной жизни. Население, как в столичных городах, так и в провинции, пыталось адаптироваться к новым военным условиям, к политической, экономической и социальной нестабильности в стране. В данной статье предпринята попытка реконструкции повседневной жизни г. Новороссийска в период с 1914 г. до революционных событий 1917 г.

Архивные материалы, периодическая печать данного периода свидетельствуют о том, что в повседневной жизни новоросийцев произошли существенные изменения, связанные с Первой мировой войной. Различные мероприятия, которые проводились властями, «вырвали массы» из рутинной повседневности, породили чувство единства всех слоев населения перед врагом. В массах было отмечено «общее одушевление», вызванное объявлением войны, в Германии видели «одну из цитаделей монархизма и поэтому и посчитали войну делом справедливым и полезным» [1].

Для поддержания патриотических настроений новоросийцев городская дума 22 января 1915 г. приняла решение о «необходимости увековечения тем или иным способом в помещении Городского Общественного Управления имен героев настоящей войны из числа жителей города Новороссийска, о каждом таком герое, удостоенном награждения знаком отличия Военного ордена, иметь особое суждение в Городской думе» [2].

Летом 1914 г. в городе, как и во всей стране, была объявлена массовая мобилизация. Многие семьи лишились кормильцев. И буквально через пару месяцев на заседаниях городской думы начали рассматриваться вопросы следующего содержания: «Постановлением Думы от 4 сентября 1914 г. Правлению Банка разрешено выдавать семьям призванных в действующую армию пособие в размере половинного оклада жалования получаемого призванными... Правление Банка просит по этой статье разрешить кредит для семьи призванного помощника счетовода половинный оклад, т.е. 240 р., и для сторожа половинный оклад, т.е. 180 р., а всего 420 р.» [3].

Новоросийск, являясь тыловым городом, должен был готовиться принимать раненых, беженцев, эвакуированные учреждения. Съезд городских голов городов Кавказа, проходивший 12–14 сентября 1914 г. в Тифлисе, предложил

оборудовать в Новороссийске койки на 2 тыс. чел., в том числе 70 – за счет общества Красного Креста. Часть раненых воинов расположили в городской больнице [4]. 5 февраля 1915 г. заведующий городской больницей доктор Каминский поставил в известность городскую думу, что «больница обязана иметь готовыми 60 кроватей для раненых воинов» [5]. В июне 1915 г. служащие имения Абрау-Дюрсо оборудовали на свои средства 12 кроватей с полным комплектом белья и передали новороссийскому Комитету по призрению больных и раненых воинов [6]. В залах Общественного собрания г. Новороссийска разместился лазарет общества Красного Креста [7].

Руководствуясь государственным законом от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев», в Новороссийске был создан городской Комитет по призрению беженцев «с участием в личном составе этого комитета местных деятелей» [8]. В декабре 1915 г., в связи с созданием Комитета помощи пострадавшим от войны, попечение о беженцах было возложено на него [9].

В Новороссийск переводились эвакуированные предприятия, например, судостроительный завод «Судосталь» (ныне – завод «Красный двигатель») из Ревеля (в настоящее время – Таллинн), который расположился в корпусах механического завода «Меллер, Лампе и К^о» [10]. Город был готов принять и непромышленные учреждения. 24 сентября 1915 г. городская дума постановила «на случай эвакуации в город Новороссийск высшего начального училища, отвести для него здание начального училища на Станичке, а в случае эвакуации реального училища – нововыстроенное здание на Мефодиевском поселке» [11].

В первый год войны в Новороссийске необыкновенно выросло количество благотворительных организаций. Наряду с ранее существовавшими, имевшими свою историю и опыт работы (Российское общество Красного Креста, Комитет в пользу детских трудовых артелей, Российское общество Зеленого Креста, Общество оказания трудовой помощи и др.), как указывает исследовательница А.П. Зорина, возникло много новых, ставивших задачи по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, больным и раненым воинам, находившимся в плену русским военнопленным, пострадавшему от войны населению [12].

11 августа 1914 г. на заседании городской думы было создано попечительство по призрению семейств призванных на действительную службу запасных и ратников ополчения. В него вошли 22 чел. Основной целью было «попечение о семьях нижних воинских чинов, которые отправлялись на службу или находились на оной будучи вдовцами и в семье коих оставались малолетние или несовершеннолетние лица, а также тех чинов, жены которых вследствие отсутствия, болезни, увечья или порочного поведения не в состоянии были заботиться о детях» [13]. Городская дума ассигновала на эти нужды в августе 1914 г. 3 тыс. руб. из запасного капитала города. Попечительство выдало средства нуждавшимся внебрачным (т.е. тем, где брачные отношения не были

официально зарегистрированы) и законным семьям. Затем, в феврале 1915 г. распределило между ними еще 3 тыс. руб. [14], в мае 1915 г. – 4 тыс. руб. [15].

Городское самоуправление Новороссийска, в связи с непредвиденными расходами в условиях военного времени, столкнулось с серьезной проблемой – нехваткой финансов. Помимо вышеперечисленных трат, в мае 1915 г. власти в условиях резкого повышения цен на продукты питания решили поддержать горожан, открыв городской склад муки «для продажи таковой пекарням и обывателям по заготовительной цене». Для этой цели из городского запасного капитала было ассигновано 10 тыс. руб. [16].

Городская казна постепенно истощалась, поэтому дума иногда была вынуждена отклонять прошения горожан финансового характера. Например, прошение арендаторов городского дома о скидки им на время войны «надбавленной в 1914 г. платы за аренду магазинов в Городском доме» [17], или ходатайство педагогического совета 2-го городского училища «об отпуске средств на оплату труда заместителя учителя, призванного на действительную службу». Мотивация в подобных случаях была одна: «...городская касса, в виду непредвиденных сметой чрезвычайных расходов, обусловленных войной и вместе с тем по причине слабого и неисправного получения доходов, вызванных той же причиной, находится в весьма затруднительном положении» [18].

Если позволяли условия, гласные думы шли на некоторые уступки. В мае 1915 г., рассматривая заявление представителя Товарищества драматических артистов Николая Дмитриевича Кручинина, арендовавшего городской театр, «о разрешении ему, вместо единовременного взноса залога, согласно кондициям – 1000 р. получать таковой 5 % отчислениями с валового сбора, в виду крайне тяжелого времени», городская дума постановила предоставить арендатору «вместо немедленного внесения залога полностью, вносить таковой по частям, путем отчисления 10 % валового сбора от каждого спектакля, пока не образуется 1000 р.» [19].

Еще одной особенностью военного времени было то, что женщины заменили мужчин на тяжелых работах. В Новороссийске женщины с 1914 г. начали работать на погрузке зерна в порту. Многие из них были вынуждены занять рабочие места мужей, чтобы прокормить своих детей. Вот что сообщали местные газеты: «Город-порт, застроенный амбарами, элеватором и прочими зернохранилищами, город, ежедневно пропускающий 10-ки миллионов пудов зерновых грузов, создал особую отрасль труда, в которой слабые руки женщины нашли себе исключительное применение, нашли возможность время и труд свой претворять в деньги. Около 500 женщин – швачек [с украинского – швей] ежедневно работают на пристанях и в амбарах, находясь в непосредственной зависимости от представителей хлебных фирм... Зарабатывая те 20–25 р., которые за месяц ей необходимы для прокормления себя и, часто семьи...» [20].

Женщины Новороссийска стали также работать извозчиками. В районе Стандарта и в Мефодиевке в сентябре 1914 г. находилось до 6 экипажей под управлением женщин [21]. При постройке 6-й пристани Владикавказской железной дороги стали применять женский труд в работе с водолазами. Работы по ремонту и переустройству путей на станции Новороссийск исполнялись главным образом женщинами [22]. В 1915 г. с рядом оговорок женщин начали принимать на работу в почтово-телеграфное ведомство. Начальник Владикавказского почтово-телеграфного округа инженер А. Вильга в связи с военным временем издал ряд циркуляров, касавшихся правил приема женщин на работу в его ведомство [23].

Характерной особенностью повседневности Новороссийска в условиях военного времени было то, что некоторые сферы жизни горожан не изменились и ничем не отличались от мирного периода. Примером может служить рост дачного строительства. В 1915 г. «Черноморская газета» повествовала: «Местность “Гайдук” за время войны стала неузнаваемой. Как по мановению жезла тут повыврастали красивенькие дачки, покрывшие весь склон над соименной железнодорожной станцией – захудалый когда-то полустанок, который миновали все порядочные поезда – превратился в просторную и красивую станцию, а ниже вырос целый дачный городок» [24].

В 1916 г. на даче новороссийского мещанина А.Е. Ягодинского «провел все лето один из основателей Московского Художественного театра – ныне главный режиссер Императорского Александринского театра г. Мейерхольд» [25]. В 1916 г. «Путеводитель по Кавказу» Г. Москвича так характеризовал место отдыха Широкую балку: «...заботами бюро курорта приезжие распределяются на имеющихся дачах, по возможности дешево и удобно. Развитие “Балки”, как курорта, идет тихими шагами» [26].

Отметим также знаковое культурное событие, далекое от военной действительности, происшедшее в Новороссийске в рассматриваемый период. Речь идет о создании музея природы и истории Черноморского побережья. 16 июля 1916 г. на заседании Новороссийского присутствия по портовым делам Министерства торговли и промышленности было решено: «Предоставить музею природы и истории Черноморского побережья, как просветительному учреждению, в бесплатное пользование участок портовой территории, близ Вельяминовской улицы, в тех размерах, которые ныне заняты зданием Горно-морского клуба, со всеми приспособлениями, устройствами и площадкою сроком на 3 года». Ростовский купец и судовладелец Агафангел Афанасьевич Феофани, имевший в Новороссийске собственное небольшое пароходство купил за 1200 р. здание горно-морского клуба и подарил его музею [27].

Подводя итог выше изложенному, отметим, что повседневная жизнь Новороссийска в условиях Первой мировой войны претерпела значительные изменения в худшую сторону, что было характерно для России изучаемого периода в целом. Вместе с тем, некоторые сферы жизни тылового провинциального города несущественно трансформировались под влиянием войны.

Примечания

1. Кушнир Е.Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы первой мировой войны. URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/kushnir-en-omsk> (дата обращения 13.05.2014).
2. Управление архива муниципального образования город Новороссийск (далее – УАМОГН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 763. Л. 32–33.
3. Там же. Л. 15–16.
4. Там же. Д. 566. Л. 443.
5. Там же. Д. 763. Л. 37.
6. Там же. Л. 249.
7. Новороссийск, Анапа и Екатеринодар на 1916–1917 гг. Ростов н/Д, 1916. С. 38.
8. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 763. Л. 303.
9. Зорина А.П. Общественные организации в помощь фронту, действовавшие в Новороссийске в годы I Мировой войны // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 3. Новороссийск, 1999. С. 192.
10. Зорина А.П. Новороссийск на дореволюционных открытках. Тула, 2012. С. 9.
11. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 763. Л. 308–313.
12. Нагаева Г.А. Женщины Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // Народы юга России в Отечественных войнах. Материалы международ. науч. конф. (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2012. С. 74.
13. Зорина А.П. Общественные организации... С. 188–189.
14. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 763. Л. 43–44.
15. Там же. Л. 144.
16. Там же. Л. 144об.–146.
17. Там же. Л. 127.
18. Там же. Л. 39.
19. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 743. Л.45.
20. Черноморская газета. 1914. 2 мая.
21. Там же. 6 сентября.
22. Там же. 1915. 30 августа.
23. УАМОГН.Ф. 16. Оп. 1. Д. 14. Л. 103.
24. Черноморская газета. 1915. 31 мая.
25. Там же. 1916. 21 сентября.
26. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Изд. 23-е. Пг., 1916. С. 376.
27. Санеев С.А. Первое здание городского музея // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 5. НГМЗ. Новороссийск, 2007. С. 96–100.

Е.В. Дьякова

Отражение в местных газетах благотворительности харьковцев в годы Первой мировой войны

Одним из наиболее популярных направлений в современной украинской исторической науке является повседневность в разные эпохи. И в год празднования столетия начала Первой мировой войны определенный интерес вызывают проблемы жизни обычных людей в разных регионах Российской империи в те годы. Цель данной публикации – показать, как харьковцы (так называли жителей Харькова до середины XX в.) в 1914–1916 гг. помогали военнослужащим и беженцам.

На территории Харьковской губернии военных действий не велось. Но Харьков, как и другие населенные пункты Российской империи, не мог остаться в стороне от событий Первой мировой войны. Тысячи жителей были мобилизованы на фронт. В населенных пунктах открывались лазареты для раненых и больных воинов, сюда эвакуировались предприятия с линии фронта, вместе с ними переезжали тысячи людей, которых тогда называли беженцами. Обеспечение их жильем, решение многих проблем, связанных с трудоустройством взрослых и размещением детей в учебных заведения и яслях требовало помощи не только органов власти, местной администрации, но и обычных граждан.

Для изучения данной проблемы большое значение имеют местные периодические издания тех времен. Следует отметить, что накануне Первой мировой войны Харьков занимал одно из ведущих мест в Российской империи как важный интеллектуальный, промышленный, транспортный и финансовый центр страны. В начале XX в. площадь города – центра одноименной губернии – составляла 67,2 кв. км [1]. В 1914 г. здесь проживало около 250 тыс. чел. [2], из них 10 тыс. чел. работало на 135 фабриках и заводах машиностроительной, металлообрабатывающей, химической, перерабатывающей отраслей промышленности [3]. В городе функционировало 129 учебных заведений (5 высших, 13 средних и 111 начальных) [4].

В начале XX в. в Харькове выходило четыре газеты: ежедневные «Харьковские губернские ведомости», «Южный край» и экономические «Южно-русская сельскохозяйственная газета» и «Харьковская биржа» [5]. Первые две газеты были широко распространенными в городе. «Харьковские губернские ведомости» издавались с 1838 г., а «Южный край» – с 1880 г. [6]. В первой больше внимания уделялось местным проблемам, вторая «охватывала» соседние административные районы и много места отводила официальным публикациям о событиях в

стране и мире. Считается, что «Южный край» был одной из крупнейших провинциальных газет в Российской империи [7].

В довоенный период журналисты большое внимание уделяли событиям в стране и за рубежом. Немало места занимали политические и экономические события в Харьковской губернии, культурная (больше – театральная, меньше – спортивная) жизнь города, деятельность общественных организаций, меценатство. С началом войны содержание газет изменилось. Большие газетные полосы отводились сводкам о военных действиях, как своих войск, так и вооруженных сил союзников. Как и раньше, публиковались заметки о меценатстве харьковцев.

Естественно, что в обеих газетах была напечатана информация о Первой мировой войне и стенограмма экстренного заседания городской думы в связи с ее началом [8]. Кроме патриотических торжеств, связанных с началом боевых действий, дума ассигновала для обеспечения семей мобилизованных на военную службу 300 тыс. руб., на оказание помощи раненым – 100 тыс. руб. [9]. Через два дня об ассигновании на военные нужды 10 тыс. руб. сообщил Коммерческий клуб Харькова [10]. 14 августа Харьковский губернатор М.К. Катеринич через «Харьковские губернские ведомости» сообщил, что с 3 по 12 августа в пользу семей военнослужащих собрано 55 082 руб. [11].

Собирали деньги на нужды армии не только в Харькове, но и в других городах и селах губернии. В гарнизонно-городской комитет, возглавлявшийся начальником Чугуевского военного училища генералом Фенстером, поступило пожертвований и взносов на сумму 8 тыс. руб. [12]. А крестьяне села Рублевки Богодуховского уезда кроме денег (69 руб. 47 коп.) еще собрали 974 аршина холста, 197 пудов зерна [13].

Не отставал и недавно появившийся в городе кинематограф. Один из самых популярных кинематографов «Ампир» 25 ноября весь валовой сбор (кроме благотворительных марок) за демонстрацию картины «Налетели злые коршуны» передал местному отделу состоявшего под Высочайшим покровительством Общества повсеместной помощи больным и раненым воинам, пострадавшим на войне, и их семьям [14].

Сбор денег на различные нужды, сопряженные с военными событиями, шел постоянно. Проводились различные концерты, литературные вечера, деньги от которых шли на содержание раненых и больных воинов, детей и жен фронтовиков, беженцев. Часто женщины собирали пожертвования в общественных местах и сдавали их в организации, непосредственно занимавшиеся благотворительностью.

С середины августа 1914 г. в Харькове выделяли помещения под госпитали, укомплектовывали их необходимыми кадрами и принадлежностями (медикаментами, медоборудованием, кроватями, постельным бельем и т.п.). В это время для лечения воинов в городе было выделено 390 кроватей [15]. При станции «Скорой помощи» открылись бесплатные курсы по уходу за ранеными

и больными. Обучение на этих курсах проходило 4–5 недель [16]. Курсы сестер милосердия стали работать и при общине Красного Креста. В октябре их закончили 227 чел. [17].

В это время в Харьков начали приходить поезда с ранеными. По данным «Харьковских губернских ведомостей» в двадцатых числах августа 1914 г. прибыло 13 санитарных поездов [18]. Раненых прибывало очень много, и по данным от 28 августа их количество составляло уже 24 поезда с 10 233 чел., из которых 3580 были переправлены в другие города [19].

В связи с эвакуацией в Харьков большого количества раненых лазареты стали открывать духовенство, другие сословия и общественные организации. Так, 4 сентября в «Харьковских губернских ведомостях» появилась публикация о съезде духовенства Харьковской епархии. Среди прочих вопросов здесь обсуждалась помощь раненым и больным воинам. На открытие госпиталя на 150 кроватей священники выделили 20 тыс. руб. [20]. Харьковские купцы и промышленники отвели под больницу двухэтажное здание на 300 кроватей, оборудовали операционную и перевязочные комнаты, кухню, столовую. Здесь работали 6 врачей во главе со старшим врачом Введенским [21].

Открывались лазареты и в губернских населенных пунктах. 9 ноября был открыт госпиталь в селе Дергачи [22] силами харьковского епархиального духовенства. Для этих целей выделили помещение второклассной учительской школе. В конце 1914 г. лазарет общеземского союза во главе с земским врачом И.Ф. Вороновым, был открыт в Чугуеве [23].

Не прекращалось открытие лазаретов и в следующий год войны. В 1915 г. епархия на содержание 6 лазаретов потратила 40 тыс. руб. [24]. В упомянутом городе Чугуеве на средства местного духовенства было открыто 6 госпиталей [25]. Открытие большого количества лечебных заведений для военнослужащих в этом городе Харьковской области не удивительно, ведь с начала своего существования и до сегодняшних дней в нем и близлежащих селах размещались воинские части, военные лагеря и т.п. В 1915 г. в Куряжском монастыре был открыт санаторий для воинов. На его открытие было выделено 6729 руб. [26]. В 1915 г. университет решил открыть госпиталь в своих клиниках [27]. На содержание одного лечебного учреждения для раненых воинов выделяла деньги и Южная железная дорога [28].

Для желающих помочь в лечении граждан, не имевших достаточных средств, разрешалось иметь именные кровати, т.е. они оплачивали лечение одного раненого или больного воина. Так, мастеровые и служащие станции Панютино обратились к попечителю 8-го лазарета, находившегося на содержании Южной железной дороги, с ходатайством об учреждении при лазарете отдельной палаты их имени на 8 кроватей [29].

Среди содержателей кроватей для раненых были и известные в Харькове люди. В ноябре 1914 г. с воззванием к местным жителям обратилась председательница Дамского комитета по устройству состоящих под августейшим

покровительством государыни императрицы Александры Федоровны лазаретов, жена губернатора О. Катеринич. 17 ноября был освящен госпиталь № 3 на 45 кроватей, из которых 20 были именные, т.е. их оплачивали харьковцы. Возглавил это учреждение знаменитый профессор Н.П. Тринклер и доктор А.А. Скорняков; консультантами были лучшие доктора: И.Я. Платонов, С.Г. Якушевич, В.А. Меркурьев, П.П. Прокопенко и С.Г. Сурукчи [30]. Чтобы улучшить диагностику раненых и больных военная комиссия харьковского губернского земства приняла решение «в особо важных случаях заказывать рентгеновские снимки с раненых в частных лечебницах за счет земского союза» [31].

Понимания тяжелое материальное состояние различных категорий населения, которых непосредственно коснулась война (солдатских детей и жен, вдов, беженцев), средства собирались не только на военные нужды, но и в помощь простым гражданам, волею судеб оказавшихся в Харькове.

23 октября для детей фронтовиков в Харькове было решено открыть дополнительные группы в яслях-приютах [32]. Общество трудящихся женщин открыло при 8-м городском попечительстве по призрению семейств запасных приют-ясли для детей от 2 до 7 лет, на 10 живущих и 40 приходящих. Также в этом приюте был открыт специальный пункт, где получали пищу школьники – дети воинов [33]. Готовы были кормить за свой счет детей и простые горожане. В «Южном крае» было напечатано письмо Людмилы Владимировны Пономаренко, которая хотела кормить обедом ребенка школьного возраста из семьи запасного, взятого на войну [34].

С осени 1914 г. в Харьков было решено эвакуировать с прифронтовой полосы ряд предприятий и учреждений. Одним из первых в город прибыл Ново-Александровский сельскохозяйственный институт [35]. В 1915 г. были переведены рижские предприятия, среди которых «Всеобщая компания электричества» (сегодня – электромеханический завод) [36]. Для обустройства беженцев (так тогда называли людей, приехавших не только самостоятельно, но и вместе с предприятиями) создавались специальные пункты. Приезжали беженцы в основном на Балашовский вокзал. Рядом находились бараки распределительного пункта, в котором в сентябре 1915 г. проживало 1894 чел. Их обслуживали 4 врача, 6 фельдшеров и 12 санитаров [37]. Еще один из таких пунктов находился в здании театра Муссури [38] недалеко от Южного вокзала.

Крестьянки шили белье и теплую одежду для отправки на фронт, постельные принадлежности для госпиталей [39]. Учащиеся местных школ для воинов готовили портянки [40]. Один местный дантист в своем кабинете завел такой порядок, что пациенты, ожидая очереди, изготавливали корпию. Для этого на столе был разложен холст, а на стене висело объявление: «Просят щипать корпий для раненых». Некоторые пациенты настолько были воодушевлены этой идеей, что на повторные сеансы приходили со своим холстом [41]. К рождественским и пасхальным праздникам харьковцы собирали подарки, которые специально организованные делегации отвозили на фронт.

В госпиталях Южных железных дорог накануне праздничных и воскресных дней проводились всеобщие чтения «с туманными картинами». Попечители железнодорожного 8-го лазарета, который по оборудованию занимал первое место в Харькове, поставили вопрос об устройстве кинематографических сеансов. Для этого они предполагали договориться с секцией развлечений для воинов, организованной при Харьковском технологическом институте, имевшей специально для этой цели кинематограф. Кроме того, по программе военного ведомства были выписаны из Петрограда несколько сот книг для устройства в лазаретах библиотечек для воинов [42].

Таким образом, харьковцы в годы Первой мировой войны помогали фронтовикам, содержали раненых и больных воинов, лечившихся в губернии, оказывали материальную и бытовую поддержку детям военнослужащих, солдаткам и вдовам, а также беженцам, волею судеб оказавшимся в Харькове. Местная пресса довольно детально не только описывала деяния местных жителей, но и указывала собранные на нужды фронта и тыла суммы денег.

Примечания

1. Історія міста Харкова ХХ століття. Харків, 2004. С. 6.
2. Там же. С. 7.
3. Там же. С. 20.
4. Там же. С. 42–51. В книге есть расхождения: авторы подраздела указали, что в Харькове в начале ХХ в. было три вуза (с. 42), но в тексте названы четыре: университет, ветеринарный, технологический и женский медицинский институты. Кроме того, еще был институт благородных девиц.
5. Там же. С. 64.
6. Харьковские губернские ведомости: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.05.2013); Южный край: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 21.05.2013).
7. Южный край.
8. Харьковские губернские ведомости. 1914. 24, 25 июля; Южный край. 1914. 21, 22, 23 июля.
9. Харьковские губернские ведомости. 1914. 24, 25 июля; Южный край. 1914. 21, 22, 23 июля.
10. Харьковские губернские ведомости. 1914. 27 июля.
11. Там же. 14 августа.
12. Там же. 1915. 1 января
13. Южный край. 1914. 30 октября.
14. Там же. 25 ноября.
15. Харьковские губернские ведомости. 1914. 12 августа.
16. Там же. 1914. 23 августа
17. Там же. 21 октября.
18. Там же. 23, 26 августа.

19. Там же. 28 августа.
20. Там же. 2, 3, 4, 5, 6 сентября.
21. Там же. 4 сентября.
22. Южный край. 1914. 11 ноября.
23. Харьковские губернские ведомости. 1915. 1 января.
24. Там же. 2, 3, 4, 6 сентября.
25. Там же. 22 марта.
26. Там же. 28 апреля.
27. Там же. 27 июня.
28. Там же. 26 сентября.
29. Южный край. 1914. 25 ноября.
30. Харьковские губернские ведомости. 1914. 17 ноября.
31. Южный край. 1914. 7 октября.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же. 4 октября.
36. Харьковские губернские ведомости. 1915. 26, 28 июля, 1, 4, 5, 8, 15, 28 августа.
37. Там же. 26 сентября.
38. Там же. 9 августа.
39. Южный край. 1914. 8, 30 октября, 13 ноября.
40. Там же. 30 октября.
41. Там же. 13 ноября.
42. Там же. 24 ноября.

Н.Г. Судоргин

Фотография как источник сведений о повседневности кануна Первой мировой войны: ученики Новочеркасской мужской гимназии в летней поездке на северо-запад Российской империи

Одним из важных и интересных источников о повседневной жизни начала XX в. является любительская фотография. В распоряжении автора оказался фотоальбом [1], составленный из 82 фотографий, сделанных его прадедом, преподававшим с 1913 г. в Новочеркасской мужской гимназии, получившей имя атамана М.И. Платова (ныне – Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Средняя образовательная школа № 3 им. атамана М.И. Платова») [2]. Они повествуют о туристической поездке группы гимназистов и преподавателей гимназии по северо-западу Российской империи, включавшей посещение Кронштадта, Санкт-Петербурга, Ладожского и Онежского озер, Карелии, Финляндии и Латвии. К сожалению, в альбоме нет точных указаний на сроки поездки и даты, когда были сделаны фотографии. Воспоминаний об этом периоде жизни прадеда тоже не сохранилось.

Предварительно сроки поездки определялись, как лето 1913 г. или 1914 г. Но внимательное изучение подписей под фотографиями позволило обратить внимание на изображение, обозначенное как «Легкий английский крейсер “Блонд”» [3]. Это и дало новый толчок для результативного поиска, в ходе которых удалось не только определить, что фотография сделана в период между 23 и 30 июня 2014 г., но и выявить неточности в существующих источниках о перемещениях этого корабля. Согласно опубликованным сведениям, «в июне 1914 г. эскадра линейных крейсеров нанесла визит в Россию, посетив Ригу, Ревель (в настоящее время – Таллинн) и Кронштадт, с целью продемонстрировать своему континентальному союзнику морскую мощь “владычицы морей” и ее непримиримое отношение к Германии.

В эскадру под командованием контр-адмирала Битти входили “Лайон”, “Принсес Роял”, “Куин Мери” и “Нью Зиланд”, а также легкие крейсера “Блонд” и “Боадичиа”. 18 июня британские корабли бросили якорь на Ревельском рейде, где пробыли четыре дня. 22 июня эскадра вышла из Ревеля и рано утром 23 июня прибыла в Кронштадт, где царь Николай II в сопровождении морского министра И.К. Григоровича осмотрел “Лайон”» [4]. Но пребыванием в Кронштадте дело не ограничилось, что доказывает фотография с изображением крейсера «Блонд», стоявшего на якоре вблизи Адмиралтейства. Другой ин-

формации о нахождении этого корабля в Санкт-Петербурге пока обнаружить не удалось.

«Битти с супругой, супруга Черчилля и командиры кораблей удостоились аудиенции у российского императора в Царском Селе. “Лайон” почтили своим визитом Николай II, Александра Федоровна и великие княжны в сопровождении морского министра И.К. Григоровича. После завтрака в обществе офицеров эскадры они осмотрели крейсер. Как только Битти изъявил желание посмотреть Москву, ему тут же была предоставлена возможность сделать это с максимально возможным комфортом» [5]. Судя по данным того же автора, руководство эскадры 29–30 июня побывало в Москве: «28 июня, когда демонстрация англо-русской дружбы была в самом разгаре, пришло известие об убийстве в Сараево наследника австрийского престола Франца Фердинанда и его супруги. Битти получил приказ немедленно возвратиться в Великобританию» [6].

В альбоме также присутствует фотография яхты «Полярная звезда», принадлежащей Николаю II и участвовавшей в проходах эскадры [7]. Исходя из маршрута поездки, сочетания фотографий и подписей к ним, можно определить предположительную дату съемки крейсера «Блонд» как 30 июня 1914 г.

Возраст гимназистов, участвовавших в поездке в один из ключевых моментов мировой истории, составлял 12–13 лет, через несколько они вполне могли принять участие в сражениях Первой мировой и Гражданской войн. Поэтому то, что и как они воспринимали в данный период, несомненно, нашло отражение в их дальнейших судьбах, сильнее, чем для поколений, живших в менее бурное время. Персональный состав группы можно установить, исходя из других документов, также перешедших по наследству от прадеда [8]. На обороте одной из фотографий с изображением гимназистов и преподавателя есть подписи, которые можно соотнести с лицами на изображении.

Путешествие гимназистов, судя по срокам, было организовано в рамках летнего отдыха и может рассматриваться как аналог организуемых до настоящего времени туристических поездок школьников во время каникул. Судя по фотографиям, группу сопровождали двое представителей гимназии, одним которых был преподавателем, а другой, по-видимому, воспитателем (на снимках – одет в казачью форму) [9]. Часть путешествия проходила по железной дороге (от Новочеркасска до Санкт-Петербурга и от Риги до Новочеркасска), другая – на речных и морских судах (по Финскому заливу, Неве, Ладожскому и Онежскому озерам, системе рек, каналов и озер Карелии и Финляндии).

Во время поездки гимназисты посетили военно-морскую базу Балтийского флота Кронштадт, Кронштадтский собор, увидели установленный 5 августа 1913 г. памятник выдающемуся русскому моряку – вице-адмиралу С.О. Макарову (1848–1904), погибшему во время Цусимского сражения, новейшие боевые корабли океанского класса, по крайней мере, двух стран, Петропавловскую крепость и Адмиралтейство, серию старинных крепостей и замков вдоль водных путей северо-запада империи, находившейся в апогее своего территори-

ального размаха. Крепости этого региона были и остаются символами борьбы России за доступ к мореходным путям и обеспечение национальных интересов, а знакомство с ними, несомненно, являлось частью системы патриотического воспитания того времени. Участники поездки побывали на Старой Ладоге, в Валаамском монастыре, Олафском и Выборгском замке, Хельсинки и Риге, где сохранились объекты, связанные с военной историей, сделав фотографии очень высокого качества. Обращает на себя внимание использование в то время интерактивных подходов в музейном деле: посетители музеев могли довольно свободно вести себя в их залах, включая возможность посидеть на тронах коронованных особ и запечатлеть себя на фотографии в этом качестве.

Рассматриваемые фотоматериалы являются достаточно информативными источниками и представляют интересные сведения о различных аспектах повседневной жизни лета 1914 г. в последние дни мирной жизни, момент начала глобального кризиса и сопровождавших его не совсем ясных, но однозначно запечатленных очертаний и предчувствий. Обращающегося к ним исследователя не покидает ощущение того, что эта ушедшая эпоха где-то совсем рядом.

Документальные фотографии, в том числе любительские, особенно оформленные их авторами в виде альбома, как источник исторических сведений обладает высокой степенью объективностью и возможностями для исследования и интерпретации, выступая в качестве своеобразного собрания изображенных на них артефактов и портретов.

Примечания:

1. Семейный архив автора. Чернявский В.А. Фотоальбом «Финляндия».
2. Информация о МБОУ СОШ № 3 им. атамана М.И. Платова. URL: <http://sch3novoch11.pagod.ru/obsved.htm> (дата обращения 25.05.2014).
3. История создания и службы английских крейсеров Первой мировой войны. URL: <http://www.battleships.spb.ru/0580/history.html> (дата обращения 25.05.2014).
4. Лихарев Д.В. Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб., 1997. С. 48.
5. Там же. С. 49.
6. Там же. С. 50.
7. Семейный архив автора. Чернявский В.А. Фотоальбом «Финляндия».
8. Семейный архив автора. Фотоальбом «Новочеркасская мужская гимназия. 1913 г.».
9. Семейный архив автора. Чернявский В.А. Фотоальбом «Финляндия».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акоева Наталья Борисовна

доктор исторических наук, доцент (Краснодарский университет культуры и искусств)

Афанасенко Владимир Иванович

(ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Батчаев Шамиль Мухтарович

кандидат исторических наук (Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики)

Безугольный Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук (НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации)

Белецкая Екатерина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент (Тверской государственный университет)

Белоусов Сергей Степанович

кандидат исторических наук, доцент (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Беспалов Сергей Валериевич

кандидат исторических наук, доцент (Российская академия народного хозяйства и государственной службе при Президенте Российской Федерации)

Бугаев Абдула Махмудович

кандидат исторических наук, доцент (Академия наук Чеченской Республики)

Венков Андрей Вадимович

доктор исторических наук, профессор (ЮНЦ РАН)

Власкина Нина Алексеевна

кандидат филологических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Власкина Татьяна Юрьевна

(ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Громов Владимир Прокофьевич

кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Деордиева Анжела Николаевна

кандидат исторических наук, доцент (Южный федеральный университет)

Дьякова Елена Васильевна

кандидат исторических наук, доцент (Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды)

Жеребцов Игорь Любомирович

доктор исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)

Киселев Илья Викторович

кандидат исторических наук (Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. Профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (филиал в г. Краснодаре))

Кислицын Сергей Алексеевич

доктор исторических наук, профессор (Южно-Российский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Кожевин Владимир Леонидович

кандидат исторических наук, доцент (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского)

Кондрашева Алла Станиславовна

кандидат исторических наук, доцент (Северо-Кавказский федеральный университет)

Корниенко Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент (Филиал Кубанского государственного университета в г. Армавире)

Корчагина Татьяна Владимировна

(Северо-Кавказский федеральный университет)

Кринко Евгений Федорович

доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Кудряков Андрей Юрьевич

(Поисковое объединение «Миус-Фронт», ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Култышев Павел Геннадьевич

кандидат исторических наук (Педагогический институт Южного федерального университета)

Курбат Татьяна Георгиевна

(ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Лукьяшко Елена Петровна

(Государственный архив Ростовской области)

Максимов Константин Николаевич

доктор исторических наук, профессор (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Мальцев Валерий Николаевич

кандидат исторических наук, доцент (Адыгейский государственный университет)

Мамсиров Хамидбий Борисович

доктор исторических наук, профессор (Кабардино-Балкарский государственный университет)

Манукян Сурен Альбертович

кандидат исторических наук (Национальный архив Армении, Республика Армения, Ереван)

Матишов Геннадий Григорьевич

академик (ЮНЦ РАН)

Монтеро Зинаида Антониевна

кандидат исторических наук, доцент (Южный федеральный университет)

Морозова Ольга Михайловна

доктор исторических наук, доцент (Донской государственный технический университет)

Московец Юлия Владимировна

(ЮНЦ РАН)

Нагаева Гильда Александровна

кандидат исторических наук (Новороссийский политехнический институт – филиал Кубанского государственного технологического университета)

Невская Татьяна Александровна

доктор исторических наук, профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

Оганнисян Мгер Суренович

кандидат исторических наук (Институт арменоведческих исследований Ереванского государственного университета, Республика Армения, Ереван)

Опрышко Олег Леонидович

(Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН)

Ратушняк Олег Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Роменский Анатолий Филиппович

(Социально-реабилитационный центр Куйбышевского района Ростовской области, Ростовская область, с. Куйбышево)

Рыжкова Наталья Васильевна

кандидат исторических наук, профессор (Ростовский филиал Московского университета технологии и управления)

Санин Дмитрий Николаевич

(Егорлыкский районный музей)

Сенявская Елена Спартаковна

доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории РАН)

Сивков Сергей Михайлович

кандидат исторических наук (Южный институт менеджмента, г. Краснодар)

Скорик Александр Павлович

доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова (Новочеркасский политехнический институт))

Смеюха Виктория Вячеславовна

доктор филологических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения)

Стреляев Иван Юрьевич

(Донской военно-исторический музей)

Судоргин Николай Геннадьевич

кандидат химических наук (Региональный общественный фонд содействия социально-экономическому развитию «Танаис»)

Суший Сергей Яковлевич

доктор философских наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Таскаев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар)

Тикиджьян Руслан Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент (Донской государственный технический университет)

Трофимова Мария Александровна

аспирант (Северо-Кавказский федеральный университет)

Трошина Татьяна Игоревна

доктор исторических наук, доцент (Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск))

Трут Владимир Петрович

доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет)

Урушадзе Амиран Тариелович

кандидат исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Хлынина Татьяна Павловна

доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Чеботарев Александр Николаевич

(Средняя общеобразовательная школа № 2, г. Каменск-Шахтинский)

Чочиев Георгий Витальевич

кандидат исторических наук (Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН)

Чумакова Зоя Александровна

(Государственный архив Ростовской области)

Чуцков Виктор Иванович

(Ростовский духовно-патриотический центр святого Георгия)

Щербинин Павел Петрович

доктор исторических наук, профессор (Института права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина)

Научное издание

Казачи и горцы в годы Первой мировой войны:

**материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.)**

Техническая редакция:
А.С. Бабаева, Л.Н. Успенская

Обложка
М.А. Болдырев
Перевод
Р.Г. Михалюк

Верстка
Лункина Н.В.

Подписано в печать 25.08.2014.
Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная
Гарнитура Minion Pro. Усл. п. л. 27,6. Тираж 150 экз.

Издательство Южного научного центра
Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Отпечатано в типографии DSM Group. Заказ № 11/13

ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66
E-mail: dsmgroup@mail.ru